ДБ
30
Ср. Азия
В-38

Веселовский Н.
Очерк историко географическ. сведений...
Спб., 1877.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР

А5
30
В-38
Ср А3

ОЧЕРКЪ

А5
30
Ср А3
В-38

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ

о

ХИВИНСКОМЪ ХАНСТВѢ

отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго.

П. Веселовскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.
1877.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
470424
Историческая

АБ
30
В-38

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . I—VII

Древняя исторія Хорезма.

Извѣстія о Хорезмѣ греческія, китайскія и мѣстныя . . . . . 1—27
Хорезмъ подъ властію Саманидовъ, Газневидовъ и Сельджукидовъ. 28—55
Хорезмъ-шахи, и нашествіе Татаръ . . . . . 56—74
Хорезмъ подъ властію Джучидовъ, и при Тимуридахъ . . . . . 75—89

Узбеки въ Хорезмѣ.

Узбекскій и Казакскій союзы.—Походы Шейбани-хана.—Вторженіе Узбековъ въ Хорезмъ . . . . . 83—103
Софіанъ-ханъ, Буджуга-ханъ, Аванешъ-ханъ, Калъ-ханъ, Агатай-ханъ, Достъ-ханъ . . . . . 103—110
Хаджи-Мухаммедъ-ханъ.—Путешествіе Дженкинсона . . . . . 110—127
Арабъ-Мухаммедъ-ханъ.—Набѣгъ казаковъ.—Исфендіяръ-ханъ. . 127—136
Абуль-Гази-ханъ, и его «Книга древа тюркскаго» . . . . . 136—147
Ануша-ханъ.—Эренкъ-ханъ. . . . . 147—157
Ханы въ Хивѣ въ началѣ XVIII столѣтія . . . . . 157—164
Ширгазы-ханъ.—Походъ 1717 года.—Посольство Флоріо Беневени. 165—182
Ильбарсъ-ханъ.—Нашествіе Надира.—Абуль-Хаиръ-ханъ . . . . 182—194
Тагиръ-ханъ, Нурали-ханъ.—Показанія Гладышева и Муравина . 194—208
Абуль-Гази-Мухаммедъ-Бегадуръ-ханъ. — Усиленіе значенія инаковъ . . . . . 208—213

Правленіе Инаковъ.

Каипъ-ханъ.—Столкновеніе Хивинцевъ съ Киргизами и съ Россіею. 213—237
Абуль-Гази-ханъ. — Посольство Бланкеннагеля. — Авязь-инакъ. — Положеніе Хивинскаго ханства за то время . . . . . 237—252

II

Кунградская династія.

Ильтезеръ-ханъ.—Кутлу-Мурадъ-инакъ . . . . . 252—264
Мухаммедъ-Рахимъ-ханъ.—Путешествіе Муравьева . . . . . 264—298
Алла-Кулъ.—Походъ 1839—40 г.—Посольства Никифорова и Данилевскаго . . . . . 299—328
Рахимъ-Кулъ.—Мухаммедъ-Эминъ . . . . . 329—337
Смутное время въ Хивѣ.—Абдулла-ханъ, Кутлу-Мурадъ-ханъ . . 337—341
Сеидъ-Мухаммедъ.—Посольство Игнатьева . . . . . 341—357
Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ-Бегадуръ-ханъ.—Походъ 1873 года . . 357—363
Заключеніе . . . . . 363—364
Родословная таблица Кунградской династіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Хивинское ханство, занимающее оазисъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи, теперь одно изъ самыхъ ничтожныхъ владѣній въ Средней Азіи, въ древности играло очень важную роль. Мало того: нѣкоторое время (въ концѣ XII и началѣ XIII вѣковъ) было оно и первенствующимъ, и самымъ обширнымъ государствомъ въ Азіи. Границы его опредѣлялись Каспійскимъ моремъ и Индомъ, берегами Сыръ-Дарьи и Оманскаго залива. Но было и такое время, когда этотъ оазъ, занимающій какихъ нибудь 400 квадратныхъ географическихъ миль, годныхъ къ культурѣ [1]), раздроблялся еще на части, одна отъ другой независимыя (въ XVIII столѣтіи). И, не смотря на всѣ перевороты, испытанные этимъ ханствомъ, оно отличается необыкновенною живучестью. Когда падали и возникали сосѣднія съ нимъ владѣнія, когда одно государство поглощалось другимъ и теряло свою самостоятельность, Хива, точно такъ же подчинявшаяся силѣ обстоятельствъ, почти никогда не утрачивала *вполнѣ* своей самостоятельности и, при первой же возможности, завоевывала себѣ независимое положеніе, дѣлалась самостоятельнымъ государствомъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Объясненіе этого замѣчательнаго явленія мы находимъ

[1]) *Е. Я. Килевейнъ.* «Отрывокъ изъ путешествія въ Хиву» («Этнографическій Сборникъ» 1862 г., вып. 5). По новѣйшимъ извѣстіямъ, пространство Хивинскаго ханства показано въ 2,900 кв. миль, изъ которыхъ 260 кв. м. приходятся на дельту Аму-Дарьи («Ташкентскій календарь» на 1875 годъ). Цифры эти такъ сомнительны, что поневолѣ приходится ограничиваться прежними указаніями.

въ условіяхъ мѣстности Хивинскаго ханства. Степи безводныя—безкормныя, а потому трудно-проходимыя, со всѣхъ сторонъ окружаютъ это ханство, дѣлаютъ положеніе его изолированнымъ и защищаютъ доступъ къ нему не хуже иныхъ горъ. Пользуясь такими, самою природою защищенными, границами, Хива имѣла полную возможность отстаивать свою независимость. Небезъосновательная увѣренность населенія, въ своей недоступности сдѣлала хивинцевъ крайне дерзкими. Поступокъ хорезмъ-шаха Алаеддина-Мухаммеда съ послами Чингизъ-хана, отвѣтъ Хуссейна Софи Тимуру, обращеніе, наконецъ, хивинцевъ съ нами,—служатъ явнымъ тому доказательствомъ. Условія мѣстности сдѣлали Хиву разбойничьимъ гнѣздомъ, на страхъ и раззореніе ея сосѣдямъ.

А между тѣмъ, въ древности процвѣтала здѣсь высокая культура и, на сколько въ глубь вѣковъ хватаютъ наши свѣдѣнія, государство это имѣло вполнѣ развившуюся гражданственность. Древнее населеніе Хивинскаго ханства принадлежало къ арійской семьѣ. Въ этомъ согласны всѣ новѣйшіе изслѣдователи древней исторіи Хивы, и согласны не даромъ. Съ небольшимъ десять лѣтъ назадъ обнародованы были, извлеченія изъ сочиненія знаменитаго математика и астронома *эль-Бируни* (жившаго въ концѣ X и началѣ XI в.) «Асаръ-эль-Бакійэ», сочиненія извѣстнаго до того лишь по названію. Въ немъ эль-Бируни говоритъ, что солнечный календарь Хорезмскій есть лучшій изъ всѣхъ ему извѣстныхъ, что онъ вѣрнѣе греческаго и арабскаго; а ему, какъ знатоку своего дѣла, мы не вѣрить не можемъ. Тутъ же находимъ названія 12 мѣсяцевъ, 30 дней каждаго мѣсяца, знаковъ зодіака и т. д Вся эта номенклатура служитъ намъ образчикомъ того языка, которымъ говорили въ Хорезмѣ; всѣ эти названія большею частію зендскія и при томъ—какъ замѣчаетъ авторъ (Роулинсонъ?) статьи «Central Asia» [1]) въ формѣ болѣе чистой той, какая

[1]) Quarterly Review for 1866, № 240, p. 490.

сохранилась въ Персіи. На основаніи приведенныхъ нѣсколькихъ словъ древняго языка Хорезма, видно, что языкъ этотъ близко подходилъ къ Зендскому, древне-Парсскому и Пеглевійскому [1]); значитъ, древнее населеніе Хорезма принадлежало къ парсскому отдѣлу арійской семьи народовъ.

Начало развитія гражданственности въ Хивинскомъ оазѣ теряется въ глубокой древности. Эль-Бируни, по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ, сообщаетъ, что эра, отъ которой велось здѣсь лѣтосчисленіе древнѣе селевкидской 980-ю годами; начиналась она, слѣдовательно, за 1292 года до Р. Х. [2]). Если мы при настоящихъ свѣдѣніяхъ и не можемъ рѣшить на сколько указаніе это заслуживаетъ вѣроятія, тѣмъ не менѣе имѣемъ полное право заключать, что культура древней Хивы была и родственна и одновременно съ культурою Бактріи; въ крайнемъ же случаѣ развилась изъ древне-бактрійской.

Да и самая площадь Хивинскаго оаза въ древности была гораздо шире. Рукавъ Аму-Дарьи, впадавшій въ Карабугазъ, оживлялъ всю мѣстность, по которой проходилъ; это доказываютъ развалины городовъ, замковъ, слѣды водопроводовъ по старому руслу Аму-Дарьи. Нынѣ все это пространство представляетъ голую степь. А еще въ XVI вѣкѣ и даже въ началѣ XVII застаемъ мы въ западной части хивинскаго оаза цѣлую область съ важнымъ городомъ *Везиремъ*, бывшимъ столицею всего ханства. Теперь мы не знаемъ даже, гдѣ лежатъ развалины этого города [3]). Точно также сократилось пространство оаза и съ восточной стороны. Зарѣчная часть Хивинскаго оаза была главною частью его; тамъ находился и главный городъ его

---

[1]) См. сообщеніе П. И. Лерха о древнемъ согдійскомъ и хорезмскомъ языкѣ въ «Извѣстіяхъ» Археол. Общества. Т. VII, стр. 296—297.

[2]) Селевкидская эра начиналась съ 1-го октября 312 г. до Р. Х., со дня вступленія Селевка въ Вавилонъ.

[3]) См., напримѣръ, сообщеніе А. И. Глуховскаго въ «Извѣстіяхъ» Имп. Рус. Геогр. Общ., ч. XI, стр. 1—2.

сперва эль-Филь, а потомъ Кятъ. Въ настоящее время тамъ находится нѣсколько незначительныхъ городовъ и и очень много развалинъ [1]).

Что же наслѣдовало Хивинское ханство отъ прежняго своего величія? Наслѣдовало оно только древнее названіе этой страны, названіе, которое употребляется въ Хивѣ въ офиціальныхъ бумагахъ и на монетахъ: *Хорезмъ*. Древніе греки называли страну эту *Хоразміей* (Χωρασμία); въ клинообразныхъ подписяхъ имя ея читается *Уварезмійа* (въ Бегистунской и Персепольской) и *Уварезмисъ* (въ Навши-рустемской) [2]), въ Зендъ-Авестѣ она называется *Гаиризао* [3]). Арабы писали: *Ховарезмъ;* а въ китайской транскрипціи передается черезъ *Хо-ли-си-ми-кія* (Сюань-Цзанъ) и *Хо-сюнь.*

Слово «Хорезмъ» происхожденія несомнѣнно арійскаго но значеніе его объясняется различно. Якутъ, въ своемъ словарѣ «Моаджемъ эль-бульданъ», приводя преданіе о населеніи этой страны, объясняетъ названіе ея слѣдующимъ образомъ: *ховар*—«мясо» и *резмъ* —«дрова», т. е. страна «мяса и дровъ» [4]). Но кромѣ того, что преданіе, приводимое Якутомъ слишкомъ поздняго происхожденія, такъ какъ тутъ являются на сцену турки; но оно не вѣрно и этимологически. Бюрнуфъ производилъ Quairizèm: отъ *zem* «земля» и *qairi* «ѣсть» (отъ корня *qar*), т. е. земля дающая пищу», «плодородная земля» [5]). Вамбери еще менѣе

---

[1]) Л. Н. Соболевъ осматривалъ развалины древнихъ городовъ и крѣпостей на правомъ берегу Аму-Дарьи и сообщилъ намъ положеніе Кята и другихъ городовъ. (См. его сообщеніе въ «Извѣстіяхъ» Имп. Рус. Геогр. Общ. 1874 г., стр. 375).

[2]) См. Altpersischen Keilinschriften, von Fr. Spiegel, Leipzig 1862, стр. 4 и 48. А также *К. Риттера* Иранъ, перев. Н. В. Ханыкова, Спб. 1874 г., стр. 174.

[3]) Mithra Yasht. V, 14.

[4]) Словарь Якута, изд. Вюстенфельдомъ, т. II, стр. 481.

[5]) См. Commentaire sur le Jaçna par Eugène Burnouf. Paris, 1833. Notes et éclaircissements CVIII. *Qairizam*=aliment, nourriture.

удачно объяснилъ это слово. Онъ производитъ его отъ *хахъ* (chah) «хотящій», «желающій», и отъ *резмъ* «поле», т. е. «желающій поля битвы», «воинственный» [1]). Такому знатоку мусульманскихъ языковъ, какимъ по справедливости считается Вамбери, слѣдовало бы знать, что приводимое имъ сочетаніе словъ не въ духѣ арійскихъ языковъ. Жаждущій битвы было бы не *хахъ-резмъ*; а *резми-хахъ*. Савельевъ думалъ объяснить первую половину названія страны *Хор*, сопоставляя его съ древне-персидскимъ словомъ *Хòрешъ* или *Хòрешъ* «солнце», и переводилъ: «земля солнца или востока», тоже что Oesterreich [2]). Шпигель производитъ первую часть отъ *уваре* (въ новоперсидскомъ *хуаръ*, *хоръ*) «дурной», «низкій» (въ смыслѣ vituperare) и объясняетъ, что Хорезмъ значитъ «дурная земля» [3]). Не «дурная» земля слѣдуетъ переводить—была ли въ древности она такъ дурна какъ думаетъ Шпигель, это еще вопросъ—а «низкая», «низменная земля», «равнина». Такъ и переводитъ это слово П. И. Лерхъ въ своей «Khiva, seine historischen und geographischen Verhältnisse» [4]).

Показать, какъ древній Хорезмъ дошелъ до нынѣшняго положенія Хивинскаго ханства, это дѣло исторіи. Но написать исторію Хивы въ настоящее время у насъ нѣтъ еще средствъ. Писалось о Хивѣ много, гораздо больше

---

[1]) Въ первый разъ Вамбери привелъ это объясненіе въ своихъ «Очеркахъ Средней Азіи» и затѣмъ, съ большею еще настойчивостію, повторилъ въ «Исторіи Бухары», вовсе не заботясь о томъ, были ли Хорезмцы въ старину *воинственны* и *жадны до войны*. Между тѣмъ, вся древняя исторія показываетъ, что Хорезмцы съ замѣчательнымъ геройствомъ отстаивали свою землю отъ иностранныхъ завоевателей; но притомъ не были ни воинственны, ни *жадны* до войны. Нельзя мѣрить Хивинцевъ за нѣсколько столѣтій до Р. Х. нынѣшними ея обитателями; да и теперь-то Хивинцы жадны вовсе не до войны, а *жадны до грабежа*; отъ серьезной войны они всегда старались и стараются уклоняться.

[2]) «Мухаммеданская нумизматика», стр. CCXIII, примѣч. 392.

[3]) Eranische Alterthums Kunde von Fr. Spiegel. Leipzig, 1871. Ч. I, стр. 47, примѣчаніе. А также «Иранъ», въ перев. Н. В. Ханыкова, стр. 174.

[4]) Стр. 3.

того, что можно было ожидать; но разработкой, имѣющихся у насъ свѣдѣній, занимались очень немногіе. Я взялъ на себя трудъ изложить послѣдовательно, въ хронологическомъ порядкѣ, тѣ перемѣны, какія испытало Хивинское ханство, разъяснить и по возможности разработать тотъ матеріалъ, касательно исторіи Хивы, который дошелъ до насъ. Имѣя въ виду только эту цѣль, я избѣгалъ, по возможности, всякихъ географическихъ изслѣдованій. Изслѣдованія эти повели бы такъ далеко, что и конецъ имъ предвидѣть трудно. Въ самомъ дѣлѣ: возьмемъ хоть вопросъ о прежнемъ теченіи рѣки Аму-Дарьи. Если послѣ трудовъ Эйхвальда [1]), Циммермана [2]) и Гумбольдта [3]), послѣ обширныхъ трактацій объ этой рѣкѣ Р. Э. Ленца [4]) и Рёслера [5]) (не считая статей Жобера, Цейне, Мальмана, Пауснера, Иванина) оказалось возможнымъ написать такую книгу, какъ Das alte Bett des Oxus—де-Гуѣ [6]), то не менѣе обширное поле для изслѣдованій можетъ представить вопросъ о возникновеніи, исчезновеніи и перемѣщеніи городовъ въ Хорезмѣ. А маршруты путешественниковъ [7]), военные походы, ученыя экспедиціи? и такъ далѣе, и т. д. Тѣмъ не менѣе, я старался приводить извѣстія всѣхъ сколько нибудь заслуживающихъ вниманія путешественниковъ, посѣщавшихъ Хорезмъ, на томъ основаніи, что ничто такъ хорошо

---

[1]) Alte Geographie des Caspischen Meeres. Berlin, 1838.

[2]) Denkschrift über den untern Lauf des Oxus zum Karabugas-Hoff des Kaspischen Meeres (mit 3 karten). Berlin, 1845.

[3]) Asie centrale, t. II.

[4]) Unsere Kenntnisse über den früheren Lauf des Amu-Daria (въ Memoires de l'Académie Imper. des Sciences de St.-Pétersb. 1870, tome XVI). Русскій переводъ этой статьи, «Наши свѣдѣнія о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи» помѣщенъ въ Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1871 г., т. IV.

[5]) Die Aralseefrage von *Robert Roesler* (въ Sitzungsberichte der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu Wien. 1873. LXXIV Band, Heft I).

[6]) Das alte Bett des Oxus, von *M. J. de Goege.* Leiden 1875 (съ картою).

[7]) Изъ нихъ маршруты изъ Хивы къ Каспійскому морю разработаны Ленцемъ, въ его изслѣдованіи о старомъ руслѣ Аму-Дарьи, а нѣкоторые другіе Ханыковымъ, въ его «Пояснительной запискѣ» (Зап. Геогр. Общ., кн. V).

не можетъ знакомить насъ съ положеніемъ страны, какъ сказанія очевидцевъ.

Еще оговорка. Древняя исторія Хорезма болѣе обращала на себя вниманіе ученыхъ, чѣмъ новая. Три года тому назадъ, профессоръ арабскаго языка въ Вѣнѣ Е. Захау изложилъ древнюю исторію Хорезма до нашествія на нее Татаръ [1]). Его изложеніе отличается такою обстоятельностію и такою полнотой, какой мы дать не можемъ, потому, между прочимъ, что не имѣемъ тѣхъ источниковъ, какіе находились въ распоряженіи у г. Захау. По этому я въ своей диссертаціи обратилъ особенное вниманіе на новую исторію Хивы, именно съ начала XVI столѣтія, съ утвержденія въ ней Узбековъ. Источниками служили для меня, главнымъ образомъ, тѣ отрывочныя извѣстія о Хивинскомъ ханствѣ, которыя оказываются почти исключительно у насъ. Эти извѣстія разсѣяны въ разныхъ путешествіяхъ, журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ. Собирать ихъ приходилось капля по каплѣ; склеивать и провѣрять попадавшіяся сказанія было дѣломъ не труднымъ, но кропотливымъ. Само собой разумѣется, что наши извѣстія для одного времени, полнѣе, для другаго скуднѣе или и вовсе ихъ не имѣется; а потому и у меня мѣстами событія въ Хивѣ изложены подробно, мѣстами кратко. Сокращать подробности, въ видахъ пропорціональности, я не считалъ себя въ правѣ, такъ какъ мнѣ хотѣлось показать *что̀ мы знаемъ о Хивѣ*.

Представляя настоящій трудъ—каковъ бы онъ ни былъ—на судъ публики, считаю пріятнѣйшимъ долгомъ засвидѣтельствовать здѣсь благодарность В. В. Григорьеву и П. И. Лерху, обязательно руководившимъ меня при составленіи этого «Очерка», какъ своими совѣтами, такъ и различными указаніями, за что̀ и прошу ихъ принять выраженіе живѣйшей признательности.

[1]) Статья его носитъ заглавіе «Zur Geschichte und Chronologie von Khwarizm»; помѣщена она въ Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, zu Wien, 1873. (Въ апрѣльской книжкѣ помѣщена I-я часть, въ іюньской—II-я). Есть и отдѣльные оттиски.

Древняя исторія Хорезма.

Въ клинообразныхъ надписяхъ находимъ мы только имя Хорезма. Греческіе писатели даютъ намъ немного больше. Геродотъ говоритъ, что Хорезмійцы вмѣстѣ съ Парѳянами, Согдійцами и Арійцами составляли XVI-ю сатрапію Персидскаго государства, что они платили царю персидскому 3,000 талантовъ—такова была ихъ подать [1]). Далѣе, описывая войско Ксеркса, Геродотъ замѣчаетъ, что Хорезмійцы и Парѳяне находились подъ предводительствомъ одного военачальника, и что они вмѣстѣ съ Согдійцами, Гандарійцами и Дадиками имѣли тоже самое вооруженіе и были одѣты точно также, какъ и Бактрійцы. А эти послѣдніе при выступленіи въ походъ имѣли: *шапку*, похожую на мидійскую тіару, свѣшивавшуюся на-передъ; *луки* изъ тростника, по своему обычаю, и *короткое копье* [2]). Здѣсь видимъ мы не только родственную связь Хорезмійцевъ съ Бактрійцами; но и находимъ указаніе на ихъ одинаковую степень развитія. Указаніе важное: культура Бактріаны, родины Зороастра, намъ хотя сколько нибудь извѣстна, благодаря обширнымъ изслѣдованіямъ арійскихъ древностей Бюрнуфа, Лассена, Пикте, Риттера, Шпигеля и другихъ; а о культурѣ Хорезма мы почти ничего не знаемъ.

Походы Александра Великаго въ Средней Азіи, обогативъ наши познанія о ней многими важными свѣдѣніями,

---

[1]) Геродотъ. III; 93.

[2]) Тамъ же. VII; 64, 66.

для Хорезма даютъ очень мало указаній. Арріанъ разсказываетъ, что когда Александръ перешелъ рѣку Оксъ и остановился въ Согдіанѣ, къ нему явился государь Хорезма Фарасманъ (Φαρασμάνης ὁ Χωρασμιων βασιλεὺς) съ 1,500 всадниками, и сообщилъ, что онъ находится въ сосѣдствѣ съ Колхидой и землей Амазонокъ; и если завоеваніе народовъ, обитавшихъ при Понтѣ Эвксинскомъ, входило въ планы Александра, то Фарасманъ предлагалъ македонскому царю быть его путеводителемъ и содержать войско его во время пути. Александръ обласкалъ Фарасмана, принялъ его въ число своихъ союзниковъ; но предложеніе идти къ Понту отклонилъ [1]). Такой поступокъ государя Хорезма въ то время, какъ сосѣднія Бактріана и Согдіана отстаивали свою независимость отъ чужеземнаго завоевателя, говоритъ далеко не въ пользу Фарасмана; съ другой стороны онъ показываетъ, какъ государи этой страны умѣли удерживаться въ ней.

Страбонъ сообщаетъ, что Аттасіи и Хорезмцы, у которыхъ искалъ убѣжища Спитаменъ, преслѣдуемый Александромъ Великимъ, суть тоже изъ народовъ массагетскихъ и саккихъ [2]). Этимъ Страбонъ показываетъ, что Хорезмцы, по своему происхожденію, принадлежатъ къ арійской семьѣ.

Вотъ и все, что узнаемъ о Хорезмѣ отъ греческихъ писателей до Рождества Христова.

Нѣсколько болѣе свѣдѣній сообщили намъ греческіе писатели о кочевыхъ народахъ передней части Средней Азіи. По самымъ древнимъ извѣстіямъ, мы видимъ населеніе ея раздѣленнымъ уже на двѣ группы: на осѣдлыхъ и кочевыхъ, что продолжается и до сего дня. Къ первымъ относятся, по этимъ извѣстіямъ, Согдійцы, Бактрійцы,

---

[1]) *Арріанъ*, «Анабазисъ», кн. IV, гл. 6.
[2]) *Страбонъ*, кн. XI, гл. 8.

Хорезмійцы; ко вторымъ—Саки, Массагеты, Даи, Марды и другіе огибавшіе осѣдлыхъ со всѣхъ сторонъ. И кочевые и осѣдлые, по свидѣтельству греческихъ писателей, были родственны между собою, слѣдовательно были арійцы, и говорили однимъ языкомъ, — то было нарѣчіе парсскаго языка, отдѣла арійской семьи. Кочевые народы Средней Азіи всегда играли важную роль въ исторіи осѣдлыхъ; всѣ перевороты въ степяхъ отражались и въ сосѣднихъ и даже дальнихъ государствахъ. Ближайшіе къ государствамъ Средней Азіи кочевники, тѣснимые болѣе отдаленными кочевыми народами, вторгались обыкновенно въ земли осѣдлаго населенія. Напоры ихъ были такъ сильны, что осѣдлые, обладающіе бо́льшими средствами для обороны, чѣмъ кочевые для нападенія, всегда покорялись вторгавшимся кочевникамъ.

Перехожу къ китайскимъ извѣстіямъ, изъ которыхъ мы узнаѐмъ, какіе перевороты происходили въ степяхъ Средней Азіи и какія послѣдствія имѣли они въ отношеніи государствъ Междурѣчья [1]).

Раньше другихъ вторгся, по этимъ извѣстіямъ, въ осѣдлую область народъ *Се* или *Сай*, признанный всѣми изслѣдователями объ этомъ народѣ тождественнымъ съ Саками греческихъ писателей [2]). Саки разрушили Грекобактрійское царство и заняли страну народа *Дахя*, т. е. Согдіану и Бактріяну. Въ какія отношенія стали они къ Хорезмійцамъ, не знаемъ; можемъ только предполагать, что Хорезмъ обложенъ былъ ими данью, такъ какъ такое близкое сосѣдство съ Саками не могло пройти для него без-

---

[1]) Китайцы познакомились впервые съ «Западнымъ краемъ» въ концѣ II вѣка до Р. Х., вслѣдствіе посольства Чжанъ-Цяна; тогда же начались и первыя сношенія Китая съ этимъ краемъ (при императорѣ Ву-ди). «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи»; соч. монаха *Іакинѳа*. Спб. 1851, ч. III, стр. 59.

[2]) *В. В. Григорьевъ*, о «Скиескомъ народѣ Сакахъ». Спб. 1871 г., стр. 46 и 128.

слѣдно; а о занятіи ими Хорезма указанія не имѣемъ. Во всякомъ случаѣ, Хорезмъ отдѣлался дешевле, чѣмъ Бактріяна и Согдіана. Какая же причина принудила Саковъ вторгнуться въ эти земли? Причина этого вторженія была та, что Саки сами подверглись напору другаго кочеваго народа *Юечжей* и ихъ сосѣдей *Усуней*, которые, въ свою очередь, были тѣснимы *Хуннами*. И это напиранье дальнихъ кочевниковъ вызвало движеніе въ переднихъ. Вслѣдъ за Саками, обрушились на Междурѣчье Юечжи. На этотъ разъ и Хорезмъ долженъ былъ покориться вторгнувшимся кочевникамъ. Вотъ какъ описываетъ это событіе Чжанъ-Цянъ. «Домъ Юечжи занималъ страну между Дунь-хуанъ и хребтомъ Цилянь-шань; когда же Хунны поразили его, то удалился оттуда, перешелъ отъ Давани (т. е. Ферганы) на западъ, ударилъ на Дахя и покорилъ сіе владѣніе: вслѣдствіе чего и утвердилъ свое мѣстопребываніе на сѣверной сторонѣ рѣки Гуй-Шуй (т. е. Аму-Дарьи)» [1]). Описывая землю занятую Юечжійцами, Чжанъ-Цянъ говоритъ, что она лежитъ «почти въ 3,000 ли отъ Давани (Ферганы) на западъ, отъ рѣки Гуй-шуй на сѣверъ. Отъ него на югъ лежитъ Дахя (Бактріана и Согдіана), на западъ Аньси (Парѳія), на сѣверъ Кангюй (нынѣшнія киргизскія степи)» [2]). Отсюда ясно, что Юечжи поселились въ Хорезмѣ и при томъ по правому побережью Аму-Дарьи. Эти Юечжи, по удаленіи отъ предѣловъ Китая на западъ, стали называться у китайскихъ писателей *Да-Юечжи*, или по другому правописанію (можетъ быть болѣе правильному) *Да-Юети*, т. е. «Великіе (Большіе) Юечжи» или «Великіе Юети» [3]).

Что же это за народъ Да-Юети? Ни у греческихъ писателей, ни у римскихъ такого названія мы не встрѣчаемъ;

---

[1]) Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи; ч. III, стр. 6—7.
[2]) Тамъ же, стр. 6.
[3]) *Klaproth*, Tableaux historiques de l'Asie; Paris 1826, p. 287—288.

амежду тѣмъ народъ этотъ не могъ имъ быть неизвѣстнымъ. Дѣйствительно, греческіе и римскіе писатели знали Юетійцевъ, но знали подъ другимъ именемъ. Ключемъ къ разъясненію этого предположенія служитъ китайское прилагательное *да* «великій», которому въ парсскихъ нарѣчіяхъ соотвѣтствуетъ прилагательное *мазъ*, *масъ* [1]). Этимъ словомъ и начинается у древнихъ писателей имя кочеваго народа *Массагетовъ*, «Великихъ Гетовъ». Слѣдовательно, греки и римляне знали названіе Юечжійцевъ (Юетійцевъ), но только въ переводѣ.

Далѣе. Китайскія извѣстія подтверждаютъ предположеніе о принадлежности населенія западной половины Средней Азіи къ арійской семьѣ. «Отъ Давани на западъ до Аньси—передаютъ они—хотя говорятъ различными языками, но въ обыкновеніяхъ весьма сходствуютъ, и въ разговорахъ *понимаютъ* другъ друга. Жители вообще имѣютъ *впалые* глаза и *густыя* бороды» [2]). Этотъ послѣдній признакъ чрезвычайно важный; безбородымъ, съ глазами на выкатѣ китайцамъ, конечно, наружность населенія бассейна Сыра и Аму должна была показаться странною и они отмѣтили ее, какъ явленіе выходящее изъ ряда вонъ. Для насъ же эти характеристическія черты наружности населенія «Западнаго края» служатъ неопровержимымъ доказательствомъ въ пользу того мнѣнія, что населеніе это принадлежало къ арійской семьѣ народовъ.

Юетійцы, осѣвъ въ сѣверной части Хорезма, по прежнему оставались кочевымъ народомъ: «жители съ своимъ скотомъ переходятъ съ мѣста на мѣсто» [3]). Правленіе этого государства находилось въ городѣ *Ланьши* [4]); народо-

---

[1]) См. у *Абель-Ремюзы* въ Nouveaux Mélanges asiatiques, t. I, p. 220; у *В. В. Григорьева*, «о Скиескомъ народѣ Сакахъ», стр. 137.

[2]) Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, ч. III, стр. 22, 61.

[3]) Тамъ же, стр. 6, 54.

[4]) На стр. 54 стоитъ: Ганьши; но это должно быть опечатка, потому что на стр. 172 читаемъ: *Юньланьши*.

населеніе его простиралось до 100,000 семействъ, 400,000 душъ; строеваго войска 100,000; почва, климатъ, вещи, обычаи народа и монета одинаковы съ аньсискими [1]).

Эти извѣстія относятся къ правому побережью Аму-Дарьи. Изъ тѣхъ же источниковъ, относящихся къ I вѣку до Р. Х., узнаемъ о Хорезмѣ и по лѣвому берегу Аму-Дарьи. Въ числѣ пяти *малыхъ* владѣній, зависящихъ отъ Кангюя, упоминается владѣніе *Юегянь*, правитель котораго имѣетъ пребываніе въ городѣ Юегяни [2]). Такъ какъ далѣе мы встрѣтимъ замѣчаніе, что *Холисими* (Хорезмъ) *есть древняя страна Юегянь*, то Юегянь и должна занимать лѣвое побережье Аму-Дарьи; при этомъ городъ Юегянь ничему другому соотвѣтствовать не можетъ, какъ Ургенчу. Значитъ рѣка Аму-Дарья раздѣляла Хорезмъ на двѣ, другъ отъ друга отдѣльныя части [3]). Но это продолжалось недолго. Черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ по вторженіи Юетійцевъ въ земли Дахя, какъ узнаемъ изъ «Исторіи младшаго Дома Хань», «гуйшуанскій князь Кіоцзюкю покорилъ прочихъ четырехъ князей [4]) и объявилъ себя государемъ подъ названіемъ гуйшуанскаго. Онъ началъ воевать съ Аньси, покорилъ Гаофу (Кабулъ), уничтожилъ Пуду (Афганцевъ) и Гибинь, и овладѣлъ землями ихъ. По смерти его, сынъ Яньгаочжень получилъ престолъ, и еще покорилъ Индію, управленіе которой вручилъ одному изъ своихъ полководцевъ. Съ сего времени Юечжи сдѣлались сильнымъ и богатѣйшимъ домомъ» [5]). Полагать надо, что и Юегянь отошла къ Юетійцамъ же. Изъ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ» касательно Юетійцевъ имѣемъ такія свѣдѣнія, от-

---

[1]) Тамъ же, стр. 6—7, 54—55, 118.

[2]) Тамъ же, стр. 59.

[3]) Такой порядокъ вещей, какъ увидимъ, повторялся нѣсколько разъ.

[4]) Домъ Юетійцевъ въ Дахя раздѣлялся на пять княжествъ: Хюми, Шуанми, Гуйшуанъ, Хисѣ и Думи. (Тамъ же, стр. 55, 118).

[5]) Тамъ же, стр. 118—119. «О Скиескомъ народѣ Сакахъ», стр. 170—173.

носящіяся къ V вѣку по Р. Х. «Владѣтель Большаго Юечжи имѣетъ [1]) пребываніе въ городѣ Юньланьшы, отъ Фудишы на западѣ, отъ Дай въ 14,500 ли. По смежности съ Жуженьцами на сѣверѣ, онъ часто терпѣлъ нападенія отъ нихъ; почему перенесъ свой Дворъ далѣе на западъ въ городъ Боло (Нишабуръ?) за 2,100 ли отъ Фудиши. Послѣ сего храбрый юечжыскій государь Цидоло перешелъ съ своими войсками черезъ большія горы, напалъ на сѣверную Индію, и покорилъ пять государствъ, лежащія отъ Гантоло къ сѣверу» [2]).

Въ тѣхъ же извѣстіяхъ, въ числѣ различныхъ государствъ «Западнаго края», упоминаются слѣдующія владѣнія, лежащія близко другъ къ другу. 1) *Мэучжи*, владѣтель котораго живетъ въ городѣ Мэучжи, лежащемъ отъ Нюми на юго-западъ, отъ Дай въ 22,920 ли. Земли ровныя. Звѣри, птицы, деревья и растенія сходны съ китайскими.

2) *Афотайхань*, владѣтель котораго живетъ въ городѣ Афотайхани, отъ Нюми на западъ, отъ Дай въ 23,720 ли. Земли ровныя; произращаютъ множество разныхъ плодовъ.

3) *Хусыми*, владѣтель его имѣетъ мѣстопребываніе въ городѣ Хусыми, лежащемъ отъ Афотайхани на западъ, отъ Дай въ 24,700 ли. Земля ровная; производитъ серебро, янтарь. Водятся львы, и произрастаетъ много разныхъ плодовъ.

4) *Ношеболо*, владѣтель котораго пребываетъ въ городѣ Боло, отъ Нюми на югѣ, отъ Дай въ 23,428 ли. Земля ровная, производитъ рисъ, пшеницу и разные плоды.

5) *Цзаогачжи*, владѣтель его живетъ въ городѣ Цзаогачжи, лежащемъ отъ Нюми на западъ, отъ Дай въ 22,728 ли. Мѣстоположеніе ровное; пахотныхъ земель мало; рисъ и пшеницу получаютъ изъ сосѣднихъ владѣній. Растутъ раз-

---

[1]) Должно быть *имѣлъ*, а не *имѣетъ*?

[2]) Собраніе свѣд. о нар. Ср. Азіи; ч. III, стр. 172.

ные плоды [1]). Изъ краткаго описанія этихъ владѣній нельзя еще дѣлать какія либо заключенія, но самыя названія владѣній даютъ поводъ къ нѣкоторымъ предположеніямъ. Такъ *Афотайхань* очень можетъ быть Питнякъ, или по другому правописанію Фитнякъ, нынѣ первый хивинскій городъ у бухарской границы. *Хусыми* близко подходитъ къ Хошмитану арабскихъ писателей, городу нынѣ не существующему. Препятствіемъ къ этому предположенію можетъ служить только указаніе на добываніе въ окрестностяхъ города янтаря; да развѣ еще существованіе тамъ львовъ. Но китайскія извѣстія не слѣдуетъ же считать безусловно непогрѣшимыми; они ошибались не менѣе другихъ повѣствователей (чему примѣръ и будетъ сейчасъ приведенъ), и мнѣ думается что «янтарь» и «львы» не могутъ служить помѣхой моему предположенію. *Цзаогачжи* можно отожествить съ Чарджуемъ, что̀ и по приведеннымъ разстояніямъ будетъ вполнѣ вѣрно. *Ношеболо* такъ и напрашивается принять его за Нишабуръ въ Хорасанѣ; но положеніе Ношеболо относительно владѣнія Нюми (на югъ отъ него) и Дая (въ 23,428 ли, т. е. восточнѣе Афотайхани) заставляетъ искать его въ другомъ мѣстѣ. *Мэучжи* едва ли не Мервъ.

Если предположеніе, что Афотайхань есть Питнякъ, а Хусыми—Хошмитанъ, вѣрно, то значитъ Хорезмъ по лѣвому берегу Аму-Дарьи раздѣлялся въ началѣ V вѣка на нѣсколько владѣній. Предполагать, что китайцы приняли губернаторовъ городовъ за самостоятельныхъ владѣтелей едва ли есть основаніе.

Изъ «Исторіи династіи Танъ» мы почерпаемъ слѣдующія свѣдѣнія о Хорезмѣ. «Владѣніе *Хо-сюнь*, иначе *Холисими* и *Болн*, лежитъ на южной сторонѣ рѣки Уху; на юговостокъ 600 ли до Жуновъ; на югозападѣ граничитъ съ Босы (т. е. Персіей), на сѣверозападъ простирается до дугласкаго поколѣнія *Гэса* (Гузы). Это древнія земли

[1]) Тамъ же, стр. 170—171.

народа *Юегянь*, принадлежавшаго малому кангюйскому владѣтелю. Владѣтель имѣетъ мѣстопребываніе въ городѣ *Цзидобэйчже*. Изъ всѣхъ тюркскихъ владѣній только здѣсь есть волы съ телѣгами. Торговые употребляютъ ихъ въ своихъ путешествіяхъ по разнымъ владѣніямъ. Въ десятое лѣто правленія Тьхянь-бао, 751, владѣтель Шаошыфынь отправилъ посланника, съ которымъ прислалъ Двору черную соль. Въ правленіе Баоинъ, 762, еще прислалъ посольство» [1]). О владѣніи *Хосюнь* находятся свѣдѣнія и раньше: въ «Исторіи старшаго Дома Хань»; но то описаніе Хосюня ни коимъ образомъ не подходитъ къ Хорезму. По этой «Исторіи» черезъ 920 ли на сѣверозападъ отъ Хосюня лежитъ Давань; а въ 1,610 ли на западъ—Большой Юечжи. Хосюнцы, кромѣ того, оказываются народомъ кочевымъ, перекочевывающимъ съ мѣста на мѣсто, смотря по приволью въ травѣ и водѣ, и составляющимъ отрасль древнихъ Сесцевъ (т. е. Саковъ) [2]). Всѣ эти подробности къ Хорезму не приложимы. Посольства 751 и 762 годовъ, думается мнѣ, были не болѣе, какъ торговые караваны, приходившіе въ Китай съ мѣстными произведеніями.

Послѣ всѣхъ этихъ китайскихъ источниковъ, мы должны опять обратиться къ греческимъ писателямъ, которые, благодаря начавшимся сношеніямъ между Византійскими императорами и Персидскими Сассанидами, особенно въ V вѣкѣ, сообщили намъ нѣсколько важныхъ извѣстій о Хорезмѣ.

Въ V вѣкѣ по Р. Х. является у византійскихъ писателей народъ, называемый то *Хуннами Эфталитами* Ἐφθαλῖται (у Прокопія Кесарійскаго, напримѣръ), то *Хуннами Кидаритами* (у Приска Панійскаго) или *Бѣлыми Хуннами* Λευκοὶ Οὖννοι. Вивьенъ Сенъ Мартенъ посвятилъ этому народу об-

---

[1]) Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи, ч. III, стр. 246.
[2]) Тамъ же, стр. 61—62.

ширное изслѣдованіе, [1]) въ которомъ доказалъ, что Эфталиты суть прямые потомки Юетійцевъ, завоевателей Трансоксіаны, и той именно отрасли ихъ, которая у китайскихъ писателей носитъ названіе Ѣда [2]).

По китайскимъ извѣстіямъ узнаемъ о нихъ слѣдующее. Владѣтельный домъ Ѣда происходитъ отъ одного рода съ Большимъ Юечжы; (другіе сказываютъ, что Ѣда есть отрасль Гаогюйскаго племени). Вначалѣ Ѣда показался за сѣверною границею, отъ Алтайскихъ горъ на югъ, отъ Хотана на западѣ. Столица его находилась въ 200 ли отъ рѣки Ухюй (Аму Дарья) на югѣ, отъ Чанъ—ань въ 10,000 ли. Владѣтель имѣетъ мѣстопребываніе въ городѣ Баді-янь. Народонаселеніе простирается до 100,000 душъ. Городовъ не имѣютъ, а живутъ въ мѣстахъ привольныхъ травою и водою, въ войлочныхъ кибиткахъ. Престолъ не передается наслѣдственно, а получаетъ его способнѣйшій изъ родственниковъ. Въ этомъ владѣніи нѣтъ телѣгъ, а употребляютъ носилки; много лошадей и верблюдовъ. Народъ жестокій и смѣлый, способный къ сраженіямъ. Отъ Ѣдаскаго владѣтеля въ Западномъ краѣ зависятъ Кангюй, Хотанъ, Шилэ, Аньси и до 30 другихъ мелкихъ владѣній. Ѣда считается сильнымъ государствомъ, и находится въ брачномъ родствѣ съ Жужаньцами. Со времени правленія Тхай-ань, 455 г., владѣтель часто отправлялъ посланника съ дарами. Посольства приходили въ Китай отъ Ѣдаскаго владѣтеля въ 525, 546, 553 и 558 годахъ; но послѣ того Дулгасцы раззорили владѣніе Ѣда и поколѣнія ихъ разсѣялись, вслѣдствіе чего посольства прекратились [3]).

Подробности объ этихъ Ѣдасцахъ (Эфталитахъ), сообщаемыя византійскими писателями, значительно разнятся

---

[1]) Les Huns blancs ou Ephthalites des historiens byzantins; par M. Vivien de Saint-Martin. Paris 1849.

[2]) Les Huns blancs; p. 67—68.

[3]) Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи, III, 177—179.

отъ сообщаемыхъ китайскими. Главная разница состоитъ въ томъ, что Ѣда, по китайскимъ извѣстіямъ, владѣніе кочевое, хотя владѣтель ихъ и живетъ въ городѣ; по греческимъ — Эфталиты народъ осѣдлый. Могло, конечно, быть и то, что Ѣда, вначалѣ несомнѣнно кочевой народъ, наслоившись въ Хорезмѣ, странѣ изкони осѣдлой, не вдругъ перешелъ къ осѣдлости и продолжалъ покочевывать въ окружающихъ Хорезмъ степяхъ и даже въ самомъ Хозермѣ; примѣры такому порядку вещей видимъ и въ настоящее время. Но когда византійцы узнали объ Эфталитахъ, они не были уже кочевниками; а византійцы ошибиться въ этомъ случаѣ не могли. Китайцы же по старой памяти продолжали считать ихъ народомъ кочующимъ [1]). Вотъ какъ описываетъ ихъ Прокопій. «Хотя Эфталиты народъ Хуннскаго племени; но они не смѣшаны съ извѣстными намъ Хуннами, не живутъ вмѣстѣ съ ними и не имѣютъ смѣжной съ ними области; они сосѣдятъ съ Персами на сѣверъ, тамъ, гдѣ городъ, называемый *Горго* [2]) у самой Персидской окраины, гдѣ между ними и Персами часто происходитъ война за границы. Они не кочевники подобно хунскимъ племенамъ, но издревле населяютъ плодоносную страну, и никогда не нападали на Римскія земли иначе какъ вмѣстѣ съ войскомъ мидійскимъ. Изо всѣхъ хунновъ

---

[1]) Могло быть и то, что часть Эфталитовъ осѣла, а другая часть продолжала кочевать; но это, въ виду положительнаго увѣренія Прокопія, что Эфталиты *не* кочевники,—допустить трудно.

[2]) По созвучію городъ этотъ можно принять за Ургенджъ; тѣмъ болѣе, что, какъ доказываетъ Захау, въ словѣ Ургенджъ окончаніе *янджъ* есть позднѣйшая прибавка тюркской формы (подобно тому, какъ изъ названій двухъ мѣсяцевъ *бесакъ* и *жимда* образовались бесак*енджъ* и жимд*анеджъ*). См. Zur Gesch. und Chronologie von Khwar. S. 2. Противорѣчитъ этому предположенію развѣ только положеніе его, какъ пограничнаго съ Персіей города, каковымъ не могъ быть Ургенчъ; но большой точности отъ византійскихъ писателей мы не въ правѣ требовать, такъ какъ они писали объ Эфталитахъ съ чужихъ словъ, что слышали въ Персіи, а потому и легко могли ошибиться въ опредѣленіи мѣстоположенія Ургенча.

они одни бѣлы тѣломъ и небезобразны лицемъ... Состоятъ подъ управленіемъ одного царя, составляютъ благоустроенное гражданство, наблюдая между собою и съ другими, справедливость, не хуже Римлянъ или кого другаго. Самые богатые изъ нихъ пріобрѣтаютъ себѣ друзей, человѣкъ до 20 и болѣе; друзья всегда обѣдаютъ вмѣстѣ съ ними, раздѣляютъ ихъ достатокъ, имѣя на него общее съ ними право. Когда-же тотъ, кто пріобрѣлъ друзей, умретъ, то по закону, и они должны быть положены въ гробъ вмѣстѣ съ нимъ, живые» [1]).

Эти *Эфталиты* или «Бѣлые-Хунны» извѣстны у мусульманскихъ историковъ Персіи (Мирхондъ) подъ именемъ *Гаятеля*, у армянскихъ писателей — *Теталы* [2]), и т. д. Отъ армянскихъ писателей мы узнаемъ, что Бактрійскіе Арсакиды, постоянно тревожившіе сѣверо-восточные предѣлы Персіи были, въ концѣ IV вѣка по Р. Х., покорены Теталами; что эти Теталы, въ свою очередь, начали производить опустошительные набѣги на Персію, чѣмъ отвлекали силы Персидскихъ Сассанидовъ въ ихъ борьбѣ съ Римлянами [3]). Изъ этого же источника можемъ видѣть, что и Эфталиты признавали иногда власть Сассанидовъ и должны были исполнять требованія этихъ послѣднихъ. Такъ, въ царствованіе Шапура, сына Ормуздова (308 — 375), пробрались въ 350 году, въ Арменію, черезъ проходъ Джора (у Дербента) Хазары въ большомъ числѣ. Тогда Шапуръ произвелъ большой наборъ въ Ассиріи, Харасанѣ, *Хоразмѣ*,

---

[1]) Переводъ Прокопія сдѣланъ С. Г. Дестунисомъ: «Прокопія Кесарійскаго исторія воинъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами». Перев. съ греческаго *Спиридона Дестуниса*. Спб. 1862 г., стр. 13—14.

[2]) См. «Опытъ исторіи династіи Сассанидовъ», составилъ *К. П. Патканов*ъ (Труды Вост. Отд. Археол. Общ., ч. XIV). А также: *Silvestre de Sacy*, mémoires sur diverses antiquités de la Perse et sur les medailles des rois de la dinastie des Sassanides, suivis de l'histoire de cette Dynastie trad. du Persan, de Mirkhond. Paris, 1793. *Richter*, Historisch-Kritisch Versuch über Arsaciden und Sassaniden-Dynastie. Leipzig; 1804.

[3]) «Опытъ исторіи дин. Сассанидовъ», стр. 17.

Атрпатаканѣ, въ Агваніи, Иверіи и выступилъ противъ Хазаръ [1]).

Дегинь, въ своей исторіи Хунновъ, приводитъ нѣсколько случаевъ столкновенія Эфталитовъ съ Сассанидами [2]).

П. И. Лерхъ находитъ въ имени горда въ Хорезмѣ *Кердера* (Курдера, Кердеранъ-Хоста, Герденъ-Хоста—у Абуль Гази) памятникъ древняго владычества въ Хорезмѣ Эфталитовъ (или Кидаритовъ) и предполагаетъ, что имя этому городу дали Кидариты [3]). Если это такъ, въ чемъ сомнѣваться, кажется нѣтъ основанія, то замѣтимъ, что Кердеръ былъ не одинъ: Мукаддеси упоминаетъ два Кердера; одинъ на правой сторонѣ Джейхуна *(Кердеръ)*, другой по лѣвой (Кердеранъ Кясъ [4]). Имя Кидаритовъ сохраняется и теперь у Киризовъ Меньшой Орды, которая, какъ извѣстно, дѣлится на 3 поколѣнія, и въ одномъ изъ нихъ, Семиродскомъ одинъ родъ носитъ названіе *Кердери* [5]).

Частымъ столкновеніямъ Римлянъ съ Персами въ V и VI вѣкахъ мы обязаны многими важными свѣдѣніями о Хорезмѣ, сохранившимися у Византійскихъ писателей.

Прискъ [6]) сообщаетъ намъ (подъ 465 годомъ по Р. Х.) что Перозъ, царь персидскій, началъ войну съ Хуннами Кидаритами, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не платили ему дани, которую наложили на нихъ древніе цари Парѳянъ и Персовъ. Царь хуннскій отказался платить дань Персамъ и принялъ вызовъ войны, которую вмѣстѣ съ царствомъ завѣщалъ потомъ своему сыну, *Кунхъ*. Персы, утомленные войной, рѣшились прекратить военныя дѣйствія

---

[1]) Тамъ же, стр. 29.

[2]) См. Geschichte der Hunnen und Türken. Erster Band, s. 447—454.

[3]) Khiva, seine hist. und geogr. Verh, s. 30.

[4]) См. дальше, стр. 40.

[5]) *Левшинъ*. «Описаніе Киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей»; ч. III, стр. 8. См. также Khiva, seine hist. und geogr. Verh. s. 30.

[6]) Переводъ сказанія Приска Панійскаго помѣщенъ профессоромъ Деступисомъ въ «Ученыхъ Запискахъ», издаваемыхъ при II отд. Имп. Академіи Наукъ; кн. VII, 1861 г.

и заключить съ Кидаритами миръ; съ этою цѣлію Перозъ обѣщалъ Кунхѣ выдать ему въ замужество свою сестру. Кунха былъ тогда еще очень молодъ, дѣтей не имѣлъ; а потому согласился заключить миръ на этомъ условіи. Но Перозъ обманулъ Эфталисткаго государя: выдалъ за бывшаго своего противника не сестру, а другую женщину, которую снарядилъ по царски, запретивъ ей подъ страхомъ смерти обнаруживать обманъ. Но та, по выходѣ замужъ, опасаясь какъ бы Кунха стороной не узналъ о подлогѣ, сама все разсказала ему. Кунха рѣшился отмстить Перозу. Показавъ видъ, что для войны съ сосѣдними народами нуждается въ военачальникахъ, обратился за ними къ Перозу, и когда Перозъ выслалъ къ нему 300 человѣкъ важнѣйшихъ Персовъ, то Кунха одну часть ихъ велѣлъ предать смерти; а другихъ, изуродовавъ, отправилъ къ Перозу съ заявленіемъ, что такъ вотъ мститъ онъ за совершенный Перозомъ обманъ. Тогда снова, возгорѣлась война. Когда римскій посолъ Констанцій прибылъ въ Персію, то не засталъ тамъ Пероза, тотъ выступилъ въ походъ противъ Кидаритовъ. Констанцій отправился вслѣдъ за нимъ, догналъ царя и былъ принятъ имъ въ Горгѣ; такъ, замѣчаетъ Прискъ, называлось *селеніе*, гдѣ Персы имѣли свой станъ [1]). Далѣе тотъ же Прискъ, подъ 468 годомъ, сообщаетъ, что изъ Персіи пришло къ Римлянамъ посольство съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной Персами надъ Кидаритами; при чемъ посолъ прибавляетъ, что Перозъ осаждаетъ городъ Кидаритовъ Валаамъ [2]).

По времени можно полагать, что удачи Персовъ, которыми они не преминули похвастаться передъ Византійцами, относились къ тому самому походу, который предпринялъ Перозъ послѣ страшной мести Кунхи. Но что это за городъ Валаамъ? какой городъ Хорезма скрывается подъ

---

[1]) Сказанія Приска, стр. 90—91.
[2]) Тамъ же, стр. 97—98.

этимъ именемъ? Лежалъ онъ, какъ кажется, въ южной половинѣ Хозерма; можетъ быть это *Боло* китайскихъ писателей. Но ни въ какомъ случаѣ не Балкъ, какъ полагаетъ Клапротъ [1]), да и все его толкованіе о положеніи города Боло для меня очень темно [2]).

О дальнѣйшихъ столкновеніяхъ Пероза съ Кидаритами сообщетъ намъ Прокопій Кесарійскій. Онъ говоритъ, что царь Персидскій началъ войну съ Хуннами Эфталитами изъ за границы своей земли. Но походъ, предпринятый имъ въ землю Эфталитовъ кончился полнѣйшею неудачею. Царь этихъ послѣднихъ заманилъ Пероза въ засаду и принудилъ заключить договоръ, по которому Перозъ признавалъ надъ собою первенство царя Эфталитовъ, въ знакъ чего онъ долженъ былъ преклониться предъ своимъ побѣдителемъ, и обязался никогда не нападать на Эфталитовъ. Договоръ этотъ онъ скрѣпилъ клятвою. Но вернувшись домой, рѣшился нарушить клятву и отмстить за безчестіе новымъ походомъ. Оставивъ управлять страною сына Ковада, онъ съ прочими сыновьями (числомъ до 30) и многочисленнымъ войскомъ выступилъ противъ Эфталитовъ. Царь ихъ, узнавъ о приготовленіяхъ противъ него Пероза, велѣлъ по дорогѣ ихъ выкопать большой ровъ и прикрыть его хворостомъ. Въ этотъ ровъ будто-бы Персы и попадали. На уцѣлѣвшихъ бросилось эфталитское войско и всѣхъ ихъ истребило; Пезоръ былъ убитъ. Персы сдѣлались данниками Эфталитовъ, что и продолжалось два года, а послѣ того дань прекратилась, когда Ковадъ прочно утвердился на престолѣ [3]).

---

[1]) Tableaux historiques de l'Asie.

[2]) Вотъ это мѣсто: *Bala* est vraisemblablement la même ville que *Balkh*, souvent mentionnée dans l'histoire persanne de Derbend; elle était située sur la rive droite du Koïsou, au même endroit où l'on voit à présent les ruines de l'ancien *Endery* ou Andreeva, dans le pays des Lesghi (p. 256). Клапротъ утверждаетъ, что персидское войско шло въ Хорезмъ черезъ Дербендъ, берегомъ Каспійскаго моря. Это все равно, что ѣхать, напримѣръ, изъ Петербурга въ Москву на Вильно, Минскъ и Смоленскъ.

[3]) «Прокопія Кес. исторія войнъ Римлянъ съ Персами», стр. 22.

Борьба Эфталитовъ съ Сассанидами, завоевательные замыслы которыхъ простирались и на Хорезмъ, обстоятельнѣе отрывочныхъ свѣдѣній греческихъ писателей, изложена Мирхондомъ (компиляторомъ XV вѣка) [1]) въ его обширномъ сочиненіи *Раузетъ-эс-Сефа*, часть котораго, относящаяся до Сассанидовъ, имѣется во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ Сильвестромъ де-Саси [2]). Столкновенія Сассанидовъ съ Эфталитами начались еще до вступленія на престолъ Беграмъ Гура (420 — 440), который тотчасъ-же по воцареніи предпринялъ походъ въ Хорезмъ и неоднократно проникалъ за Аму-Дарью. При внукѣ Беграмъ Гура Хормуздѣ начались во владѣніяхъ его неурядицы; братъ Хормузда Фирузъ (Перозъ) удалился къ Эфталитамъ (Hayathélites) и просилъ у нихъ помощи для овладѣнія престоломъ. Эфталитскій государь далъ ему 30,000 войска, которое и помогло Фирузу одолѣть Хормузда. Богато одаривъ сподвижниковъ, Фирузъ отпустилъ ихъ на родину. Но не смотря на поддержку, оказанную ему Эфталитскимъ государемъ, Фирузъ вскорѣ же предпринялъ походъ въ Хорезмъ, чтобы лишить тамошняго государя престола за его жестокое обращеніе съ народомъ и присоединить ту землю къ своимъ владѣніямъ. Хушнавазъ, такъ назывался государь Эфталитовъ, испугался не на шутку за свои владѣнія и не зналъ что предпринять. Тогда одинъ изъ приближенныхъ Хушнаваза рѣшился пожертвовать собою для спасенія отечества и обманомъ завелъ войско персидское въ степи, гдѣ ему угрожала гибель. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Фирузъ сталъ просить мира. Хушнавазъ согласился и требовалъ только отъ Фируза клятвеннаго обѣщанія никогда не предпринимать войны противъ Эфталитовъ.

---

[1]) *Мирхондъ* (Мухаммедъ-бенъ-Хавендъ-шахъ-бенъ-Махмудъ) родился въ 837 (или въ концѣ 836=1432,3), умеръ въ 903 (1498) г.

[2]) *Silvestre de Sacy,* Mémoires sur diverses antiquités de la Perse et sur les medailles des rois de la dinastie des Sassanides, suivis de l'histoire de cette Dynastie. Trad. du Persan. Paris, 1793.

Но Фирузъ не могъ примириться съ такимъ исходомъ военныхъ дѣйствій; требовалось смыть безчестіе новымъ походомъ. Новая война Фируза съ Хушнавазомъ кончилась тѣмъ, что персидское войско попадало въ ровъ и самъ Фирузъ погибъ вмѣстѣ съ сыновьями (въ 488 году). Преемникъ Фируза Палашъ (488 — 491) два года платилъ дань Эфталитамъ. Братъ Палаша Кобадъ овладѣлъ престоломъ при помощи 30-ти тысячнаго Эфталитскаго войска [1]). Сынъ Кобада Нушірванъ (Ануширванъ царств. 531 — 579), покончивъ дѣла съ Греками миромъ, обратилъ свое оружіе на Туркестанъ, Кабулистанъ и Саганіянъ; покорилъ землю Эфталитовъ [2]). Но не долго Персы господствовали надъ Хорезмомъ.

Въ VI столѣтіи Эфталиты были покорены новымъ среднеазіатскимъ народомъ — Турками, по китайской транскрипціи — *Ту-кюэ* [3]). Извѣстіе о завоеваніи ими Мавераннагра и о вторженіяхъ даже въ Персію находимъ опять таки у византійскихъ писателей. Менандръ [4]) въ своемъ донесеніи о посольствѣ Земарха къ Туркамъ, сообщаетъ, что въ царствованіе Юстина Турки достигли великой степени могущества; что Согдаиты, бывшіе подданными Эфталитовъ, сдѣлались подданными Турковъ, да и сами Эфталиты были покорены ими [5]). Согдаиты вотъ и стали

[1]) Объ этой помощи, оказанной Эфталитами Кобаду, сообщаетъ и Прокопій Кесарійскій, только по этому послѣднему помощь оказана была тогда, когда Кобадъ уже царствовалъ. Вотъ какъ это было: Противъ Кобада, сына Перозова, возмутились подданные и заключили его въ замокъ. При помощи жены Кобадъ бѣжалъ и удалился въ землю Эфталитовъ. Здѣсь царь Эфталитскій выдалъ за него свою дочь и далъ войско возвратить Персію (стр. 29).

[2]) *Silv. de Sacy,* Mémoires sur diverses antiquités de la Perse; p. 336—337, 343—344, 347—350, 356—7, 364—5.

[3]) *Tou-kioue,* см. у Стан. Жюльена въ Histoire de la vie de Hiouen-Thsang (Paris 1853); préface, p. XLVII и Documents géogr., p. 179—180.

[4]) Г. С. Дестунисъ издалъ переводъ Менандра въ 1861 г. См. «Византійскіе историки».

[5]) Объ этомъ извѣстилъ Римлянъ посолъ Маніахъ (568 г.). Сообщая о покореніи Эфталитовъ Турками, онъ сказываетъ, что Эфталиты живутъ въ городахъ. (Менандръ; стр. 374).

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА 470424. Историческая

просить тюркскаго хакана Дизавула выхлопотать имъ дозволеніе ѣздить въ Персію и продавать тамъ шелкъ. Дизавулъ изъявилъ на то свое согласіе, и въ Персію было отправлено съ этою цѣлію посольство. Но Персы вовсе не хотѣли, чтобы къ нимъ ѣздили Турки. Тогда Катулфъ, *тотъ Эфталитъ, который предалъ Туркамъ своихъ соотечественниковъ* за то, что царь эфталитскій обезчестилъ его жену, и находившійся теперь у Персовъ, убѣдилъ персидскаго царя Хозроя купить привезеный посольствомъ шёлкъ и сжечь его на площади ввиду пословъ. Наконецъ, послѣ вторичной уже неудачи Согдаитовъ завести сношенія съ Персами, обратились они къ Римлянамъ. Посолъ ихъ Маніяхъ прибылъ въ Византію въ началѣ 4 года царствованія Юстина (въ 568 году). Въ отвѣтъ на это посольство Юстинъ отправилъ къ Дизавулу полководца восточныхъ городовъ Земарха Киликійца. Послѣ продолжительнаго путешествія, Земархъ, вмѣстѣ съ своими спутниками, достигъ ставки Дизавула и былъ принятъ хаканомъ. Во время пребыванія Земарха у Турокъ, Дизавулъ сталъ готовится къ походу противъ Персовъ и желалъ, чтобы Земархъ, вмѣстѣ съ 20 человѣками изъ своей свиты, послѣдовалъ за нимъ въ походъ; а чтобы другіе Римляне воротились въ страну *Холіатовъ* (пишется и *Хоалиты*, что правильнѣе) и ожидали бы тамъ возвращенія Земарха. Когда Дизавулъ нашелъ нужнымъ отпустить Земарха, тотъ засталъ остальныхъ Римлянъ на условленномъ мѣстѣ. Оставивъ главный городъ Холіатовъ, они ѣхали крѣпостями. Многіе владѣтели-вассалы Дизавула, просили у него позволенія отправить съ удалявшимся посольствомъ своихъ людей для обозрѣнія Римскаго государства; но Дизавулъ разрѣшилъ это только владѣтелю Холіатовъ, всѣмъ же другимъ отказалъ [1]).

Какая же, спрашивается, связь между Хорезмомъ и Хоали-

---

[1]) Менандръ, стр. 370—381.

тами? Связь эта заключается въ томъ, что Хоалиты, судя по тому положенію, какое занимаетъ земля ихъ на Земарховомъ пути, никто иной, какъ Эфталиты. А самое происхожденіе названія Хоалитовъ П. И. Лерхъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: въ словѣ «Хоалитои»—*тои* есть греческая приставка, а *хоали* незначительное измѣненіе первой половины названія страны *Хоарѣ* безъ второй части *земъ*. Слѣдовательно Хоалиты значитъ собственно *Хорезмійцы*. Эти Хоалиты обратились въ нашихъ лѣтописяхъ въ *Хвалиссовъ* [1]). У Менандра же явились два отдѣльные народы: Эфталиты и Хоалиты [2]).

Отъ Земарха мы узнаемъ, что Эфталиты дѣйствительно были покорены Турками; что покоренію этому способствовалъ какой-то романъ, замѣшавшійся въ судьбу этого государства; что въ романѣ этомъ играетъ главную роль оскорбленный мужъ, какой-то Катулфъ, который предалъ страну Туркамъ. Видимъ, затѣмъ, что Эфталиты пользуются у своихъ завоевателей какимъ-то особеннымъ, исключительнымъ положеніемъ; что̀ не позволяется другимъ владѣтелямъ, эфталитскому позволяется. Можетъ быть даже, что Турки оставили въ Хорезмѣ царствовавшую тамъ династію. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Арабы, при нападеніи на Мавераннагръ, нашли его подъ владычествомъ Турокъ, между тѣмъ какъ Хорезмъ имѣлъ своихъ самостоятельныхъ государей. Наконецъ въ «Исторіи династіи Танъ» говорится, что въ 18-е лѣто правленія Чженъ-гуань, 644, приходило посольство изъ *Хоцыми*, граничащаго съ Босы (Персія). Въ этомъ Хоцыми я вижу Хошмитанъ; а въ самомъ извѣстіи нахожу подтвержденіе предположенію, что Хо-

[1]) Khiva, seine hist. und geogr. Verhältnisse. St.-Petersb. 1873, s. 24—25.

[2]) Такъ напримѣръ, говоря объ Эфталитахъ, Менандръ называетъ царя ихъ *Эвталан*'омъ, прибавляя, что и народъ получилъ свое имя отъ него (стр. 493). Конечно это объясненіе Менандра не имѣетъ никакого значенія, но оно доказываетъ, что Менандръ, независимо отъ Хоалитовъ, продолжалъ давать свѣдѣнія объ Эфталитахъ, не отожествляя ихъ между собою.

резмъ пользовался автономіей,—не потому, что приходило оттуда въ Китай «посольство» (это могло быть совсѣмъ *не посольство)*, а потому, что въ Китайскихъ извѣстіяхъ говорится о *Хоцыми*, какъ о самостоятельномъ владѣніи.

Эфталиты владѣли всѣмъ Хорезмомъ, т. е. по обѣ стороны Аму-Дарьи. Правое побережье этой рѣки даже называлось, какъ кажется, эфталитской стороной. По крайней мѣрѣ, Мокаддеси, писавшій около 1000 года, по Р. Х, называетъ города, лежащіе въ этой половинѣ Хорезма, городами *Эфталитской* стороны (Heitalischen Städten), въ противоположность городамъ *Хорасанской* стороны [1]). Но у арабскихъ писателей Эфталиты извѣстны и подъ именемъ Кидаритовъ, только въ немного измѣненной формѣ: *Кердеръ* (или *Курдеръ)*. Якутъ въ своемъ Словарѣ говоритъ, что «Кердеръ есть область въ Хорезмѣ на границѣ его съ землею Турокъ; языкъ тамъ не хорезмійскій и не туркскій; много селеній. Имущество и скотъ имѣется у всѣхъ, исключая развѣ лѣнтяевъ, какъ сказывалъ мнѣ Ибнъ Кассамъ эль-Хабли». Далѣе Якутъ приводитъ вычитанное имъ изъ персидскихъ книгъ преданіе о томъ будто Афросіябъ скрылъ свои сокровища и казну въ нѣдрахъ моря Хорезмскаго выше Кердера [2]). Свѣдѣнія эти относятся къ началу XIII вѣка.

Въ первомъ вѣкѣ гиджры (VII ст. по Р. Х.) Хорезмъ былъ завоеванъ Арабами. Завоеванъ онъ былъ не вдругъ; первые походы не имѣли для Арабовъ важныхъ послѣдствій. Первая попытка завоевать Хорезмъ произведена была при халифѣ Османѣ въ 29 году гиджры (649); но его полководецъ, пошедшій на Хорезмъ, изъ Бальха почему-то вернулся назадъ. Счастливѣе его былъ Зальмъ Ибнъ Зіядъ, правитель Хорасона при Эзидѣ. Онъ покорилъ Хорезмъ и заключилъ съ царемъ его миръ, по которому тотъ обязался платить ха-

---

[1]) Въ переводѣ де-Гуѣ (Das alte Bett des Oxus).

[2]) Словарь Якута; ч. IV, стр. 257—258.

лифу 400,000 дирхемовъ [1]). Послѣ того новый правитель Хорасана Умайя Ибнъ-Абдулла завоевалъ городъ *эль-Филь* [2]). Но вскорѣ жители сбросили чужеземное господство. Походъ 82—85 годовъ былъ неудаченъ.

Окончательно завоеванъ Хорезмъ знаменитымъ Кутейбою Ибнъ-Муслимомъ, правителемъ Хорасана, въ 93 (711) году [3]). Разсказъ объ его походахъ, написанный Абу-Джафаромъ Мухаммедомъ *эт-Табари* (+922), находится въ сокращенномъ видѣ у *Ибнъ эль-Эсира* подъ 93 годомъ. Вотъ этотъ разсказъ: повелитель Хорезма, Хозермъ-шахъ, сдѣлался болѣнъ; тогда меньшой братъ его Хурзадъ возмутился противъ шаха, приверженцамъ котораго пришлось отъ бунтовщика плохо; ихъ дѣвушки, имущество, скотъ, дочери, сестры, красивыя жены отбирались Хурзадомъ, и никто не могъ смирить его. Тогда Хорезмъ-шахъ, видя, что самъ не справится съ братомъ, обратился къ Кутейбѣ съ просьбою избавить его отъ бунтовщика, за что обѣщалъ ему вручить свою землю. Кутейба принялъ это предложеніе и сталъ готовится къ походу, распространяя слухъ, что намѣревается напасть на Согдіану. Между тѣмъ Хорезмъ-шахъ собралъ свое войско и народъ и объявилъ имъ, что Кутейба пробирается въ Согдіану и что препятствовать ему въ этомъ не слѣдуетъ. Такъ никто ничего и не подозрѣвалъ до того времени, какъ Кутейба, совершивъ

---

[1]) У Белязори. Сочиненіе этого арабскаго историка († 892 г.) «Китабуль-футухъ» издано де-Гуѣ въ 1863—5 гг., подъ заглавіемъ: Liber expugnationis regionum. *Al-Belasori*. Стр. 408, 413, 426.

[2]) Городъ *Эль-Филь* (городъ «Слововъ») одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Хорезма; изслѣдованіе о немъ см. у Захау въ Zur Gesch. und Chron. von khwar, s. 20—26. Вейль, въ своей Gsechichte der Chalifen, въ I т. стр. 502, передавая разсказъ Табари о походахъ Кутейбы, говоритъ, что въ Хорезмѣ было три города: эль-Филь, Гезараспъ и *Фарикеинъ*. Между тѣмъ въ текстѣ оказывается: *ве ховарезмунъ салясу медаининъ, юхату бига фарикинунъ*, т. е. «въ Хорезмѣ три города, которые окружены рвомъ (*фарикинунъ*)». Эту ошибку Вейля замѣтилъ г. Захау.

[3]) Кутейба былъ намѣстникомъ Хорасана при халифахъ Абуль-Маликѣ-ибнъ-Мерванѣ и Валидѣ-ибнъ-Абуль-Маликѣ.

быстрый переходъ изъ Мерва въ Хорезмъ, очутился подъ Гезараспомъ. Хорезмъ-шахъ удалился въ городъ эль-Филь, по ту сторону Джейхуна, городъ самый укрѣпленный въ странѣ. Кутейба не перешелъ на правый берегъ Джейхуна; и Хорезмъ-шахъ отправилъ къ нему предложеніе заключить миръ на условіи уплаты Кутейбѣ 10,000 головъ скота, при чемъ просилъ еще освободить его отъ другаго бунтовщика Хамджерда. Кутейба согласился; противъ же Хамджерда отрядилъ онъ своего брата, Абдуррахмана. Хамджердъ былъ въ битвѣ убитъ, при чемъ арабское войско захватило въ плѣнъ 4000 человѣкъ, которыхъ Кутейба приказалъ предать смерти; а Хурзада выдалъ Хорезмъ-шаху вмѣстѣ съ другими бунтовщиками. Хорезмъ шахъ казнилъ ихъ; а имущество ихъ предоставилъ Кутейбѣ [1]).

Белязори передаетъ вкратцѣ походъ Кутейбы на Хозермъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ пораженія Хурзада и казни 4000 плѣнныхъ, Кутейба по договору, заключенному съ Хорезмъ-шахомъ оставилъ его, шаха, править страною. Но Хорезмійцы этимъ оборотомъ дѣла остались недовольны. Они объявили своего шаха полоумнымъ и убили его. Тогда Кутейба поставилъ правителемъ (валіемъ) страны своего брата Абдуллу Ибнъ-Муслима; а для поддержки далъ ему отрядъ изъ своего войска [2]). Между тѣмъ эль-Бируни говоритъ, что Кутейба совершилъ два похода въ Хорезмъ; когда и при какихъ обстоятельствахъ происходилъ первый, онъ не говоритъ; но во второй, Кутейба поставилъ *валіемъ* страны Аскаджамука, сына царствовавшаго тамъ Хорезмъ-шаха; слѣдовательно, водворилъ мѣстную династію [3]). Это извѣстіе противорѣчитъ показанію Белязори; но, мнѣ кажется, можно ихъ помирить, если предположить, что Абдулла Ибнъ-

---

[1]) См. *Ibn-el-Athiri* chronicon quod perfectissimum instribitur. Edidit C. Tornberg, Lugd. Bataw. 1870, t. 4, p. 401—402.

[2]) Liber expugnationis regionum; стр. 426.

[3]) Zur Gesch. und Chron. von Khwarizm; s. 12.

Муслимъ назначенъ былъ валіемъ Хорасанской стороны Хорезма; а Аскаджамукъ — зарѣчной.

Что же касается Ибнъ эль-Эсира, то онъ подъ тѣмъ же 93 (711—712) годомъ упоминаетъ о неурядицахъ, начавшихся въ Хорезмѣ, по удаленіи оттуда Кутейбы. Это заставило Кутейбу отрядить въ Хорезмѣ брата Абдулу, съ назначеніемъ его правителемъ; а затѣмъ, Мугайра бенъ-Абдулу, который и принудилъ Хорезмъ платить дань [1]). Но весь этотъ разсказъ Ибнъ эль-Эсира для меня не совсѣмъ ясенъ. О второмъ же походѣ Кутейбы въ Хорезмъ онъ не проговаривается ни единымъ словомъ.

До сихъ поръ мы пользовались, такъ сказать, иностранными источниками. Но Хорезмъ имѣлъ и свои письменные памятники, свои лѣтописи, которыя, къ сожалѣнію, до насъ не дошли; но которыя видѣлъ и изучилъ Кутейба ибнъ-Муслимъ [2]). Но тотъ же Кутейба, убѣдившись въ важномъ значеніи этихъ памятниковъ, приказалъ ихъ уничтожить: такъ поступали Арабы вездѣ въ первые вѣка гиджры, опасаясь и, конечно справедливо, что мѣстныя преданія должны послужить имъ важнымъ препятствіемъ къ водворенію въ завоеванныхъ странахъ ислама. Нашествіе Татаръ окончательно истребило въ Хорезмѣ письменные памятники страны. Послѣдній, кто пользовался этими лѣтописями для своей «Исторіи Хорезма,» былъ *Эль-Бируни*; но эта «Исторія» его до насъ не дошла. Изъ всѣхъ сочиненій эль-Бируни (числомъ 24) дошли до насъ только «Исторія Индіи,» изданіе которой предпринято г. Захау, «Канонъ Масъудикусъ» географико-астрономическое сочиненіе, и «Асаръ эль-Бакійэ», гдѣ онъ трактуетъ объ эрахъ, употреблявшихся у разныхъ народовъ [3]). Изъ этихъ сочиненій эль-Бируни, при помощи другаго арабскаго писателя,

---

[1]) Ибнъ-эль-Эсиръ; т. IV, стр. 455—456.
[2]) Quarterly Review, 1866, p. 491.
[3]) Quarterly Review for 1866, № 240, p. 490—492.

эль-*Байхаки* [1]), который для исторіи Газневидовъ пользовался трудами эль-Бируни, — составляются краткія мѣстныя указанія о древней исторіи Хорезма.

По этимъ, указаніямъ основаніе хорезмскаго государства произошло за 980 лѣтъ до Александра Великаго, т. е. за 1292 г. до Р. Х. Спустя 92 года послѣ того, въ 888 (1200) году прибылъ въ эту страну Сіявушъ, сынъ Кейкауса, и утвердилась здѣсь династія Кейкосроя (сына Сіявуша). Государи этой династіи, изъ подражанія Персидскимъ, назывались *Шахія*'ми (шахами) и вели лѣтосчисленіе по персидскому способу, что продолжалось до временъ Африга, государя той же династіи, государя, пользовавшагося дурной славой, какъ Ездеджертъ персидскій [2]). Афригу наслѣдовалъ его сынъ.

Въ 616 году послѣ Александра Великаго (въ 305 по Р. Х.), Афригъ построилъ собѣ дворецъ позади города *эль-Фир*'а что составило для преемниковъ Африга эру, отъ которой и начали они вести счетъ годамъ.

Эль-Фиръ, такъ называлась крѣпость, построенъ былъ внѣ городской стѣны изъ глины и кирпича и состоялъ изъ трехъ одна въ другой построеныхъ цитадалей. Всѣ онѣ были одинаковой высоты и возвышались надъ дворцомъ. Эль-Фиръ видѣнъ былъ за 10, и больше, миль. Но затѣмъ рѣка Джейхунъ стала подмывать эту крѣпость и съ каждымъ годомъ разрушала ее все больше и больше, такъ что спустя 1305 лѣтъ послѣ Александра Великаго (994 по Р. Х.) не осталось отъ нея ни малѣйшаго слѣда [3]).

Отъ Африга, съ 305 до 995 года по Р. Х., эль-Бируни насчитываетъ 22 государя древней династіи: Афригъ, Бо-

---

[1]) Абу-ль-Фадлъ Байхаки род. въ 386 г., умеръ въ 470 (996—1077). См. Bibliotheca Indica. Tarikh-i-Baihaki. Ed. by W. H. Morley. Calcutta 1862.

[2]) Сассанидскій Ездеджердъ получилъ прозваніе «злаго». См. Extraits du Modjmel-al-Tewarikh, relatifs à l'histoire de la Perse, traduit du persan, par *ules Mohl.* (Journ. Asiatique, decemb. 1841; p. 517).

[3]) *Sachau.* Zur Gesch. und Chronol. von Khwar. s. 9—11, 11—12.

гра, Сахасекъ, Аскаджамукъ, Азкаджуваръ, Сахръ, Шаушъ, Хамгири (Хамъ-джердъ?), Бузгаръ, Арсамухъ, Сахръ, Сабри, Азкаджуваръ, Аскаджамукъ, Шаушафаръ, Турксебосэ, Абд-улла, Мансуръ, Иракъ, Мухаммедъ, Ахмедъ, Абу-Абд-улла Мухаммедъ [1]).

На каждаго изъ нихъ время царствованія приходится слишкомъ по 30 лѣтъ; всѣ они передаютъ престолъ своему сыну, такъ что въ этомъ ряду царскихъ именъ нѣтъ ни братьевъ, ни дядей, ни племянниковъ. Было ли это дѣйствительно такъ, или эль-Бируни, называя каждаго изъ этихъ государей сыномъ предыдущаго, просто хотѣлъ показать преемственность въ управленіи — остается намъ неизвѣстнымъ. Неизвѣстно также, царствовали ли эти государи во всемъ Хорезмѣ или только въ южной части его; а знаемъ, что Хорезмъ раздроблялся нерѣдко. Во всякомъ случаѣ списокъ этотъ не полонъ; въ числѣ приведенныхъ у эль-Бируни государей не находимъ мы ни Хушнаваза, ни Кунхи, извѣстныхъ намъ изъ другихъ источниковъ.

Время царствованія нѣкоторыхъ изъ этихъ государей эль-Бируни опредѣляетъ. Такъ Афригъ строилъ крѣпость въ 305 году по Р. Х.; Арсамухъ [2]), десятый шахъ этой династіи былъ современникъ пророка Мухаммеда, около 610 года по Р. Х.; Аскаджамукъ, 14-й шахъ, поставленъ былъ валіемъ Кутейбою ибнъ-Муслимомъ въ 712 (?) году по Р. Х. Послѣдній изъ нихъ (22-й) Абу-Абд-улла былъ въ 995 г. по Р. Х. убитъ, и въ Хорезмѣ воцарилась новая династія [3]). Первый шахъ съ мусульманскимъ именемъ является Абд-улла, по счету 17-й. Время обращенія его въ исламъ г. Захау, принимая во вниманіе 30-ти лѣтнее царствованіе государей Хорезма (конечно, среднимъ числомъ), полагаетъ въ началѣ IX столѣтія, въ халифатство

[1]) Тамъ же, стр. 32.

[2]) Вѣроятно и Фарасмана у Арріана надо читать *Арсамухъ;* это имя, какъ видно, часто носили государи Хорезма.

[3]) См. дальше, стр. 30.

Мамуна. Дѣйствительно, Абд-улла (о которомъ свѣдѣній не имѣемъ) долженъ былъ царствовать въ концѣ VIII вѣка и началѣ IX. Подтвержденіемъ этому служитъ также время царствованія Шаушафара. Этотъ Шаушафаръ, несомнѣнно Шаошыфынь китайскихъ извѣстій [1]), и по близкой передачѣ и по времени (посольство въ 751 году).

Послѣ завоеванія Хорезма Арабами, въ этой странѣ введено было мусульманское лѣтосчисленіе, эрою котораго во всѣхъ завоеванныхъ ими странахъ принято было «бѣгство» Мухаммеда изъ Мекки въ Медину. Лѣтописи, какъ сказано, были истреблены. Мало того, всѣхъ тѣхъ, которые могли читать и писать древнимъ хорезмскимъ письмомъ, которые помнили преданія страны и изучали мѣстные памятники, Кутейба старался истреблять всѣми возможными способами [2]). Вотъ почему древняя исторія Хорезма до вторженія въ него арабовъ такъ темна. Извѣстія самого Хорезма такъ кратки и не даютъ почти никакого понятія о состояніи этой страны, что мы были, кажется, вправѣ поставить ихъ на второмъ планѣ, послѣ уже иностранныхъ извѣстій.

По завоеваніи Хорезма Арабами, тамъ всетаки удержалась своя династія, которая правила страной и при Омайядахъ и при Аббасидахъ. Такъ свидѣтельствуетъ эль-Байхаки [3]). Исламъ, не смотря на всѣ усилія Кутейбы, долго не прививался въ Хорезмѣ, если вѣрить эль-Бируни. Три государя, одинъ за другимъ, правили Хорезмомъ, не принимая исламъ (Аскаджамукъ, Шаушафаръ и Туркседосе), и уже только послѣ нихъ начинаются государи съ мусульманскими именами. Религія Зороастра, не вдругъ, значитъ, уступила здѣсь исламу. При какихъ обстоятельствахъ Хорезмійцы обращены были въ «правовѣрныхъ», а равно и

---

[1]) См. раньше, стр. 9.

[2]) Zur Gesch. und Chronol. von Khwar. s. 12—13.

[3]) *Sachau.* Zur Gesch. und Chron. von Khwar., s. 35—36.

то, что происходило въ Хорезмѣ съ начала VIII вѣка до конца IX, мы рѣшительно ничего не знаемъ. Это время (слишкомъ $1^1/_2$ вѣка) можно назвать самымъ темнымъ періодомъ во всей исторіи Хорезма.

Дальнѣйшія извѣстія о Хорезмѣ встрѣчаются въ исторіи династій, царствовавшихъ въ Средней Азіи въ IX, X и XI столѣтіяхъ.

Владычество Арабовъ въ Средней Азіи не было ни прочно, ни продолжительно. Хоалифы не имѣли на столько силы, чтобы распоряжаться судьбою завоеванныхъ тамъ провинцій по своему произволу. Правители въ нихъ, ими поставленные, держали себя такъ самостоятельно, что стали передавать власть свою наслѣдственно дѣтямъ. Халифамъ оставалось только одно право инвеституры съ тѣмъ, впрочемъ, что своего выбора сдѣлать они не могли. Еще менѣе, слѣдовательно, было у нихъ возможности смѣнить неправившихся имъ правителей. Такимъ образомъ, скоро стали возникать въ Средней Азіи независимыя династіи, признававшія халифа не болѣе, какъ главу религіи. И вотъ началось отложеніе провинцій. Раньше другихъ отложились Тагериды въ Хорасанѣ (въ самомъ началѣ III вѣка гиджры), за ними—Соффариды въ Седжестанѣ (въ половинѣ III в.), Саманиды—въ Мавераннагрѣ (въ концѣ III вѣка) и т. д. Всѣ они покровительствовали персидскому языку и персидской литературѣ, которая обязана имъ своимъ возрожденіемъ.

Хорезмъ подъ властію Саманидовъ.

Династія [1]) эта ведетъ свое начало отъ Беграмъ-Чубина, который Сассанидомъ, Ормуздомъ III назначенъ былъ губернаторомъ въ Адербейджанѣ. Саманъ же, давшій имя ей, былъ простымъ погонщикомъ верблюдовъ; но его правнукъ Измаилъ, сынъ Ахмедовъ, сдѣлался независимымъ владѣтелемъ всего Мавераннагра [2]).

Когда Насръ, сынъ Ахмедовъ, назначенъ былъ халифомъ намѣстникомъ Мавераннагра, то, не желая оставить Самаркандъ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе, поставилъ въ Бухарѣ, въ качествѣ своего вассала, брата Измаила. Измаилъ былъ очень друженъ съ Рафъи, правителемъ Хорасана, который содѣйствовалъ Измаилу присоединить къ себѣ и Хорезмъ, раньше зависѣвшій, какъ кажется, отъ Хорасанскаго намѣстничества [3]). Случилось это, полагаетъ г. Захау, между 268 — 272 (=881 — 885) годами гиджры, такъ какъ Рафъи назначенъ былъ въ Хорасанъ намѣстникомъ въ 268 году; а въ 272-мъ Насръ, напуганный усиленіемъ своего брата, выступилъ противъ него съ войскомъ [4]). Насръ потерпѣлъ неудачу; но Измаилъ не посягнулъ на брата; отпустилъ его въ Самаркандъ, и до самой смерти Насра оставался вѣрнымъ его вассаломъ; а послѣ занялъ его мѣсто [5]).

Абу-Насръ Ахмедъ (301 — 331 = 913 — 942,з) сынъ

---

[1]) Исторія этой династіи изложена по персидски Мирхондомъ въ Рауветъ-эс-Сефа и переведена на французскій языкъ Дефремери. См. Histoire de Samanides par Mirkhond; trad. par Defrémery.

[2]) Histoire des Samanides, p. 117. Измаилъ царствовалъ съ 280 по 295 (893—907).

[3]) Hist. des Samanides; p. 115.

[4]) Zur Gesch. und Chronol. von Khwarizw; II theil, s. 286.

[5]) Ибнъ-эль-Эсиръ; VII, 193.

Измаила, ссылаетъ въ 306 (918) году въ Хорезмъ взбунтовавшагося губернатора Бухары Мухаммеда — бенъ Джунайда [1]).

По вступленіи на престолъ Эмира Нуха (331 — 343= 943 — 954), правитель Хорезма Абдулла, сынъ Ашкамовъ, вздумалъ отложиться отъ Саманидовъ. Нухъ въ 332 (944) году отправился изъ Бухары въ Мервъ; а оттуда послалъ въ Хорезмъ армію подъ начальствомъ Ибрагима, сына Фарисова. Но дорогою предводитель этотъ умеръ; а Ибнъ Ашкамъ искалъ убѣжища у хана *(мелика)* Турокъ. Сынъ этого тюркскаго хана содержался въ Бухарѣ въ заключеніи. Нухъ предложилъ хану освободить его сына на условіи выдачи Абдуллы. Тотъ согласился, и Абдулла принужденъ былъ просить у Нуха прощенія, которое Нухъ ему и даровалъ [2]).

Эти извѣстія относятся къ лѣвому побережью Аму-Дарьи. При Саманидахъ Хорезмъ раздѣлялся на двѣ части (границей служила рѣка Аму); на правое побережье и лѣвое. Въ правомъ, гдѣ столицею былъ *Кятъ*, правила мѣстная династія Хорезмъ—шаховъ на правахъ вассальства. Въ лѣвомъ, съ главнымъ городомъ *Ургенчемъ* (эль-Джорджаніэ), сидѣли намѣстники, поставляемые Саманидами. Относительно Хорезмъ—шаховъ знаемъ очень немного. Въ началѣ 309 (921) года видимъ Хорезмъ-шаха (имя его неизвѣстно) въ войскѣ Насра въ борьбѣ его съ Лейломъ, полководцемъ дейлемскимъ [3]). Въ 383 (993) году, во время войны Нуха, сына Насрова, съ Богра-ханомъ Тюркскимъ, Нухъ много былъ обязанъ Хорезмъ-шаху Абу-Абдуллаху и ургенчскому намѣстнику Мануну, за ихъ содѣйствіе; а потому, по окончаніи похода, пожаловалъ перваго Абивер-

---

[1]) Hist. des Samanides; p. 134.

[2]) Hist. des Samanides; p. 141, примѣч. Дефремери. Ибнъ-эль-Эсиръ; VIII, стр. 310—311.

[3]) Hist. des Samanides; p. 135. Ибнъ-эль-Эсиръ; VIII, 90—91.

домъ; втораго—Нисаемъ. Но правитель Хорасана Абу-Али, сдавъ Нисай посланнымъ Мамуномъ чиновникамъ, отказался сдать Абивердъ Хорезмъ-шаху, утверждая, что городъ этотъ принадлежитъ его брату; такъ посланные шаха и вернулись ни съ чѣмъ. Въ тоже время Абу-Али пересталъ оказывать повиновеніе своему сюзерену; но Нухъ смирилъ его и отправилъ въ Ургенчъ, наказавъ тамошнему намѣстнику Мамуну, сыну Мухаммедову оказывать ему подобающій почетъ. Но когда Абу-Али прибылъ въ Гезараспъ, на него напалъ Абу-Абдулла Хорезмъ-шахъ, захватилъ въ плѣнъ и увелъ въ Хорезмъ (Кятъ), гдѣ и заключилъ въ замокъ. Такъ мстилъ онъ Абу-Алію за Абивердъ. Мамунъ, узнавъ о поступкѣ Хорезмъ-шаха, отрядилъ своего служителя (гуляма) Иленка [1]) для освобожденія Абу-Алія. Иленкъ осадилъ Кятъ, взялъ его, освободилъ Абу-Алія и плѣнилъ самого Хорезма-шаха, котораго и доставилъ въ Ургенчъ. Здѣсь Мамунъ задалъ въ честь Абу-Алія пиръ, и когда они порядочно подгуляли, привели плѣннаго Хорезмъ-шаха и стали предлагать ему разные вопросы; а когда онъ не захотѣлъ отвѣчать на нихъ, то Мамунъ приказалъ умертвить его. Случилось это въ 385 (995) году [2]). Со смертію Абу-Адуллы погасла древняя династія Хорезма, замѣчаетъ эль-Бируни [3]). Съ 93 по 385 (712—995) годъ царствовало въ (Южномъ?) Хорезмѣ 8 государей прежней династіи: Шаушафаръ, Турксебосэ, Абдулла, Мансуръ, Иракъ, Мухаммедъ, Ахмедъ, Абу-Абдулла Мухаммедъ.

Весь Хорезмъ поступилъ въ вѣдѣніе Мамуна. Въ 387 (997) году, Мамунъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ тѣлохранителей, а въ томъ же году, 13 реджеба, умеръ и его

---

[1]) По Утби, автору *Китаби Емини*: Ильменкъ, который былъ камергеромъ у Абу-Али (Notices et Extraits; t. IV, p. 362).

[2]) Hist. des Samanides; p. 185—187. По Утби же Абу-Абдулла захватилъ Абу-Али 3 рамазана 386 г. (19 сентября 996 г.). Стр. 362.

[3]) Zur Gesch. und Chronol. von Khwarizw; s. 29—30.

сюзеренъ, Нухъ сынъ Мансура [1]). Мамуну наслѣдовалъ сынъ, Али; но ему пришлось имѣть дѣло уже не съ Саманидами, могущество которыхъ было расшатано тюркскою династію Караханидами; а съ *Газневидами*, которые смѣнили Саманидовъ.

Для насъ Русскихъ династія Саманидовъ имѣетъ важное значеніе. Монетами этой династіи усѣяна средняя и сѣверная Россія, что̀ служитъ вещественнымъ доказательствомъ обширной торговли этого края съ Средней Азіей въ IX и X вѣкахъ; а такъ какъ торговый путь лежалъ черезъ Хорезмъ, шли ли караваны къ Каспійскому морю, или къ Волгѣ (нынѣшними киргизскими степями)—то Хорезмъ служилъ для Средней Азіи главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ. Вотъ что говоритъ Масъуди въ *Муруджу-з-захаби*. Караваны съ товарами постоянно ходятъ изъ Булгаріи въ Хорезмъ и на оборотъ; при этомъ имъ приходится защищаться отъ кочевыхъ тюркскихъ племенъ, черезъ страны которыхъ имъ лежитъ путь [2]). Въ другомъ своемъ сочиненіи *Китабъ-эт-Тенбигъ* Масъуди сообщаетъ, что большія суда изъ Хорезма, нагруженныя разными товарами, ходятъ по Волгѣ; другія же привозятъ изъ земли Буртасовъ мѣха чернобурыхъ лисицъ [3]). Мукаддеси перечисляетъ всѣ товары, которые привозились въ Хорезмъ и расходились оттуда въ разныя страны [4]). Абу-Хамедъ-Андалуси также упоминаетъ о караванахъ, постоянно отправляющихся изъ Хорезма въ Булгаръ и изъ Булгара въ Хорезмъ; при этомъ говоритъ, что оттуда доставлялась въ Хорезмъ слоновая (моржовая?) кость, которую хорезмцы покупали дорогой цѣной [5]). На-

---

[1]) Ибнъ-эль-Эсиръ; ч. IX, 91—93.

[2]) Les prairies d'or; II, 15—16.

[3]) Notices et Extraits; VIII.

[4]) *Д. А. Хвольсонъ*, «Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ и т. д. Ибнъ-Даста» Спб. 1869, стр. 180—181.

[5]) *Френъ*, Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte. Спб. 1823, стр. 229, 237.

конецъ, въ нашихъ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что Преподобный Несторъ купилъ бумагу для своей рукописи у Харясскаго, т. е. Хорезмскаго купца [1]).

Съ паденіемъ Саманидовъ пала и торговля, которой они покровительствовали. Мѣсто Хазаръ на берегахъ Яика и Волги заняли въ XI в. Гузы; а Бухара и Самаркандъ были завоеваны Турками Харлухами (Караханиды): эти обстоятельства окончательно убили торговлю.

Правленіе Саманидовъ было самое благодѣтельное для странъ имъ подвластныхъ. Всѣ арабскіе путешественники съ восторгомъ описываютъ состояніе ихъ владѣній, и только со времени Саманидовъ арабскіе путешественники пріобрѣтаютъ важное значеніе относительно Средней Азіи.

Такъ какъ изъ географическихъ сочиненій всегда можно извлечь много историческихъ указаній, то приведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе важныхъ не можетъ быть здѣсь лишнимъ. Первый арабскій географъ, описавшій Хорезмъ по личному въ немъ пребыванію, былъ Абу-Исхакъ эль-Фаризи эль-Истахри, путешественникъ первой половины X вѣка. Раньше его упоминали о Хорезмѣ Ибнъ—Хордадбегъ (865 г.), Якуби (891 г.), Ибнъ-Досте, Масъуди; но они упоминали о немъ лишь вскользь; Истахріево же описаніе послужило основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ путешественниковъ.

Вотъ что сообщаетъ Истахри о Хорезмѣ [2]): «Хорезмомъ называется страна отдѣльная и отъ Хорасана и отъ Мавераннагра; со всѣхъ сторонъ она окружена степями. Границы ея на сѣверѣ и западѣ соприкасаются съ землею Гузовъ [3]); на югѣ и востокѣ—съ Хорасаномъ и Мавера -

---

[1]) *Сенковскій*, «Фабрикація бумаги» (Библіотека для Чтенія, 1835, т. XI, стр. 27).

[2]) Переводъ этотъ составленъ по тексту, изданному де-Гуе; см. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Ed. M. J. de-Goeje. Pars prima, Viæ regnotum. Lugd. Batavorum. 1870, стр. 299—305.

[3]) *Гузы*—кочевое тюркское племя, извѣстное нашимъ лѣтописцамъ подъ именемъ Узовъ въ X в. жившее между Каспійскимъ и Аральскимъ морями

нагромъ [1]). Хорезмъ занимаетъ нижнее теченіе Джейхуна [2]), и за нимъ нѣтъ по этой рѣкѣ никакихъ уже воздѣланныхъ мѣстъ до самаго впаденія ея въ море Хорезмское (Аральское). Лежитъ онъ по обоимъ берегамъ рѣки; главный же его городъ—на сѣверной сторонѣ. Есть и на южной сторонѣ Джейхуна большой городъ, эль-Джорджаніэ [3]); послѣ столичнаго это самый большой городъ въ странѣ. Онъ служитъ главнымъ торговымъ пунктомъ для Гузовъ; изъ него отправляются караваны въ Джорджанъ [4]), въ Хазарію [5]) и Хорасанъ [6]).

«Сперва было у меня намѣреніе изобразить одну половину Хорезма на картѣ Хорасана, а другую на картѣ Мавераннагра; но такъ какъ цѣль этой книги дать ясное представленіе странъ и городовъ, то я и предпочелъ показать Хорезмъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ Мавераннагромъ, чѣмъ избѣгъ повтореній».

«Въ Хорезмѣ, кромѣ столичнаго города, находятся слѣдующіе города: Дерганъ, Гезараспъ, Хивакъ, Хошмитанъ, Арда-Хошмитанъ, Сафердизъ, Нузваръ, Кердеранъ-Хавашъ (или вѣрнѣе Кердеранъ-Хошъ?), Курдеръ, селеніе Берате-гинъ, Мезминіэ, Мездиханъ и эль-Джорджаніэ» [8]).

и далѣе на востокъ до Аспиджаба. У китайскихъ писателей встрѣчаются они, подъ именемъ Гэша или Гэса, въ VII вѣкѣ. См. раньше, стр. 8.

[1]) Подъ Мавераннагромъ Арабы разумѣли не только древнюю Трансоксіану, т. е. страны между Аму-Дарьей и Сыръ-Дарьей, но и земли, лежащія къ сѣверу отъ этой послѣдней рѣки: Шашъ, Аспиджабъ, Таразъ.

[2]) Ибнъ-Хаукаль, посѣтившій Хорезмъ вслѣдъ за Истахри и добавившій его, говоритъ за тѣмъ: «страна эта обширная (растянутая), со множествомъ городовъ». Viæ regnorum, pars II, Lugd. Batav. 1873. 350.

[3]) Такъ арабскіе писатели транскрибировали *Ургенчъ*.

[4]) Древняя Гирканія на южномъ берегу Каспійскаго моря.

[5]) Хазары въ X в. жили на западъ отъ Гузовъ до Азовскаго моря и Дона. (Константинъ Багрянородный).

[6]) Ибнъ-Хаукаль говоритъ: «въ прежнія времена караваны ходили и въ Хазарію, и въ Хорасанъ»; стр. 350.

[7]) Или *Арса*-хошъ-митанъ? (отъ Арсамуха; См. *Sachau*, Zur Gesch. und Chronol. von Khwar., s. 32).

[8]) У Ибнъ-Хаукаля передъ эль-Джорджаніэ стоитъ Кисъ (Деркясъ). Нѣ-

«Столичный городъ называется по хорезмійски *Кясъ* (Кятъ) [1]); при немъ находится крѣпость, которая необитаема. Городъ, при ней прежде находившійся, былъ разрушенъ рѣкою, и жители построили новый, позади прежняго. Теперь рѣка приблизилась уже къ крѣпости и ей также грозитъ разрушеніемъ [2]). Соборная мечеть находится позади крѣпости; а подлѣ мечети выстроенъ дворецъ шаха хорезмскаго; тюрьма же стоитъ при крѣпости. Серединою города проходитъ каналъ *Джардуръ*, который раздѣляетъ городъ на двѣ части; по обѣ стороны канала лежатъ базарныя площади длиною около трети фарсаха. Ворота города разрушены были въ тоже время, когда часть города подверглась разрушенію; впрочемъ, за этимъ мѣстомъ разрушенія, причиненнаго рѣкою, снова выстроенъ городъ».

«Крайнюю границу Хорезма составляетъ *Таγеріэ*, вблизи Амоля; отсюда начинается по южному берегу рѣки обработанная полоса Хорезма. Сѣверный же берегъ необитаемъ вплоть до деревни *Гарамхошнэ*; а отсюда и до самой столицы Хорезма уже оба берега рѣки воздѣланы. За шесть фарсаховъ до Гарамхошнэ проведенъ изъ рѣки къ городу каналъ, орошающій цѣлую населенную волость. Называется онъ *Гау-ховарэ*, что̀ въ переводѣ значитъ «Пища Быка». Въ ширину каналъ этотъ имѣетъ пять *изръа* [3]) (сажень), въ глубину около двухъ *камитовъ* (12 футовъ); онъ судо-

---

которыя названія этихъ городовъ объяснены П. И. Лерхомъ (въ его «Khiva» St.-Petersb. 1873, s. 16). Такъ, въ названіи *Хошмитанъ* онъ находитъ зендское *маэтанъ* (maêthan), что значитъ *жилище;* въ *Сафердизъ*—дизъ иранское слово, означающее *укрѣпленіе.* Кердеранъ-хошъ является у Абуль-гази въ формѣ Герденъ-хостъ.

[1]) Ибнъ-Хаукаль: «Прежнею столицею Хорезма былъ Деркясъ, а когда онъ былъ разрушенъ, то жители построили вблизи его новый городъ, который на языкѣ хорезмійцевъ называется *Кясъ*» (стр. 351).

[2]) Ибнъ-Хаукаль: «рѣка уже разрушила крѣпость»... «и отъ крѣпости не осталось ни знака, ни слѣда» (стр. 351).

[3]) Ибнъ-Хауль вмѣсто 5 *изръа* поставилъ 5 *абваа*, т. е. 5 маховыхъ саженей, что вѣрнѣе, такъ какъ *изръа* собственно значитъ *локоть*.

ходенъ. Изъ Гау-ховарэ, въ 5 фарсахахъ отъ его начала, проведенъ другой каналъ, *Керигъ*, который орошаетъ нѣсколько волостей».

«Заселенная полоса вдоль берега Джейхуна отъ эт-Тагеріэ до Гезараспа не имѣетъ очень большой ширины; но при Гезараспѣ она увеличивается и противъ столичнаго города доходитъ до одного «перегона» *(мерхеле)* [1]); а далѣ опять начинаетъ съуживаться и, съ приближеніемъ къ эль-Джорджаніэ, занимаетъ пространство всего на 2 фарсаха въ ширину; затѣмъ близъ селенія *Гитъ* (Кеитъ, Геитъ, Джеитъ), отстоящаго отъ *Кучаг*'а, селенія лежащаго близъ горъ, на 5 фарсаховъ, воздѣланная мѣстность прекращается, такъ какъ за горами [2]) начинаются уже степи».

«Отъ Гезараспа на западъ проведены изъ Джейхуна каналы; изъ нихъ: Гезараспскій каналъ начинается у Амоля, онъ вдвое меньше канала Гау-ховарэ; но также судоходенъ. Затѣмъ въ двухъ фарсахахъ отъ Гезараспа начинается каналъ *Кердеронъ-хушъ*, гезараспскаго онъ больше; далѣе идетъ каналъ *Хивакскій* (хивинскій) онъ больше предыдущаго и судоходенъ до самаго Хивака (Хивы); слѣдующій каналъ *Медра*, вдвое больше Гау-ховарэ; суда на немъ ходятъ до города Медра; между Хивакскимъ каналомъ и каналомъ Медра разстояніе будетъ *мейль* [3]); за каналомъ Медра слѣдуетъ каналъ *Ведакъ*, по которому суда ходятъ до эль-Джорджаніэ; разстояніе между нимъ и предыдущимъ также *мейль*; отъ канала Ведака до города Хорезма (Кята) разстояніе около 2 фарсаховъ. Ниже этого города, въ провинціи Джорджаніэ, проведенъ каналъ *Бувегъ* (Бугъ), воды котораго соединяются съ водами Ведека при селеніи *Эндерестанъ*, только ниже его и ближе къ эль-Джоржаніэ. Ведакъ больше Бувега; въ обоихъ ходятъ суда; но до Джор-

---

[1]) Разстояніе одного дня пути, отъ 50 до 60 верстъ.

[2]) Горы эти, надо полагать, южный склонъ Усть-Урта.

[3]) *Мейль*—пространство, на какое можетъ хватить глазъ.

джаніэ не доходятъ на одинъ *гальвэ* [1]), такъ какъ плотина препятствуетъ здѣсь дальнѣйшему движенію судовъ [2]). Разстояніе отъ мѣста сліянія этихъ каналовъ до Джорджаніэ будетъ *мерхеле*. Отъ (начала) канала Гау-ховаре до столицы Хорезма будетъ 12 фарсаховъ. Ширина рѣки Хорезмской при этомъ городѣ равняется 2 фарсахамъ. Курдерскій каналъ имѣетъ начало ниже города Хорезма на 4 фарсаха и проведенъ онъ изъ четырехъ, близкихъ между собою, мѣстъ, и всѣ эти четыре канала сливаются потомъ въ одинъ каналъ, равняющійся по величинѣ Бувегу и Ведаку, по ихъ соединеніи. Говорятъ, что прежде Джейхунъ имѣлъ свое теченіе въ этомъ мѣстѣ, а когда воды въ немъ поубавилось, то убавилась она и въ каналѣ этомъ».

«На сѣверъ отъ *Гита*, на фарсахъ въ степь, лежитъ городъ *Медминіэ* (или Мезминіэ), отдаленный отъ Джейхуна на 4 фарсаха; тѣмъ не менѣе онъ принадлежитъ къ провинціи Джорджаніэ; это происходитъ оттого, что рѣка отъ Курдера дѣлаетъ поворотъ и прорѣзываетъ пространство между Гитомъ и Медминіэ [3]). Послѣ Медминіэ по берегу Джейхуна поселеній больше нѣтъ. Между Джейхуномъ и Кердеромъ находится волость *Мездихканъ*; между Мездиханомъ и Джейхуномъ разстояніе 2 фарсаха; лежитъ же эта волость напротивъ Джорджаніэ. При каждомъ селеніи между Кердеромъ и столицей проведенъ изъ Джейхуна каналъ; да и всѣ каналы здѣсь проведены изъ этой рѣки».

«Впадаетъ Джейхунъ въ море Хорезмское (Аральское) въ томъ мѣстѣ, гдѣ живутъ рыболовы. Нѣтъ тамъ ни селеній, ни построекъ; а названіе этому мѣсту *Халиджанъ*. По берегу моря, близъ Халиджана начинается уже земля Гузовъ. Въ мирное время приходятъ они изъ своей страны

---

[1]) *Гальвэ*—разстояніе на полетъ стрѣлы.

[2]) Объ этой плотинѣ см. дальше, стр. 40 — 41 въ извлеченіи, взятомъ у Мокаддеси.

[3]) За вѣрную передачу текста въ этомъ мѣстѣ не ручаюсь.

въ селеніе Бератегинъ; изъ другихъ же мѣстъ направляются въ эль-Джоржаніэ. Оба эти пункта укрѣплены».

«Вдоль Джейхуна, за три фарсаха до Гау-ховарэ, тянутся горы, которыя стѣсняютъ теченіе рѣки, и съуживается она до того, что ширина ея достигаетъ всего только трети прежней своей ~~ширины~~ величины. Это мѣсто называется *Абукша;* оно опасно для судовъ, какъ по быстротѣ теченія, такъ и по водоворотамъ, при выходѣ отсюда. Отъ того мѣста, гдѣ впадаетъ въ море Джейхунъ, до мѣста впаденія Шашской рѣки (Сыръ Дарьи), разстояніе въ четыре дня пути» [1]).

«Джейхунъ по зимамъ часто замерзаетъ, такъ что по льду перевозятъ тяжести. Замерзаніе это начинается въ странѣ Хорезмской и простирается до того мѣста, куда достигаютъ сильные морозы [2]) Хорезмъ же самое холодное мѣсто на Джейхунѣ. На берегу моря Хорезмскаго находится гора *Джеграгиръ* (или Джафрагиръ) [3]), здѣсь вода замерзаетъ и остается замерзшею до самаго лѣта. Мѣстность эта представляетъ болото, поросшее тростникомъ [4]). Море это имѣетъ въ окружности, какъ сказываютъ, около 100 фарсаховъ; вода въ немъ соленая, и неизвѣстно у него никакого стока воды [5]). Впадаютъ въ него рѣки: Джейхунъ, Шашская и другія; но вода его оттого ни прѣснѣе не дѣлается, ни въ количествѣ не увеличивается. Кажется, что между этимъ моремъ и моремъ Хазарскимъ (Каспійскимъ)

---

[1]) У Мордтмана (Das Buch der Länder, Hamburg. 1845, s. 128) и у Ибнъ-Хаукаля (Viæ regn., стр. 354) сказано *десять* дней пути.

[2]) Такъ, кажется мнѣ, слѣдуетъ понимать это мѣсто, казавшееся Мордтману темнымъ. Истахри говоритъ здѣсь о пространствѣ замерзанія Джейхуна вверхъ отъ Хорезма.

[3]) Здѣсь опять рѣчь идетъ объ Усть-Уртѣ, южная часть котораго и теперь носитъ разныя названія, съ прибавленіемъ слова *Киръ*, что значитъ *возвышенная степь:* Каранъ-*Киръ* (Абуль-Гази), Кафланъ-*Киръ* (Вамбери). Де-Гуѣ читаетъ: der Berg Djaghra-Ghozz (Das alte Bett des Oxus, s. 93).

[4]) Не Айбугиръ ли это?

[5]) Этимъ, кажется мнѣ, Истахри хочетъ сказать, что Аральское море—закрытое море.

есть подземные каналы, посредствомъ которыхъ воды обоихъ морей соединяются между собою; а, впрочемъ, Богъ вѣдаетъ! Разстояніе между упомянутыми морями, по прямому направленію, равно 20 мерхеле».

«Изобилуетъ Хорезмъ хлѣбомъ и плодами; нѣтъ въ немъ только орѣховъ. Въ большомъ количествѣ вывозятся отсюда бумажныя и шерстяныя ткани, которыя расходятся въ страны самыя отдаленныя. Высшій классъ жителей страны богатъ и ведетъ жизнь роскошную. Хорезмійцы странствовать и путешествовать любятъ болѣе Хорасанцевъ, такъ что нѣтъ въ Хорасанѣ ни одного большаго города, въ которомъ не было бы значительнаго числа Хорезмійцевъ. Языкъ ихъ совершенно особенный [1]), и въ Хорасанѣ нѣтъ мѣстности одинаковой по ихъ языку. Отличительная ихъ одежда куртка и колпакъ [2]). По наружности рѣзко отличаются они отъ Хорасанцевъ. Хорезмійцы находятся въ большой опасности отъ Гузовъ и принуждены постоянно сдерживать ихъ. Нѣтъ здѣсь ни золотыхъ ни серебряныхъ рудъ, а равно нѣтъ и драгоцѣнныхъ камней. Народъ же ботатѣетъ единственно отъ торговли съ Турками и отъ разведенія домашнихъ животныхъ. Много доставляется сюда рабовъ Славянъ и Хазаръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и турокъ изъ странъ подвластныхъ. Идутъ сюда и мѣха: бобровые, собольи, лисьи, выдры [3]) и тому подобные».

Далѣе Истахри приводитъ слѣдующія разстоянія между городами Хорезма: [4]) отъ города Хорезма до Хивака 1 мерхеле, отъ Хивака до Гезараспа — 1 мерхеле, отъ столич-

---

[1]) О языкѣ говоритъ и Мукаддеси, см. дальше, стр. 41.

[2]) Ибнъ-Хаукаль добавляетъ: «колпакъ у нихъ изогнутый, по ихъ обыкновенію»; стр. 354.

[3]) Переводя такимъ образомъ арабское названіе *хазъ*, я слѣдую въ этомъ случаѣ Френу, который даетъ такой переводъ этому слову (см. Ibn. Fozlan's Berichte. St.-Petersb. 1823, s. 159); а Френъ дѣлалъ свои заключенія на основаніи арабской зоологіи *Демири*.

[4]) Истахри, стр. 341.

наго города до эль-Джорджаніэ — 3 мерх., отъ этого послѣдняго до Арда-Хошмитана — 1 мерх.; отъ Арда-Хошмитана до Нузвара — 1 мерх.; отъ него до эль-Джорджаніэ — 1 мерх.; между Гезараспомъ и Кердеронъ—Хошемъ 3 фарсаха; отъ Кердеронъ-Хоша до Хивака 5 фар.; отъ Хивака до Сафердиза—5 фар.; отъ Сафердиза до столицы 3 фар.; отъ столицы до Дерджаша—2 мерх.; отъ Дерджаша до Курдера 1 мерх.; отъ Курдера до селенія Бератегинъ 2 дня пути; Медминіэ и селеніе Бератегинъ сосѣдятъ между собою, только Медминіэ ближе къ Джейхуну. Отъ Медминіэ до Джейхуна 4 фарсаха; между Мездихканомъ и Джейхуномъ 2 фарсаха; городъ этотъ лежитъ напротивъ Джорджаніэ. Между эль-Джорданіэ и Джейхуномъ разстояніе одинъ фарсахъ».

Такимъ образомъ, отъ Истахри мы узнаемъ о пространствѣ занимаемомъ Хорезмомъ [1]), и видимъ что онъ лежалъ въ то время по обоимъ берегамъ Джейхуна. Узнаемъ, что его окружаютъ кочевники, какъ было это раньше и какъ это осталось и въ наши дни. Узнаемъ объ отношеніи Хорезмцевъ къ этимъ кочевникамъ; узнаемъ вкратцѣ о производительности страны, ея богатствѣ, промышленности жителей и о торговлѣ. Встрѣчаемъ имена такихъ городовъ, которые упоминаются только у арабскихъ географовъ, единственныхъ источниковъ древней географіи Хорезма.

Вскорѣ послѣ Истахри посѣтилъ Хорезмъ Ибнъ-Фоцланъ (921—922), который отзывается о Хорезмѣ съ самой невыгодной стороны, потому, можетъ быть, что прибылъ туда зимой. Впрочемъ, его сообщенія не имѣютъ никакой особенной важности. Сохранились они только въ извлеченіи у Якута, въ его словарѣ, подъ словомъ «Русу».

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что на разстоянія, приводимыя Истахри, полагаться очень не слѣдуетъ. Мы имѣемъ примѣры, что разныя лица, совершившія одинъ и тотъ же путь, показывали разныя величины. Такъ, напримѣръ, Муравинъ, съѣздивши изъ Хивы въ Ханки, показываетъ путь этотъ въ 35 верстъ; тогда какъ Ковырзинъ (плѣнный), много разъ проѣзжавшій по этой дорогѣ, показываетъ ее въ 50 верстъ.

Въ самомъ концѣ X столѣтія важныя свѣдѣнія о Хорезмѣ далъ Мокаддеси [1]). Воспользуемся нѣкоторыми изъ нихъ. Съ большими подробностями описываетъ онъ города въ Хорезмѣ. Главный городъ этой страны Мукаддеси называетъ *Кятъ*; за нимъ, на Геятелитской (за-Оксанской) сторонѣ: Гардманъ, Вайканъ, Арда-Хива, Нукифагъ, Кердеръ, Медзихканъ, Джашира, Садуръ, Зердукъ, селеніе — Бератегинъ, Мезминіэ. По сю (лѣвую) сторону Джейхуна главный городъ эль-Джорджаніэ; а прочіе: Нузваръ, Замахшаръ, Рузвендъ, Вазармендъ [2]), Дескаханъ-кясъ, Хошмитанъ, Мадамитанъ (Медра-митанъ?), Хива, Кердеранъ-кясъ, Гезараспъ, Джиграбендъ, Джазъ, Дарганъ, Гитъ, Садферъ (Сафердизъ), Мазазанъ, Кардаръ, Эндерестанъ.

Описывая *Кятъ*, Мокаддеси говоритъ, что онъ больше Нишабура; славится своими чтецами, у которыхъ прекрасный голосъ и пріятное произношеніе, какое напрасно стали бы искать въ Иракѣ. Городъ пользуется хорошею славою. *Арда-Хива* окружена стѣною и лежитъ у подошвы горъ, при входѣ въ степи. *Мездихканъ* великъ и имѣетъ большой округъ съ 12 тысячами замковъ. *Садуръ* лежитъ на берегу Джейхуна. *Каріятъ (селеніе) Бератегинъ* великъ и находится при горахъ въ степи. Здѣсь добывается камень для построекъ. *Джджорджаніэ*, главный городъ хорасанской стороны, лежитъ при Джейхунѣ. Прежде вода рѣки достигала до самыхъ стѣнъ этого города; тогда жители построили плотину изъ хвороста и деревьевъ, задержали

---

[1]) Изданіе Мокаддеси предпринято голландскимъ арабистомъ де-Гуѣ и издана уже имъ 1-я часть этого сочиненія, что составило 3-й томъ его «Библіотеки арабскихъ писателей» (Al-Mocaddasi, pars prior. Lugd. Batav. 1876); но описаніе Хорезма въ нее не вошло. Я воспользовался тѣмъ переводомъ, который самъ де-Гуѣ помѣстилъ въ своей статьѣ: «Das alte Bett des Oxus», стр. 97—103.

[2]) Не есть ли этотъ городъ Вазармендъ,—тотъ городъ, который у Абуль-Гази названъ Везиремъ, Везирь-Кендомъ, и который, по предположенію де-Гуѣ, надо искать на развалинахъ Геита (Кеита, Гита и т. д.). Das alte Bett des Oxus, s. 63.

теченіе воды въ эту сторону и отклонили ее на востокъ. Работа эта, по истинѣ, удивительная. Затѣмъ рѣка направилась къ Каріятъ-Бератегинъ. Къ городу же проведены каналы, которые текутъ у городскихъ воротъ; но черезъ городъ не протекаютъ, такъ какъ ворота для этого слишкомъ узки. Джорджаніэ съ каждымъ днемъ увеличивается все больше и больше. Возлѣ «Воротъ Странниковъ» находится дворецъ, построенный Мамуномъ; ворота этого дворца по своей изящности не имѣютъ себѣ подобныхъ въ цѣломъ Хорасанѣ. Сынъ его Али [1]) также построилъ себѣ дворецъ, передъ которымъ находится площадь вродѣ бухарскаго регистана. На этой площади происходитъ торгъ овцами. Всѣхъ воротъ въ городѣ четверо. *Замахшаръ* — городъ небольшой, окруженъ стѣною; его мосты на ночь подымаются. *Хива* лежитъ при началѣ степи; городъ большой. *Дарганъ* замѣчателенъ мечетью, лучшей во всей странѣ. *Гитъ* — городъ большой, укрѣпленъ; за нимъ начинается земля Гузовъ.

Языкъ Хорезма внѣ страны непонятенъ. По произношенію онъ походитъ на языкъ жителей Амоля и Фарабра; но ближе всего онъ подходитъ къ бухарскому нарѣчію.

Во всемъ Мавераннагрѣ, а, кажется, и въ Хорасанѣ на эктеніяхъ произносится имя Саманидскаго государя, какъ верховнаго правителя. Всѣ государи платятъ ему подать *(хараджъ)*, за исключеніемъ правителей Седжестана, Хорезма, Гурджистана, Дзузджана, Боста, Газны и Хуттеля, которые представляютъ ежегодно подарки; а подать удерживаютъ для себя. Въ Хорезмѣ сборъ податей простирается до 420,120 дирхемовъ по внутренней цѣнѣ [2]).

---

[1]) О Мамунѣ и сынѣ его Абу-Али см. дальше, Хорезмъ при Газневидахъ, стр. 44.

[2]) Т. е. такихъ дирхемовъ, которые, вмѣсто обыкновенныхъ 6 *данек*'овъ, содержали въ себѣ только 4½. Это дѣлалось, по Мокаддеси, для того, чтобы удержать серебро въ своей странѣ.

Мокаддеси посѣтилъ Хорезмъ въ періодъ наибольшаго развитія могущества Саманидовъ, хотя и передъ самымъ концемъ этого могущества. Онъ послѣдній изъ путешественниковъ сообщаетъ о Кятѣ, какъ о столицѣ Хорезма. Черезъ два столѣтія послѣ него Якутъ, описывая Хорезмъ, говоритъ: «Хорезмъ есть названіе не города, а страны. Главный же городъ этой страны носитъ названіе эль-Джорджаніэ; а сами жители называютъ его Гурканджъ [1])». За то и Мокаддеси упоминаетъ о быстромъ развитіи этого города, который получилъ первенство надъ Кятомъ, надо полагать, во время Газневидовъ или въ концѣ могущества Саманидовъ, когда Мамунъ, резиденціею котораго былъ Ургенчъ, присоединилъ и за-рѣчную часть къ своей.

Интересно указаніе Мокаддеси на отношенія Саманидовъ къ своимъ вассаламъ. Главное требованіе ихъ, какъ видно, заключалось въ провозглашеніи имени ихъ на эктеніяхъ. Въ этомъ случаѣ они не дѣлали исключеній; тогда какъ подати платились далеко не всѣми. Нѣкоторыя государства, въ томъ числѣ и Хорезмъ, только представляли ежегодно подарки своему сюзерену.

Изъ другихъ указаній Мокаддеси о Хорезмѣ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ, приводя которое путешественникъ этотъ ошибается; а именно: онъ говоритъ, что Хорезмъ имѣетъ въ длину 80 фарсаховъ (отъ 560 до 640 верстъ) и столько же въ ширину. Мы, основывась на этихъ цифрахъ, могли бы заключить, что прежде, въ X вѣкѣ, Хорезмъ имѣлъ культурной земли гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Такъ это и должно быть, не смотря на нѣкоторое противорѣчіе Истахри. Мокаддеси ошибается только въ

---

[1]) Jacut's Geographisches Wörterbuch. Herausgegeben von Ferdinand *Wüstenfeld*. Zweiter Band. Leipzig 1867, s. 481. Это замѣчаніе поставилъ онъ въ-пику Ибнъ-Фоцлану, который Хорезмомъ назвалъ городъ. Кажется кромѣ того, что Якутъ съ тою же цѣлію слишкомъ расхваливаетъ Хорезмъ, какъ тотъ слишкомъ въ дурномъ видѣ представляетъ эту страну.

томъ, что у него обработанная полоса имѣетъ въ ширину столько же фарсаховъ, сколько и въ длину. По всѣмъ имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, протяженіе Хорезма было больше въ длину, чѣмъ въ ширину.

Относительно пространства земли древняго Хорезма, мы имѣемъ свидѣтельство болѣе позднее, чѣмъ сказанія арабовъ—описаніе путешествія Сюань-Цзаня [1]). Къ сожалѣнію, описаніе его Хорезма имѣетъ двѣ, совершенно различныя редакціи. По одной (по которой страна эта называется *Ho-li-si-mi-kia*), Хорезмъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки *Po-tsou* (Vath-Oxus) и имѣетъ отъ 20 до 30 ли (т. е. отъ 10 до 15 верстъ) съ запада на востокъ, а съ юга на сѣверъ 500 ли. По произведеніямъ почвы и обычаямъ, земля эта походитъ на государство *Fa-ti* (Фергана?); но языкъ нѣсколько иной [2]). По другой передачѣ (гдѣ Хорезмъ называется *Ki-li-sse-mo*) говорится: «это древняя земля государства *Ту-хо-ло*. Имѣетъ 1000 ли съ запада на востокъ, и 300 ли съ сѣвера на югъ. Столица имѣетъ въ окружности отъ 15 до 16 ли. По произведеніямъ почвы и обычаямъ, страна эта много походитъ на государство *Мунъ-кянъ*; но жители этого послѣдняго отличаются большею злостью и вспыльчивостью» [3]). Такимъ образомъ одно описаніе противорѣчитъ другому. Вѣрнѣе по моему второе, только протяженіе въ 1000 ли (500 верстъ) надо принимать не за ширину земли Хорезма; а за протяженіе его по рѣкѣ Аму-Дарьѣ.

---

[1]) Имѣется во французскомъ переводѣ Стан. Жюльена: Mémoires sur les contrées occidentales, trad. du Sanscrit en Chinois, et du Chinois en francais par Stanislas Julien, Paris 1857; и Histoire de la vie de Hiouen-Thsang, trad. du Chinois par Stanislas Julien, Paris 1853.

[2]) Mémoires sur les contrées occid., p. 22.

[3]) Hist. de la vie de Hiouen-Thsang; p. 388—389.

Хорезмъ подъ властію Газневидовъ [1]).

Завоеванія Арабовъ въ Мавераннагрѣ привели ихъ къ столкновеніямъ съ Турками, которые, въ качествѣ рабовъ, уводились въ города Халифата. Многіе изъ такихъ Турокъ поступали къ халифамъ и были зачисляемы ими въ ихъ дружину, которой ввѣряли они защиту престола; но которая своими поступками скоро напомнила древнихъ преторіянцевъ въ Римѣ. Низводя и возводя халифовъ по своему произволу, предводители этой дружины стали требовать у нихъ мѣста губернаторовъ провинцій. Въ этихъ провинціяхъ они скоро дѣлались независимыми.

Къ числу такихъ правителей принадлежалъ турокъ Алпъ-тигинъ, утвердившійся въ Газнѣ, во второй половинѣ X столѣтія. Умирая (въ 365 = 975 году), передалъ онъ управленіе этого провинціею зятю своему, Субукъ-тигину [2]), который и былъ утвержденъ въ этомъ достоинствѣ Саманидомъ Нухомъ, такъ какъ Газна считалась вассальною областью Саманидовъ, и они смотрѣли на Алпъ-тигина, какъ на своего подручнаго. Сынъ же Субукъ-тигина, Махмудъ, наложилъ руку на владѣнія самихъ Саманидовъ.

Въ Хорезмѣ наслѣдовалъ Мамуну (умершему въ 997 г. по Р. Х.) сынъ его, *Али*. Онъ первымъ дѣломъ началъ заискивать дружбы у Газневидовъ и женился на сестрѣ Махмуда, *Хурри*. Согласіе между Али и Махмудомъ не нарушалось до самой смерти перваго изъ нихъ [3]). Такъ напримѣръ, въ

---

[1]) Исторія Газневидовъ, составленная Мирхондомъ, издана въ текстѣ съ латинскимъ переводомъ *Вилькеномъ:* Historia Gasnevidarum. Edidit Fridericus Wilken; Berolini, 1832.

[2]) Династія эта называется также *Субуктигидами*, по имени Субуктигина; Газневидами же называютъ по столицѣ ихъ Газнѣ.

[3]) *Вилькенъ*, Ист. Газневидовъ; *Ибнъ-эль-Эсиръ*, IX, стр. 93; *Утби*, «Китаби-Емини» (Notices et Extr., IV, p. 385, 398).

396 (1005 — 6) году, когда Караханидъ Илекъ-иль-ханъ, воспользовавшись тѣмъ, что Махмудъ отправился походомъ въ Индію, вздумалъ напасть на беззащитный Хорасанъ, и отправилъ туда своего военачальника Субаши-тигина; то давшій ему блистательный отпоръ, Арсланъ-Джазибъ, во время преслѣдованія разбитаго имъ непріятеля, оставлялъ у Али въ Хорезмѣ свой багажъ [1]).

Когда умеръ Али — неизвѣстно. Г. Захау полагаетъ, что умеръ онъ между 396 и 404 г. или, что ближе къ истинѣ — между 396 и 401 г. [2]). Наслѣдовалъ ему братъ, *Мамунъ* (полное имя: Абу-эль-Аббасъ Мамунъ, сынъ Мамуна), которому Махмудъ Газневидъ дозволилъ жениться на вдовѣ Алія [3]). Но хорошія отношенія между нимъ и Махмудомъ скоро нарушились, когда султанъ газневидскій потребовалъ, въ 406 (1015) году, отъ Мамуна провозглашенія на эктеніяхъ въ Хорезмѣ его, Махмудова, имени. Мамунъ, подстрекаемый своими приближенными, отказался исполнить это требованіе, которое изъ свободнаго и не болѣе какъ союзнаго государства обращало Хорезмъ въ вассальное владѣніе, потому что провозглашать на эктеніяхъ чье либо имя и чеканить его на монетахъ значитъ тоже самое, что принять присягу на подданство тому лицу. Обстоятельство на Востокѣ чрезвычайной важности. Ожидая объявленія войны со стороны Махмуда, Мамунъ заключилъ, по совѣту эль-Бируни, союзъ съ караханидскимъ Тоганъ-ханомъ. Когда вѣсти о томъ дошли до Махмуда, онъ двинулъ свое войско не противъ Хорезмъ-шаха; а противъ Тоганъ-хана. Тотъ далъ знать о своемъ положеніи Мамуну; но оба они

---

[1]) *Ибнъ-эль-Эсиръ*, IX, 133—134; *Вилькенъ*, Ист. Газнев., стр. 163; *Захау*, Zur Gesch. und Chron. von Khwarizm, II, 293—294.

[2]) Zur Gesch. und Chron. von Khwarizm, II, 294—296. Послѣднее предположеніе вѣрнѣе, на томъ основаніи, что эль-Бируни говоритъ, что онъ 7 лѣтъ съ 400 по 407 г. находился при Хорезмъ-шахѣ Мамунѣ (тамъ же, стр. 294).

[3]) *Утби*, «Китаби-Емини», p. 398.

были не въ силахъ бороться съ своимъ противникомъ. Махмудъ, какъ видно, щадилъ Хорезмъ-шаха; изъ Бальха послалъ онъ Мамуну ультиматумъ относительно хотьбы. Тому ничего другаго не оставалось, какъ согласиться на это требованіе; кромѣ того, долженъ былъ онъ уплатить Махмуду 80,000 динаровъ и 3000 лошадей, да отправить къ нему же ученыхъ, судей и другихъ почетныхъ лицъ страны. Но какъ раньше придворная партія угрожала Мамуну свергнуть его съ престола, ссли онъ вступитъ въ вассальныя отношенія къ Махмуду Газневиду, такъ теперь войско, находившееся подъ начальствомъ Алпъ-тигина [1]) Бухарскаго, произвело возмущеніе, во время котораго Мамунъ былъ убитъ. Случилось это въ среду, въ половинѣ шевваля 407 г. (въ концѣ февраля или началѣ марта 1017 года); Мамуну было тогда 32 года отъ роду. На престолъ же бунтовщики возвели племянника убитаго Хорезмъ-шаха 17-ти лѣтняго *Абуль-Хариса Мухаммеда*, сына Али; а на мѣсто визиря, тоже убитаго, назначили Ахмеда Тугана. Но въ дѣйствительности-то власть находилась въ рукахъ Алпъ-тигина, который 4 мѣсяца, съ половины шевваля 407 г. до половины сафара 408 г. (съ начала марта по іюль 1017 года), самовластно правилъ Хорезмомъ [2]).

Когда Махмудъ и визирь его Ахмедъ извѣстились объ этихъ событіяхъ въ Хорезмѣ, рѣшено было предпринять туда походъ, къ которому готовились уже всю зиму. Но предварительно Махмудъ хотѣлъ выручить изъ Хорезма свою сестру Хурру; съ этою цѣлію и отправилъ онъ въ Хорезмъ пословъ. Бунтовщики выдали ее посламъ, обѣ-

---

[1]) Такъ пишется его имя у Ибнъ-эль-Эсира; IX, стр. 184. У Мирхонда (Вилькенъ, Ист. Газнев., стр. 63—66 текста)—*Инальтигинъ;* у Дегиня (Gesch. der Hunnen, II, 177)—*Бегальтигинъ;* у *Утби*—*Небальтигинъ* (Notices et Extraits, IV, p. 398).

[2]) По эль-Бируни—въ Zur Gesch. und Chronol. von Khwarizm, II, 294—298. *Вилькенъ,* Ист. Газнев., стр. 63—65 текста и 190—191 перевода. *Утби,* «Китаби-Емини» (Not. et Ext., IV, 398—399).

щали выдать и главныхъ убійцъ Мамуна, уплатить сверхъ того 200,000 динаровъ и 4000 лошадей. Посольство Хорезмійцевъ съ этими предложеніями застало Махмуда въ Газнѣ; но не имѣло успѣха, такъ какъ Махмудъ требовалъ выдачи Алпъ-тигина и прочихъ зачинщиковъ. Хорезмійцы собрали 50,000 войска. Войско Махмуда въ началѣ весны 408 (1017) года выступило противъ нихъ. При Гезараспѣ Алпъ-тигинъ произвелъ ночью нападеніе на войско Махмуда и причинилъ въ немъ такой переполохъ, что не будь слоновъ у Махмуда оно было бы разбито. Но къ полдню счастіе перемѣнилось; Хорезмійцы начали ослабѣвать и потерпѣли полное пораженіе. 5000 плѣнныхъ досталось побѣдителямъ; много Хорезмійцевъ пало на полѣ битвы; другія бѣжали въ лѣса, тянувшіеся по берегу Джейхуна. Алпъ-тигинъ бросился въ лодку и хотѣлъ спастись бѣгствомъ; но спутники его выдали Махмуду, который велѣлъ его, вмѣстѣ со многими другими плѣнными, повѣсить на деревьяхъ, окружавшихъ гробницу Хорезмъ-шаха Мамуна. Взятъ былъ въ плѣнъ и молодой Хорезмъ-шахъ Мухаммедъ. Поставивъ въ Хорезмѣ правителемъ своего постельничаго *Алтунъ-Таша*, Махмудъ, со множествомъ плѣнныхъ (впослѣдствіи они служили у него въ Индѣйской арміи) и съ богатой добычей — вся казна Мамуна досталась ему — вернулся въ Газну [1]).

Такимъ образомъ, въ Хорезмѣ правили, въ качествѣ Хорезмъ-шаховъ, четыре Мамунида: Мамунъ, сынъ Мухаммеда (владѣтель всего Хорезма) съ 385—387 г.); два его сына, Али (съ 387 г.—400) г. и Мамунъ (400 г.—407 г.), и внукъ — Абуль Харисъ Мухаммедъ, сынъ Али (съ 407 по 408 годъ).

При Мамунидахъ жилъ въ Хорезмѣ Абу-Рейханъ Му-

---

[1]) *Вилькенъ*, Ист. Газнев., стр. 64—66 текста и 191—192 перевода. *Утби*, «Китаби-Ямини» (Notices et Extraits, IV, 399); *Ибнъ-эль-Эсиръ*, IX, стр. 184—185.

хаммедъ *эль-Бируни*. Родился онъ 3 числа мѣсяца зильхидже 362 года (въ сентябрѣ 973 г.) [1]). Объ его сочиненіяхъ и изслѣдованіяхъ, за которыя эль-Бируни получилъ прозваніе *эль-Мухаккик*'а «точнаго», я уже говорилъ. 7 лѣтъ, съ 400 по 407 (1009 — 1016), занималъ онъ должность совѣтника при Хорезмъ-шахѣ; по смерти-же Мамуна, былъ устраненъ отъ дѣлъ правленія. Соблазненный предложеніемъ Махмуда Газневида, поступилъ онъ къ нему на службу и переселился въ Газну. Впослѣдствіи эль-Бируни сопровождалъ сына Махмудова, Масъуда, въ его походѣ въ Индію. Умеръ эль-Бируни въ 430 (1038—9) году, въ Газнѣ [2]). Вмѣстѣ съ нимъ удалился въ Газну и философъ *эль-Фараби*.

Алтунъ-Ташъ вѣрно служилъ своему сюзерену, и спокойствіе водворилось въ Хорезмѣ. Въ помощь ему, а отчасти и для надзора, приставленъ былъ, въ должности визиря, Ахмедъ-бенъ Мухамедъ-бенъ—Абд-уль-Самадъ [3]); а для поддержки—отрядъ въ 15,000 человѣкъ (7,500 конницы и столько же пѣхоты).

По смерти Махмуда, въ ребіѣ II 421 г. (въ апрѣлѣ 1030 г.), между двумя его сыновьями Масъудомъ и Мухаммедомъ, начался споръ за обладаніе престоломъ. Алтунъ-Ташъ сталъ на сторону Масъуда и тѣмъ заставилъ его соперника смириться [4]). Вскорѣ же по воцареніи Масъуда, Алтунъ-Ташъ оказалъ ему и другую услугу. Али-тигинъ [5]), намѣстникъ Бухары, предпринялъ набѣгъ на Хорасанъ;

---

[1]) У И. П. Лерха, въ его «Khiva», годъ рожденія эль-Бируни выставленъ 360-й; s. 31.

[2]) *Sachau*, Zur Gesch. und Chron. von Khwarizm, s. 5.

[3]) Такъ по Мирхонду; по Ибнъ-эль-Эсиру же — Абу-Насръ-Ахмедъ-бенъ-Али-бенъ-Абдуль-Самадъ, IX, 294.

[4]) *Ибнъ-эль-Эсиръ*; IX, 281—283.

[5]) Братъ Караханида Илекъ-иль-Хана; см. *В. В. Григорьева*, «Караханиды въ Мавераннагрѣ по *Тарихи-мунедджимъ-баши*», въ османскомъ текстѣ, съ перев. и примѣчаніями (въ Трудахъ Восточн. Отд. Археол. Общ. и въ отд. оттискѣ. Спб. 1874 г., примѣч. 18).

Масъудъ поручилъ Алтунъ-Ташу наказать Али-тигина. Алтунъ-Ташъ съ войскомъ хорезмскимъ и отчасти хорасанскимъ подошелъ въ 423 (1032) г. къ Бухарѣ, взялъ этотъ городъ и направился въ Самаркандъ, преслѣдуя отступавшаго Али-тигина. Но въ тоже время, опасаясь оставаться въ непріятельской землѣ, просилъ у Масъуда позволенія вернуться назадъ, на что тотъ и согласился. Между тѣмъ Алтунъ-Ташъ осадилъ Али-тигина въ городѣ Дабуссіэ и такъ стѣснилъ его, что Али-тигинъ сталъ просить мира. Алтунъ-Ташъ заключилъ съ нимъ миръ и поспѣшно собрался въ обратный путь; но на другой день по заключеніи мира умеръ отъ раны, полученной въ послѣднюю битву. Смерть его эмиры скрыли до прибытія въ Хорезмъ [1]).

У Алтунъ-Таша остались три сына: Гарунъ, Рашидъ и Измаилъ. Изъ нихъ старшій, *Гарунъ*, находился при дворѣ Масъуда, вѣроятно, въ качествѣ заложника; онъ и былъ назначенъ наслѣдникомъ отца; а до его прибытія страною управлялъ визирь отца его, Абд-уль-Самадъ [2]).

Когда Гарунъ прибылъ въ Хорезмъ, Абд-уль-Самадъ удалился оттуда, сдавъ свое мѣсто сыну, Абд-уль-Джебару. Но между нимъ и Гаруномъ скоро началось несогласіе. Гарунъ принялъ мѣры, чтобы въ Газну не доходили свѣдѣнія о его поступкахъ и затѣмъ началъ составлять планъ къ пріобрѣтенію независимости. Съ этою цѣлію, заключилъ онъ союзъ съ Али-тигиномъ и Сельджуками. Абд-уль-Джебаръ бѣжалъ; его родственники были умерщлены, и имущество конфисковано. Въ пятницу 23 рамазана 425 года (10 августа 1034 г.) на хотьбѣ въ первый разъ произнесено было имя не Масъуда, а Гаруна [3]).

---

[1]) Исторія Газневидовъ, стр. 103—104 текста и 241—2 перев. *Ибнъ-эль-Эсира*, IX, 345 (разсказываетъ подъ 434 годомъ). По Ибнъ-эль-Эсиру, Алтунъ-Ташъ умеръ уже въ Хорезмѣ (ibid).

[2]) Ибнъ-эль-Эсиръ; IX, 345.

[3]) Ибнъ эль-Эсиръ, IX, 345—346.

Хорезмъ подъ властію Сельджукидовъ [1]).

Подобно тому, какъ возникла въ Газнѣ династія Газневидовъ, такимъ же образомъ возникла въ Хорасанѣ, въ XI вѣкѣ, династія Сельджукидовъ. Государи этой династіи ведутъ родъ свой отъ Турка Сельджука, который, какъ полагаетъ Сенковскій, въ молодости былъ перевозчикомъ на рѣкѣ Аму, на томъ основаніи, что *салджыкъ* (болѣе правильная форма, чѣмъ *сельджукъ*) значитъ «лодочка» [2]). Вещь очень возможная. Но мы застаемъ Сельджука пользующимся въ Туркестанѣ важнымъ значеніемъ. Подъ конецъ онъ принужденъ былъ удалиться въ Джендскую область (въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи), гдѣ и умеръ. Сынъ его Михаилъ, по приглашенію Махмуда Газневида, переселился въ Хорасанъ со всѣмъ своимъ народомъ. Его сыновья Бэйгу, Тогруль-бекъ и Чакеръ-бекъ-Даудъ оставили Хорасанъ и кочевали сперва въ окрестностяхъ Бухары, а потомъ въ Джендской области; но затѣмъ вернулись въ Хорасанъ послѣ, какъ кажется, смерти отца ихъ Михаила, павшаго въ битвѣ съ Турками. Но тотъ же Махмудъ и понялъ свою ошибку, поправить которую было уже поздно; умирая, онъ съ прискорбіемъ предвидѣлъ, что Сельджукиды погубятъ его наслѣдниковъ. И дѣйствительно, Сельджукиды, избравшіе своею резиденціею городъ Мервъ, скоро распространили власть свою на бо́льшую часть Персіи и проникли даже въ Малую Азію, гдѣ овладѣли нѣсколькими областями Восточной Римской имперіи, и въ то же время

---

[1]) Династія эта описана въ систематическомъ видѣ Мирхондомъ, въ *Раузетъ эс-Сефа*, откуда извлечена, переведена на нѣмецкій языкъ и издана въ текстѣ *Вуллерсомъ*: Mirchond's Geschichte der Seldschuken; übers. von Dr. Johann August Vullers; Giessen, 1837.

[2]) Собраніе сочиненій Сенковскаго, т. VII стр. 60.

такъ налегли на пріютившихъ ихъ Газневидовъ, что династія эта не долго могла бороться съ ними, и пала.

Гарунъ, сынъ Алтунъ-Таша, объявивъ себя независимымъ отъ Газневидовъ, пригласилъ на помощь Сельджукидовъ, Тогруль-бека, Дауда и Бэйгу. Но когда прибыли они въ Хорезмъ, то государь Джендской области, Шахъ-Маликъ [1]), почему-то не ладившій съ Сельджукидами, напалъ на нихъ и нанесъ имъ страшное пораженіе въ зиль-хидже 425 г. (въ концѣ октября или началѣ ноября 1034 г.) [2]). Предполагать въ этомъ виновнымъ Гаруна, какъ дѣлаютъ это Ибнъ-эль-Эсиръ и Мирхондъ [3]), едва ли возможно: Гаруну въ то время союзники были дороги и ему не представлялось никакой выгоды въ истребленіи сельджукидскаго войска, да и противъ этихъ свидѣтельствъ есть у насъ болѣе вѣское показаніе эль-Байхаки, который прямо говоритъ, что Гарунъ не виновенъ въ нападеніи Шахъ-Малика на Сельджукидовъ [4]).

Узнавъ о пораженіи Сельджукидовъ, говоритъ Байхаки, Гарунъ отправилъ тотчасъ же посольство къ нимъ и успѣлъ опять склонить ихъ на свою сторону. Одновременно съ этимъ посольствомъ, отправилъ онъ и другое: къ Шахъ-Малику, съ предложеніемъ заключить союзъ противъ Сельджукидовъ; а для перегоровъ предлагалъ съѣхаться въ одно мѣсто. Шахъ-Маликъ прибылъ въ условленное мѣсто, но увидавъ, что при Гарунѣ находится многочисленное войско, струсилъ, и ночью, тайнымъ образомъ, бѣжалъ. Между тѣмъ Гарунъ помогъ Сельджукидамъ оружіемъ и скотомъ, такъ что они скоро оправились отъ пораженія, нанесен-

---

[1]) По Ибнъ эль-Эсиру, Шахъ-Маликъ былъ «государь пограничной съ Хорезмомъ области» (ч. IX, стр. 346); по Мирхонду же (Истор. Сельджукидовъ стр. 19, 46—47) былъ онъ только *военачальникомъ* (Feldherr) Хорезмъ-шаха Гаруна, что̀ невѣрно, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго хода событій.

[2]) *Ибнъ эль-Эсиръ*, ч. IX, стр. 325. *Вуллерсъ*, Ист. Сельдж. стр. 18—19.

[3]) Тамъ же.

[4]) *Sachau*, Zur Gesch. und Chron. von Khwar. II, 306.

наго имъ Шахъ-Маликомъ, и назначилъ имъ расположиться лагеремъ въ Дарканѣ, городѣ, лежащемъ на границѣ Хорезма [1]), чтобы они были готовы присоединиться къ Гаруну, какъ только онъ двинется въ Хорасанъ. 2-го числа джумадія I 426 г. (15 марта 1035 г.) Гарунъ съ войскомъ выступилъ изъ своей столицы по направленію къ Хорасану; но на третьемъ фарсахѣ пути напали на Гаруна заговорщики и хотя не убили его, однако смертельно ранили [2]). Во вторникъ 6 джумадія I (19 марта) Гарунъ умеръ; въ Ургенчѣ началась анархія [3]).

Тогда Шукуръ преданный слуга *(хадимунъ)* покойнаго государя посадилъ на тронъ брата Гарунова *Измаила*. Но порядокъ въ городѣ не водворился. Туда явился Абд-уль-Джебаръ, до того скрывавшійся и, съ шайкою своихъ приверженцевъ, направился ко дворцу Измаила. На сторону Шукура перешли всѣ старые воины Алтунъ-Таша. Абд-уль-Джебаръ палъ въ стычкѣ; а его партія разсѣялась. Событіе это происходило въ первыхъ числахъ джумадія II (въ половинѣ апрѣля 1035 г.); а 9-го числа того же мѣсяца (въ воскресенье 21 апрѣля) Измаилъ принялъ присягу отъ жителей [4]). Сельджукиды, видя, что имъ дѣлать въ Хорезмѣ нечего, а оставаться тамъ было бы даже опасно, потянулись обратно въ Мервъ [5]).

Масъудъ Газневидъ, получивъ извѣстіе о всѣхъ этихъ событіяхъ, сталъ готовиться къ походу въ Хорезмъ; но такъ какъ приготовленія могли кончиться ко времени зимы, то походъ былъ отложенъ. Въ это время вся власть въ Хорезмѣ находилась въ рукахъ Шукура, такъ какъ самъ го-

---

[1]) Вѣроятно тотъ же самый, что является у Истахри и Мокаддеси подъ именемъ *Дергана*.

[2]) По Ибнъ-эль-Эсиру Гарунъ былъ убитъ на охотѣ (ч. IX стр. 346).

[3]) Этотъ разсказъ эль-Байхаки приведенъ у г. Захау въ Zur Gesch. und Chronol. von Khwarizm; II, 408.

[4]) *Ибнъ-эль-Эсиръ*, IX, 346.

[5]) *Байхаки*, (у Захау въ Zur. Gesch. und Chron. von Khwar. II, 308—310).

сударь проводилъ время въ пирахъ да на охотѣ; съ Шукуромъ и предстояло Масъуду имѣть дѣло. Между тѣмъ, Абд-уль-Самадъ не желалъ оставить въ покоѣ убійцъ своего сына и нашелъ Хорезмійцамъ новаго непріятеля. Онъ надоумилъ Масъуда заключить союзъ съ Джендскимъ Шахъ-Маликомъ, какъ для войны съ Сельджуками, такъ и съ Измаиломъ; а для этого совѣтовалъ пожаловать ему Хорезмъ въ ленное владѣніе. Только въ 430 году (1038—9 г.) Масъудъ послалъ Шахъ-Малику инвеституру на Хорезмъ, и тотъ отправился добывать это владѣніе. Въ джумадѣ 432 г. (въ январѣ 1041 г.) Шахъ-Маликъ бился съ Хорезмійцами 3 дня, и Хорезмійцы отступили. 15 дней оставался Шахъ-Маликъ на полѣ битвы, чтобы похоронить убитыхъ и помочь раненымъ. Измаилъ и Шукуръ со своей партіей бѣжали къ Сельджукидамъ; тѣ приняли ихъ сперва хорошо, но потомъ заключили въ темницу, гдѣ вскорѣ послѣдній государь изъ дома Алтунъ-Таша, вмѣстѣ съ своими приверженцами, былъ отправленъ на тотъ свѣтъ [1]). Всѣхъ государей изъ этого дома было трое: Алтунъ-Тащъ (съ 408 г. по 423 г.) и два его сына: Гарунъ (съ 423 г. по 6 джумади I 426 г.) и Измаилъ (съ 426 по 432 г.).

Шахъ-Маликъ воцарился въ Хорезмѣ, во вторникъ въ срединѣ шаабана 432 года (въ половинѣ апрѣля 1041 г.); а въ слѣдующую пятницу на хотьбѣ провозглашено было на первомъ мѣстѣ имя Халифа, затѣмъ Масъуда и наконецъ самого Шахъ-Малика. Въ томъ же году Масъудъ былъ свергнутъ съ престола; а въ слѣдующемъ 433 г.—убитъ. Преемникъ же его, Маудудъ, призналъ Шахъ-Малика своимъ сюзереномъ [2]). Роли слѣдовательно, перемѣнились.

Но не долго Шахъ-Маликъ нацарствовалъ въ Хорезмѣ. Сельджукиды не могли равнодушно смотрѣть на усиленіе своего исконнаго врага, и не въ ихъ выгодахъ было оста-

---

[1]) *Байхаки*; *Ибнъ эль-Эсиръ*, IX, 346.

[2]) *Ибнъ эль-Эсиръ*; IX, 346.

вить его въ покоѣ. Въ 433 (1041—2) году Даудъ предпринялъ походъ противъ Шахъ-Малика; но не имѣлъ успѣха. Въ слѣдующемъ, 434 г., оба брата, Тогрулъ-бекъ и Даудъ, придприняли новый походъ въ Хорезмъ. Шахъ-Маликъ заперся въ городѣ; Сельджукиды осадили его; но взять не могли. Но когда Тогрулъ и Даудъ, снявъ осаду, потянулись домой, Шахъ-Маликъ бросился ихъ преслѣдовать и потерпѣлъ пораженіе. Дѣло его было проиграно. Спасаясь отъ своихъ непріятелей, Шахъ-Маликъ бѣжалъ, успѣвъ забрать свои сокровища. Долгое время скитался онъ въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ попалъ таки къ Тогрулъ-беку [1]). Дальнѣйшая судьба Шахъ-Малика неизвѣстна; но относительно ея, сомнѣній, кажется, быть не можетъ: оставить его въ живыхъ для Сельджукидовъ было-бы неудобно.

Хорезмъ сталъ провинціею Сельджукидовъ.

Что затѣмъ происходило въ Хорезмѣ, свѣдѣній не имѣемъ въ теченіи слишкомъ 20 лѣтъ. Въ 455 (1063) году умеръ Тогрулъ-бекъ (братъ же его Чакеръ-бекъ—Даудъ умеръ раньше, въ 451 = 1059 году); наслѣдовалъ ему сынъ Дауда *Алпъ-Арсланъ* (царствовалъ съ 455 по 465 = 1063—1073). Въ началѣ своего царствованія, именно въ 457 (1065) году — читаемъ у Ибнъ-эль-Эсира — отправился Алпъ-Арсланъ въ Джендъ и Сабранъ, города, «лежащія подлѣ Бухары». Сперва направился онъ въ Джендъ, гдѣ похороненъ прадѣдъ его Сельджукъ. Когда переправился Алпъ-Арсланъ черезъ Джейхунъ, вышелъ къ нему на встрѣчу государь Дженда и оказалъ полную покорность, за что и былъ оставленъ въ своемъ владѣніи править по прежнему. Оттуда повернулъ Алпъ-Арсланъ въ Курканчъ (Ургенчъ) и затѣмъ въ Мервъ [2]). Мирхондъ сообщаетъ объ

---

[1]) Abulfedae Annales Muslemici; arabice et latine. Opera et studiis *Jacobi Reiskii* (1791). Ч. III, стр. 117—119. *Вуллерсъ*, Ист. Сельджукидовъ, стр. 56—59 текста, 47—48 перевода.

[2]) Часть X, стр. 33. Abulfedae Annales Muslemici; III, 205.

этомъ походѣ Алпъ-Арслана гораздо подробнѣе. Въ Хорезмѣ возмутились тамошніе правители, Фагфуръ, Джази и эль-Кафшатъ; для усмиренія этихъ-то бунтовщиковъ [1]) и выступилъ Алпъ-Арсланъ. 10 мухаррема 458 (12 декабря 1065) года султанъ прибылъ въ главный городъ Хорезма; Джази былъ разбитъ и бѣжалъ; а эль-Кафшатъ принесъ повинную. Затѣмъ зимою отправился Алпъ-Арсланъ въ Джендъ, гдѣ оставилъ прежняго правителя; въ Хорезмѣ же назначилъ намѣстникомъ своего сына Арсланъ-Шаха [2]). По Хондемиру на этотъ постъ былъ опредѣленъ старшій сынъ Алпъ-Арслана, Меликъ-Шахъ [3]). Но Меликъ-Шаха, сообщаетъ Мирхондъ, султанъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ и послалъ въ Испаганъ править Персіей [4]). Могло быть, впрочемъ, что Меликъ-Шахъ до этого назначенія и управлялъ нѣкоторое время Хорезмомъ; а по избраніи его наслѣдникомъ престола уступилъ свой постъ брату.

Возвращаясь изъ Дженда, Алпъ-Арсланъ посѣтилъ Кятъ, гдѣ много трудился надъ устройствомъ этой раззоренной провинціи, желая привести ее въ цвѣтущее состояніе; велѣлъ построить тамъ большую мечеть; а затѣмъ отправился въ Мервъ, куда и прибылъ 7-го джумадія II (15-го мая 1065 года) [5]).

---

[1]) По Хондемиру (*d'Herbelot*, Bibliotheque orientale) въ Ургенчѣ стоялъ бунтовщикъ Казанъ съ 30-ти тысячнымъ войскомъ.

[2]) Ист. Сельджукидовъ, стр. 95 тек., 84 перев. Этотъ Арсланъ-шахъ женатъ былъ на дочери Маудуда Газневида (тамъ же, стр. 89 т. 78—79 перев.).

[3]) *D'Herbelot*, Bibliotheque orientale. Этому показанію слѣдуетъ Дегинь (Geschichte der Hunnen; II, 218).

[4]) Ист. Сельджукидовъ, стр. 89 тек. 78 перев.

[5]) Тамъ же, стр. 95 тек. 84 перев.

Хорезмъ-шахи [1]).

Въ мѣсяцѣ ребіѣ I 465 года гиджры (въ декабрѣ 1072 г.) умеръ Алпъ-Арсланъ [2]); ему наслѣдовалъ старшій сынъ *Малекъ-Шахъ*, который оставилъ свое намѣстничество и переселился въ столицу—Мервъ. Произошло ли какое при этомъ перемѣщеніе въ Хорезмѣ; долго ли оставался тамъ правителемъ Арсланъ-шахъ, сынъ Алпъ-Арслана,—не знаемъ, какъ не знаемъ о странѣ этой ничего до конца царствованія Малекъ-Шаха [3]). Подъ 482 (1089) годомъ Ибнъ-эль-Эсиръ замѣчаетъ только, что Малекъ-шахъ назначилъ въ Самаркандъ правителемъ *Абу-Тагира*, занимавшаго раньше ту же должность въ Хорезмѣ. Но въ Самаркандѣ Абу-Тагиръ не ужился и бѣжалъ въ Хорезмъ же [4]). Далѣе, въ томъ же источникѣ читаемъ, что въ 486 (1093) году сынъ знаменитаго визаря Малекъ-Шахова Низамъ-уль-Мулька, *Изза-уль-Мулькъ*, занялъ постъ визиря при новомъ султанѣ Баркіарокѣ, сынѣ и преемникѣ Малекъ-шаха; а ранѣе состоялъ онъ намѣстникомъ Хорезма [5]).

Не то совсѣмъ оказывается по Мирхонду. По этому послѣднему, правителемъ въ Хорезмѣ при Малекъ-Шахѣ (въ какое время—неизвѣстно) былъ *Балька-тигинъ* [6]), состоявшій до этого назначенія *тешдаромъ*, «подавателемъ руко-

---

[1]) Въ цѣльномъ видѣ исторія Хорезмъ-шаховъ находится у Мирхонда въ его *Рауветъ эс-Сефа*, откуда Дефремери сдѣлалъ извлеченіе и издалъ (въ персидскомъ текстѣ) подъ заглавіемъ: Histore des Sultans du Kharezm, par Mirkhond; Paris 1842.

[2]) *Вуллерсъ*, Ист. Сельджук. стр. 90.

[3]) Малекъ-Шахъ царствовалъ съ 465 по 485 (1072—1092) годъ.

[4]) Ибнъ-эль-Эсиръ, ч. X, стр. 114.

[5]) Тамъ же, стр. 148—149.

[6]) Имя его пишется различно. У Ибнъ эль-Эсира—*Белекбакъ* (X, 182), у Абульфеды—*Балькабель* (Annales Muslemici; III, 311).

мойника», «умывальничимъ» [1]), при султанѣ. У этого Балька-тигина былъ рабъ-турокъ *Анушъ-тигинъ* изъ Гордже-стана [2]), который, будучи отпущенъ своимъ господиномъ на волю, попалъ ко двору Малекъ-Шаха, гдѣ и достигъ званія тешдара. А когда умеръ Балька-тигинъ, Малекъ-Шахъ поставилъ Анушъ-тигина правителемъ Хорезма [3]). Этотъ Анушъ-тигинъ и есть родоначальникъ знаменитыхъ Хорезмъ-шаховъ.

Разногласіе въ показаніяхъ Ибнъ эль-Эсира и Мирхонда даетъ поводъ къ предположенію: не раздѣлялся ли Хорезмъ, при Малекъ-Шахѣ, въ административномъ отношеніи, на двѣ части (какъ неоднократно случалось это раньше) и не было ли въ немъ тогда двухъ правителей? Хотя указаніе на такое раздѣленіе мы не встрѣчаемъ; но объяснить разногласіе источниковъ чѣмъ либо другимъ, мнѣ кажется, не чѣмъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что Ибнъ-эль-Эсиръ, упоминая объ Анушъ-тигинѣ, вовсе не говоритъ, что онъ былъ намѣстникомъ Хорезма [4]).

Передъ 490 (1097) годомъ видимъ въ Хорезмѣ правителемъ, котораго Ибнъ-эль-Эсиръ называетъ Хорезмъ-шахомъ, какого-то *Акинджа* [5]). Кто былъ этотъ Акинджъ и имѣлъ ли онъ какую родственную связь съ Анушъ-тигиномъ, неизвѣстно. Г. Захау полагаетъ, что Анушъ-тигинъ подъ конецъ потерялъ, т. е. былъ лишенъ своего намѣстничества [6]). Но въ такомъ случаѣ едва ли бы его потомки были назначаемы на эту должность. Тутъ полагать надо, было что-то иное, чѣмъ лишеніе Анушъ-тигина его званія; но что—это вопросъ. Въ 490-мъ же году, разсказываетъ

[1]) Тоже, что нынѣ въ Средней Азіи *автобачи*.

[2]) Страна, лежавшая между Гератомъ, Мервомъ, Гуромъ и Газною.

[3]) *Вуллерсъ*, Ист. Сельдж. стр. 97. Histoire des Sult. du Kharezm, p. 1.

[4]) См. ч. X, стр. 182.

[5]) Ибнъ-эль-Эсиръ, X, 181 и 182.

[6]) Zur Gesch. und Chron. von Khwarizm, II, 315.

Ибнъ-эль-Эсиръ, когда султанъ Баркіарокъ отправился въ Иракъ, на подмогу ему поспѣшилъ, съ 10,000 всадниковъ, и Акинджъ. Но по прибытіи его въ Мервъ, въ Хорасанѣ произошло возмущеніе. Завѣдывавшій дѣлами, въ отсутствіе султана, эмиръ Кудань и другой эмиръ Яракташъ подняли знамя возстанія, напали на Хорезмъ-шаха и убили его; сами же удалились въ Хорезмъ, гдѣ выдали себя за правителей, назначенныхъ Баркіарокомъ. Какъ только вѣсти о томъ дошли до Баркіарока, онъ тотчасъ же отправилъ для захвата бунтовщиковъ войско (15,000) подъ начальствомъ эмира Дада Хабаши, сына Алтунтакова. Ему удалось разбить и взять въ плѣнъ Яракташа, а Кудана принудить бѣжать въ Бухару. Въ награду за столь успѣшное окончаніе дѣла Баркіарокъ назначилъ Дада губернаторомъ Хорасана; а этотъ доставилъ *Мухаммеду*, сыну Анушъ-тигинову, управленіе Хорезмомъ [1]). Разсказъ этотъ приводитъ и Абульфеда, списывавшій у Ибнъ эль-Эсира; только онъ не сообщаетъ имени убитаго правителя Хорезма, а просто передаетъ, что во время волненій въ Хорасанѣ погибъ и намѣстникъ Хорезма [2]). Этого новаго правителя Ибнъ-эль-Эсиръ и Абульфеда называютъ просто Мухаммедомъ; Мирхондъ же приводитъ полное его имя: *Кутбъ эд-Динъ Мухаммедъ*.

Вступившій на престолъ въ Мервѣ, въ 511 (1117) году, султанъ Санджаръ утвердилъ Мухамеда въ званіи намѣстника Хорезма [3]). Тутъ же Ибнъ-эль-Эсиръ сообщаетъ, что во время отсутствія Мухаммеда, Хорезмъ подвергся нападенію соединенныхъ государей Турокъ [4]), къ которымъ присталъ Тогрулъ-тигинъ, сынъ прежняго Хорезмъ-шаха Акинджа. Когда Мухаммедъ узналъ объ этомъ движеніи, онъ по-

---

[1]) Ибнъ-эль-Эсиръ; X, 182—183.

[2]) См. Annales Muslemici; III, 313.

[3]) Ибнъ-эль-Эсиръ; X, 183. Абульфеда, Annales III, 313.

[4]) Турки эти, какъ увидимъ далѣе изъ разсказа, были съ Мангышлака.

спѣшилъ въ свое намѣстничество, прося Санджара помочь ему. Санджаръ находился въ то время въ Нишабурѣ, и Мухаммедъ, не дождавшись его помощи, одинъ выступилъ противъ непріятелей и прогналъ ихъ на Мангышлакъ; а Тогрулъ-тигинъ бѣжалъ въ Хандаганъ. Такъ избавился Мухаммедъ отъ этой напасти [1]). Впослѣдствіи Санджаръ далъ этому Тогрулъ-тигину городъ Термедъ [2]), и тотъ этимъ, кажется, удовольствовался.

Кутбъ эд-Динъ Мухаммедъ оказывалъ полное повиновеніе обоимъ султанамъ, Баркіароку и Санджару. Самъ являлся ко двору ихъ или отправлялъ туда своего сына Атсиза. На хотьбѣ провозглашалось имя султановъ [3]).

Въ 521 (1127) году умеръ Кутбъ эд-Динъ Мухаммедъ, бывшій до самой смерти вѣрнымъ присяжникомъ Сельджукидовъ. Сынъ его *Атсизъ*, исполнявшій при Санджарѣ должность *тешдара*, вступилъ въ управленіе Хорезмомъ [4]), и перемѣнилъ политику.

Скоро Санджаръ замѣтилъ честолюбивые замыслы Атсиза; но услуги [5]), оказанныя Сельджукидамъ его отцемъ и дѣдомъ, не допустили Санджара принять какія-либо мѣры противъ Атсиза. Подозрѣнія же султана скоро оправдались: Атсизъ поднялъ противъ Санджара всю ввѣренную ему страну и сталъ во главѣ возстанія. Въ 533 (1138) г. Санджаръ выступилъ противъ непокорнаго вассала. Атсизъ, какъ располагавшій меньшими силами, былъ разбитъ; сынъ его попалъ въ плѣнъ и поплатился головою; самъ же онъ бѣжалъ. Правителемъ Хорезма поставленъ былъ *Галсъ эд-Динъ Сулейманъ-шахъ*, племянникъ Санджара [6]).

---

[1]) Ибнъ эль-Эсиръ; X, 183.
[2]) Тамъ же, стр. 191.
[3]) Hist. des Sultans du Kharezm; p. 2.
[4]) Hist. des Sultans du Kharezm. p. 4.
[5]) Намъ онѣ неизвѣстны.
[6]) Histoire des Sult. du Kharezm, p. 4. Ибнъ эль-Эсиръ; XI, 44. Абульфеда III, 479.

Но какъ только Санджаръ, въ джумади II этого года (въ февралѣ 1139 г.), вернулся въ Мервъ, Атсизъ набралъ войско и выгналъ Сулейманъ-шаха изъ Хорезма. Расправиться съ нимъ на этотъ разъ Санджаръ не могъ, такъ какъ вскорѣ за тѣмъ Мавераннагръ подвергся нападенію Кара-Киданей [1]) (536 г.=1141 г.), которыхъ, какъ утверждаетъ Ибнъ-эль-Эсиръ, а за нимъ и Абульфеда, пригласилъ Атсизъ [2]). Санджаръ выступилъ съ войскомъ, чтобы дать Каракиданямъ отпоръ; а Атсизъ, пользуясь его отсутствіемъ, напалъ на Хорасанъ, взялъ даже самую столицу, Мервъ, и захватилъ богатую добычу. Набѣгъ этотъ продолжался, по Ибнъ-эль-Эсиру съ ребія I 536 г. (въ октябрѣ 1141 г.) по мухарремъ слѣдующаго года (по іюль 1142 г.) [3]). Это обстоятельство заставило Санджара поспѣшить домой и дало Карахатайцамъ возможность, какъ замѣчаетъ Абульфеда, твердо засѣсть въ Мавераннагрѣ [4]). Санджаръ двинулъ свое войско въ Хорезмъ. Чуя бѣду, Атсизъ рѣшилъ умилостивить своего сюзерена: послалъ богатые подарки и обѣщалъ служить ему вѣрою и правдою. Санджаръ повѣрилъ, помиловалъ его и оставилъ въ прежнемъ званіи [5]).

Но смиряться Атсизъ вовсе не думалъ; напротивъ, скоро Санджаръ узналъ, что Атсизъ объявилъ себя самостоятельнымъ государемъ. Съ этого времени, кажется, и стали владѣтели Хорезма титуловать себя *Хорезмъ-шахами*, въ подражаніе государямъ, носившимъ этотъ титулъ до завоеванія Хорезма Арабами. Хотя арабскіе писатели (Ибнъ-эль-Эсиръ, Абульфеда и др.) называютъ Хорезмъ-шахами

---

[1]) Послѣ разрушенія Киданьской имперіи Жоуженами, часть Киданей откочевала на западъ и получила у мусульманскихъ писателей названіе *Карахатайцевъ*, т. е. *Кара-Киданей*.

[2]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XI, 53. Абульфеда; III, 486.

[3]) Ч. XI, стр. 58. Онъ же сообщаетъ и подробности объ этомъ набѣгѣ стр. 58—59.

[4]) Anales Muslemici; III, 487.

[5]) Hist. des Sult. du Kharezm; p. 5.

всѣхъ правителей этой страны; но дѣлали они это, думаю, по недостатку отчетливости. *Шахъ* значитъ «царь»; а величать себя «царемъ» губернаторъ, поставляемый высшею властію,—не могъ! этого не допустила бы восточная дипломатія, относительно титуловъ чрезвычайно щекотливая. Довольно, напримѣръ, вспомнить сколько хлопотъ доставила государственнымъ мужамъ халифата необходимость придумать Махмуду Газневиду титулъ, приличный для него и безобидный для халифа. По всей вѣроятности, правители Хорезма носили титулъ *вали* или *мутэвалли*, т. е. «завѣдывающаго» Хорезмомъ.

Тогда Санджаръ послалъ противъ Атсиза Убейдъ-Сабера; а Атсизъ подослалъ въ Мервъ своихъ приверженцевъ убить султана. Узнавъ объ этомъ, Санджаръ выступилъ самъ въ Хорезмъ и осадилъ Атсиза въ Гезараспѣ, самой сильной крѣпости Хорезма. Видя, что сопротивленіе безполезно, Атсизъ предложилъ Санджару полное удовлетвореніе. И порѣшили они вотъ на чемъ. Султанъ Санджаръ выѣдетъ на берегъ Джейхуна, а Атсизъ подъѣдетъ въ это время къ противоположному берегу и, по древнему обычаю, для выраженія покорности, поклонится до земли и поцѣлуетъ ее *(руи-земинъ)*. И на этотъ разъ Атсизъ надулъ султана. Онъ подъѣхалъ на лошади и, не сходя съ нея, кивнулъ только головой и удалился обратно. Хотя султанъ былъ крайне недоволенъ такимъ поступкомъ, тѣмъ не менѣе помирился съ Атсизомъ [1]).

Впослѣдствіи они жили въ мирѣ. Въ 547 году (1152) Атсизъ началъ войну съ народами, жившими вдоль восточнаго берега Каспійскаго моря [2]). Ходилъ онъ войною и въ Туркестанъ. Умеръ Атсизъ въ 551 (1156) году, послѣ 20

---

[1]) Hist. des Sult. du Khar. p. 8.

[2]) Тамъ же, стр. 11. О походѣ Атсиза въ Мангышлакъ и объ овладѣніи имъ этимъ городомъ говоритъ и Ибнъ-эль-Эсиръ; X, 183.

лѣтняго царствованія, на 60 году жизни [1]). «Примѣрной жизни былъ государь; заботился о благосостояніи своихъ подданныхъ, былъ внимателенъ къ нимъ; отличалъ хорошихъ людей и благоволилъ къ нимъ. Подданные въ его время пользовались полнѣйшею безопасностію и истиннымъ правосудіемъ» — говоритъ о немъ Ибнъ-эль-Эсиръ [2]).

Атсизу наслѣдовалъ сынъ его *Иль-Арсланъ*. Царствовалъ онъ не долго. При немъ напали на Хорезмъ Каракиданe. Иль-Арсланъ выступилъ было противъ нихъ; но, заболѣвъ, поручилъ войско одному изъ своихъ военачальниковъ. Хорезмійцы были разбиты; но Каракиданe не воспользовались побѣдой, не остались въ этой странѣ; а вернулись назадъ. Случилось это въ 557 (1162) году [3]). Въ началѣ слѣдующаго 558 г. (1163 г.) Иль-Арсланъ умеръ [4]).

Преемникомъ Иль-Арслана провозглашенъ былъ, помимо старшаго сына Хорезмъ-шаха, *Текеша*, самый меньшой, *Султанъ-шахъ-Махмудъ*. Въ этомъ избраніи обвиняютъ царицу *Меликэ-Турканъ*, которая, при молодости государя, надѣялась сама управлять государствомъ, чего и достигла [5]).

Въ это время Текешъ (прибавившій къ своему имени прозвище Алаэддина) находился въ своей резиденціи въ Джендѣ, уступленной ему еще отцемъ. Узнавъ о смерти отца и о вступленіи на царство Султанъ-шаха, Текешъ

---

[1]) Hist. des Sult. du Khar. p. 11; Ибнъ-эль-Эсиръ; XI, 138; Абульфеда; III, 543.

[2]) Ч. XI, стр. 183.

[3]) *Mirkhond*, Hist. des Sult. du Kharezm. Ибнъ-эль-Эсиръ; XI, 246.

Джувейни (которымъ пользовался д'Оссонъ для своей исторіи Монголовъ) говоритъ, что Кара-Хатайцы (у Ибнъ эль-Эсира просто Хатайцы) завоевали Кашгаръ, Яркандъ, Хотанъ, Туркестанъ, Мавераннагръ, предали огню и мечу и Хорезмъ. Государь тамошній Атсизъ купилъ у нихъ миръ за ежегодную дань въ 30,000 золотыхъ. (*D'Ohsson*, Histoire des Mongols; t. I, p. 164—5). Не отнесъ ли Джувейни къ Атсизу нападеніе, произведенное Каракиданами, при сынѣ его, Иль-Арсланѣ?

[4]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XI, 247.

[5]) Hist. des Sult. du Kharezm; p. 15.

написалъ ему письмо съ заявленіемъ своихъ правъ на отцово наслѣдіе. Тотъ отвѣтилъ ему, что подобныя заявленія разрѣшаются не письмами, а оружіемъ. Тогда обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Текешъ, какъ болѣе слабый, заключилъ союзъ съ Каракаданями и съ ихъ помощію выгналъ Султанъ-шаха изъ Хорезма. Султанъ-шахъ бѣжалъ въ Нишабуръ; а Текешъ вступилъ въ управленіе Хорезмомъ (въ 558=1163 г.) [1]).

Впослѣдствіи Султанъ-шахъ пробовалъ было отнять Хорезмъ у брата и явился подъ стѣнами столицы; но жители затворили ворота—Текеша въ то время тамъ не было—и Султанъ-шахъ долженъ былъ вернуться ни съ чѣмъ. Наконецъ братья заключили миръ [2]).

Въ 588 г. (1192) возмутился противъ султана Тогруля Кутлукъ Инанеджъ [3]), сынъ атабека Мухаммеда, и подстрекнулъ Хорезмъ-шаха Текеша овладѣть городами въ Иракѣ Реемъ и Табрекомъ, чѣмъ тотъ и воспользовался. Въ слѣдующемъ 589 г. (1193) ходилъ Текешъ въ Хорасанъ и овладѣлъ городами Серахсомъ и Абивердомъ. Въ концѣ этого же года султанъ Тогрулъ разбилъ Кутлукъ Инанеджа и вернулъ городъ Рей. Подкрѣпленный хорезмійскимъ войскомъ и деньгами, Кутлукъ Инанеджъ пробовалъ было отнять Рей у султана; но въ мухарремѣ 590 (январь 1194) года потерпѣлъ страшное пораженіе и бѣжалъ. Казалось, дѣло Хорезмъ-шаховъ въ Иракѣ было окончательно проиграно; но обстоятельства неожиданно для нихъ перемѣнились. Текешъ получилъ отъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ сельджукидскаго государства приглашеніе освободить ихъ отъ султана Тогруля. Текешъ выступилъ съ войскомъ къ границамъ Ирака; а Кутлукъ Инанеджъ принялъ надъ

---

[1]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XI, 248—9; Hist. des Sult. du Kharezm; p. 15.

[2]) Hist. des Sult. du Kharezm; p. 19.

[3]) Такъ по Ибнъ эль-Эсиру (XII, 69); по Мирхонду—Кутлукъ Инабекъ. У Д'Эрбло и Дегиня: Кутлукъ Эмбанеджъ.

этимъ войскомъ начальство. 14 числа мѣсяца ребія I 590 года (8 марта 1194 г.) [1]) произошла битва между Тогрулемъ и Кутлукомъ. Султанъ былъ въ ней убитъ. Кутлукъ Инанеджемъ [2]). Такъ палъ этотъ Сельджукидъ, съ которымъ пресѣклась линія Сельджукидовъ, царствовавшихъ въ Иракѣ. Утби разсказываетъ о паденіи Тогруля нѣсколько иначе. Такъ у него читаемъ, что Тогрулъ самъ пригласилъ Хорезмъ-шаха на помощь; но когда тотъ прибылъ въ Иракъ, то всѣ недовольные султаномъ пристали къ Хорезмъ-шаху, и тотъ обратилъ оружіе противъ Тогруля, который былъ убитъ, и голова его была вывѣшена на деревѣ на базарѣ Рея [3]).

Управленіе своими обширными провинціями, Хорезмъ-шахъ Текешъ раздѣлилъ такимъ образомъ: Кутлукъ Инанеджа посадилъ въ Гамаданѣ [4]); сына своего Юнусъ-хана назначилъ правителемъ Ирака, главный городъ котораго Рей сталъ его резиденціею [5]). Хорсанъ же еще раньше ввѣренъ имъ былъ управленію старшаго сына, Малекъ-шаха, котораго Текешъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ [6]).

Слѣдующую зиму Текешъ провелъ въ городѣ Хорезмѣ, который онъ считалъ главнымъ пунктомъ своихъ владѣній. Весною, вслѣдствіе непріязненныхъ приготовленій саганакскаго владѣтеля, Текешъ выступилъ въ Мавераннагръ; но когда тотъ узналъ о движеніи Хорезмъ-шаха, то лично явился къ Текешу и просилъ мира, который и получилъ [7]).

Правитель Хорасана Малекъ-шахъ прибылъ около этого

---

[1]) По Ибнъ-эль-Эсиру (XII, 70); по Абульфедѣ—24 числа ребія I (Annales, IV, 149); по Мирхонду въ концѣ ребія II (Gesch. der Seldschuken, s. 226).

[2]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 70. Gesch. der Seldschuken, s. 225—6.

[3]) Notices et Extraits; IV, 409.

[4]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 70.

[5]) Hist. des Sult. du Kharezm. p. 28.

[6]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 70. Hist. des Sult. du Kharezm.

[7]) Hist. des Sult. du Kharezm.

времени ко двору отца, оставивъ вмѣсто себя правителемъ сына, Арсланъ-шаха. Тогда Санджаръ-шахъ, шуринъ Текеша, по просьбѣ нѣкоторыхъ бунтовщиковъ, отправился туда съ намѣреніемъ завладѣть Хорасаномъ. Текешъ потребовалъ его къ себѣ и, когда тотъ прибылъ, велѣлъ ослѣпить его и заключилъ подъ стражу. Впослѣдствіи онъ его освободилъ [1]).

Юнусъ-ханъ, сынъ Текеша, губернаторъ Рея, сдѣлался боленъ и, приписывая это нездоровому климату, удалился въ Хорасанъ, оставивъ тамъ Міаджека. Тогда халифъ Насиръ, съ ужасомъ видѣвшій приближеніе Хорезмійцевъ къ Багдаду и Сиріи, приказалъ своему везирю Ибнъ-Касабу вторгнуться съ большимъ войскомъ въ земли Юнусъ-хана. Текешъ самъ поспѣшилъ въ Иракъ и разбилъ войско халифа, при чемъ Ибнъ-Касабъ былъ убитъ. Видя, что съ Текешомъ бороться трудно, Насиръ просилъ мира и отказался отъ всякихъ притязаній на Иракъ. Управленіе Ираком перешло къ Таджъ-эд-Дину Али-шаху, другому сыну Текеша [2]).

Въ слѣдующемъ, 593 (1196) г. умеръ въ Нишабурѣ Малекъ-шахъ, и наслѣдникомъ Хорезмъ-шаха объявленъ былъ *Кутбъ-эд-Динъ-Мухаммедъ Алла-эд-Динъ* [3]).

Подъ конецъ своего царствованія, Текешъ нѣсколько разъ ходилъ противъ Каракиданей; а въ 1197 году взялъ Бухару [4]). Въ ребіѣ I 595 г. (въ январѣ 1199 г.) ходилъ Текешъ въ Рей, такъ какъ до слуха его дошло, что правитель тамошній Міаджекъ вышелъ изъ его, Хорезмъ-шахова, повиновенія [5]). А 20 рамазана слѣдующаго 596 г. (27 іюня 1200 г.) Текешъ умеръ [6]). На монетахъ, битыхъ

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же, стр. 34.
[3]) Тамъ же, стр. 36.
[4]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 90—91. Hist. des Sult. du Kharezm.
[5]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 100.
[6]) Тамъ же, XII, 103. Hist. des Sult. du Kharezm; p. 40.

этимъ Хорезмъ-шахомъ, на лицевой сторонѣ, изображалось имя его самого; а на оборотной—имя халифа [1]). Но я не думаю, чтобы монеты эти чеканились въ Самаркандѣ, какъ полагаютъ описывавшіе ихъ; Самаркандомъ овладѣлъ только сынъ Текеша; самъ же Текешъ не простиралъ власть свою далѣе Бухары. Да и Савельевъ, называя описываемый имъ диргемъ Самаркандскимъ, поставилъ при этомъ *вопросительный* знакъ.

Аллаэддинъ Мухаммедъ осаждалъ крѣпость Туршизъ, когда получилъ извѣстіе о болѣзни отца. Тотчасъ же поспѣшилъ онъ въ Хорезмъ; но не засталъ уже отца въ живыхъ. Здѣсь, вельможи посадили его на тронъ и принесли присягу. Послѣ того послалъ онъ принять присягу отъ провинцій. Не всѣ провинціи признали новаго Хорезмъ-шаха. Болѣе отдаленныя изъ нихъ пробовали отложиться. Такъ, владѣтель Гура Гаясъ-эд-Динъ пересталъ оказывать всѣ знаки подчиненности Хорезму; къ нему же бѣжалъ племянникъ Мухаммеда, Гинду-ханъ [2]).

Въ 597 (1201) году Гаясъ эд-Динъ и Шехабъ эд-Динъ, правитель Газны [3]), соединивъ свои силы, напали на Хорасанъ, выбили оттуда войска Мухаммеда и овладѣли Мервомъ, Серахсомъ, Тусомъ, Нишабуромъ и другими мѣстами. Отдавъ Мервъ Гинду-хану, они вернулись во-свояси.

По уходѣ ихъ, Мухаммедъ, съ войскомъ, прибылъ въ Хорасанъ и снова овладѣлъ отнятыми землями (въ 598=1202 году). А когда Шехабъ эд-Динъ, въ 600 (1203—4) году, самъ пошелъ на Хорезмъ, то Мухаммедъ заключилъ союзъ съ Каракиданями, которые и разбили Шехабъ эд-

---

[1]) *Френъ*, Recensio numorum; p. 145. *Савельевъ*, неизданн. восточ. монеты (Труды Вост. отд. Арх. Общ. ч. II, 90).

[2]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 103—104; Hist. des Sult. du Khar. p. 43.

[3]) По Ибнъ-эль-Эсиру Гаясъ былъ правителемъ Газны; а Шехабъ эд-Динъ—Гура.

Дина. Черезъ два года послѣ того, Шехабъ эд-Динъ былъ убитъ [1]).

Въ это время Мухаммедъ обратилъ все свое вниманіе на завоеваніе странъ восточныхъ. Мелкіе правители въ Мавераннагрѣ—бухарскій, самаркандскій и другіе, обратились къ Мухаммеду съ просьбою выжить Кара-Киданей изъ Мавераннагра, за что обязывались провозглашать на эктеніяхъ его имя и отъ его имени чеканить монету [2]).

Дѣло въ томъ, что Кара-Кидане, завоевавъ Мавераннагръ, оставили управлять страною владствовавшую тамъ до нихъ тюркскую династію [3]). Для полученія же дани съ этой страны поставили они по городамъ особыхъ сборщиковъ податей и одного главнаго въ Самаркандѣ. Послѣ того какъ Текешъ отнялъ у Кара-Киданей Бухару въ 595 (1197) году, борьба съ ними для Хорезмъ-шаховъ не представлялась уже опасною. Тѣмъ не менѣе, Мухаммедъ выступилъ въ Мавераннагръ съ большою ратью. Скоро овладѣлъ онъ Самаркандомъ, гдѣ отъ имени Кара-Киданей правилъ Османъ, послѣдній государь караханидскій; а вслѣдъ затѣмъ разбилъ и кара-киданьское войско, выступившее противъ него подъ начальствомъ Гурхана. Походъ этотъ имѣлъ мѣсто въ 606 (1208—9) году [4]). Послѣ того Хорезмъ-шахъ пошелъ на Отраръ (Фарабъ), гдѣ правилъ киданьскій губернаторъ, и взялъ этотъ городъ. Поставивъ тамъ своего правителя, Мухаммедъ покончилъ походъ и вернулся въ Хорезмъ [5]).

Кара-Кидане пробовали было снова овладѣть Самаркан-

---

[1]) Hist. des Sult. du Kharezm; p. 43—44. Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 104, 113—114, 124.

[2]) Hist. des Sult. du Khar. 54—58.

[3]) В. В. Григорьевъ назвалъ эту династію «Караханидами» по имени основателя ея Кара-хана (См. Караханиды въ Мавераннагрѣ. В. В. Григорьева, Спб. 1874).

[4]) Hist. des Sult. du Khar. p. 55. Ибнъ-эль-Эсиръ, XII, 176—177.

[5]) Тамъ же, стр. 57.

домъ; но, услыхавъ о движеніи къ этому городу Мухаммеда, поспѣшно отступили [1]).

Мунедджимъ-баши [2]), авторъ «Исторіи Династій», сказываетъ, что Мухаммедъ, захвативъ Османа, возвратился въ Хорезмъ; но потомъ не только освободилъ его изъ заключенія, но еще женилъ на своей дочери и поставилъ правителемъ въ Самаркандѣ. Тамъ Осману скоро наскучило владычество Хорезмцевъ и онъ, захвативъ всѣхъ ихъ, находившихся въ Самаркандѣ, приказалъ умертвить. Увѣдомившись о томъ, Мухаммедъ съ войскомъ выступилъ въ Мавераннагръ и, послѣ упорнаго сопротивленія, взялъ Самаркандъ приступомъ. Османъ былъ казненъ [3]).

Съ тѣхъ поръ власть Мухаммеда прочно утвердилась въ Самаркандѣ. Въ этомъ городѣ началъ онъ бить монету; изъ нихъ мнѣ извѣстны монеты, битыя имъ съ 610 г. (1213 г.), и далѣе въ 614, 615 и др. годахъ. Билъ онъ монеты и въ Бухарѣ. На лицевой сторонѣ этихъ монетъ изображено имя халифа, Насиръ-эд-Динъ-Аллаха; а на оборотной имя Алаэддина Мухаммеда [4]).

Въ одной изъ стычекъ съ Кара-Киданями Мухаммедъ попалъ къ нимъ въ плѣнъ, и хотя ему удалось бѣжать; но вѣсть о его плѣнѣ произвела безпорядки въ Хорезмѣ. Братъ его, Али-Шахъ, правитель Хорасана, объявилъ себя Хорезмъ-шахомъ; а, услыхавъ о возвращеніи Мухаммеда, бѣжалъ въ Гуръ къ Гаясъ эд-Дину. Тогда Алаэддинъ отрядилъ туда эмира Мулька, который захватилъ и Гаясъ эд-Дина и Али-Шаха и снялъ имъ обоимъ головы [5]). О казни

---

[1]) Тамъ же, стр. 58.

[2]) См. «Караханиды въ Мавераннагрѣ» стр. 3.

[3]) «Караханиды въ Мавераннагрѣ», 17—18 стр. перев. 69—70 текста. Ибнъ-эль-Эсиръ; XII; 177—178. Ибнъ-эль-Эсиръ, говоря о правителѣ Самарканда, не называетъ его по имени.

[4]) *Френъ*, Recensio numorum, p. 145—146; Nova Suplementa, p. 58—59. *Сорѣ*, Неизд. вост. монеты (Труды В. отд. Арх. Общ. II, 90—91, 318—319).

[5]) Hist. des Sult. du Kharezm; p. 64—65.

ихъ говоритъ и Ибнъ-эль-Эсиръ, который относитъ ее къ 605 (1208) году [1]).

Въ шаабанѣ 612 г. (въ декабрѣ 1215) овладѣлъ Мухаммедъ Газною и ея областью. По Ибнъ-эль-Эсиру случилось это такимъ образомъ. Когда Хорезмъ-шахъ подчинилъ себѣ весь Хорасанъ, покорилъ Баміанъ и прочее, потребовалъ онъ, чтобы Таджъ эд-Динъ, владѣлецъ *(сахибъ)* Газны, призналъ себя подданнымъ Хорезмъ-шаха, то-есть, чтобы имя Хорезмъ-шаха поминалось на эктеніяхъ и чеканилось на монетахъ. Таджъ эд-Динъ созвалъ на совѣтъ всю знать города Газны. Изъ этой знати выдавались, по своему положенію, Кутлукъ-Тигинъ, бывшій прежде *танже* (т. е. такъ-же, какъ и Таджъ эд-Динъ) рабомъ Шехабъ эд-Дина Гурійскаго, и чинившій судъ и расправу въ государствѣ Илдизъ, намѣстникъ *(наибъ)* Газны. По Мирхонду же, правитель Газны назывался *Таджъ эд-Динъ Илдизъ*, т. е. Ибнъ-эль-Эсировы *сахибъ* и *наибъ* — одно лицо. Да такъ приходится заключать и изъ самаго разсказа Ибнъ-эль-Эсира, который, назвавъ владѣльцемъ Газны Таджъ эд-Дина, болѣе не упоминаетъ о немъ; а Илдизъ, между тѣмъ, является у него лицемъ, пользующимся правами верховнаго правителя.

На совѣтѣ — продолжаемъ разсказъ Ибнъ-эль-Эсира — высказано было мнѣніе, что такъ какъ «не подъ силу намъ бороться съ Хозермъ-шахомъ», то слѣдуетъ исполнить его требованіе; мнѣніе это было принято единогласно и затѣмъ приведено въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе, Газна не избѣгла нашествія Алаэддина Мухаммеда. Кутлукъ-Тигинъ, овладѣвъ крѣпостью Газны, избилъ весь гурійскій гарнизонъ и изгналъ Илдиза изъ этого города; это обстоятельство и заставило Мухаммеда покончить съ Газною. Оканчивая этотъ разсказъ, Ибнъ-эль-Эсиръ прибавляетъ: «сказыва-

[1]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 176.

ютъ также, что Хорезмъ-шахъ овладѣлъ Газною въ 613 (=1216) году» [1]).

Въ 614 (=1216) году, покорилъ Мухаммедъ землю Джебель и побѣдоносно обошелъ города: Казвинъ, Зенджанъ, Абгаръ, Гамаданъ, Исфаганъ, Кумъ, Кашанъ, и затѣмъ намѣревался двинуть рать свою на Багдадъ [2]). Походъ Мухаммеда на столицу Халифовъ, которыхъ всѣ Хозермъ-шахи, а въ томъ числѣ и Мухаммедъ, признавали верховными владыками мусульманскаго міра (какъ видно это по дошедшимъ до насъ монетамъ) — объясняютъ мусульманскіе писатели тѣмъ, что когда Мухаммедъ вступилъ въ Газну, то въ архивахъ этого города оказались письма, обнаружившія участіе Халифа Насиръ-эд-Динъ-Аллаха въ войнахъ, веденныхъ Шехабъ эд-Диномъ противъ Хорезмъ-шаха [3]). Въ отмщеніе за это, Мухаммедъ и рѣшился вторгнуться во владѣніе халифа и силою смѣстить этого намѣстника пророка на землѣ. Но предварительно собралъ онъ совѣтъ имамовъ и улемовъ и заставилъ ихъ дать фетву, которою разрѣшалось низложеніе халифа на томъ-де основаніи, что халифатъ по праву принадлежитъ потомкамъ Хуссейна, втораго сына Алія, которыхъ Абассиды лишили законныхъ правъ [4]). Вслѣдъ за тѣмъ, Мухаммедъ двинулъ свою армію на Багдадъ. Но черезъ два-три дня послѣ выхода его изъ Гамадана, выпалъ такой сильный снѣгъ, что вьючныя животныя стали падать, и пришлось вернуться назадъ. Въ довершеніи же бѣды пришло извѣстіе о движеніи Татаръ на владѣнія Мухаммеда. Эти обстоятельства спасли столицу Халифата отъ разрушенія: Хорезмъ-шаху было уже не до Багдада. Но все-таки не думалъ онъ кончать свои счеты съ халифомъ: въ Хорасанѣ и Мавераннагрѣ объявилъ онъ халифа

---

[1]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 202—203; Hist. des Sult. du Kharezm; p. 65.
[2]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 206—207.
[3]) Hist. des Sult. du Khar. p. 69 et suiv.
[4]) Этихъ подробностей у Ибнъ-эль-Эсира нѣтъ.

низложеннымъ и отдалъ повелѣніе прекратить поминаніе его на эктеніяхъ. Мѣра эта встрѣтила повсюду сильный отпоръ; только тѣ города приводили ее въ исполненіе, черезъ которые проходилъ Мухаммедъ; но нѣкоторые, какъ напримѣръ Гератъ, Самаркандъ, вовсе не подчинились этому повелѣнію [1]). Въ мухарремѣ 615 г. (= въ апрѣлѣ 1218) вернулся Мухаммедъ въ Мервъ, сообщаетъ Ибнъ-эль-Эсиръ; по Мирхонду же, событія эти имѣли мѣсто въ 616 (= 1219) году, что очевидно невѣрно [2]).

Нашествіе Татаръ.

Мусульманскіе писатели приводятъ слѣдующую причину, вызвавшую походъ Чингизъ-хана противъ Хорезмъ-шаха Алаэддина. По завоеваніи Кара-Киданей, Мухаммедъ очутился въ близкомъ сосѣдствѣ съ владѣтелями Чингизъ-хана. Естественно, что должны были завязаться сношенія между тѣмъ государствомъ и другимъ. Но Мухаммедъ отнесся съ своей стороны къ этимъ сношеніямъ самымъ враждебнымъ образомъ. Караванъ, отправленный Чингизъ-ханомъ въ Хорезмъ, былъ задержанъ въ Отрарѣ и купцы его убиты. Чингизъ потребовалъ удовлетворенія; но его посолъ Богра, прибывшій съ этимъ требованіемъ къ Мухаммеду, былъ убитъ, а двумъ его спутникамъ монголамъ выбрили бороды и отпустили домой [3]).

Послѣ такого оскорбленія, Чингизъ рѣшилъ походъ на Хорезмъ. Въ 616 (1219) году двинулъ онъ въ Мавераннагръ свою армію, разбивъ ее на четыре отряда. Мухаммедъ

---

[1]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 207; Hist. des Sult. du Kharezm; p. 69 et suiv.
[2]) Тамъ же.
[3]) По Джувейни (См. d'Ohsson, Histoire des Mongols; t. I, p. 201—207.

растерялся. Имѣя, по Джувейни, 400-тысячную армію, Хорезмъ-шахъ размѣстилъ ее по городамъ и крѣпостямъ, предоставивъ каждому городу защищаться отдѣльно; самъ же все время, какъ Татары опустошали Мавераннагръ, держался вдали отъ военныхъ дѣйствій. Когда же Чингизъ послалъ въ Хорезмъ своихъ сыновей, Мухаммедъ бѣжалъ въ Мазандеранъ. Для преслѣдованія его, отряжены были нойаны Джебэ и Субугѣдай, каждый съ 10-тысячной ратью. Отъ нихъ Мухаммедъ бѣжалъ на одинъ островъ у южнаго берега Каспійскаго моря, Абисукунъ, гдѣ и умеръ, въ 1220 году, послѣ 21-лѣтняго царствованія [1]).

Такъ кончилъ этотъ Хорезмъ-шахъ, расширившій границы своихъ владѣній до размѣровъ не бывалыхъ въ лѣтописяхъ Хорезма, ни до него, ни послѣ него. Онъ овладѣлъ Газною, частью Индіи, Седжестаномъ, Керманомъ, Табаристаномъ, Джорджаномъ, землею Джебаль, Хорасаномъ, частью Персіи и страною Кара-Киданей [2]). Дворъ Хорезмъ-шаха отличался необыкновеннымъ блескомъ. Служить Мухаммеду за честь считали государи, имъ же лишенные своихъ владѣній; царевичи же находили себѣ здѣсь пристанище. Разсказываютъ, что, по повелѣнію Мухаммеда, каждый день, при восходѣ и закатѣ солнца, 27 государей или ихъ сыновья должны были бить зорю на 27 золотыхъ барабанахъ [3]). Слѣдовало ожидать, что край, давшій Авицену, эль-Фараби, эль-Бируни и другихъ свѣтилъ мусульманской учености, достигнетъ высокой степени внутренняго благосостоянія и образованности. Порядокъ водворился въ Средней Азіи, и торговля въ ней, упавшая съ половины XI вѣка, вновь начала процвѣтать. Казалось вернулся вѣкъ Саманидовъ, золотой вѣкъ для Средней Азіи. Но нашествіе Татаръ подавило развитіе Хорез-

---

[1]) Тамъ же, стр. 216—240, Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 236—242.
[2]) Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 242.
[3]) Дегинь, нѣмец. перев. ч. II, стр. 601.

ма; а затѣмъ господство Узбековъ окончательно погубило эту страну и низвело ее на степень самаго незначительнаго государства въ Средней Азіи, государства, которое мало-по-малу обратилось въ разбойничье гнѣздо, наводившее ужасъ на своихъ сосѣдей.

Передъ самымъ нашествіемъ Татаръ, посѣтилъ Хорезмъ арабскій путешественникъ *Якутъ* [1]), родомъ грекъ, но ребенкомъ еще попавшій въ плѣнъ къ Арабамъ и получившій хорошее мусульманское образованіе. Прибывъ въ Хорезмъ, онъ, не смотря на сильные холода, какими отличается страна эта зимою, описываетъ Хорезмъ самымъ восторженнымъ образомъ. «Ничего лучше страны этой», говоритъ онъ, «я не видывалъ». По его разсказамъ Хорезмъ изобильно орошенъ и сплошь обработанъ; невоздѣланное поле встрѣтить можно очень рѣдко. Шелковичный дубъ и ива растутъ тамъ во множествѣ. Торгъ въ странѣ оживленъ чрезвычайно; на городскихъ рынкахъ можно найти все необходимое для хозяйства и пропитанія. Въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ своего базара. Въ странѣ царствуетъ полнѣйшая безопасность. Жители Хорезма грамотны и образованы. Народъ вообще богатъ, имѣетъ не большія потребности и живетъ умѣренно.

Послѣ бѣгства изъ Хорезма Мухаммеда и, вслѣдъ затѣмъ, смерти его на островѣ Абисукунѣ, въ Хорезмѣ началась анархія. Старшій сынъ Мухаммеда, Джелаль-эд-Динъ, объявилъ себя Хорезмъ-шахомъ (въ 1221 году) и, собравъ войско, рѣшился защищаться; но скоро бѣжалъ изъ столицы, опасаясь за свою жизнь, на которую покушалась его армія. Прибыли въ Хорезмъ еще два сына Мухаммеда и увеличили силы обороны. Чингизъ-ханъ, расположившійся лагеремъ между Самаркандомъ и Нехшебомъ еще въ

---

[1]) Iacut's Geographisches Wörterbuch, изданный въ Лейпцигѣ Вюстенфельдомъ; т. II, стр. 480—486. Якутъ прибылъ въ Хорезмъ, какъ самъ говоритъ, въ 616 (1219) году. Стр. 482.

1220 году, послалъ теперь въ Хорезмъ своихъ сыновей Джучи, Джагатая и Угедэя. Чтобы пресѣчь всякое сообщеніе съ этою страною извнѣ, велѣлъ онъ окружить кордономъ южную часть Хорезма. Черезъ этотъ кордонъ удалось пробиться только Джелаль-эд-Дину, который и бѣжалъ сперва въ Газну, а потомъ въ Индію; но два его брата пали въ стычкѣ съ Татарами [1]).

Ургенчъ остался безъ правителя. Тогда жители избрали губернаторомъ турка Хумара и рѣшились дать отпоръ приближавшимся сыновьямъ Чингизъ-хана. Послѣ отчаянной защиты, городъ былъ взятъ и разрушенъ; жители вырѣзаны, за исключеніемъ женщинъ, дѣтей и ремесленниковъ. Эти послѣдніе уведены были въ плѣнъ [2]).

Послѣдній Хорезмъ-шахъ нѣсколько лѣтъ послѣ того боролся еще съ Татарами, то въ Индіи, то въ Иракѣ Персидскомъ, пока наконецъ былъ убитъ въ 628 (1230) году однимъ Курдомъ, мстившимъ Джелаль-эд-Дину за своего брата, казненнаго этимъ Хорезмъ-шахомъ. Жизнь Джелаль-эд-Дина описана секретаремъ его Мухаммедомъ эль-Мунши эль-Нисави подъ заглавіемъ: «Сирату-ль-Султанъ Джелаль-эд-Эдинъ Менкубирти» [3]).

Хозермъ-же вошелъ въ составъ имперіи Чингизъ-хана, и въ немъ, какъ и во всѣхъ завоеванныхъ Татарами странахъ, поставлены были, для управленія и сбора дани, *даруги*.

---

[1]) По Джувейни (См. D'Ohsson. Hist. des Mong. t. I, p. 623—624).

[2]) Тамъ же, стр. 625. Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 258—9.

[3]) См. у D'Ohsson'а въ его Hist. des Mong. Ч. I, предисловіе; у Дегиня т. II, 610—616. Ибнъ-эль-Эсиръ; XII, 293—6, 310—311, 324.

Хорезмъ подъ властію Джучидовъ.

Чингизъ-ханъ передъ смертію раздѣлилъ свою имперію между сыновьями. При этомъ завоеванныя страны къ сѣверу отъ Аральскаго моря, вмѣстѣ съ Хорезмомъ, достались роду старшаго сына Чингизъ-ханова, Джучи; самъ же Джучи умеръ раньше этого раздѣла. Мусульманскіе писатели, говоря о раздѣлѣ Чингизъ-ханомъ его имперіи, не сообщаютъ ничего о томъ, что Хорезмъ отошелъ не къ Джагатаидамъ, какъ это можно заключать изъ словъ этихъ писателей; а къ Джучидамъ. Это обстоятельство ввело нѣкоторыхъ европейскихъ писателей, касавшихся раздѣла, въ ошибку, такъ какъ они относили Хорезмъ къ Джагатаеву удѣлу. Вивьенъ-де-С. Мартенъ говоритъ, что Maouaran-nahar du Transoxane et le pays de Kharizm (составляли) le royaume de Tchagatai [1]). Я. В. Ханыковъ, въ своей «Пояснительной запискѣ къ картѣ Аральскаго моря», также считаетъ, Хорезмъ частью Джагатаева улуса [2]). Конечно, ни С. Мартенъ, ни Ханыковъ не вникли въ дѣло; но удивительнѣе всего то, что Сенковскій, какъ, извѣстно, занимавшійся исторіей Золотой Орды, тоже относилъ Хорезмъ къ владѣніямъ Джагатая [3]). Не ради осужденія такъ сказать, приведены мною эти обстоятельства; а въ свидѣтельство того, какъ мало разработана исторія Хорезма.

Улусъ Джучіевъ заключалъ въ себѣ во-первыхъ, Дешти-Кипчакъ (въ обширномъ смыслѣ); во-вторыхъ, Крымъ, часть Закавказья, Хорезмъ и Русь. Но скоро улусъ этотъ, обнимавшій обширныя степи и осѣдлыя страны, распался на двѣ орды, «Золотую» и «Синюю»; а впослѣдствіи раздробленіе пошло еще дальше.

---

[1]) Les Huns blancs ou Ephthalites; p. 119.

[2]) Зап. Рус. Геогр. Общ. кн. V, стр. 271.

[3]) Энциклоп. Лекс. изд. Плюшара; I, 49; въ статьѣ объ Абуль-Гази.

Резиденціею Джучидовъ Золотой Орды былъ Сарай; отсюда, слѣдовательно, шли распоряженія въ Хорезмъ, и туда долженъ онъ былъ доставлять свою дань. Понятно, такимъ образомъ, почему въ Россіи было много Хорезмійцевъ. При первоначальной системѣ хановъ Золотой Орды отдавать «дани» на откупъ, Хорезмійскіе купцы, какъ народъ богатый, естественно, должны были имѣть перевѣсъ передъ всѣми другими наддатчиками. И не мало пострадала отъ нихъ Русская земля.

Хорезмъ при Джучидахъ не имѣлъ никакого важнаго значенія, и свѣдѣній о немъ за это время у насъ очень мало.

Вскорѣ послѣ завоеванія Хорезма Татарами, черезъ него проѣзжалъ, (въ 1246 году) францисканскій монахъ Плано Карпини [1]). Хорезмъ называетъ онъ землею Бисерминовъ [2]) (terra Biserminorum). «Говорятъ они (Бисерминны)—пишетъ Карпини — языкомъ Команскимъ, но законъ держатъ сарацинскій (магометанскій). Въ землѣ этой нашли мы безчисленное множество разворенныхъ городовъ съ замками и много пустыхъ селеній. Государь сея земли назывался Алтисолданомъ (Султаномъ Алла-эд-Диномъ), котораго Татары истребили со всѣмъ его родомъ» [3]).

Съ нѣкотораго времени, а именно съ изданія путешествія даосца Чина-Чуня [4]), сказанія мусульманскихъ писа-

---

[1]) Путешествіе Плано Карпини, описанное имъ самимъ, издано у насъ въ текстѣ съ русскимъ переводомъ *Д. И. Языковымъ*, подъ заглавіемъ—«Собраніе путешествій къ Татарамъ» (Спб. 1825).

[2]) Но суда по продолжительности дороги этою землею (отъ праздника Вознесенія почти до праздника св. Іоанна Крестителя, 24 іюня) а также потому, что черныхъ Китаевъ (Кара-Киданей) помѣщаетъ Карпини на сѣверъ отъ земли Бисерминовъ, надо полагать, что этимъ именемъ зовется у него не одинъ Хорезмъ, а весь Мавераннагръ.

[3]) Собраніе путешествій къ Татарамъ; стр. 27—29.

[4]) Путешествіе Чинъ-Чуня издано въ русскомъ переводѣ о. Палладіемъ (въ Трудахъ Пекинской Духовной миссіи 1866 г. т. IV); на французскомъ—Потье.

телей о страшномъ раззореніи Маверанагра Татарами начинаютъ считаться вымышленными, на томъ основаніи, что Чинъ-Чунъ, слѣдуя тою же дорогою, которою проходили Чингизъ-хановы полчища, не встрѣчалъ никакихъ особенныхъ слѣдовъ разрушенія. Безспорно, свидѣтельство это много ослабляетъ тѣ ужасы, о которыхъ разсказываютъ мусульманскіе писатели временъ татарскаго нашествія; но думаю, что вполнѣ уничтожить ихъ оно не можетъ. Я не хочу заподозрить Чина-Чуня въ преднамѣренномъ обманѣ, отнюдь нѣтъ; но не надо забывать то, что даосецъ этотъ ѣхалъ почтовымъ трактомъ, устроеннымъ Чингизъ-ханомъ, ѣхалъ, слѣдовательно мѣстомъ оживленнымъ, бойкимъ, легко могъ не замѣтить всѣхъ слѣдовъ татарскаго нашествія. Война всегда влечетъ за собою разрушенія, но если разрушенія эти даже черезъ четверть столѣтія поражаютъ своею громадностію, то мы уже можемъ судить о томъ, какова была война.

Въ теченіи двухъ съ половиной столѣтій оставался Хорезмъ вѣрною провинціею Джучидовъ. Доказательствомъ этому могутъ, между прочимъ, служить монеты, битыя въ Хорезмѣ отъ имени хановъ Золотой Орды, Въ первый разъ такія монеты описаны были академикомъ Френомъ въ его «Recensio Numorum» [1]). Изъ нихъ извѣстны монеты Тохтубека, Узбека, Джанибека, Бердибека, Кулнаха, Хизиръ-хана (Хидыря), Пулада, Тюлябека (Телебуга) и Тохтамыша [2]).

---

[1]) Fraehnii, Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. scient. Petropolitanae. Petropoli, MDCCCXXVI.

[2]) См. Recensio numorum, стр. 204, 206, 208, 211, 213, 229, 230, 239, 253, 257, 260, 262, 268, 295, 297 308, 310, 314, 316, 319, 371; 649, 650, 652, 653. См. также: Френа же Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's oder von der Goldenen Horde; St.-Petersb. 1832 (а въ русскомъ переводѣ Волкова: Монеты хановъ Улуса Джучіева или Золотой Орды, Спб. 1832). Соч. *В. В Григорьева* «Описаніе монетъ Джучидовъ, Генуэзцевъ и Гиреевъ, битыхъ на Таврическомъ полуостровѣ». *Савельева*: «Описаніе клада изъ золотыхъ мо-

Во время частыхъ столкновеній Гулагидовъ съ Джучидами и Джагатаидами, Хозермъ, какъ видно, оставался въ сторонѣ. По крайней мѣрѣ нѣтъ у насъ никакихъ извѣстій о томъ, принималъ ли онъ какое участіе въ этихъ столкновеніяхъ, или въ какія отношенія становился къ боровшимся сторонамъ. Извѣстно только, что съ Золотою Ордою находился онъ въ самыхъ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ. Глядя на теперешнія пути сообщенія Хивинскаго ханства съ Россіей, трудно повѣрить, что въ древности пролегали тутъ превосходныя караванныя дороги. А между тѣмъ развалины городовъ на Мангышлакѣ, которыя видѣлъ Иванинъ [1]), да таковыя же на всемъ пути отъ Хивы на западъ, къ Каспійскому морю свидѣтельствуетъ о иномъ положеніи этихъ странъ въ древности, чѣмъ теперь. Сохранившіеся до нашихъ дней высѣченные изъ камня водоемы на Усть-Уртѣ, слѣдовательно на сѣверномъ для Хивы пути, показываютъ, что дѣятельность въ этихъ мѣстахъ была прежде далеко усиленнѣе теперешней. Могутъ возразить, что города на западъ отъ Хивы обратились въ развалины до нашествія Татаръ, и сѣверный путь сталъ никуда негоднымъ, точно также ранѣе этого нашествія. Но едвали это такъ. Если Хорезмъ отошелъ къ Джучидамъ, а не къ Джагатаидамъ, что казалось было бы гораздо цѣлесообразнѣе, то значитъ природа не представляла тогда къ подоб-

---

нетъ, найденныхъ близъ развалинъ Сарая». Здѣсь позволю себѣ высказать одно замѣчаніе относительно значенія ордынскихъ монетъ, битыхъ въ Хорезмѣ. Монеты эти служатъ яснымъ доказательствомъ тому, что ханы Золотой Орды, бившіе монеты въ Хорезмѣ, несомнѣнно ханствовали въ ней; тогда какъ, относительно нѣкоторыхъ другихъ хановъ, можно сомнѣваться, дѣйствительно ли они сидѣли на ханствѣ въ Ордѣ или только еще добивались этой чести, а между тѣмъ, въ ожиданіи этого благополучія, били свою монету и титуловали себя ханами, чего еще въ дѣйствительности не достигли.

1) Поѣздка на Мангышлакъ Иванина (въ Зап. Геогр. Общ. кн. I и II, стр. 332, 334; а также въ Военномъ Сборникѣ за 1863 г. кн. февр., отд. II, стр. 340).

ному присоединенію тѣхъ преградъ, какія встрѣчаемъ нынѣ, на сѣверъ и на западъ отъ Хивы.

Въ началѣ XIV столѣтія находимъ извѣстія о Хорезмѣ у нѣкоторыхъ европейскихъ путешественниковъ. Къ сожалѣнію, извѣстія эти такъ ничтожны, что не стоятъ, пожалуй, и упоминанія. Такъ напримѣръ, *Гайтонъ*, писавшій около 1300 года, показавъ границы Хорезма, говоритъ: «ils (т. е. Хорезмійцы) sont paiens sans lettres et sans loi (это выдумка Гайтана), Il y en a qui dans les armes sont très sauvages, qu'on appelle les *Saldins*: ils ont leur langue particuliere. Ils ont les rits et les ceremonies des Grecs, et consacrent à la maniere des Grecs sous l'obeïssance du Patriarche d'Antioche» [1]). Въ 1335 г. посѣтилъ Хорезмъ монахъ-миссіонеръ, *Бальдуччи Пеголетти*, описавшій свой маршрутъ, ничего важнаго не представляющій [2]). Въ 1338 году отправился туда же съ нѣсколькими товарищами другой монахъ, *Паскаль*. Въ Ургенчъ поѣхалъ онъ изъ Сарая на Сарайчукъ и «quinquagesimo die in Wrgant (Ургенчъ) deveni (пишетъ Паскаль), quae est civitas alio nomine vocatur Hus (Хорезмъ?); ubi est corpus beati *Iob*». Оттуда прибылъ Паскаль въ имперію Мидянъ (Medorum). «Ecce gratiose ductus sum in Armalech, civitatem in medio ipsorum Medorum, in Vicaria Catay, et sic incipiens ab Urganth, quae est civitas ultima Persarum et Tartarorum, usque ad Armalech» [3]). Вотъ и все.

Гораздо важнѣе для насъ путешествіе въ Хорезмъ, совершенное тѣмъ же путемъ знаменитымъ арабскимъ путешественникомъ Танжерцемъ, *Абу-Абдуллою Мухамедомъ Ибнъ-Батутою*.

Хорезмъ посѣтилъ Ибнъ-Батута около 1340 года [4]).

---

[1]) См. у *Bergeron*'а въ Recueil de divers voyages faits en Tartarie.

[2]) См. Libro de'Divisamenti dei Paesi e Mesure.

[3]) *Lavrentii Moshemii*, Historia Tartarorum ecclesiastica; Helmstadt MDCCXXXX. (Appendix. p. 193—196).

[4]) Путешествіе Ибнъ-Батуты издано въ арабскомъ текстѣ съ француз-

Отправился онъ туда (вмѣстѣ съ караваномъ) изъ Сарая столицы Золотой Орды, и говоритъ, что между этимъ городомъ и Хорезмомъ лежатъ степи на 40 дней пути [1]). Столицу этой страны описываетъ онъ слѣдующимъ образомъ. Хорезмъ (такъ называетъ онъ Джорджаніэ) самый большой и самый прекрасный изъ тюркскихъ городовъ. Улицы въ немъ широки, постройки многочисленны и много всякихъ достопримѣчательностей. Городъ до такой степени населенъ и оживленъ, что въ базарный день, когда въѣзжалъ Ибнъ-Батута, не могъ онъ проѣхать улицами на лошади. Городъ этотъ, пишетъ онъ, принадлежитъ къ владѣніямъ хана Узбека, который поставилъ здѣсь правителемъ Кутлу (къ) Тимура.

Эмиръ построилъ здѣсь медресе, а его жена построила мечеть. Существуетъ въ этомъ городѣ и госпиталь, гдѣ врачемъ Сиріецъ. Жители Хорезма произвели на Ибнъ-Батуту самое отрадное впечатлѣніе своимъ великодушіемъ и гостепріимствомъ, такъ что нашъ путешественникъ прямо говоритъ, что людей лучше Хорезмійцевъ онъ не встрѣчалъ. Духовенство строго до такой степени, что всѣ жители собираются въ мечеть на молитву; не явившіеся наказываются или плетью, которая на этотъ случай находится въ каждой мечети, или денежнымъ штрафомъ до 5 динаровъ, которые идутъ или на украшеніе мечети или на содержаніе войска [2]).

Эмиръ страны, Кутлукъ Тимуръ, сынъ тетки знаменитаго Узбека съ материной стороны. Онъ главный изъ эмировъ хана и его намѣстникъ въ Хорасанѣ. Сынъ Кутлукъ Тимура, Гарунъ-бекъ женатъ на дочери Узбека и ханши Тайтоглу. Жена же эмира называется Турабекъ-хатунъ. Эмиръ отправляетъ правосудіе такимъ образомъ:

скимъ текстомъ Дефремери и Сангвинети, подъ заглавіемъ: Les voyages d'Ibn Batdotah. Paris 1853—58, въ 4 томахъ.

[1]) Ibn Batoutah, t. II, p. 450.

[2]) Ibn Batoutah; t. III, p. 3—5.

кади всякій день является въ залу аудіенціи и садится на особомъ, для того назначенномъ мѣстѣ, вмѣстѣ съ законовѣдами и секретарями. Одинъ изъ важныхъ эмировъ садится противъ него съ восемью старшинами или шейхами турками, которые называются *аларгуджіэ*, «посредниками». Тогда жители города представляютъ свои жалобы на рѣшеніе этого суда. Вопросы религіозные рѣшаетъ кади, всѣ другіе вопросы—старшины. Рѣшенія ихъ справедливы, потому что судей нельзя заподозрить въ пристрастіи къ той или другой сторонѣ, такъ какъ они не поддаются на подкупъ [1]).

Радушный пріемъ, оказанный Ибнъ-Батутѣ [2]) въ Ургенчѣ, свидѣтельствуетъ въ свою очередь о томъ, какъ принимали тамъ путешественниковъ. Эмиръ, кромѣ денежнаго подарка въ тысячу дирхемовъ, послалъ Ибнъ-Батутѣ рису, муки, овецъ, масла и много вязанокъ дровъ (угольевъ въ этой странѣ, а также въ Индіи, Персіи и Хорасанѣ — говоритъ Ибнъ-Батута—не употребляютъ). Жена же эмира устроила въ честь путешественника пиръ, на который были приглашены законовѣды и старшины города [3]).

Отправившись изъ Хорезма въ Бухару, Ибнъ-Батута прибылъ въ городъ *эль-Кятъ*; другаго города по дорогѣ въ Бухару, говоритъ онъ,—нѣтъ. Городъ этотъ не великъ; но красивъ. Здѣсь встрѣтили путешественника кади города (*садръ-уль-шаріэ*), эмиръ, шейхъ и его ученики. Эмиръ Кятскій устроилъ праздникъ въ честь гостя; а на прощаньи одарилъ его платьемъ и лошадью. Черезъ 6 дней послѣ того Ибнъ-Батута прибылъ въ городъ Вабкенехъ (Вафкендъ), лежащій на день пути отъ Бухары [4]).

Долго ли послѣ посѣщенія Хорезма Ибнъ-Батутою про-

---

[1]) Ibid. p. 9—12.
[2]) Ибнъ-Батута путешествовалъ въ сопровожденіи своего гарема.
[3]) Ibn Baïoutah, t. III, p. 13—15.
[4]) Ibid. p. 20—21.

должался тамъ, описанный имъ порядокъ вещей, т. е. назначеніе правителей Хорезма ханами Золотой Орды,—мы не знаемъ. Только изъ Тимурова жизнеописанія [1]), подъ 1370 годомъ, узнаемъ, что тамъ наступили новые порядки.

Въ началѣ этого года дошло до свѣдѣнія Тимура, что въ «земляхъ Кята и Хивака» утвердился Хуссейнъ Софи, сынъ Янгадая, изъ племени Конградъ. Это извѣстіе почему-то заставило Тимура обратить свое вниманіе на Хорезмъ. Отъ имени Джагатайскаго хана [2]), Тимуръ потребовалъ у Хуссейна-Софи подчиненія этому дому, на томъ основаніи, что Хорезмъ находился прежде въ вѣдомствѣ Джагатаидовъ [3]). На это требованіе Хуссейнъ отвѣчалъ, что страну, ему подвластную, *онъ завоевалъ оружіемъ* и, что такимъ же путемъ надо ее отнять у него. Тогда Тимуръ сталъ готовиться къ походу въ Хорезмъ. Между тѣмъ мулла Джелаль-эд-Динъ, находившійся при Тимурѣ, вызвался уговорить государя Хорезма согласиться на требованіе Тимура, чтобы не губить страны. Но Хуссейнъ Софи велѣлъ посадить его въ тюрьму. Послѣ этого поступка Хуссейна, Тимуръ далъ приказъ войскамъ выступить въ походъ. Весною 773 (1371) года прибылъ Тимуръ въ Хорезмъ и осадилъ Кятъ. Губернаторъ города Бейрамъ и шейхъ Муваидъ рѣшились защищаться, и хотя городъ защищался отчаянно; но былъ взятъ и наказанъ разграбленіемъ. Затѣмъ Тимуръ подступилъ къ Хорезму (Ургенчу), опусто-

---

[1]) Это жизнеописаніе, составленное Шерефъ-эд-Диномъ, перевелъ Петиде-ла-Круа: Histoire de Timurbec; ecrite en persan par Cherefeddin Ali, trad. en français par Petis de la Croix. Paris 1722, въ 4 томахъ.

[2]) Тимуръ посадилъ ханомъ въ Самаркандѣ джагатаида Суюргатмыша и отъ его имени управлялъ ханствомъ.

[3]) Если Тимуръ дѣйствительно выставлялъ такую причину и тутъ нѣтъ выдумки Шерефеддина, то онъ не былъ правъ: Хорезмъ никогда Джагатаидамъ не принадлежалъ. Отнять его у Джучидовъ было очень легко, и тѣ не въ силахъ были бы отстоять свою провинцію; но монеты, битыя въ Хорезмѣ отъ имени хановъ Золотой Орды, показываютъ, что этого отнятія не было.

шивъ мѣстности, лежавшія на его пути. Хуссейнъ-Софи просилъ мира; но потомъ, понадѣявшись на помощь обѣщанную ему Кей-Косроу Котлани (въ Хуттелѣ), рѣшился сопротивляться. На каналѣ Кавунъ, въ двухъ фарсахахъ отъ Ургенча, онъ далъ битву; но былъ разбитъ и заперся въ городѣ. Здѣсь, удрученный раскаяніемъ, Хуссейнъ-Софи съ горя умеръ. Ему наслѣдовалъ братъ его Юсуфъ-Софи. Съ этимъ Тимуръ заключилъ миръ на условіи выдать замужъ за его сына Джехангира дочь Акъ-Софи (брата Хуссейна и Юсуфа-Софи). Мать ея была дочь хана Золотой Орды Узбека. Это *первый* походъ Тимура въ Хорезмъ [1]).

Раньше изъ разсказа Ибнъ-Батуты мы видѣли, что дочь хана Узбека была замужемъ за Гаруномъ, сыномъ Кутлукъ Тимура; теперь видимъ, что дочь Узбека находится замужемъ за Акъ-Софи. Нѣтъ-ли тутъ какой связи? и не можетъ-ли это обстоятельство служить руководящей нитью для выясненія происхожденія династіи Софидовъ, властвовавшихъ въ Хорезмѣ въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія?

Но лишь только Тимуръ удалился во свояси, какъ Юсуфъ, поддавшись совѣтамъ нѣкоторыхъ интригановъ, отказался исполнить свое обѣщаніе. Осенью пошелъ онъ въ Кятскую провинцію, разорилъ ее, а жителей разогналъ и вернулся затѣмъ домой, не заботясь о томъ, что *нарушилъ заключенный имъ договоръ* [2]).

Это заставило Тимура предпринять *второй* походъ въ Хорезмъ, куда онъ и выступилъ въ годъ *коровы* 774-й, (соотвѣтствуетъ нашему 1373 году). Тогда Юсуфъ просилъ

---

[1]) Histoire de Timurbec. t. I, p. 226—239.

[2]) Признаюсь, это мѣсто для меня совсѣмъ непонятно. Съ какой стати Юсуфъ ходилъ опустошать Кятскую область, когда она составляла часть его владѣній? Вотъ подлинный переводъ Петн-де-ла-Круа: Jsouph alla pendant l'Automne faire des courses au Pays de Cat, qu'il ruina, et dont il dispersa la plupart des Habitans, ce qui ne l'empêcha pourtant pas de réflechir sur lui-meme ne comprenant pas d'abord l'action qu'il faisait, en rompant sitôt les Traités. (T. I, p. 242). Перешла эта область въ вѣдѣніе джагатейскаго султана что-ли?

мира, на что знаменитый Эмиръ и соизволилъ, такъ какъ невѣста Джехангира на этотъ разъ была отправлена въ Самаркандъ [1]).

Въ началѣ весны 777 года *дракона* (1376) опять видимъ Тимура на пути въ Хорезмъ. Когда онъ былъ уже около Кята, получилъ извѣстіе о нападеніи на Самаркандъ Джетейцевъ, и поспѣшилъ назадъ. Это *третій* по счету походъ Тимура на Хорезмъ [2]).

Зимою 779 года *лошади* (=1378), когда Тимуръ находился въ Отрарѣ, Юсуфъ-Софи, свѣдавъ объ его отсутствіи изъ Самарканда, отправилъ войско пограбить Бухару. Тимуръ, за такой поступокъ Хорезмскаго владѣтеля, послалъ ему выговоръ; но Юсуфъ велѣлъ посла посадить въ тюрьму. Тогда Тимуръ отправилъ къ Юсуфу письмо съ укоромъ за его поступки; но и этого новаго посланца постигла таже участь. Мало того: Юсуфъ повторилъ свой набѣгъ на Бухару. Тогда только рать Тимура выступила въ *четвертый* разъ въ Хорезмъ (въ 1379 году), при чемъ войскамъ отдано приказаніе опустошать страну. Когда Желѣзный Хромецъ перешелъ рѣку при Эски-Угузѣ и направился къ столицѣ Юсуфа, этотъ послѣдній послалъ Тимуру вызовъ на поединокъ. Тимуръ принялъ вызовъ; но вызвавшій струсилъ и заперся въ городѣ. Здѣсь онъ скоро заболѣлъ, потерялъ разсудокъ и наконецъ умеръ. Осаждающіе, послѣ этого извѣстія, напали на городъ съ особенною силою, и онъ былъ взятъ на 16-й день четвертаго мѣсяца осады. Въ наказаніе за такое сопротивленіе, Ургенчъ былъ разграбленъ, его ученые и наилучшіе ремесленники, съ ихъ семействами, были отправлены въ Кятъ, туда же уведено было безчисленное множество женщинъ и дѣтей. Эта славная побѣда, говоритъ Шереффединъ, была одержана въ 781-й годъ *овцы* (1379) [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 243.

[2]) Тамъ же, стр. 260 и слѣд.

[3]) Hist. de Timurbec. I, 295—306 p.

В 790 (1388) году предпринялъ Тимуръ *пятый* походъ въ Хорезмъ. Придя въ эту страну, узналъ онъ, что враги его Иликмышъ-Огланъ (Algan) и Солиманъ-Софи бѣжали къ Тохтамышу, хану Кипчакскому. Для преслѣдованія ихъ, Тимуръ отправилъ своего сына Мирзу Миранъ-шаха. Тотъ догналъ ихъ (надо полагать на Усть-уртѣ) сразился съ ними, захватилъ богатую добычу, а Иликмышу и Солиману учинилъ великое наказаніе. Между тѣмъ самъ Тимуръ вошелъ въ столицу Хорезма и оставался тамъ нѣсколько времени, а затѣмъ приказалъ разрушить ее и на этомъ мѣстѣ посѣять ячмень. Три года спустя послѣ того, въ 793 (1391) году, возвращаясь изъ Кипчака, Тимуръ поручилъ одному изъ своихъ полководцевъ Музикэ сыну Янги-Кучина (Moüsiké fils de Jinki Coutchin) [1]) обстроить опустошенный Хорезмъ [2]). Этотъ оживилъ страну, населилъ ее и далъ ей прежній блескъ, возвелъ стѣны Кята и Хивака. Съ этого времени Хорезмъ вошелъ въ число улусовъ, принадлежащихъ потомкамъ Джагатая [3]).

И такъ, Тимуръ ходилъ въ Хорезмъ въ 1370, 1373, 1376, 1379 и 1388 годахъ. Въ послѣдній разъ черезъ цѣлое дѣсятилѣтіе. Послѣ четвертаго похода, мы имѣемъ фактическое доказательство покорности Хорезма Тимуру. Это — монета битая тамъ въ 781 (1379—80) году; на одной сторонѣ этой монеты (лицевой) находится имя Тимура: *Чеканено въ Хорезмѣ. Теймуръ Гур (канъ) года 781;* на другой (оборотной): *Султанъ Суюргатмышъ-ханъ, да длится царствіе его* [4]). Но этого же года есть монета съ именемъ и

---

[1]) У Дегиня—*Мирекe* (нѣм. перев. IV, 31).

[2]) Теперешній Куня-Ургенчъ не самый древній Ургенчъ; развалины древняго Куня-Ургенча находятся въ разстояніи одной версты отъ теперешняго Куня-Ургенча.

[3]) Hist. de Timurbec; t. II, p. 1—5.

[4]) *Савельевъ*, «Монеты Джучидскія, Джагатайскія и другія» (Труды Вост. отд. Археол. Общ. III, 454).

Тохтамышъ-хана; а также 785 (=1383 — 4) года [1]) и 787 (=1385 — 6) г. [2]). Ясно такимъ образомъ, что вскорѣ-же послѣ покоренія Хорезма Тимуромъ, онъ опять отложился отъ своего побѣдителя и потянулъ на сторону Золотоордынскаго хана Тохтамыша. А когда Тохтамышъ въ 787 году (1385 — 6) напалъ на Бухару, явившись Тимуру врагомъ, то этотъ послѣдній, разгромивъ Тохтамыша, добрался и до Хорезма. Вѣроятно такова была причина пятаго похода Тимура въ Хорезмъ, — похода, о причинѣ котораго Шерефеддинъ совсѣмъ не говоритъ. Послѣ-же пятаго похода мы не знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ находился Хорезмъ къ Тимуру. По всей вѣроятности, онъ наконецъ смирился и до самой смерти Тимура былъ ему покоренъ. Я говорю *по всей вѣроятности* потому только, что въ случаѣ отложенія этотъ грозный воитель не спустилъ бы Хорезму его возмущенія.

Ко времени Тимура относится путешествіе Ивана Шильтбергера много поштатавшагося по Азіи, Передней и Средней, который въ числѣ видѣнныхъ имъ странъ говоритъ, между прочимъ, и о Хорезмѣ. Но то, что говоритъ онъ о немъ, ясно показываетъ, что страну эту Шильтбергеръ не посѣщалъ. «Origens, die ist gar mechtig, — пишетъ онъ — ligt mitten in einem wasser, genant Edil»; и далѣе: «Ein land die heisst Horassma (Хорезмъ) so heisst die stad des lands Orgens, ist ein Insel ligt in einem wasser genant Edil, welchs sehr gross ist» [3]). Ф. К. Брунъ, взявшій Шильдбергера подъ свою защиту, старается объяснить эту чепуху тѣмъ, что путешественникъ спуталъ Ургенчъ съ Итилемъ на Волгѣ [4]). Пусть такъ. Но что тогда толку въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 316.

[2]) *Н. Михайловъ*, Описаніе мѣдныхъ монетъ Золотой Орды и о Сераѣ. (Астраханскія Вѣдомости, 1843 г. № 12).

[3]) *Schiltberger*. Reise in den Orient.

[4]) *Ф. Брунъ*, «Путешествіе Ивана Шильтбергера» (въ Запискахъ Имп. Новорос. Университ. годъ I, т. I, вып. 1).

подобномъ описаніи? Если мы видимъ, что Шильтбергеръ ошибся въ этомъ тѣстѣ, то кто поручится, что не ошибся онъ и въ другомъ?

Во время Тимуридовъ свѣдѣній о Хорезмѣ почти не имѣемъ. Цѣлое столѣтіе, съ конца XIV в. по конецъ XV—темный періодъ въ исторіи Хивы. Можемъ только предполагать, что, пользуясь смертію Тимура (въ 1405 г.), Хорезмъ не преминулъ отложиться отъ его наслѣдниковъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы имѣемъ монету, битую въ Хорезмѣ въ 810 (1407—1408 г.) отъ имени Пулада, хана Золотой Орды, и такую же въ 813 (1410—11) году [1]), чего ни коимъ образомъ не могло бы быть, еслибъ Хорезмъ вошелъ въ число наслѣдственныхъ земель Тимуридовъ.

Н. В. Ханыковъ, въ дополненіяхъ къ переводу Риттерова «Ирана», говоря, что Хорезмъ не входилъ въ планъ завоеваній Тимура, прибавляетъ, что и потомки его, часто нуждавшіеся въ вакантныхъ царствахъ, не пробовали утвердиться тамъ [2]). Дѣйствительно, Хорезмъ не представлялъ потомкамъ Тимура ничего завлекательнаго; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы они стремились туда и утверждались въ немъ. Причина этому, думаю, заключалась въ томъ, что Хорезмъ и при Тимурѣ-то велъ себя самымъ неспокойнымъ образомъ и вызвалъ пять его походовъ; а потомкамъ Тимура еще труднѣе было бы справиться съ нимъ. Тяготѣніе же Хорезма въ Золотой Ордѣ можно, кажется, объяснить тѣмъ, что зависимость его отъ Джучидовъ была очень легкая и не требовала отъ населенія никакихъ жертвъ. При всемъ томъ, во 2-й половинѣ XV столѣтія видимъ, наконецъ, Хорезмъ подъ властію Тимурида; но какъ это случилось—не знаемъ.

---

[1]) *Савельевъ*, Неизданныя Джучидскія монеты (въ Трудахъ Восточ. Отд Археол. Общества, т. III, 513, 516).

[2]) «Иранъ», Спб. 1874, стр. 623.

По Девлетшаховой «Тезкират-уль-шуара» [1]) оказывается, что въ 865 (1460—1) г. владѣетъ Хорезмомъ Султанъ *Хуссейнъ* [2]). Въ этомъ году, разсказываетъ Девлетъ-шахъ, Султанъ Хуссейнъ, провѣдавъ о томъ, что Абу-Саидъ (государь Хорасана) [3]), оставивъ въ завоеванномъ имъ Астрабадѣ, сына своего Махмуда, пошелъ къ Шахрохіѣ и Самарканду противъ Мирзы Мухаммеда Джуки (с. Абд-уль-Латифа),—выступилъ изъ Хорезма, подступилъ къ Астрабаду; Махмудъ былъ разбитъ и бѣжалъ. Эта побѣда открыла Хуссейну Хорасанъ. Въ 873 (1468) г. Хуссейнъ овладѣлъ Гератомъ и утвердился въ немъ [4]). И такъ, Султанъ Хуссейнъ, прежде чѣмъ подчинилъ себѣ Хорасанъ, владѣлъ Хорезмомъ; но тамъ, какъ кажется, не жилъ, потому что, по Девлетъ-шаху же, началъ Хуссейнъ предпринимать походы къ расширенію своихъ владѣній изъ Мерва, и добился того, что подчинилъ подъ свою власть бо́льшую часть владѣній Тимура [5]).

Въ другомъ мѣстѣ находимъ такія подробности о столкновеніи Абу-Саида съ Хуссейномъ; но только подъ 1463—65 (868—870) годами. Когда Абу-Саидъ вернулся отъ Шахрохіѣ въ Гератъ и узналъ, что султанъ Хуссейнъ производилъ набѣгъ въ Хорасанъ, онъ отправилъ въ эту провинцію своихъ военачальниковъ, которые и вступили съ Хуссейномъ въ бой. Бѣгство многихъ офицеровъ изъ арміи Хуссейна заставило его отпустить въ Хорезмъ. Тогда Абу-Саидъ, не смотря на потери, избавился наконецъ отъ своего врага. Онъ заключилъ съ Хуссейномъ миръ, которымъ и воспользовался для того, чтобы отправиться въ

---

[1]) Histoire des conquêtes du Sultan Aboulgazi Hossain Béhadur-khan, extraite du *Tezkirat alschoara* de Douletschah. (Notices et Extraits; t. IV).

[2]) Правнукъ Омаръ-Шейха, сына Тимурова.

[3]) Внукъ Миранъ-Шаха, сына Тимурова.

[4]) Hist. des conquêtes du Sultan Aboulgazi Hossain; p. 263 et suiv.

[5]) Тамъ же.

Мервъ, гдѣ онъ сдѣлалъ большое пиршество по случаю обрѣзанія своихъ сыновей [1]).

Подъ властію Султана Хуссейна-Мирзы застали Хорезмъ и Узбеки.

Хива подъ властію Узбековъ.

Въ половинѣ XV столѣтія видимъ въ Средней Азіи замѣчательное явленіе—образованіе двухъ *союзовъ*. Союзъ *Узбековъ* съ одной стороны, союзъ *Казаковъ*—съ другой. Оба эти слова имѣютъ одно и тоже значеніе; какъ *Узбекъ* значитъ «самъ себѣ господинъ», «вольный человѣкъ» [2]), такъ и *Казакъ* значитъ «человѣкъ свободный, какъ птица», «вольный человѣкъ» [3]). Мѣсто образованія этихъ «союзовъ»—восточная половина улуса Джучіева, бывшіе удѣлы Орда-Ичена и Шейбани, сыновей Джучія [4]). Какія причины вызвали образованіе «союзовъ» мы хорошенько не знаемъ: даже, пожалуй, вовсе не знаемъ. В. В. Вельяминовъ-Зер-

---

[1]) *Deguines*, Geschichte der Hunnen; IV, 97—98.

[2]) Значеніе слова *Узбекъ* извѣстно было въ нашей литературѣ очень давно; но подробнѣе другихъ развилъ его Сенковскій («Собр. сочин.» т. VI, 10—13; т. VII, 5—7). Вамбери, также объясняетъ слово *Узбекъ*, какъ «самъ себѣ господинъ»; но при этомъ ухитрился онъ связать это толкованіе съ другимъ, прямо противоположнымъ, а именно съ тѣмъ, будто Узбеки назвались Узбеками въ честь хана Золотой Орды, Узбека («Исторія Бохары»). По всей вѣроятности, послѣднее объясненіе заимствовано имъ у Абуль-Гази (См. текстъ изд. барономъ Демезономъ, стр. 175). Послѣ этого можно только спросить въ честь какого же хана Казаки назвались Казаками?

[3]) *Quatremère*, Histoire des Mongols de la Perse; p. 406—407.

[4]) Улусъ Орда-Ичена—Синяя Орда, въ верховьяхъ Сыра и къ сѣверу отъ нихъ; главный городъ этой Орды былъ Саганакъ. Земли между Золотой Ордой и Синей составляли удѣлъ пятаго сына Джучія, Шейбани. Владѣлъ онъ, слѣдовательно, степями къ сѣверу отъ Аральскаго моря и устья Сыръ-Дарьи, до верховьевъ рѣки Урала.

новъ, въ своемъ «Изслѣдованіи о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», выяснилъ намъ положеніе дѣлъ въ степяхъ Средней Азіи за то время; но и его замѣчательное изслѣдованіе, по неимѣнію данныхъ, не разъяснило намъ причины появленія Узбековъ и Казаковъ. Вотъ что по этому поводу извѣстно намъ изъ восточныхъ источниковъ. Мухаммедъ-Хайдеръ-гуреканъ въ своей «Тарихи-Рашиди», писанной имъ въ первой половинѣ 40 хъ годовъ XVI столѣтія, сообщаетъ слѣдующее:

При Абуль-Хаиръ-ханѣ, властвовавшемъ во всемъ [1]) Дешти-Кипчакѣ, султанамъ Джучидскимъ приходилось отъ него очень плохо, поэтому Джучиды Гирей-ханъ, Джанибекъ-султанъ и другіе, съ небольшою толпою людей, бѣжали отъ Абуль-Хаира къ Иса-Бугѣ-хану въ Моголистанъ [2]). Иса-Буга отвелъ имъ край Джу и Козыбаши, гдѣ и зажили они спокойно. По смерти Абуль-Хаиръ-хана въ улусѣ Узбекскомъ начались междоусобія; всякій, кто только могъ, уходилъ, ища безопасности, къ Гирей-хану и Джанибекъ-хану. Вслѣдствіе этого они значительно усилились. Такъ какъ сами они, а потомъ и большая часть собравшихся около нихъ людей, были бѣглецы, ушедшіе отъ своихъ и одно время скитавшіеся безъ пріюта, то ихъ и прозвали *Казаками* (въ другой главѣ: *Узбеками-Казаками*); имя это за ними и осталось. Эпохой, съ которой началась собственно власть султановъ Казацкихъ, надобно считать 870 (=1465, 6) годъ; впрочемъ—прибавляетъ Мухаммедъ-Хайдеръ—Богъ лучше знаетъ [3]).

Изъ этого сообщенія видимъ, что Казаки образовались

---

[1]) Собственно не во всемъ Дешти-Кипчакѣ, такъ какъ этимъ именемъ, въ обширномъ смыслѣ, называлась вся степная полоса отъ верховьевъ Сыръ-Дарьи почти-что до устьевъ Дуная; а въ улусѣ Шейбанія сына Джучи.

[2]) Моголистаномъ назывались страны на востокъ отъ Мавераннагра и Туркестана, нынѣшняя Семирѣченская область.

[3]) «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ» (Спб. 1864); ч. II, стр. 139, 151—2.

изъ выходцевъ, людей вольныхъ, столпившихся подъ властію одного лица. Это относительно Казаковъ. Положимъ, что ядро казацкаго народа такъ и образовалось, и съ половны XV ст. сдѣлался народъ этотъ извѣстнымъ въ Средней Азіи (другаго объясненія у насъ нѣтъ; а сомнѣваться въ разсказѣ Мухаммедъ-Хайдера не представляется повода); но какъ образовался Узбекскій союзъ? и когда?

Узбеками назывались подданные Абуль-Хаиръ-хана, которому удалось сплотить вокругъ себя кочевое, тюркской крови населеніе нынѣшнихъ Киргизскихъ степей. Населеніе это, разбитое на отдѣльныя шайки, не признавало до Абуль-Хаира никакой надъ собою власти, жило *вольно, само себѣ господиномъ*, нерѣдко производя набѣги на осѣдлое населеніе Мавераннагра. Такія шайки извѣстны еще со временъ Тимура [1]). Тогда уже, можетъ быть, прозвались они *Узбеками*; но въ то время не представляли они ничего цѣлаго и только со временъ Абуль-Хаира «вольница» эта стала называться у мусульманскихъ писателей *Узбеками*; а степи, ими занятыя,—*Узбекистаномъ* [2]).

Извѣстенъ намъ и третій «союзъ», образовавшійся въ Средней Азіи въ концѣ XIV столѣтія; слѣдовательно, раньше узбекскаго и казакскаго. Это—*Ойраты*. Самое названіе «Ойраты» значитъ «Союзники». Три монгольскія поколѣнія, жившія въ Джунгаріи,—Чоросъ, Хошотъ и Торготъ, составили между собой союзъ, чтобы противопоставить оплотъ самовластію Элютея, могущественнаго князя, и назвались «союзниками», *ойратами* [3]). Значитъ, въ Средней Азіи было время образованія «союзовъ».

Едва ли Казацкій союзъ не образовался подобно Ой-

---

[1]). *Quatremère*, Hist. des Mong. de la Perse, p. 407.

[2]) См. извлеченіе изъ «Тарихи-Рашиди» въ II томѣ «Изслѣд. о Касимов. царяхъ».

[3]) *Іакинѳъ Бичуринъ*, «Историческое обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ». Спб. 1835.

ратскому, съ цѣлію дать отпоръ своимъ противникамъ, Узбекамъ. Образоваться же онъ могъ по образцу Узбекскаго союза. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Казаки были никто иной, какъ Узбеки же, только выходцы. Мухаммедъ-Хайдеръ прямо говоритъ, что этихъ выходцевъ стали наназывать *Узбеками-Казаками*. Кромѣ этого свидѣтельства Мухаммедъ-Хайдера, мы имѣемъ другое, болѣе вѣсское доказательство въ пользу родства Казаковъ съ Узбеками.

Узбекскихъ родовъ нынѣ чрезвычайно много. Борнсъ, а за нимъ и Вамбери, считаютъ ихъ 32 рода; Гребенкинъ—только 20 [1]). Сами Узбеки считаютъ своихъ родовъ болѣе 90. Н. В. Ханыковъ, въ своемъ «Описаніи Бухарскаго ханства», приводитъ списокъ всѣхъ родовъ, заимствованный имъ изъ книги Нассядъ-Намяти-Узбеккія. По этому списку ихъ оказывается 97 [2]). Но въ этомъ спискѣ мы не находимъ даже въ подъотдѣленіяхъ, слѣдующихъ родовъ, приводимыхъ, Гребенкинымъ: Ктаи, Митаны, Тюаклы, Тюркъ, Уйшунъ и Урганчи; да кромѣ того, нѣтъ тутъ рода Лакай, упоминаемаго Борнсомъ. Конечно, въ XV ст. не было столько родовъ, (да и едвали всѣхъ ихъ можно признать за роды); нѣкоторые отдѣлы усились на степень рода, нѣкоторые утратили свое первоначальное прозвище, слились съ другимъ родомъ; нѣкоторые приняли другое названіе, какъ явился напримѣръ, въ Бухарѣ, родъ Урганчи: такъ стали называться въ Бухарѣ Узбеки, выселившіеся изъ Ургенча въ концѣ прошлаго столѣтія. Все это страшно измѣнило первоначальное родосчисленіе. Тѣмъ не менѣе, большинство основныхъ родовъ Узбековъ уцѣлѣло. Въ числѣ теперешнихъ родовъ, мы встрѣчаемъ имена 26 племенъ, описанныхъ у Рашидъ-эд-Дина въ его *Джами-эт-Теварихъ*, «Сборникѣ Лѣтописей», и которые вошли, слѣ-

---

[1]) «Русскій Туркестанъ», Сборникъ изд. по поводу Политехнич. выставки. Москва, 1872. Стр. 59.

[2]) Стр. 58—63.

довательно, въ Узбекскій союзъ. Вотъ эти племена, имена которыхъ сохранились теперь у Узбековъ [1]).

Изъ кн. Нассядъ Намяти-Узбеккія; по чтенію Н. В. Ханыкова.	Изъ Джами-эт-Теварихъ; по чтенію И. Н. Березина.
Аралатъ	Арулатъ
Беркуутъ	Баргутъ
Бяхринъ	Бекиринъ (также Мекринъ)
Гурлятъ	Курлутъ
Джилаиръ	Джалаиръ
Джуйрятъ	Джурьятъ
Дурменъ	Дурбэнъ
Канглы	Канклы
Кангытъ	Кингитъ
Катаганъ	Хатакинъ
Кипчакъ	Кыпчакъ
Киреитъ	Керайтъ
Киркинъ	Кыркыкъ
Кунградъ	Хонкиратъ
Кураласъ	Хорласъ
Кыргизъ	Кыргызъ
Мангытъ	Манкутъ
Найманъ	Найманъ
Никюзъ	Нукузъ
Табынъ	Учь-Табинъ
Татаръ	Татаръ
Тумай	Тумэтъ (?)
Уйратъ	Ойратъ
Унгутъ	Онгутъ
Уйгуръ	Уйгуръ

[1]) «Сборникъ Лѣтописей», перев. *И. Н. Березина.* (въ Труд. Вост. отд. Археол. Общ. ч. V; стр. 7—11; 18, 32, 44, 49, 76, 78, 85, 89, 94, 108, 114, 124, 125, 129, 130, 132, 146, 166, 179, 189, 194, 200).

Кромѣ того, у Рашидъ-эд-Дина находится описаніе племени Уйшинъ; а въ числѣ узбекскихъ родовъ, перечисленныхъ г. Гребенкинымъ, одинъ называется Уйшунъ; безъ сомнѣнія, эти Уйшуны — потомки прежняго племени Уйшинъ (не надо-ли читать его также Уйшунъ?)

Изъ числа этихъ родовъ *семь* оказываются и у Казаковъ: Джалаиръ, Канклы, Кыпчакъ, Керейтъ, Конкратъ, Найманъ и Табынъ [1]). Сверхъ того, есть три, общіе Узбекамъ и Казакамъ, рода, имена которыхъ не находимъ у Рашидъ-эд-Дина; это — Аргынъ, Тама и Тиляу [2]); ясно, слѣдовательно, что въ Казакскій союзъ вошли роды не всѣ цѣликомъ, а отдѣлялись по частямъ изъ Узбекскихъ родовъ.

Завоеваніе Мавераннагра и прочихъ земель Тимуридовъ Узбеками изложено: въ «Запискахъ» Бабура [3]), въ Тарихи-Рашиди, въ Хабиб-ес-сіер'ѣ Хондемира [4]), въ Шейбани-намэ неизвѣстнаго автора [5]), въ «Исторіи Монголовъ и Тюрковъ» Абуль Гази [6]), и въ нѣкоторыхъ другихъ, не столь важныхъ источникахъ.

---

[1]) *Левшинъ*, «Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей» (Спб. 1832); часть III, стр. 7—10.

[2]) Тамъ же.

[3]) Англійскій переводъ «Записокъ» вышелъ въ Лондонѣ въ 1826 г. «Memoirs of Zehir-ed-din Muhammed Baber»; джагатайскій текстъ изданъ Н. И. Ильминскимъ въ Казани въ 1857 г. Имѣется и французскій переводъ: «Memoires de Baber, traduits par Pavet de Courteille; Paris 1871; въ двухъ томахъ.

[4]) Извлеченія изъ этого сочиненія сдѣланы В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ въ «Изслѣд. о косим. царяхъ», т. II, стр. 232—262.

[5]) Издана въ текстѣ, съ переводомъ и примѣчаніями И. Н. Березинымъ, подъ заглавіемъ: «Шейбаніада, Исторія Монголо-Тюрковъ». Казань 1849 г.

[6]) Послѣднее изданіе Абуль-Газіевой «Китаби-шеджереи-тюрки» вышло въ 1871 г. (текстъ) и въ 1874 (переводъ), подъ заглавіемъ: Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul Ghâzi Behâdour khan. Publiée, trad. et annot. par le Baron Desmaisons. О предыдущихъ изданіяхъ и переводахъ см. Энци-

Изъ нихъ мы видимъ, что Абуль-Хаиръ-ханъ пользовался въ степи большимъ уваженіемъ, и Тимуриды нерѣдко прибѣгали къ его посредничеству. Все время своего сорокалѣтняго ханствованія, Абуль-Хаиръ употребилъ на усиленіе своего вліянія въ Средней Азіи и своихъ владѣній въ ней.

Авторъ *Тарихи-Абуль-Хаиръ-хани*, Масъ уди бенъ-Османъ, въ числѣ походовъ Абуль-Хаира описываетъ походъ его въ Хорезмъ и взятіе имъ Ургенча, при чемъ сообщаетъ, что правитель *(хакимъ)* Хорезма происходилъ отъ Шахъ-Мелика *(кэ азъ ферзендони эмиръ шахмелика билькутъ будъ)* [1]). Въ Ургенчѣ оставался Абуль-Хаиръ недолго и вернулся въ степь.

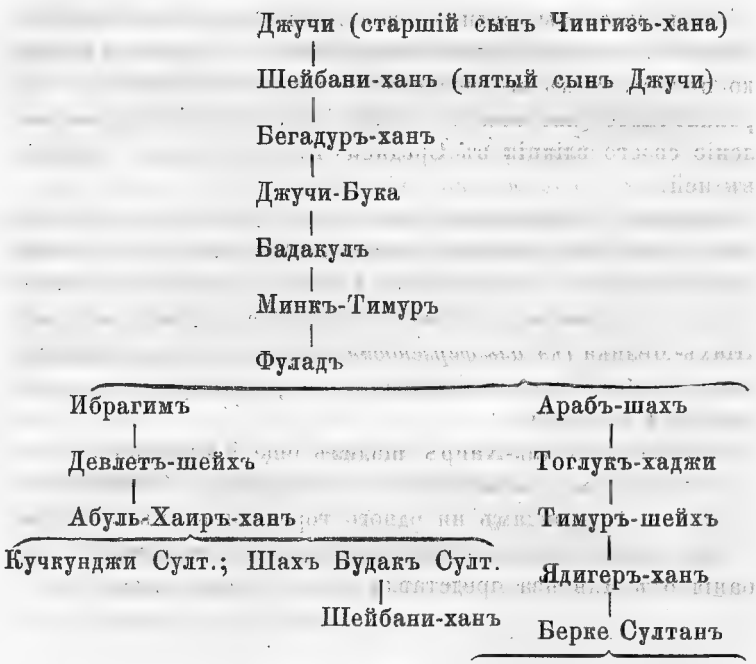
Но если Абуль-Хаиръ щадилъ еще Тимуридовъ, и не причинилъ имъ никакого зла, то его внукъ Шейбани, не оставилъ Тимуридамъ ни одного города изъ ихъ наслѣдія.

По Абуль-Гази и по Шейбани-намэ происхожденіе Шейбанія отъ Чингиза представляется въ такомъ видѣ [2]):

клопед. Лексик. изд. Плюшара. I, 49—50, и «Описаніе Турецко-Татарскихъ рукописей» *И. Н. Березина* въ журн. Мин. Народ. Просв. 1850 г. Ч. LXVIII, отд. III, стр. 23, 29—30.

[1]) Рукопись Имп. С.-Петерб. Унив. подъ № 852.

[2]) Происхожденіе Шейбанія отъ Чингиза заподозрилъ Сенковскій (Полн. Собр. соч. т. VII, стр. 6—7), который полагалъ, что Шейбани не принадлежалъ къ роду Чингиза ни прямо, ни косвенно; а что придворные льстецы грознаго Узбека впослѣдствіи уже придумали ему такое пышное родословіе. Но мнѣ кажется, едва ли есть достаточный поводъ къ такому подозрѣнію. Чингизиды въ Средней Азіи далеко не рѣдкость и они очень заботятся о своемъ родословіи,—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, при томъ понятіи о «бѣлой» и «черной» кости, какое существуетъ въ Азіи, лицо «черной» кости не могло причислить себя къ «бѣлой». Лица, вполнѣ достойныя занять ханскій престолъ, какъ по своему значенію въ ханствѣ, такъ и потому, что вся власть въ ханствѣ находилась въ ихъ рукахъ (напримѣръ Тимуръ-Гуреканъ); но не имѣвшіе на то законныхъ правъ по своему происхожденію, ханами себя не объявляли; а прибѣгали обыкновенно къ другому способу: прикрывались законными, хотя и ничего не значащими, ханами.



Шейбани, или, какъ называетъ его Абуль-Гази, Шахъ-бахтъ, Шагибекъ—по Казвини, родился въ 855 (1451) году [1]). Отецъ его, Шахъ Будакъ Султанъ, умеръ вскорѣ послѣ рожденія Шейбани, и его дѣдъ Абуль-Хаиръ взялъ сироту на свое попеченіе. По смерти Абуль-Хаира дядькою Шейбани сталъ одинъ изъ узбекскихъ эмировъ, Карачинъ-бекъ. Въ это время враги Абуль-Хаира, не смѣвшіе раньше вступить съ нимъ въ борьбу, теперь стали нападать на его родъ и со всѣхъ сторонъ устремились на владѣнія сына и на наслѣдника Абульхаирова, Шейхъ-Хайдеръ-хана. Когда

[1]) *Senkowski*, Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turcks et des Mogols; p. 20.

Шейхъ-Хайдеръ былъ убитъ, Карачинъ-бекъ вмѣстѣ съ Шейбани удалился къ Касиму Султану, одному изъ сильныхъ султановъ Кипчака. Здѣсь Шейбани принима лъчастіе въ битвахъ и собралъ около себя толпу эмировъ и узбековъ [1]). Тогда онъ могъ уже отмстить своимъ врагамъ. Въ числѣ первыхъ палъ его родственникъ (двоюродный братъ) Берке Султанъ [2]).

Послѣ неудачной битвы подъ Сабраномъ, гдѣ Шейбани былъ разбитъ сабранскимъ владѣтелемъ Иранджи-ханомъ, Шейбани удалился въ Бухару. Проскитавшись нѣсколько времени въ Маверанагрѣ, Шеибани прибылъ въ Кипчакъ, куда приглашалъ его Муса-Мирза, одинъ изъ эмировъ Кипчацкихъ, обѣщавшій ему помощь и покровительство къ достиженію ханскаго достоинства. Но Муса-Мирза обѣщанія своего исполнить не могъ: эмиры манкытскіе (ногайскіе) были на то не согласны. Тогда Шейбани удалился изъ Дешта. Нѣсколько разъ сражался онъ потомъ съ Махмудомъ Султаномъ, сыномъ Джанибека, владѣтелемъ Сузака; но разбитый имъ, удалился въ Мангышлакъ. Оттуда направился въ Бухару. Путь его лежалъ черезъ Хорезмъ [3]).

Въ это время Хорезмъ находился подъ властію Хорасанскаго Султана Хуссейна-Мирзы, и отъ имени этого Султана правилъ Хорезмомъ Насиръ-эд-Динъ-Абдуль-халикъ Фирузшахъ, который приготовилъ богатые подарки для встрѣчи Шейбанія. Шейбани принялъ подарки и направился въ Бухару [4]).

Въ 891 (1486) г. предпринялъ Шейбани походъ въ Хорезмъ. Тамошняго правителя Абдуль-халика-Фирузшаха въ то время тамъ не было, онъ находился въ Хорасанѣ у

---

[1]) Шейбани-намэ; стр. 60—69 текста, 50—57 перевода.

[2]) «Исторія Монгол. и Тюрк.» стр. 190—194 текста.

[3]) Шейб. стр. 64—71 т., 57—62 пер.

[4]) Шейб. стр. 71—72 т., 62—63 пер. См. также «Изслѣд. о Касим. царяхъ»; II, 245—246.

своего государя Хусейна-Мирзы. Шейбани обложилъ столицу; но услыхавъ, что приближается изъ Хорасана десятитысячное войско, снялъ осаду и отступилъ къ крѣпости Булдумсазъ [1]). Взявъ съ жителей богатые подарки, отступилъ онъ къ Везирю. Здѣсь два дня продолжался бой и, не смотря на то, что у Шейбани было всего 600 человѣкъ, онъ заставилъ противниковъ отступить къ Ургенчу. Затѣмъ пошелъ на Адакъ, а оттуда на Астрабадъ. Ограбивъ эти мѣстности, пошелъ Шейбани въ городъ Хорезма Терсекъ, гдѣ оставался его гарнизонъ. Вызванный отсюда Султаномъ Махмудомъ, удалился Шейбани въ Туркестанъ [2]).

Двадцать лѣтъ спустя, въ 911 (1505) году, снова идетъ Шейбани въ Хорезмъ. Въ Хорезмѣ сидѣлъ въ то время Чинъ-Софи и правилъ страною отъ имени Хусейна-Мирзы. Походъ этотъ предпринятъ былъ зимою, чтобы перейти Аму-Дарью по льду. Осада главной крѣпости Хорезма тянулась 9 мѣсяцевъ, благодаря энергической защитѣ Чина-Софи и помощи, оказанной ему Хосроу-шахомъ (владѣтелемъ Хиссара, Кундуза, Хатлана и Бадакшана). Но когда Шейбани удалось лишить Хорезмъ этой поддержки [3]), то Чинъ-Софи продержался не долго; онъ былъ убитъ своими же приближенными. Городъ сдался. Шейбани поставилъ въ немъ своего правителя *(даругу)* и удалился въ Самаркандъ [4]).

Черезъ два года послѣ того завоевалъ Шейбани и Хо-

---

[1]) Развалины крѣпости Булдумсазъ лежатъ въ 88 верст. на С. З. отъ Хивы (Данилевскаго «Описаніе Хивин. ханства». Зап. Геогр. Общ. V, 104).

[2]) Въ Шейбани-намэ разсказъ объ этихъ событіяхъ перепутанъ; см. «Изслѣд. о Касимов. царяхъ», т. II, стр. 249, гдѣ онъ изложенъ по Хондемиру.

[3]) Полководцы Шейбанія разбили Хосроу шаха и отрубили ему голову. Шейбани переслалъ ее Чину Софи. Такъ разсказываетъ Вамбери (См. его «Исторію Бухары»); но по Шейбани-намэ, Хосроу шахъ былъ убитъ раньше похода Шейбанія на Хорезмъ (стр. 74).

[4]) Шейб. стр. 74.

расанъ [1]). Около 914 (1508) г. подобралъ Шейбани всѣ земли Тимуридовъ. Управленіе этими землями поручилъ онъ своимъ сподвижникамъ: *Джанъ-Вефа-бею* далъ Гератъ, *Кабузъ-бій Найману* — Мервъ; *Хорезмъ-Шахъ-Султану* — Бальхъ; *Мегди-Султану* и *Гамзѣ* — Хиссаръ; *Ахмедъ-Султану* — Кундузъ; *Сіюниджъ-Хаджи-хану* — Ташкентъ; *Джанибеку* — Аксу; *Махмудъ-Шахъ Султану* — Андиджанъ; *Кушчи-Кепёку* — Хорезмъ; *Кучкунджи-хану* — Туркестанъ; намѣстничество въ Бухарѣ и Каракумѣ получилъ сперва *Султанъ-Махмудъ* (братъ Шейбанія); а по смерти его оно, вмѣстѣ съ Самаркандомъ, досталось *Мухаммедъ-Тимуръ-Султану* (старшему сыну Шейбани) [2]).

Завоевавъ Хорезмъ, Шейбани-ханъ приблизился къ границамъ Ирака (Персіи), и столкновеніе его съ Шахомъ-Измаиломъ-Сефи было неизбѣжно. Первый сдѣлалъ вызовъ Шейбани; но борьба кончилась не въ его пользу. Въ битвѣ при Мервѣ въ шаабанѣ 916 (въ ноябрѣ 1510) года Шейбани палъ, на 61 году жизни [3]).

Послѣ смерти хана Шейбани Хорезмъ достался шаху Измаилу, который послалъ туда своихъ губернаторовъ. Въ Ургенчъ прибылъ Субханъ-Кули; а въ Везиръ Рахманъ-Кули. Они были братья. Въ то время персидскіе Сефевиды открыто приняли шіизмъ; поэтому благочестивые сунниты Хорезма находили неприличнымъ подчиняться шіитамъ и начали подготовлять возстаніе. Прежде другихъ заявилъ протестъ противъ господства шіитовъ Омаръ, кади г. Везиря [4]). Въ этомъ городѣ и возникъ противъ персидскаго правительства заговоръ, который подготовлялся около двухъ

---

[1]) Шейб. стр. 75. *Казвини* «Луббъ-уль-теварихъ» (Монеты Бух. и Хив. 337, 343).

[2]) Шейб. стр. 75.

[3]) Тамъ же, стр. 76; Луббъ-уль-теварихъ; Исторія Монгол. и Тюрк. стр. 195.

[4]) «Исторія» Абуль-Гази, стр. 196.

лѣтъ. Желая привести его въ исполненіе, заговорщики обратились къ одному почитаемому всѣми человѣку, Хуссамъ-эд-Дину Каталу, потомку знаменитаго Сеида-Аты, имѣвшаго свое пребываніе въ Бакырганѣ [1]). Они просили его принять на себя ханское достоинство и избавить страну отъ Кызылбашей [2]). Хуссамъ-эд-Динъ отказался отъ предложенной чести; а прибывшимъ къ нему указалъ на человѣка, по своему происхожденію, достойнаго занять ханскій престолъ въ Хорезмѣ. Онъ говорилъ имъ про Ильбарса, сына Берке Султана. Сыновья Берке Султана и ихъ ближайшіе родственники, по родовой враждѣ къ Шейбани-хану, не принимали никакого участія въ его походахъ; не получили отъ него поэтому и никакого удѣла; жили они въ прежнихъ своихъ кочевьяхъ, не спускаясь въ Мавераннагръ. Шейбани, предавъ смерти самаго Берке Султана, не тронулъ его родственниковъ. Заговорщики обратились къ Ильбарсу съ просьбою сѣсть на ханство въ Везирѣ. Ильбарсъ согласился, и когда прибылъ вмѣстѣ съ братомъ Бильбарсомъ къ Везирю, то жители отворили ему ворота и начали избивать Кызылбашей. Затѣмъ сарты и узбеки, отпраздновавъ это событіе, провозгласили Ильбарса ханомъ [3]).

Прежде, говоритъ Абуль-Гази, г. Везирь властвовалъ надъ многими городами, и въ каждомъ изъ нихъ былъ свой правитель. Но теперь страна была такъ опустошена, что

---

[1]) Мѣсто Бакырганъ извѣстно тѣмъ, что тамъ подвизался, умеръ и погребенъ славный въ Средней Азіи мусульманскій святой Сулейманъ Хакимъ-ата. Онъ принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ шейхамъ тюркскимъ. Хакимъ-ата четвертый преемникъ Хаджи Ахмеда (первые три были: Мансуръ-ата, Саидъ-ата, Сулейманъ-ата). Мѣстопребываніемъ его была страна Хорезмъ, гдѣ онъ и скончался въ мѣстѣ называемомъ Акъ-Курганъ, т. е. «Бѣлый городъ» (Бакырганъ). (См. «Изслѣд. о Касим. царяхъ и царевичахъ». II, 127—128).

[2]) Такъ сунниты называютъ Персіанъ.

[3]) «Исторія Монголовъ и Тюрковъ», стр. 197.

при вступленіи въ нее Ильбарса, правители были въ трехъ только городахъ: въ Везирѣ, Яны-шехрѣ и Терсекѣ. Ильбарсъ остался въ Везирѣ, Яны-шехръ отдалъ въ удѣлъ брату, Бильбарсу (извѣстному болѣе подъ именемъ Биликыджъ-Султана); а въ Терсекѣ поставилъ особаго правителя [1]).

Когда вѣсть о событіяхъ въ Везирѣ пришла въ Ургенчъ, Субханъ-Кули собралъ жителей Ургенча и заявилъ имъ, что если они недовольны его управленіемъ, то онъ готовъ удалиться. Но жители были имъ довольны и упросили остаться, говоря, что они ничего общаго съ Узбеками не имѣютъ, что тѣ не ихъ роду и племени. Субханъ-Кули остался. Черезъ три мѣсяца послѣ того, Ильбарсъ выступилъ на Ургенчъ. Жители этого города стали сопротивляться; но такъ какъ Субханъ-Кули во время битвы былъ убитъ, то городъ сдался [2]).

Послѣ того Ильбарсъ послалъ къ своимъ родственникамъ приглашеніе присоединиться къ нему: его силы были еще очень слабы для предстоящей борьбы съ городами Хивакомъ и Гезараспомъ, гдѣ сарты также упросили Кызылбашей остаться. А между тѣмъ большая часть узбековъ оставалась при сыновьяхъ Ядигера, Абулекѣ и Эминекѣ [3]).

Абулекъ и Эминекъ явились къ Ильбарсу и привели свои роды Узбековъ. Ильбарсъ уступилъ имъ Ургенчъ. Вскорѣ послѣ того сыновья Эминека стали производить опустошительные набѣги на окрестности Хивака. Тогда Кызылбаши оставили этотъ городъ, и онъ, а равно Гезараспъ и Кятъ, перешли во владѣніе сыновей Эминека, которые и раздѣлили ихъ между собой [4]).

Вслѣдъ за тѣмъ начали Узбеки дѣлать вторженія въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 198.
[2]) Тамъ же, стр. 198—199.
[3]) Тамъ же, стр. 200—201.
[4]) Тамъ же, стр. 201.

Хорасанъ. Шаха Измаила тогда не было уже на свѣтѣ [1]), и некому было оказать сопротивленіе новымъ хищникамъ. Правители пограничныхъ провинцій, къ сѣверу отъ горъ Хорасанскихъ до Мехинэ и Деруна на востокѣ, бѣжали, оставивъ свои посты. Тогда каждый *тюря* [2]) получилъ во владѣніе нѣсколько провинцій. Младшій братъ Ильбарса Биликиджъ сталъ производить набѣги на Абульханскихъ и Мангышлакскихъ Туркменъ, и многихъ, подчинивъ себѣ, заставилъ платить дань, величина, которой измѣнялась смотря по обстоятельствамъ [3]).

Ильбарсъ-ханъ оставилъ 7 или 8 сыновей, изъ которыхъ старшій назывался Султанъ-Гази, второй Мухаммедъ-Гази. Отъ Биликиджа осталось 5 сыновей; старшій— Султанъ-Хаджи. Ильбарсъ своимъ потомкамъ далъ титулъ *Гази;* потомки Биликиджа получили титулъ *Хаджи* [4]).

По смерти Ильбарса вступить на ханство долженъ былъ по общему утвержденію родственниковъ старшій въ родѣ; такимъ оказался *Султанъ-Хаджи*, сынъ Биликиджа. Онъ прибылъ въ Везирь, гдѣ и былъ провозглашенъ ханомъ. Но сынъ Ильбарса владѣлъ большимъ наслѣдствомъ и былъ могущественнѣе хана, котораго онъ прибралъ къ рукамъ, а самъ сталъ управлять ханствомъ. Хану же онъ предоставилъ только «титулъ и первый кусокъ за столомъ» [5]).

Султанъ-Хаджи ханствовалъ всего одинъ годъ. Послѣ него ханомъ провозглашенъ былъ *Хасанъ-Кули*, сынъ Абулекъ-хана, избравшій своей резиденціей городъ Ургенчъ. Но ему стали завидовать сыновья Ильбарса и сыновья Эминека (Софіанъ, Буджуга, Аванешъ, Калъ, Агатай и Ага-

---

[1]) Шахъ Измаилъ умеръ въ 930 году, въ концѣ мѣсяца сафара (въ декабрѣ 1523 г.), послѣ 25 лѣтняго царствованія.

[2]) *Тюря* былъ титулъ ханскихъ сыновей и вообще членовъ ханскаго семейства.

[3]) Исторія Монголовъ и Тюрковъ, стр. 202.

[4]) Тамъ же, стр. 202—203.

[5]) Тамъ же, стр. 203—205.

най). Составили они союзъ и напали на Хасана-Кули, который заперся въ Ургенчѣ. Городъ былъ осаждаемъ четыре мѣсяца и наконецъ голодомъ принужденъ былъ сдаться. Хасанъ-Кули и его сынъ Беляль были убиты; а другіе малолѣтніе сыновья, вмѣстѣ съ ихъ матерью, были отправлены въ Бухару [1]).

Софіанъ-ханъ.

По смерти Хасанъ-Кули-хана, ханомъ былъ провозглашенъ въ Ургенчѣ Софіанъ, сынъ Эминека-хана. Султанъ-Гази-Султанъ, вмѣстѣ съ другими братьями, получилъ Везирь, Янышехръ, Терсекъ, Дерунъ въ Хорасанѣ, и Мангышлакскихъ Туркменъ. Остальные сыновья Эминека получили — Гезараспъ, Хавакъ, Кятъ, Бульдумсазъ, Никечкэ, это были города въ области рѣки *(Су-буйянда)*; Багъ-Абадъ, Несай, Абивердъ, Чехордэ, Мехинэ, Джедже — города въ горной области *(Тау-буйянда)*, [2]) а также Туркменъ жившихъ на берегахъ Аму, на Абульканѣ (при Балканскихъ горахъ) и въ Дегистанѣ [3]).

Софіанъ-ханъ обратилъ все свое стараніе на подчиненіе Туркменъ, чего и достигъ: Туркмены стали платить ему дань.

Описывая борьбу Софіана съ Туркменами, Абуль-Гази сообщаетъ, что въ то время путь отъ Ургенча до Абульхана пролегалъ селеніями, такъ какъ Аму-Дарья, протекая подъ стѣнами Ургенча, поворачивала на западъ и шла до

---

[1]) Тамъ же, стр. 206.

[2]) Подъ именемъ городовъ въ *су-буйянда* разумѣлись города въ Хорезмѣ; а въ *тау-буйянда*—завоеванные города въ Хорасанѣ.

[3]) Исторія Монголовъ и Тюрковъ, стр. 206—207.

восточныхъ отроговъ Абульханскихъ горъ; отсюда поворачивала сперва на югъ, потомъ на западъ, и при *Угурджэ* [1]) впадала въ Каспійское море. Вся эта страна была густо населена: отъ Пишъ-гах'а [2]) до Кара-Кичит'а [3]) кочевало племя Адаклы-Хизыръ; отъ Кара-Кичита до западнаго склона Абульханскихъ горъ — племя Али; а оттуда до впаденія въ море—Тиведжи [4]).

Буджуга-ханъ [5]).

Послѣ Софіана-хана избранъ былъ на ханство братъ его Буджуга, какъ старшій въ ханскомъ семействѣ. Новый ханъ поселился въ Ургенчѣ. Пять сыновей Софіанъ-хана получили въ удѣлъ городъ Хивакъ.

Буджуга-ханъ былъ современникъ Бухарскому хану Убейдъ-хану [6]).

Самъ Буджуга-ханъ и его родственники стали производить набѣги на персидскія владѣнія въ Хорасанѣ, и страшно опустошали эту страну. Шахъ Тагмаспъ, не имѣя возможности сдержать Узбековъ силою, употребилъ другой способъ. Онъ просилъ хана выдать за него замужъ дочь

---

[1]) Названіе мѣстности *Угурджэ* встрѣчаемъ, кажется мнѣ, у Муравьева подъ именемъ *Демурджемъ*. Колодецъ этотъ расположенъ недалеко отъ Каспійскаго моря.

[2]) *Пишгахъ* лежалъ, по Абуль-Гази, на западъ отъ Ургенча, на одинъ день пути.

[3]) *Кара-Кичитъ* значитъ «Черный бродъ». О положеніи его ничего не могу сказать.

[4]) У И. Ф. Бларамберга они пишутся *Деюджи* (Зап. Геогр. Общ. кн.IV, 106). Эти Тиведжи въ Жоберовомъ переводѣ Аб.-Гази обратились въ: «une peuplade dont l'industrie consistait à élever des chameaux».

[5]) «Ист. Монгол. и Тюрк.» стр. 211.—212.

[6]) Убейдъ-Улла ханствовалъ въ Мавераннагрѣ съ 939 по 946 г. (1532,3—1539,40). См. «Монеты Бух. и Хивин.» стр. 330—339.

свою. Буджуга согласился и, такъ какъ у него не было дочерей, то онъ выдалъ за Шаха-Тагмаспа дочь своего брата Софіанъ-хана, Аишу-бигэ.

Аванешъ-ханъ [1]).

Ханствованіе Аванешъ-хана ознаменовалось внутренними распрями. Многочисленные члены ханскаго семейства не поладили между собою. Сынъ хана Динъ-Мухаммедъ ограбилъ сборщика податей, посланнаго Мухаммедомъ-Гази Султаномъ (сыномъ Ильбарса), владѣвшаго Деруномъ. Это обстоятельство, слѣдствіемъ котораго было убіеніе Мухаммеда-Гази-Султана Динъ-Мухаммедомъ, разожгло войну между сыновьями Эминека, съ одной стороны, и сыновьями Ильбарса—съ другой. Эти послѣдніе, съ Султанъ-Гази-Султаномъ во главѣ, были разбиты при селеніи Кумъ-Кендъ [2]). Султанъ-Гази бѣжалъ въ Везирь; но непріятель вошелъ туда вслѣдъ за нимъ. Султанъ-Гази и пятнадцать его родственниковъ были убиты. Но два сына Султана-Гази: Омаръ-Гази Султанъ 15 лѣтъ, и Ширъ-Гази Султанъ 12 лѣтъ, доставшіеся на долю Агатай-хана были имъ пощажены и, подъ охраной, отправлены въ Бухару.

Доставшіяся побѣдителямъ области были раздѣлены между ними; при этомъ Динъ-Мухаммедъ получилъ Дерунъ.

Между тѣмъ Омаръ-Гази Султанъ, находившійся въ Бухарѣ, постоянно приставалъ къ Убейдъ-Уллѣ, прося у него войска для возвращенія отцова наслѣдія. Убейдъ-Улла рѣшился, наконецъ, предпринять походъ на Ургенчъ, въ надеждѣ увеличить свои владѣнія. Къ нему присоедини-

[1]) «Истор. Монг. и Тюрк.» стр. 212—222.

[2]) По Абуль-Гази селеніе Кумъ-Кендъ находилось на востокѣ отъ Везиря, на фарсахъ отъ него, на краю степи.

лись и Джеванъ-Мардъ ханъ Самаркандскій [1]), и Баракъ-ханъ Ташкентскій [2]) и внуки Гамзы и Мегди Султаны Хиссарскіе [3]). Братья Аванешъ-хана, находившіеся въ Хивѣ и Гезараспѣ, укрылись въ Ургенчѣ; но всетаки силы хана Ургенчскаго были такъ ничтожны, въ сравненіи съ непріятельскими, что Аванешъ-ханъ бѣжалъ со всѣми своими родственниками въ *Киръ* [4]). Убейдъ-ханъ прибылъ въ Ургенчъ и отрядилъ часть войска преслѣдовать хана. Аванешъ-ханъ и былъ захваченъ въ плѣнъ, въ мѣстѣ называемомъ Біятъ-кири. Онъ былъ выданъ Омару-Гази Султану, который и велѣлъ убить его, въ отмщеніе за смерь отца. Но ни Агатаю, ни другому брату, Калу, не сдѣлали никакого зла. Убейдъ-Улла посадилъ въ Ургенчѣ своего сына, Абдуль-Азиза. Сарты и Тукмены оставлены были въ покоѣ; но Узбеки перечислены и раздѣлены на 4 части. Одна пошла на долю Убейдъ-Уллы, другая—тюрямъ хиссарскимъ, третья—самаркандскимъ, и четвертая—ташкентскимъ.

Тѣ родственники хана Аванеша, которые избавились плѣна, бѣжали въ Дерунъ къ Динъ-Мухаммеду. Въ числѣ же плѣнныхъ взятъ былъ и старшій сынъ Агатая, Хаджи-Мухаммедъ-Султанъ [5]), которому было въ то время, какъ говоритъ Абуль-Гази, 18 лѣтъ [6]).

---

[1]) Джеванъ Мардъ Али Бегадуръ-ханъ, сынъ Абу Саида хана (сына Кучкунджіева).

[2]) Баракъ-ханъ, иначе Наурузъ Ахмедъ ханъ ташкентскій былъ въ 959 (1551,2) году провозглашенъ ханомъ всего Мавераннагра; умеръ въ 963 (1556) году. Герберштейнъ называетъ его правителемъ Ургенчскимъ (См. Изслѣд. о Касим. царяхъ. Ч. II, стр. 327—329).

[3]) Гамза и Мегди были союзниками Шейбани-хана и отъ него получили Хиссаръ. Въ 916 (1510) году они были убиты по повеленію Бабура.

[4]) Киромъ называетъ Аб.-Гази плоскую возвышенность Усть-уртъ.

[5]) Этотъ Хаджи Мухаммедъ называется у Абуль-Гази обыкновенно *Хаджимъ*. Такое сокращеніе бываетъ часто; оно состоитъ въ томъ, что имя Мухаммедъ въ произношеніи превращается въ одну букву *мимъ*, которая и прибавляется къ предыдущему имени. Ишимъ=Ишъ-Мухаммедъ, Достумъ=Достъ-Мухаммедъ и т. д.

[6]) Родился Хаджи-Мухаммедъ въ 930 году, какъ сообщаетъ Аб.-Гази; а

Искендеръ Мунши, описывая завоеваніе Ургенча Убейдъ-Уллой ханомъ, говоритъ, что это случилось въ 945 (1538, 9) году [1]).

Вскорѣ Хаджи-Мухаммедъ бѣжалъ изъ Бухары въ Дерунъ, къ Динъ-Мухаммеду. Здѣсь Динъ-Мухаммедъ порѣшилъ вмѣстѣ съ своими родственниками возвратить свои владѣнія. При помощи Туркменъ Адаклы отняли они сперва Хивакъ (Хиву), гдѣ даруга, поставленный Убейдъ-Уллою, былъ убитъ вмѣстѣ съ десятью своими помощниками. Даруга Гезараспа бѣжалъ; вслѣдъ затѣмъ оставилъ Ургенчъ и Абдуль-Азисъ. Войско бухарскаго хана, посланное противъ Динъ-Мухаммеда, было разбито; беки имъ предводительствовавшіе были взяты въ плѣнъ и послужили потомъ къ обмѣну плѣнныхъ, находившихся въ Бухарѣ. Для этого обмѣна посланъ былъ Хаджимъ-Султанъ, который успѣшно исполнилъ свое порученіе.

Когда имѣли мѣсто эти событія, Абуль-Гази не говоритъ; но мы узнаемъ время ихъ изъ другаго источника. Казвини, въ «Любб-уль-теварихъ», въ главѣ о султанахъ Узбекскихъ, описывая ханствованіе Убейдъ-Уллы, сообщаетъ, что послѣ пораженія, нанесеннаго войскамъ его Динъ-Мухаммедомъ, Убейдъ-Улла съ горя и досады умеръ въ Бухарѣ въ началѣ мѣсяца зиль-кааде 946 г. [2]), а потому годъ битвы этой долженъ быть 1539 [3]). Въ русскомъ переводѣ Абуль-Гази выставленный 949 годъ, какъ годъ смерти Убейдъ-Уллы, принимается В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ годомъ возвращенія изъ Бухары Хаджимъ-Сул

завоеваніе Ургенча случилось, какъ дальше видно, въ 945 году; слѣдовательно Аб.-Гази, въ какомъ-нибудь случаѣ ошибся. Вѣрнѣе, что Хаджимъ родился не въ 930 году; а раньше.

[1]) «Тарихи-Алемъ-араи-Аббаси» (См. «Изслѣд. о Касим. царяхъ». II, 328).

[2]) «Любб-уль-теварихъ» (См. «Монеты Бух. и Хив.», стр. 339).

[3]) 946 годъ начался 19 мая 1539 г.; слѣдовательно 11-й его мѣсяцъ зиль-кааде будетъ соотвѣтствовать марту 1540 г.; въ этомъ (1540) году не могла происходить битва Динъ-Мухаммеда съ бухарскими войсками; а раньше.

тана. Едва ли такъ продолжителенъ былъ обмѣнъ плѣнныхъ; кромѣ того, отпустилъ хивинскихъ плѣнныхъ самъ Убейдъ-Улла и Хаджиму нечего было такъ долго засиживаться въ Бухарѣ. Правда, Хаджи-Мухаммедъ ѣздилъ и въ Самаркандъ, и въ Хиссаръ, но все же для этого слишкомъ много двухъ лѣтъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что года, приводимые у Абуль-Гази, вслѣдствіе ли ошибокъ переписчиковъ, вслѣдствіе ли другой какой причины, всѣ почти не вяжутся между собою; а циклическое названіе рѣдко подходитъ къ тому году, къ которому отнесено. Возьмемъ случай, касающійся описываемыхъ событій. Динъ-Мухаммеду, пишетъ Абуль-Гази, во время похода его въ Хорезмъ, было 20 лѣтъ. Родился онъ въ 920 году (такъ какъ годъ смерти его относитъ Абуль-Гази къ 960 г., когда Динъ-Мухаммеду было 40 лѣтъ) [1]), то значитъ овладѣлъ онъ Ургенчемъ около 940 г., что не вѣрно. Тоже самое увидимъ и съ годами Хаджи-Мухаммеда.

Калъ-ханъ [2]).

По возвращеніи изъ Бухары Хаджимъ-Султана, ханомъ провозглашенъ былъ въ Ургенчѣ Калъ-ханъ. Его ханствованіе, говоритъ Абуль-Гази, было самое спокойное; народъ отдохнулъ отъ войнъ; съѣстные припасы подешевѣли.

---

[1]) «Исторія Монг. и Тюрк.» стр. 239 текста.
[2]) «Ист. Монг. и Тюрк.» стр. 229.

Агатай-ханъ [1]).

По смерти Калъ-хана, ханомъ провозгласили Агатая [2]). Провозглашенъ онъ былъ въ городѣ Везирѣ. Два сына Калъ-хана получили въ удѣлъ городъ Кятъ; произошло при этомъ перемѣщеніе и въ прочихъ удѣлахъ: Али-султанъ (сынъ Аванешъ-хана) утвердился въ Дерунѣ; братъ его, Махмудъ, въ Ургенчѣ; Несай и Абивердъ отдали Динъ-Мухаммеду; Хиву и Гезараспъ—Ишу и Досту (сыновьямъ Буджуги-хана).

Но миръ скоро былъ нарушенъ. Нарушилъ его Юнусъ, сынъ Софіанъ-хана. Онъ пробрался въ Ургенчъ, выгналъ оттуда Махмуда и былъ провозглашенъ жителями Ургенча ханомъ, такъ какъ они не любили Махмуда за его притѣсненія. Тогда Агатай-ханъ выступилъ съ войскомъ противъ Юсуфа, но потерпѣлъ пораженіе, попалъ въ плѣнъ и былъ убитъ.

Опредѣлить годъ смерти Агатай-хана можемъ, приблизительно, впрочемъ, по нашимъ источникамъ. Въ 1553 г. ногайскій мирза *Касай* писалъ Іоанну Грозному, что онъ находится въ «свойствѣ» и съ Бухарскимъ царемъ, и съ Юргенскимъ царемъ *Ахтаемъ* [3]). Значитъ въ этомъ году Агатай ханствовалъ еще въ Везирѣ. Въ 1558 г. ханомъ провозглашенъ былъ сынъ его Хаджимъ [4]); а передъ этимъ ханомъ былъ Достъ-ханъ. Слѣдовательно Агатай-ханъ былъ убитъ вскорѣ же послѣ 1553 г.; но не раньше.

Сыновья убитаго хана, съ Хаджимъ-Султаномъ во главѣ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 229—233.

[2]) Называется онъ и Агаташемъ (Шейбаніада) и Ахтаемъ (въ нашихъ памятникахъ) и Ата'емъ (у Искендера Мунши).

[3]) Продолж. Древн. россійской Вивліоѳики, т. IX, стр. 93.

[4]) См. дальше, стр. 110.

выступили противъ Юнуса, который бѣжалъ въ Бухару; но его сынъ, Касимъ, попалъ въ плѣнъ и казненъ въ Ургенчѣ.

Ханомъ провозглашенъ былъ Достъ, старшій сынъ Буджуги-хана. Сыновья Агатая получили Ургенчъ и Везирь.

Достъ ханъ [1]).

Въ его ханствованіе меньшой его братъ, Ишъ-Султанъ, домогался отнять Ургенчъ у сыновей Агатая. На нѣкоторое время онъ и овладѣлъ этимъ городомъ; но когда Хаджимъ съ братьями осадили его въ Ургенчѣ, онъ былъ убитъ и городъ возвращенъ. Братъ его Достъ-ханъ былъ въ Хивѣ убитъ [2]). Эти событія имѣли мѣсто въ 965 г. *лошади* [3]) (1558 г.).

Хаджи-Мухаммедъ-ханъ [4]).

965—1011 (1558—1602).

Въ 965 г. Хаджи-Мухаммедъ былъ поднятъ на бѣлой кошмѣ, одинъ конецъ которой держалъ Али-Султанъ, а три другіе—его меньшіе братья. Ему было въ то время 39 лѣтъ, говоритъ Абуль-Гази; это показаніе не сходится съ дру-

---

[1]) «Ист. Монг. и Тюрк.» стр. 233—236.

[2]) Резиденціею Достъ-хана была Хива.

[3]) Въ казанскомъ изданіи Абуль-Гази стоитъ 969 годъ; но годъ *лошади* приходится на 965-й, который слѣдовательно вѣрнѣе, такъ какъ ошибка скорѣе можетъ быть въ цифрѣ, чѣмъ въ циклическомъ названіи. Онъ подтверждается, кромѣ того, Дженкинсономъ (См. дальше, стр. 116).

[4]) «Истор. Монг. и Тюрк.» стр. 236—237, 254—273.

гимъ его показаніемъ, по которому Хаджимъ родился въ 930, но сходится оно со всѣми другими годами его жизни, приводимыми Абуль-Гази-ханомъ; поэтому годъ рожденія Хаджима нужно отодвинуть назадъ года на три. Да, кромѣ того, циклическое названіе года рожденія Хаджима, годъ *дракона* [1]), падаетъ на 927 г. Резиденціей его былъ Везирь.

Въ началѣ ханствованія Хаджимъ-хана проѣзжалъ черезъ Хиву англійскій путешественникъ Дженкинсонъ и сообщилъ о ней важныя извѣстія [2]).

Англія искала въ то время новыхъ рынковъ для своей торговли; она старалась завязать торговыя сношенія съ Персіей и другими государствами Азіи. Съ этою цѣлью и былъ отправленъ въ Россію въ 1557 г. лондонско-московскою компаніею, merchants of London of the Muscovie Company, Дженкинсонъ, съ тѣмъ, чтобы пробраться оттуда въ Хиву и Бухару. Въ Россіи Дженкинсонъ такъ умѣлъ расположить въ свою пользу Іоанна Грознаго, что онъ позволилъ этому англичанину объѣздить Россію и отправиться затѣмъ въ Азію [3]). При этомъ царь далъ Дженкинсону какое-то тайное порученіе къ шаху Персидскому. Дженкинсонъ отправился Каспійскимъ моремъ въ Хиву и высадился на Мангышлакскомъ полуостровѣ въ сентябрѣ 1558 г.

«Здѣсь», сообщаетъ Дженкинсонъ, «послали мы на бе-

---

[1]) Тамъ же, стр. 254 текста.

[2]) Путешествіе Дженкинсона помѣщено: у *Hakluyt*'а въ «Principal Navigations», Лондонъ 1559 г.; новое изданіе вышло въ 1809 г.; у *Purchas* «His pilgrimes; 1625 г.; у *Thevenot* въ «Rélation de divers voyages curieux», 1663 г. (въ первой части); у *Baillet de Latour* въ «Recueil de voyages au Nord», IV.

Путь Дженкинсона и его географическія сообщенія разбирали: *Эйхвальдъ* (Alte Geographie des Casp. Meeres), *Гумбольдъ* (Asie Centrale II), *Циммерманъ* (Denkschrift über den unteren Lauf des Oxus). *Р. Э. Ленцъ* («Наши свѣдѣнія о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи»).

[3]) Доказательствомъ хорошаго пріема, оказаннаго у насъ Дженкинсону, служитъ то, что онъ пріѣзжалъ въ Россію четыре раза: въ 1557, 61, 66 и 71. См. у *Гайклюта* стр. 333—347, 365, 397, 426.

регъ нѣсколько человѣкъ изъ нашего экипажа для переговоровъ съ тамошнимъ правителемъ [1]) и народомъ, разузнать какъ насъ примутъ и снабдятъ ли насъ верблюдами для перевозки вещей изъ этой приморской страны въ область называемую *Селлизюръ*, такъ какъ область эта отстояла отъ берега на двадцать дней пути. Послы наши возвратились, получивъ радушный пріемъ и обѣщаніе доставить намъ все, что будетъ нужно. Тогда, 3-го сентября, разгрузили мы наше судно. Правитель [2]) и народъ приняли ласково какъ меня, такъ и моихъ товарищей. Но еще до отправленія нашего въ дальнѣйшій путь пришлось намъ убѣдиться какой это дрянной и грязный народъ: каждый день докучали они намъ то спорами и воровствомъ, то попрошайничаньемъ, то заламывали они двойныя цѣны за лошадей, верблюдовъ и съѣстные припасы, какіе въ то время можно было достать; даже воду для питья заставляли они насъ покупать. Все это принудило меня поторопиться отъѣздомъ, разсчитавшись съ ними по запрошенной цѣнѣ за верблюдовъ и за все, что мы у нихъ принуждены были купить [3]). Такъ за верблюда, едва поднимавшаго 400 фунтовъ, отдавали мы по три русскія кожи и по четыре деревянныя посудины; да князю, или губернатору здѣшняго народа, должны были дать одинъ девятокъ и двѣ семерки [4]) (разныхъ вещей). Т. е. девять и дважды по семи разныхъ вещей, вмѣсто денегъ, которыя здѣсь не употребляются [5])».

---

[1]) Хотя Дженкинсонъ и не поясняетъ какой это народъ живетъ на Мангышлакѣ; но мы знаемъ, что это Туркмены. Туркмены управлялись старшинами, поэтому подъ правителемъ (the gouvernour) здѣсь слѣдуетъ разумѣть какого нибудь старшину.

[2]) Въ текстѣ: the Prince (стр. 351). Если это дѣйствительно былъ членъ ханскаго семейства, то жаль, что Дженкинсонъ не называетъ его по имени.

[3]) Подобныя притѣсненія Туркменъ испытывали и другіе путешественники.

[4]) Т. е. поднести подарки числомъ 9 и два раза по 7. *Девять* и *семь*— счастливыя числа.

[5]) Это показываетъ, что Туркмены вели товговлю мѣновую. Нужные имъ

«Раздѣлавшись съ этимъ народомъ, мы образовали караванъ въ 1000 верблюдовъ и 14 сентября выступили съ этого мѣста. Послѣ семи дней пути прибыли къ другому владѣтельному князю. Дорогою подскакали къ намъ нѣсколько хорошо вооруженныхъ татаръ, служителей этого князя, котораго звали Тимуръ Султаномъ [1]). Онъ былъ правителемъ Мангышлакской области, гдѣ предполагали мы пристать и разгрузить свою барку; но сильная буря разстроила наши планы [2]). Эти татары именемъ своего государя остановили нашъ караванъ, распаковали товары и, послѣ сильнаго спора, взяли изъ нихъ для своего князя вещи, показавшіяся имъ наилучшими; взяли ихъ безъ платы, а въ счетъ той пошлины, которая слѣдовала съ меня въ размѣрѣ девятой части товара. Я отправился къ самому князю и, представившись ему, искалъ его расположенія, просилъ позволенія пройти черезъ его страну и защитить отъ грабежей и кражи со стороны его народа. Онъ успокоивалъ меня, принялъ очень ласково и приказалъ хорошенько угостить меня мясомъ и кобыльимъ молокомъ; хлѣба у нихъ нѣтъ никакого и для питья кромѣ воды ничего нѣтъ. За взятыя у меня вещи, стоимостью въ 16 русскихъ рублей, денегъ мнѣ князь не уплатилъ, но снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ и лошадью, стоившей рублей семь. Наконецъ я ушелъ отъ него, чему былъ несказанно радъ, такъ какъ про него говорили, что онъ ужасный тиранъ; я былъ увѣренъ, что, не поди я къ нему, онъ непремѣнно приказалъ бы меня ограбить и уничтожить».

предметы вымѣнивали они на скотъ. У Аб.-Гази видимъ, что скотомъ платили они и подати.

[1]) Тимуръ Султанъ, братъ Хаджимъ хана, получилъ въ удѣлъ, по раздѣлу 1557 г., половину города Хивы и Туркменъ Кара-Бакауль (Аб.-Гази, стр. 236).

[2]) Раньше разсказываетъ Дженк. о бурѣ, заставившей его пристать къ тому мѣсту, съ котораго онъ отправился сухимъ путемъ, черезъ владѣнія Туркменъ, въ Хиву.

«Султанъ этотъ жилъ въ степи, безъ всякаго лагеря или города. При моемъ посѣщеніи онъ сидѣлъ въ маленькой круглой кибиткѣ, сдѣланной изъ тростника, покрытой снаружи войлокомъ, а внутри коврами. Въ то время у него находился духовный владыка той дикой страны, почитаемый тѣмъ народомъ также, какъ почитается римскій папа въ бо́льшей части Европы. Были у него въ тоже время и другія важныя особы страны. Султанъ и его первосвященникъ (Petropolitan) предлагали мнѣ много вопросовъ о нашихъ королевствахъ, законахъ, религіи, а также и о причинѣ моего прибытія въ эти страны и о дальнѣйшихъ моихъ намѣреніяхъ. Отвѣчать имъ я старался такъ, чтобы дать имъ самое выгодное о себѣ понятіе. Разставшись съ ними, я прибылъ къ каравану и мы пустились въ путь. Шли мы отъ приморской страны степью 20 дней, не встрѣчая ни кочевыхъ, ни осѣдлыхъ жителей, а между тѣмъ запасъ провизіи, взятый лишь на короткое время, истощился; тогда нужда заставила насъ заколоть для ѣды одного верблюда и лошадь, какъ поступаютъ и другіе путешественники въ подобномъ случаѣ. Въ теченіи всѣхъ этихъ 20 дней вода, намъ попадавшаяся, была солоноватая, а то и совсѣмъ соленая; извлекать ее намъ удавалось изъ старыхъ глубокихъ колодцевъ, а иногда случалось, что 2—3 дня и такой-то воды не попадалось. 3-го октября [1]) пришли мы опять къ заливу Каспійскаго моря [2]), гдѣ нашли очень

---

[1]) У Гаклюйта стоитъ собственно: 5 октября; но это, должно полагать, опечатка, во-первыхъ потому, что тогда дорога выйдетъ болѣе 20 дней ходу; потому во-вторыхъ, что далѣе говорится о выступленіи Дженк. съ этого мѣста 4 октября (Такъ полагаетъ и Р. Э. Ленцъ; стр. 118—119).

[2]) Эйхвальдъ, Циммерманъ, Гумбольдъ и Риттеръ принимаютъ этотъ заливъ за Карабугазъ; но Ленцъ доказываетъ, что Дженкинсонъ встрѣтилъ Аральское море (а ни въ какомъ случаѣ не заливъ Каспійскаго) и, не зная о его существованіи, принялъ за заливъ Каспійскаго моря (стр. 121—126). Но чтобы придти къ Аральскому морю раньше города Везиря надо подняться на Усть-уртъ и идти этою плоскою возвышенностію; между тѣмъ Дженкинсонъ не говоритъ, что онъ подымался на Усть-уртъ, да и по его описанію

свѣжую и прѣсную воду. У этого залива встрѣтили насъ таможенные чиновники государя [1]) Туркменскаго, которые взяли съ насъ пошлины съ каждыхъ 25-ти вещей по одной и еще одну семерку и девятокъ предметовъ для упомянутаго правителя и его братьевъ [2]); получивъ пошлину, они ушли, а мы остались тамъ еще на день, чтобы освѣжиться. Слѣдуетъ замѣтить, что въ прежнія времена впадала въ этотъ заливъ большая рѣка Оксусъ, которая вытекаетъ съ горъ Паропомиза въ Индіи; но теперь она не доходитъ такъ далеко, а впадаетъ въ другую рѣку, называемую *Ардокъ*, которая течетъ на сѣверъ и уходитъ въ землю; пройдя подъ землею около 500 миль, снова выступаетъ наружу и впадаетъ въ озеро *Китай* [3])».

«Освѣжившись у упомянутаго залива, отправились мы

видно, что онъ тамъ не былъ. Встрѣтить же онъ могъ не самое Аральское море; а его заливъ Айбугиръ, который теперь обмелѣлъ; но который раньше—едва ли въ томъ можно сомнѣваться—омывалъ южный склонъ Усть-урта.

[1]) The king of Turkeman; стр. 352.

[2]) Въ текстѣ: Of euery 25 one, and 7 uinthes for the saide king and his brethren (стр. 352), т. е. съ каждыхъ 25 вещей $1^7/_9$ вещей. Такъ и переводитъ это мѣсто *де-Гунь*: «Die (т. е. Туркмены) von jeden 25 Stück $1^7/_9$ als Steuer für den König und seine Brüder nahmen» (Das alte Bett des Oxus). Но Дженкинсонъ вовсе не то хотѣлъ сказать. Какъ раньше говорилъ онъ о «семеркѣ» и «девяткѣ» вещей, взятыхъ у него на Мангышлакѣ, такъ и здѣсь надо понимать, что пошлину съ него взяли въ размѣрѣ одной 25-й части товара (т. е. 4%) да сверхъ того *одну* «семерку» и *одинъ* «девятокъ» вещей въ подарокъ Султану Тимуру и его братьямъ (?). Передѣлка же въ текстѣ могла явиться позже, у издателей (у Гаклюйта, напримѣръ), какъ не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія объ азіатскихъ обычаяхъ и въ числѣ ихъ объ обыкновеніи подносить подарки непремѣнно въ количествѣ 9 или (рѣже) 7 штукъ. Расчетъ $1^7/_9$ казался понятнѣе.

[3]) Что это за рѣка *Ардокъ*, принимающая въ себя Аму-Дарью и протекающая подъ землею 500 миль, и что это за озеро *Китай*, въ которое впадаетъ Ардокъ? Не трудно видѣть, что Дженкинсонъ имѣлъ на этотъ разъ самыя темныя понятія о томъ, что писалъ. Озеро *Китай* нельзя принять за Аральское море: оно такъ никогда не называлось; а такъ какъ изъ этого озера вытекаетъ у него рѣка Обь, то можетъ быть онъ имѣлъ въ виду при этомъ озеро Балкашъ (См. статью г. Ленца, стр. 120—121).

оттуда, 4-го октября, въ дальнѣйшій путь и черезъ 7 дней прибыли къ замку *Селлизюръ*[1]), гдѣ основалъ свое пребываніе государь, Азимъ-ханъ[2]) по имени, съ тремя своими братьями[3]); а 9-го октября я получилъ приказаніе явиться къ нему. Я передалъ ему письма отъ русскаго царя и поднесъ подарки, числомъ 9, а потому онъ принялъ меня очень хорошо, посадилъ ѣсть въ его присутствіи, что дозволялось только его братьямъ; угощеніе состояло изъ мяса дикой лошади и кобыльяго молока, но безъ хлѣба. На слѣдующій день онъ опять посылалъ за мной и предлагалъ разные вопросы о дѣлахъ русскаго царя, а также о нашей странѣ и законахъ. На эти вопросы отвѣчалъ я ему такъ, какъ считалъ лучшимъ, вслѣдствіе чего и снабдилъ онъ меня охранными письмами».

«Этотъ замокъ Селлизюръ расположенъ на высокомъ холмѣ; въ немъ пребываетъ государь, называемый *ханомъ;* его дворецъ выстроенъ изъ глины и выстроенъ очень дурно, къ тому же и не укрѣпленъ. Народъ здѣсь бѣденъ, торговля очень незначительна. На югъ отъ этого укрѣпле-

---

[1]) Хотя въ текстѣ и стоитъ *castle*; но лучше передавать это не черезъ *замокъ*, а *укрѣпленный городъ*, такъ какъ *Селлизюръ* (или Шахъ-Зюръ, Schachsüre) есть ничто иное какъ городъ Везирь, полное названіе котораго должно быть *шехръ Везиръ*, т. е. «городъ Везира». Первый призналъ въ Селлизюрѣ Везирь П. И. Лерхъ (Khiva, seine hist. und geogr. Verh. s. 41); а затѣмъ согласился съ этимъ объясненіемъ и *де-Гуэ* (Das alte Bett des Oxus, s. 30), только этотъ послѣдній помѣщаетъ Везирь на цѣлый градусъ восточнѣе, чѣмъ г. Лерхъ.

[2]) Такъ называетъ Хаджимъ-хана Дженкинсонъ; да такъ называется ханъ этотъ и въ нашихъ лѣтописяхъ, гдѣ, впрочемъ, встрѣчается онъ и подъ именемъ Хаджима (Никонов. Лѣтоп. 289).

[3]) Далѣе Дженкинсонъ говоритъ, что всѣхъ братьевъ у Азимъ (Хаджимъ) хана было пятеро. Пятеро оказывается ихъ и по Абуль-Гази (Махмудъ Султанъ, Пуладъ Султ., Тимуръ Султ., Алла-Кули Султ., и Сулеймань Султ.) Но Аб.-Гази говоритъ, что по вступленіи на ханство Хаджима, два его брата Алла-Кули и Сулеймань уже умерли; между тѣмъ Дженкинсонъ, какъ видимъ, засталъ ихъ еще всѣ живыхъ.

нія разстилается ровная мѣстность [1]), весьма плодородная, гдѣ произрастаютъ различные прекрасные плоды, (между которыми замѣчательны *дыни* большой величины и необыкновенно сочныя; жители ѣдятъ ихъ послѣ мяса, что замѣняетъ питье. Растутъ тамъ еще плоды, называемые *арбузами;* они величиною съ большой огурецъ, желтые и сладкіе, какъ сахаръ [2]); есть у нихъ одинъ хлѣбный злакъ, называемый *джигеръ*, стебель котораго напоминаетъ сахарный тростникъ и такой же высоты, а зерна походятъ на рисовыя; они собраны, подобно кисти винограда, на верхушкѣ растенія [3]). Вода для орошенія этой мѣстности проведена изъ рѣки Оксуса, къ великому ея ущербу; оттого теперь и не впадаетъ она въ Каспійское море, какъ было это прежде, и надо ожидать, что страна эта скоро обратится въ пустыню и придетъ въ запустѣніе по недостатку воды, когда рѣка Оксусъ прекратитъ свое существованіе [4]). 14-го числа этого мѣсяца выступили мы изъ укрѣпленія Селлизюра и 16-го прибыли въ городъ Ургенчъ [5]), гдѣ уплатили таможенную пошлину, какъ за себя, такъ и за верблюдовъ и лошадей. И пробыли мы тамъ цѣлый мѣсяцъ, ожидая удобнаго времени для дальнѣйшаго путешествія; въ это время возвратился изъ города Хорасана, что внутри Персидскихъ предѣловъ [6]), правитель

---

[1]) Городъ Везирь лежалъ на южномъ склонѣ Усть-урта, а на югъ отъ него дѣйствительно разстилалась ровная мѣстность.

[2]) Извѣстно, что арбузами называемъ мы дыни, а арбузы дынями.

[3]) *Джугара* (Holcus Sorghum) см. объ этомъ растеніи у Базинера въ Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa» (Beieätrg zur Kennt. des Russisches Reich. t. XV).

[4]) Слова эти могутъ быть отнесены только къ Везирю и его окрестностямъ; а въ такомъ случаѣ предсказаніе Дженкинсона сбылось скорѣе, чѣмъ онъ могъ ожидать, хотя произошло оно и не отъ проведенія изъ рѣки каналовъ.

[5]) По Аб.-Гази разстояніе между Везиремъ и Ургенчемъ было всего на одинъ день пути; Дженкинсонъ путешествовалъ слишкомъ медленно.

[6]) Али Султанъ постоянно дѣлалъ набѣги на Хорасанъ (но не на городъ Хорасанъ, такого города нѣтъ, а на персидскую провинцію Хорасанъ), какъ разсказываетъ Аб.-Гази.

этой страны Али-Султанъ, братъ вышеупомянутаго Азимъ-хана [1]). Тотъ городъ завоевалъ онъ наконецъ у Персіянъ, съ которыми и самъ онъ, и послѣдній татарскій правитель [2]) вели продолжительныя войны. Я получилъ приказаніе явиться къ этому правителю, которому также вручилъ письма отъ русскаго царя. Онъ принялъ меня хорошо, предлагалъ разные вопросы и, при моемъ отправленіи, далъ охранную грамоту».

«Этотъ городъ, или вѣрнѣе столица Ургенчъ [3]) расположенъ на мѣстѣ ровномъ; имѣетъ вокругъ земляные валы на 4 мили въ длину. Постройки въ немъ тоже земляныя; но они на половину разрушились и выстроены безъ должнаго порядка. Въ городѣ есть одна длинная улица, покрытая сверху, которая служитъ мѣстомъ для рынка. Этотъ городъ сильно пострадалъ, особенно въ послѣдніе семь лѣтъ, когда вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ онъ былъ раззоряемъ четыре раза; оттого и купцевъ тамъ мало, да и тѣ очень бѣдны, такъ что во всемъ городѣ я едва могъ продать 4 куска саржи. Главнѣйшіе товары, которые тамъ раскупаются, привозятся изъ Бухары и изъ Персіи; но привозятся они въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что и упоминать не стоитъ о томъ. Вся страна отъ Каспійскаго моря до города Ургенча называется Туркменскою землею и подчиняется Азимъ-хану и его братьямъ, которыхъ числомъ пять; одинъ изъ нихъ носитъ титулъ главнаго правителя и называется ханомъ; но другіе повинуются ему очень мало, развѣ только въ его собственныхъ владѣніяхъ да въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ живетъ, такъ какъ каждый изъ нихъ въ своемъ удѣлѣ владѣетъ самостоятельно, и каждый изъ братьевъ старается погубить другаго, не имѣя

---

[1]) По Аб.-Гази Ургенчъ достался Али Султану въ 965 (1557) году.

[2]) Тимуръ Султанъ?

[3]) Собственно говоря столицею-то былъ Везирь, гдѣ имѣлъ свою резиденцію Хаджимъ ханъ; но Дженкинсонъ, по величинѣ или по положенію въ ханствѣ, называетъ столицею Ургенчъ.

къ нему естественнаго чувства любви, такъ какъ рождены они отъ разныхъ матерей [1]), и по большей части они дѣти рабынь или христіанокъ, или туземныхъ женщинъ, отцы которыхъ отдаютъ ихъ въ сожительство ханамъ, такъ что каждый ханъ или султанъ имѣетъ покрайней мѣрѣ 4 или 5 женъ, кромѣ молоденькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, съ которыми онъ ведетъ связь преступнымъ образомъ. Когда между братьями бываютъ войны (а рѣдко случается, что ихъ не бываетъ), то побѣжденный, если не палъ въ битвѣ, бѣжитъ въ степь съ своей шайкой и тамъ грабитъ, сколько можетъ, купеческіе караваны и другіе, продолжая этотъ разбойничій родъ жизни до тѣхъ поръ, пока не будетъ имѣть столько средствъ и возможности, чтобы вновь напасть на котораго нибудь изъ своихъ братьевъ. Отъ Каспійскаго моря до вышеупомянутаго Селлизюрскаго укрѣпленія и во всѣхъ странахъ около того моря, народъ живетъ, не строя ни городовъ, ни селеній; а постоянно находится въ открытомъ полѣ, кочуя съ мѣста на мѣсто со своимъ скотомъ, который имѣется у нихъ въ большомъ изобиліи, какъ верблюдовъ, такъ лошадей и овецъ, домашнихъ и дикихъ. Овцы ихъ роста большаго, съ огромными курдюками—вѣсомъ въ 60 — 80 фунтовъ. Водятся тамъ и дикія лошади, которыхъ Татары избиваютъ въ большомъ количествѣ, охотясь на нихъ своими соколами или другими охотничьими птицами».

«Соколы ихъ пріучены садиться на шею или голову животнаго, которое будучи преслѣдуемо охотникомъ и страдая отъ ранъ, наносимыхъ соколомъ, утомляется, и тогда охотникъ догоняетъ свою добычу и убиваетъ стрѣлою или мечемъ. Во всѣхъ этихъ странахъ не растутъ никакія другія травы, кромѣ грубыхъ вересковъ; но скотъ, питаясь ими, очень жирѣетъ. Татары никогда не ѣздятъ безъ лука,

---

[1]) По Аб.-Гази Хаджи Мухаммедъ и Махмудъ родились отъ одной матери; Пуладъ и Тимуръ—отъ другой.

стрѣлъ и топора—будь это на охотѣ или при другихъ обстоятельствахъ. Они отлично стрѣляютъ и пѣшкомъ, и на коняхъ. Нѣтъ въ обращеніи у этого народа ни золотыхъ, ни серебряныхъ, ни какихъ другихъ монетъ, но когда нуждаются они въ какомъ нибудь предметѣ или въ чемъ необходимомъ, то вымѣниваютъ это на свой скотъ. Хлѣба у нихъ совсѣмъ нѣтъ, потому что ни земли они не обрабатываютъ, ни сѣяніемъ не занимаются; а за то мясо истребляютъ въ страшномъ количествѣ. Его разрѣзаютъ на мелкіе кусочки и ѣдятъ горстями съ большою жадностію, особенно конину. Главнѣйшій напитокъ у нихъ сквашенное кобылье молоко, какъ я говорилъ раньше про Ногайцевъ. Этимъ молокомъ они и напиваются. Въ странѣ нѣтъ ни рѣкъ, ни мѣстъ болотистыхъ, кромѣ того залива, отъ котораго мы пришли и который отстоитъ отъ этого мѣста на 20 дней пути. Здѣсь находятся только колодцы съ солоноватою водою, да и тѣ отстоятъ другъ отъ друга на два и болѣе дней пути. Мясо ѣдятъ они на землѣ, садясь на лугу въ кружокъ компаніей, поджавъ ноги, при этомъ совѣщаются и бесѣдуютъ весьма простодушно».

«26-го ноября выѣхали мы изъ Ургенча и, проѣхавъ вдоль рѣки Оксуса 100 миль, перебрались на другую большую рѣку, называемую Ардокъ, гдѣ уплатили небольшую пошлину. Рѣка Ардокъ велика и быстра; вытекаетъ она изъ упомянутаго Оксуса и, протекая около 1000 миль въ сѣверномъ направленіи, теряется въ землѣ; но, пройдя подъ землею 500 миль, снова выходитъ наружу и впадаетъ въ озеро Китай».

«4-го декабря прибыли въ укрѣпленіе, называемое *Кятъ* и подчиненное султану по имени Сараметъ-Султану, [1]), который хотѣлъ ограбить всѣхъ христіанъ каравана и не сдѣлалъ этого единственно только изъ боязни своего брата,

---

[1]) Въ Сарамета легко могъ обратиться у Дженкинсона Сулейманъ Султанъ, братъ Хаджимъ хана.

правителя Ургенчскаго; такъ сказывалъ намъ одинъ изъ его совѣтчиковъ, которому хотѣлось получить отъ насъ подарокъ, чего онъ и достигъ. Кромѣ того, въ этомъ укрѣпленіи, заплатили мы вмѣсто пошлины, за каждаго верблюда по одной красной русской кожѣ, да должны были одѣлить подарками придворныхъ Султана [1]). Когда мы подвигались впередъ, на девятый день пути, въ исходѣ ночи, при разставленныхъ уже караульныхъ, подскакали къ намъ четыре всадника, которые показались намъ шпіонами. Мы отобрали у нихъ оружіе; а самихъ связали. Послѣ строгаго допроса они показали, что видѣли слѣды многихъ лошадей и при этомъ ни одного верблюжьяго и дали намъ понять, что около насъ скрываются разбойники и воры, потому что въ этихъ мѣстахъ люди рѣдко путешествуютъ честно и мирно, не присоединившись къ караванамъ, гдѣ много верблюдовъ и вожаковъ для охраны этихъ животныхъ. Тогда мы посовѣтовавшись между собой, рѣшили дать знать о томъ Султану Кятскому, который немедленно прибылъ самъ съ 300 воинами; мы представили ему четырехъ нами заподозрѣнныхъ шпіоновъ, которыхъ Султанъ приказалъ пытать такъ жестоко и грозилъ имъ такъ рѣшительно, что они признались во всемъ и разсказали, что изгнанный правитель съ 40 человѣками находится впереди на три дня пути и ждетъ нашего приближенія, чтобы напасть на насъ, если это окажется ему по силамъ, и что сами они изъ его шайки».

Далѣе Дженкинсонъ разсказываетъ, какъ Сараметъ далъ ему конвой въ 80 человѣкъ; какъ конвой этотъ дорогою бросилъ порученный его охранѣ караванъ и вернулся домой; какъ шатавшійся въ степи выгнанный владѣлецъ [2]),

[1]) Въ текстѣ: To his officers. Стр. 353.

[2]) Не былъ ли этотъ «владѣлецъ» третій сынъ Буджуги хана, Бурумъ, братъ убитыхъ Доста и Иша, о судьбѣ котораго Аб.-Гази ничего не говоритъ; но который владѣлъ, кажется, Кятомъ, во время ханствованія брата, Доста.

производилъ нападенія на караванъ и, послѣ нѣсколькихъ стычекъ, принудилъ Дженкинсона откупиться: одѣлить каждаго разбойника (а ихъ было 20 человѣкъ) подарками числомъ по девяти; въ ихъ же владѣніе поступилъ и верблюдъ, на которомъ отправлены были подарки. Послѣ этого Дженкинсонъ могъ продолжать свой путь, и прибылъ въ Бухару 23 декабря.

Возвратный путь изъ Бухары лежалъ тоже черезъ Хиву. 25 марта [1]) прибылъ Дженкинсонъ въ Ургенчъ. Съ нимъ отправлены были изъ Бухары и изъ Бальха послы въ Россію. Въ Ургенчѣ тоже снарядили двухъ пословъ съ отвѣтными письмами къ русскому царю. Послы эти снаряжались въ путь съ великимъ страхомъ, хотя Дженкинсонъ и обѣщалъ имъ радушный пріемъ: «давно уже не посылали они пословъ въ тѣ земли» прибавляетъ Дженкинсонъ [2]). 2 апрѣля Дженкинсонъ оставилъ Ургенчъ; а 28 мая былъ уже въ Астрахани.

Кромѣ интересныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ этимъ путешественникомъ, разсказъ его важенъ и въ другомъ отношеніи: онъ, подтверждая исторію Абуль-Гази, показываетъ, какъ вѣрно этотъ послѣдній, передавалъ событія своей страны. Отъ Дженкинсона мы узнаемъ, между прочимъ, что крайнимъ осѣдлымъ пунктомъ на западѣ Хивинскаго ханства былъ городъ Везирь. Къ сожалѣнію, подобныхъ источниковъ, какъ путешествіе Дженкинсона, у насъ очень не много, и провѣрять мѣстныя сказанія почти нечѣмъ.

---

[1]) У Thevenot (стр. 25) и въ «Recueil des voyages au Nord» стоитъ 29 марта.

[2]) На этотъ разъ Дженкинсонъ ошибся. Послы изъ Хивы приходили въ Россію и въ 1557 году и въ октябрѣ 1558 г. (Лаврент. Лѣтопись V, 267—8); въ 58 г. посломъ приходилъ Тенишъ Азій «съ товарищи съ поминки, и съ великимъ челобитьемъ». Не смѣшалъ ли только лѣтописецъ этого посольства съ тѣмъ, что отправлялось съ Дженкинсономъ въ 1559 году? О посольствахъ 1557 и 1558 г. см. Никон. Лѣтоп. 289, и Карамз. т. VIII, стр. 227.

Вслѣдствіе ли путешествія Дженкинсона, или по другой какой причинѣ, зачастили къ намъ посланцы изъ Средней Азіи. Посольства приходятъ въ Россію въ 1563, 1566 и 1583 годахъ [1]). Цѣль этихъ посольствъ (при чемъ послы приходили не изъ одной Хивы, а изъ Бухары, Самарканда, и другихъ владѣній) была добиться свободной торговли не только въ Астрахани и Казани; но и въ другихъ россійскихъ городахъ. Посольства, большею частію, цѣли своей достигали. Такъ, въ 1566 году, послы юргенскаго царя Азима и другихъ, получили отъ Іоанна грамоты, разрѣшавшія тѣмъ ханствамъ торговлю съ Россіею.

На девятомъ году ханствованія Хаджима, говоритъ Аб.-Гази, умеръ Али-Султанъ [2]), и ханъ перебрался въ Ургенчъ; Везирь же отдалъ Махмуду Султану. Ханствованіе Хаджима, въ противоположность предыдущимъ ханствованіямъ, отличалось не внутренними раздорами, а нападеніями извнѣ. Знаменитый Бухарскій ханъ Абдулла [3]) предпринималъ три похода на Хиву.

Первый походъ Абдуллы предпринятъ былъ, по Юсуфу-Мунши, въ 983 или 984 (1575 — 6) году [4]); но подробностей объ этомъ походѣ онъ не приводитъ. Отъ Абуль-Гази узнаемъ, что Абдулла напалъ на Ургенчъ въ то время, когда

---

[1]) *Карамзинъ.* Истор. Госуд. Россійскаго, т. IX, стр. 417.

[2]) Вотъ еще образецъ хронологической послѣдовательности въ спискахъ «Исторіи Монголовъ и Тюрковъ». Во время завоеванія Ургенча Убейдъ ханомъ (945 годъ), Али Султану было 7 лѣтъ; править Ургенчемъ онъ началъ въ 965 г. и, послѣ 9 лѣтъ правленія этимъ городомъ, умеръ, будучи *40 лѣтъ*, въ 976 году (см. стр. 223, 232 и 255 текста). Въ этой путаницѣ мы можемъ исправить только послѣдній годъ, который названъ годомъ *коровы*, между тѣмъ какъ годъ *коровы* падаетъ на 973-й годъ (1566), что и дастъ около 9 лѣтъ правленія его Ургенчемъ.

[3]) Абдулла II ханствовалъ съ 991 по 1006 (1583—1597); но и во все время ханствованія отца его Искендера (968—991—1561—1583) онъ былъ дѣйствительнымъ правителемъ страны, такъ какъ Искендеръ ханствовалъ лишь номинально.

[4]) Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turks, et des Mogols; p. 27.

Хаджимъ-ханъ находился въ Хорасанѣ. Его братья Тимуръ-Султанъ и Пуладъ-Султанъ заперлись въ Хивакѣ и приготовились защищаться. Но Абдулла, узнавъ о поспѣшномъ возвращеніи Хаджимъ-хана, тотчасъ же заключилъ миръ съ Тимуромъ и Пуладомъ; по этому миру взаимно обѣщались они не трогать другъ друга. А затѣмъ Абдулла вернулся въ Бухару.

Второй походъ Абдуллы-хана въ Хивинское ханство произведенъ имъ былъ въ 1002 (1593) году *змѣи*. Хаджимъ-ханъ находился тогда въ Дерунѣ, единственномъ Хорасанскомъ городѣ, признававшемъ еще надъ собою ханомъ Хаджима, тогда какъ Мервъ, Абивердъ, Несай и Багъ-абадъ завоеваны были Абдулла-ханомъ [1]). Главная причина этого похода заключалась въ томъ, что Баба-Султанъ, старшій сынъ Пуладъ-Султана, ограбилъ караванъ бухарскихъ богомольцевъ, когда они прибыли въ Хивакъ. На этотъ разъ Абдулла принудилъ князей сдаться. Многіе изъ нихъ бѣжали въ Дерунъ къ Хаджимъ-хану. Во всѣхъ городахъ поставлены были правители отъ Бухарскаго хана. Родственники хивинскаго хана, въ числѣ 22 человѣкъ (12 взрослыхъ и 10 малолѣтнихъ), были убиты на берегу рѣки Ак-су, по повелѣнію Абдуллы-хана.

Подати, наложенныя Абдулла-ханомъ на Хивинцевъ, были крайне тяжелы. Простой народъ долженъ былъ платить 30 *теней* съ души; а въ то время Абдуллахова

---

1) Города эти достались Абдула-хану слѣдующимъ образомъ. Хорасанскими городами Несаемъ, Абивердомъ, Мервомъ и другими владѣлъ, по Аб.-Гази, Дост-ханъ; онъ умеръ въ 960 году *коровы* (1553). Послѣ него ханомъ провозглашенъ былъ въ Мервѣ сынъ его Абуль-Мухаммедъ, которому наслѣдовалъ сынъ отъ цыганки (*люли-бача*), Нуръ Мухаммедъ; но этого Нуръ Мухаммеда не признали ханомъ ни братья хивинскаго хана, ни его сыновья и постоянно нападали на владѣнія Нуръ Мухаммеда; тогда онъ сдалъ Мервъ и другіе города Абдулла-хану, надѣясь тѣмъ найти поддержку, но ошибся въ расчетѣ. Опасаясь за свою жизнь, Нури Султанъ скоро бѣжалъ къ Хаджимъ хану. Случилось это за годъ до похода Абдуллы на Ургенчъ. (См. Истор. Монг. и Тюрк. стр. 222,—229, 237—242).

«теньга» ходила выше червонца *(ашрефи)*. Бѣдняки стали продавать въ неволю своихъ сыновей и дочерей для уплаты этой подати. «Поручители» *(кафилы)* изъ богатыхъ Узбековъ, назначенные бухарскимъ ханомъ отвѣчать за 10 или 20 семействъ, должны были выплачивать за несостоятельныхъ и за бѣглыхъ. Если семейство состояло изъ нѣсколькихъ человѣкъ, то всѣ одинаково обязаны были платить подать; дѣти мужескаго пола съ 10-ти лѣтняго возраста разсматривались, какъ отдѣльный домъ *(биръ эвлыкъ бетиды)*, и платили тоже по «теньгѣ».

Въ 1594 году персидскій шахъ Аббасъ I [1]) сказывалъ нашему послу, князю Андрею Звенигородскому, что Юргенчская земля (Хива) была завоевана бухарскимъ царемъ Абдуллою [2]).

Хаджимъ-ханъ вмѣстѣ съ своими сыновьями и внуками удалился въ Казвинъ къ шаху Аббасу, въ годъ *змыи* (1002 = 1593). Въ годъ *овцы* (1004 = 1595) хивинскіе царевичи провѣдавъ, что гарнизонъ, оставленный Абдуллою въ хивинскихъ городахъ, очень не великъ, сговорились между собою попытаться вернуть потерянныя владѣнія. Дѣйствительно, имъ удалось, при помощи жителей, овладѣть Хивакомъ, Гезараспомъ, Ургенчемъ и другими городами. Хаджимъ-ханъ, который послѣдовалъ за молодежью, утвердился въ Ургенчѣ. Тогда Абдулла-ханъ самъ выступилъ съ свойскомъ въ Хиву. Послѣ 4-хъ мѣсячной осады Гезараспа, гдѣ заперся Баба-Султанъ, городъ былъ взятъ Абдуллою, и Баба-Султанъ убитъ. Хаджимъ-ханъ бѣжалъ еще раньше того въ Казвинъ къ Шаху. Это былъ *третій* походъ Абдуллы-хана на Ургенчъ.

Провѣрить этотъ походъ мы можемъ изъ источниковъ со-

---

[1]) Шахъ Аббасъ I царствовалъ съ 995—1037 (1586—1628) годъ. (Malcolm; Hist. de la Perse, t. II; p. 298).

[2]) *Карамзинъ*. Истор. Госуд. Рос. 2-е изд., т. X, стр. 194—195. (Ссылка на дѣла Персидскія).

сѣднихъ странъ. Въ «Тарихи-алемъ-араи» Искендеръ-Мунши сообщаетъ, что сынъ Хаджимъ-хана, Мухаммедъ-Кули, былъ въ 983 (1575) г., въ качествѣ аманата, отправленъ отцемъ къ Шаху Тагмаспу. Въ Персіи онъ оставался до 1001 (1592) года *дракона*, когда бѣжалъ въ Хорезмъ къ отцу [1]). Послѣ 2-го похода Абдуллы, Мухаммедъ-Кули вмѣстѣ съ прочими родственниками, бѣжалъ въ Персію. Вслѣдствіе неудачной попытки царевичей овладѣть Хивою, Мухаммедъ-Кули, разбитый бухарскимъ отрядомъ, бѣжалъ въ Ногайскіе улусы (къ Манкытамъ), надѣясь найти пріютъ у мирзы Кучука, женатаго на его сестрѣ. Но Кучукъ выдалъ его Русскимъ. Въ первый разъ упоминается у насъ Мухаммедъ-Кули подъ 1598 годомъ, подъ именемъ Юргенскаго царевича Магмета [2]). Въ Россіи онъ и умеръ [3]).

Только послѣ смерти Абдуллы-хана, случившейся въ концѣ 1006 года *курицы* (1597), вернулъ Хаджимъ-ханъ свое ханство. Вѣсть о смерти Абуллы дошла въ Персію лишь въ слѣдующемъ году *собаки* (1598). Въ этомъ же году Хаджи-Мухаммедъ и возвратился въ Хиву. Себѣ взялъ онъ Ургенчъ и Везирь, а сыновьямъ роздалъ другіе города: Хивакъ и Кятъ — Арабъ Мухамеду, Гезараспъ — Исфендіяру. Узбеки, уведенные ханомъ Абдуллою въ Бухару, вернулись въ Ургенчъ всѣ до одного. Впослѣдствіи, когда старшій сынъ Хаджима, Сіюниджъ, вернулся (въ 1600 г. *мыши)* изъ Турціи [4]), отецъ уступилъ ему Ургенчъ и Везирь, а самъ перешелъ въ Хиву къ Арабъ-Мухамеду. Въ слѣдующемъ году Сіюниджъ умеръ.

---

[1]) Отрывокъ изъ «Тарихи-алемъ-араи», касательно пребыванія въ Персіи М.-Кули, приведенъ В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ въ «Изслѣд. о Касим. царяхъ», т. III, стр. 56—57.

[2]) *Карамзинъ*. «Истор. Госуд. Россійскаго», т. XI, пр. 11.

[3]) «Истор. Мон. и Тюрк.»; стр. 270.

[4]) Сіюниджъ-Султанъ не хотѣлъ укрываться при дворѣ шаха Аббаса. Когда отецъ его бѣжалъ туда съ сыновьями и внуками, Сіюниджъ-Султанъ удалился въ Турцію. Услыхавъ о смерти хана Абдуллы, Сіюниджъ вернулся на родину («Истор. Монг. и Тюрк.»; стр. 265).

Хаджи Мухаммедъ-ханъ кончилъ дни свои на 84 году жизни, въ 1011 году, въ концѣ года *барса* [1]) (1603 г.).

Арабъ-Мухаммедъ [2]).

1011—1030 (1603—1621).

По смерти Хаджима, ханомъ провозглашенъ былъ сынъ его *Арабъ-Мухаммедъ*.

Черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ того, въ началѣ созвѣздія *рака* [3]) (соотв. іюню мѣсяцу), Ургенчъ подвергся нападенію яицкихъ казаковъ, которые, по Абулъ-Гази, въ числѣ 1000 человѣкъ, напали на этотъ городъ, когда ханъ со всѣмъ войскомъ находился гдѣ-то на рѣкѣ Аму, можетъ быть даже производилъ грабежи въ Бухарскомъ ханствѣ. Казаки захватили 1000 молодыхъ хивинцевъ, нагрузили добычей 1000 повозокъ, что̀ не могли забрать — сожгли, и черезъ семь дней оставили городъ, направившись домой. Между тѣмъ, Арабъ-Мухаммедъ, извѣстившись о нападеніи казаковъ, поспѣшилъ въ Ургенчъ и бросился преслѣдовать ихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что казаки были истреблены всѣ до одного.

Преданіе объ этомъ походѣ сохранилось у яицкихъ казаковъ. Разсказъ о немъ записанъ, со словъ войсковыхъ атамановъ, Рычковымъ [4]). Подтверждая разсказъ Абулъ-Гази, преданіе это разнится съ нимъ только въ подробно-

---

[1]) Годъ *Барса* продолжался съ 26-го рамазана 1010 года по 7-е шевваля 1011; т. е. съ 10-го марта 1602 по 9-е марта 1603 г. по нашему лѣтосчисленію. Слѣдовательно Хаджимъ-ханъ умеръ въ самомъ началѣ 1603 г. или въ самомъ концѣ 1602 г.

[2]) «Истор. Монг. и Тюр.»; стр. 273—287.

[3]) *Сертанъ-ныкъ эвели*; стр. 273.

[4]) Въ его «Оренбургской топографіи». Спб. 1762 г.; ч. II, стр. 73—75.

стяхъ. Казаковъ по этому преданію въ походѣ было не 1000, а 500 человѣкъ; предводительствовалъ ими атаманъ *Нечай*, а можетъ быть его сынъ, какъ допускаетъ это К. М. Беръ [1]), такъ какъ атаманъ этотъ называется иногда *Нечаевымъ*. Подъ предводительствомъ же самого Нечая казаки овладѣли татарскимъ городомъ Сарайчикомъ. Нападеніе, по «преданію», произведено не на Ургенчъ, а на Хиву. Но если относительно числа казаковъ перевѣсъ на сторонѣ «преданія», тѣмъ болѣе, что 1000 казаковъ могли бы поспорить съ хивинскимъ войскомъ, да и Абуль-Гази что-то любитъ круглую цифру «тысячу» [2]); но относительно города сомнѣнія быть уже не можетъ: Ургенчъ былъ столицей въ то время, Ургенчъ и долженъ былъ соблазнять казаковъ своимъ богатствомъ предъ всѣми другими городами; наконецъ, ошибиться Абуль-Гази ни коимъ образомъ не могъ. Затѣмъ въ «преданіи» сказывается, что Нечай взялъ городъ безъ малѣйшаго сопротивленія, такъ какъ войско вмѣстѣ съ ханомъ было гдѣ-то на войнѣ. Овладѣвъ городомъ, казаки начали вести въ немъ жизнь разгульную; Нечай овладѣлъ ханскими женами, изъ которыхъ одна стала указывать Нечаю, какъ опасно оставаться имъ въ ихъ странѣ и совѣтовала уходить поскорѣе. Нечай и послушался ее; но было уже поздно: ханъ спѣшилъ на выручку своихъ владѣній, догналъ казаковъ и всѣхъ ихъ истребилъ; только двое-трое успѣли спастись и принесли домой вѣсть о погибели своихъ товарищей.

Набѣгъ этотъ, какъ видѣли, происходилъ въ іюнѣ 1603 года, въ шестой мѣсяцъ ханствованія Арабъ-Мухаммеда. Далѣе, въ другомъ мѣстѣ [3]), Абуль-Гази говоритъ про се-

---

[1]) «Воспоминаніе о походѣ уральскихъ казаковъ противъ Хивы въ началѣ XVII столѣтія» (въ «Маякѣ» на 1841 г., № 11). На нѣмецкомъ языкѣ статья эта помѣщена въ «St.-Petersb. Zeitung», 1841, № 249.

[2]) Какъ это замѣтилъ еще К. М. Беръ («Маякъ»; 1841, № 11).

[3]) «Истор. Монг. и. Тюрк.», стр. 291.

бя, что онъ родился 15-го числа *ребія перваго* въ годъ *зайца* 1012 г. (въ пятницу 12-го августа 1603 г.) [1]), спустя 40 дней *послѣ* побѣды, одержанной отцемъ его Арабъ-Мухаммедомъ надъ казаками [2]), отчего онъ и получилъ прозваніе *Гази*. Такимъ образомъ, годъ рожденія Абуль-Гази-хана надо считать не 1605, какъ принято это всѣми, а 1603 (умеръ онъ, въ 1663 г., 60-ти лѣтъ). Набѣгъ казаковъ тоже надо относить къ этому году, а не къ 1602, какъ читаемъ это у И. Жуковскаго въ «Краткомъ обозрѣніи достопримѣч. событій Оренб. края» [3]). Время нападенія казаковъ (въ началѣ іюня) какъ нельзя лучше вяжется со временемъ рожденія Абуль-Гази (въ началѣ августа). Только въ іюлѣ или, въ крайнемъ случаѣ, въ концѣ іюня могъ Арабъ-Мухаммедъ одержать побѣду надъ казаками, а въ такомъ случаѣ Абуль-Гази не могъ родиться въ *іюлѣ*: 40-й день послѣ этой побѣды приходится въ августѣ.

Рычковъ приводитъ разсказъ и о другомъ нападеніи казаковъ на Хивинское ханство и тоже кончившемся неудачно. Атаманъ *Шемай* вздумалъ повторить набѣгъ Нечая и съ 300 казаками направился въ Хиву. Но самъ онъ попалъ въ плѣнъ къ Калмыкамъ, а казаки хотя и отправились впередъ, но, застигнутые зимой у Аральскаго моря безъ съѣстныхъ припасовъ, стали просить Хивинцевъ избавить ихъ отъ голодной смерти и взять къ себѣ. Хивин-

---

[1]) Въ текстѣ сказано, что Абуль-Гази родился 15-го числа *ребія* I, 1014 года *зайца*. Но годъ *зайца* не приходится на 1014 г.; онъ продолжался съ 7-го шевваля 1011 г. до 19-го шевваля 1012, т. е. съ 10-го марта 1603 до 9-го марта 1604 г. Баронъ Демезонъ, въ своемъ переводѣ «Исторіи» Абуль-Гази, не исправилъ его и переводитъ 1605 годомъ, 17-го іюля.

[2]) *Г. С. Саблуковъ*, въ предисловіи къ переводу исторіи Абуль-Гази, на стр. VI (см. «Библіот. Восточн. Истор.», изд. И. Н. Березинымъ. Казань, 1854), говоритъ, что Абуль-Гази родился *за* 40 дней *до* побѣды отца его надъ казаками. Между тѣмъ, въ текстѣ, изданномъ Демезомъ, сказано: *бу вакаатдинъ кыркъ іюнъ уткандинъ-сункъ бизъ дуньяга гилибъ-мызъ*. Стр. 292.

[3]) *И. Жуковскій*. «Краткое обозрѣніе достоп. событій Оренбургскаго края»; 1832, стр. 62—63.

цы ихъ забрали, и «всѣ казаки», добавляетъ преданіе, «тамъ и пропали»[1]).

Въ ханствованіе Арабъ-Мухаммеда было два вторженія въ Хивинское ханство Калмыковъ и два же Киргизъ-Кайсаковъ. Вторженія Калмыковъ имѣли цѣлію простой грабежъ, что имъ и удавалось. Первый набѣгъ происходилъ черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ набѣга яицкихъ казаковъ; второй въ концѣ ханствованія Арабъ-Мухаммеда. Вторженія Казаковъ, т. е. Киргизъ-Кайсаковъ, имѣли цѣлію низверженіе Арабъ-Мухаммеда и провозглашеніе ханомъ, въ первый набѣгъ, потомка Ильбарса, Хосроу-Султана, скитавшагося въ Мавераннагрѣ; во второй разъ, черезъ 2 года послѣ первой попытки, пробовали они возвести въ Хивѣ на ханство потомка Абулека, Салехъ-Султана, находившагося въ Самаркандѣ. Но обоихъ претендентовъ Арабъ-Мухаммеду удалось извести.

Въ 14-й годъ ханствованія Арабъ-Мухаммеда возмутились противъ него сыновья: Хабешъ-Султанъ и Ильбарсъ-Султанъ. Помирившись съ сыновьями, ханъ уступилъ имъ городъ Везирь и всѣхъ Туркменъ, ему подчинявшихся. Пять лѣтъ сыновья жили спокойно въ Везирѣ, но на шестой годъ они опять возстали противъ отца, за котораго заступились другіе сыновья: Исфендіяръ и нашъ историкъ, Абуль-Гази. Столкновеніе между братьями имѣло послѣдствіемъ то, что Исфендіяръ и Абуль-Гази были разбиты; Арабъ-Мухаммедъ попалъ въ плѣнъ къ сыновьямъ, Ильбарсу и Хабешу, и былъ послѣднимъ изъ нихъ лишенъ зрѣнія, а затѣмъ заключенъ въ крѣпость *Кумъ*[2]). Исфендіяръ удалился на богомолье въ Мекку, а Абуль-Гази бѣжалъ въ Бухару. Это случилось въ годъ *курицы* 1030 (1621) г. Хабешъ-Султанъ взялъ себѣ Ургенчъ и Везирь; Ильбарсъ—Хиву и Гезараспъ.

---

[1]) «Оренбургская топографія»; ч. II, стр. 76—77.

[2]) Крѣпость *Кумъ*, вѣроятно, та самая, что раньше (220 стр. текста) Абуль-Гази называлъ *Кумъ-кентъ*, лежавшая на фарсахъ къ востоку отъ Везира.

Въ концѣ ханствованія Арабъ-Мухаммеда проѣзжалъ черезъ Хиву посланникъ московскаго царя Михаила Ѳеодоровича, дворянинъ Иванъ Хохловъ, отправленный имъ въ Бухару. Никакихъ важныхъ извѣстій о Хивинскомъ ханствѣ онъ не сообщаетъ. Говоритъ только, что терпѣлъ притѣсненія отъ Туркменъ и *хановъ* Юргенскихъ (Ургенчскихъ), намѣревавшихся отнять у него кречетовъ, везенныхъ въ подарокъ Имамъ-Кулу бухарскому; да что ханскіе приближенные домогались отъ него подарковъ и требовали пошлину,—вотъ и все [1]).

На слѣдующій (1031) годъ, сказываетъ Абуль-Гази, Ильбарсъ-Султанъ, ни слова не говоря брату Хабешу, перевелъ въ Хиву отца и двухъ братьевъ: Хорезмъ-шахъ-Султана и Авгана-Султана. Въ Хивѣ же находились и малолѣтніе сыновья Исфендіяра. Всѣ они, за исключеніемъ Авгана, были убиты Ильбарсомъ, а Авгана отослалъ онъ къ Хабешу, прося его поступить такъ же и съ Авганомъ, т. е. убить его. Но Хабешъ, не желая убивать Авгана, переслалъ его въ Россію, гдѣ онъ и умеръ, спустя лѣтъ 30 послѣ того, не оставивъ потомства [2]).

Высылка царевича Авгана въ Россію должна произойти, по Абуль-Гази, около 1032 (1622) г. Дѣйствительно, въ самомъ концѣ 1622 г. встрѣчаемъ Авгана уже при дворѣ русскаго царя: «31 декабря пріѣхалъ къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи служить Юргенской царевичь Авганъ» [3]). Въ тотъ же день Государь, въ царскомъ платьѣ, принималъ его въ Золотой Палатѣ. Русовъ, въ предисловіи къ путешествію Рукавкина [4]), пишетъ: «въ 1622 г. послы Юргенчскаго царевича Авгана объявили царю Михаилу Ѳедоровичу, что двоюрод-

---

[1]) *Я. В. Ханыковъ.* «Поясните. записка къ картѣ Хивинскаго ханства»; стр. 304.

[2]) «Ист. Монг. и Тюрк.»; стр. 287—288.

[3]) Въ «Дворцовомъ разрядѣ». Спб. 1850; I, 531—2.

[4]) «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ»; 1839, кн. XII.

ные братья Авгана, царевичи Абишъ (т. е. Хабешъ) и Ильбаръ (т. е. Ильбарсъ) [1]), составивъ заговоръ съ нѣкоторыми измѣнниками, пришли на отца Авганова войною и ослѣпили его; посему царевичь Авганъ просилъ Михаила Ѳедоровича дать ему ратныхъ людей, дабы онъ, наказавъ братьевъ своихъ за лютость, могъ навсегда остаться, со всѣмъ владѣніемъ или ханствомъ, въ подданствѣ Россійскомъ. Что симъ посламъ отвѣтствовано — неизвѣстно». Источникъ этого сказанія мнѣ неизвѣстенъ, а Русовъ не указываетъ, откуда почерпнулъ его. Сомнѣваюсь, чтобы Авганъ посылалъ пословъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, но что самъ онъ, наученный кѣмъ-либо изъ своихъ приближенныхъ (Авгану было въ то время 11 лѣтъ), просилъ Московскаго Царя посадить его въ Хивѣ на ханство, обязуясь быть его вѣрнымъ подданнымъ,—это возможно. Мысль о подданствѣ Хивы Русскому царю—мысль очень старая. Тотъ же царевичъ Авганъ, только подъ именемъ Авгаря, Арапухова сына, встрѣчается въ 7139 (=1630) г. въ «Смѣтномъ спискѣ» [2]). Есть основаніе думать, что и упоминаемый въ 1633—34 гг. юргенскій царевичъ есть никто иной, какъ Авганъ-Султанъ [3]). Онъ умеръ въ Касимовѣ въ 1648 году, 37 лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ *текіе* (мавзолеѣ) на Старопосадскомъ кладбищѣ [4]). Въ Россіи провелъ онъ такимъ образомъ 26 лѣтъ.

Эти наши указанія даютъ наглядное понятіе о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя имѣлись у Абуль-Гази. Не упускалъ онъ изъ виду своихъ родственниковъ даже и въ Россіи.

---

[1]) Не двоюродные братья были эти царевичи, а родные; только родились они отъ разныхъ матерей. Мать Авгана происходила изъ рода Абуль-Хаира. Всѣхъ сыновей у Арабъ-Мухаммеда было 7: Исфендіяръ, Хабешъ, Ильбарсъ, Абуль-Гази, Шерифъ-Мухаммедъ, Хорезмъ-шахъ и Авганъ.

[2]) Временникъ Моск. общ. Ист. и Древн.; кн. 4, стр. 30 (смѣсь).

[3]) См. Зап. Имп. Арх. Общ., т. XI. «Описаніе оружія и ратнаго доспѣха царя Михаила Федоровича», П. И. Саввайтова.

[4]) «Изслѣдованіе о касим. царяхъ и царевичахъ»; т. III, стр. 280—298.

Исфендіяръ-ханъ.

1032—33—1052 (1623—1642).

Послѣ убіенія Арабъ-Мухаммеда, Исфендіяръ-Султанъ, по совѣту шаха Аббаса, пошелъ добывать у братьевъ отцово наслѣдіе. При помощи Туркменъ, Исфендіяру удалось одолѣть своихъ братьевъ, которые и были, по повелѣнію Исфендіяра, убиты. Тогда Исфендіяръ былъ провозглашенъ ханомъ, что случилось въ годъ *свиньи* 1032—33 (1623) г.

Вступивъ на ханство, Исфендіяръ сталъ притѣснять Узбековъ. Особенно двумъ узбекскимъ родамъ,—Уйгурамъ и Найманамъ, пришлось жутко отъ хана. А затѣмъ и другіе роды должны были искать спасенія въ выселеніи. Образовавъ три отряда, потянулись они то къ Манкытамъ (Ногайцамъ), то къ Киргизамъ, то въ Мавераннагръ. Года 3 спустя, стали они по нѣсколько семействъ возвращаться въ свое отечество и селиться близъ Аральскаго моря при устьѣ Аму-Дарьи. Тамъ собралось уже до 3000 кибитокъ Узбековъ, вернувшихся на родину, да прибавилось еще 800 семействъ изъ Ургенча. Тогда Исфендіяръ перешелъ рѣку, напалъ на нихъ и совершенно ихъ истребилъ [1]).

Между тѣмъ семейныя распри не прекратились. Абуль-Гази и братъ его Шерифъ-Мухаммедъ, находившіеся въ Бухарѣ, при Имамъ-Кулѣ, узнавъ о возвращеніи Исфендіяра и о его завладѣніи ханствомъ, вернулись въ отечество. Исфендіяръ, оставивъ себѣ Хиву, Гезараспъ и Кятъ, отдалъ Ургенчъ Абуль-Гази; а Везирь—Шерифъ-Мухаммеду. Но братья скоро начали опасаться Исфендіяра, потому что онъ не отпустилъ Туркменъ, съ нимъ пришедшихъ, и при ихъ содѣйствіи началъ избивать Узбековъ. Абуль-Гази и Шерифъ-Мухаммедъ нѣсколько разъ соединялись вмѣстѣ про-

[1]) «Ист. Монг. и Тюрк.»; стр. 287—291, 298.

тивъ брата; но одолѣть его не смогли. Туркмены съ Мангышлака и Абуль-хана постоянно подкрѣпляли Исфендіяра. Послѣ же избіенія Узбековъ, поселившихся при Аральскомъ морѣ, Абуль-Гази бѣжалъ къ Ишимъ-хану киргизъ-кайсацкому [1]), отъ котораго перешелъ сперва къ Турсунъ-хану ташкентскому [2]), а потомъ къ Имамъ-Кулу въ Бухару; а Шерифъ-Мухаммедъ прямо удалился въ Бухару.

Вскорѣ послѣ того Туркмены хивинскіе стали звать къ себѣ Абуль-Гази, который и не заставилъ себя долго ждать, прибылъ въ Хиву; но на этотъ разъ противъ него оказался и Шерифъ-Мухаммедъ, который успѣлъ въ это время перейти на сторону Исфендіяра. Абуль-Гази, хотя и одержалъ верхъ въ открытой битвѣ, но вслѣдствіе разныхъ происковъ своихъ недруговъ былъ арестованъ ханомъ и подъ конвоемъ отправленъ въ Персію. Шахъ-Сефи [3]), внукъ шаха Аббаса, принялъ Абуль-Гази въ Гамаданѣ и препроводилъ его въ Испаганъ, гдѣ Абуль-Гази назначенъ былъ домъ и 10,000 *теней* въ годъ на содержаніе. Для предупрежденія побѣга приставленъ былъ къ нему караулъ.

10 лѣтъ провелъ Абуль-Гази въ Персіи, и на 11-й годъ удалось ему бѣжать на родину. Но прежде чѣмъ пробрался онъ въ Хиву, цѣлыхъ два года пришлось Абуль-Гази прошататься у Туркменъ Абульханскихъ и Мангышлакскихъ, и только въ годъ *змѣи* 1051 [4]) (1641) прибылъ онъ въ Ургенчъ. Слѣдовательно, въ Персіи провелъ онъ время съ 1629 по 1639 годъ.

6 мѣсяцевъ спустя по прибытіи Абуль-Гази, умеръ Исфендіяръ-ханъ, въ началѣ года *лошади*, въ 1052 (1642) г. [5]).

---

[1]) О немъ см. въ «Изсл. о Касим. царяхъ и царевичахъ»; II, 372.

[2]) Тамъ же, стр. 374—375.

[3]) Шахъ Сефи царствовалъ съ 1629 по 1642 г.

[4]) Въ текстѣ выставленъ 1052 г., но годъ *змѣи* приходится на 1050 и 1051 годы.

[5]) Годъ *лошади* начался въ послѣдній мѣсяцъ 1051 г., слѣдовательно Исфендіяръ могъ умереть въ томъ же 1051 г.; но по нашему лѣтосчисленію это, во всякомъ случаѣ, придется на 1642 г.

Черезъ годъ послѣ того, въ годъ *овцы* 1053 [1]) (1643), Абуль-Гази былъ провозглашенъ ханомъ въ землѣ Аралъ.

Инфендіяръ оставилъ двухъ сыновей: Юшанъ-Султана и Ашрефъ-Султана. Когда Абуль-Гази потребовалъ выдачи ихъ отъ Туркменъ, то эти послѣдніе отослали Ашрефъ-Султана къ бухарскому хану Надиръ-Мухаммеду [2]), во имя котораго стали даже читать *хотьбу* (эктенію). Абуль-Гази два раза ходилъ опустошать окрестности Хивы, но овладѣть городомъ не могъ. Надиръ, между тѣмъ, поспѣшилъ послать правителей въ Хиву и Гезараспъ. Эти *илькаръ-беги*, «военные губернаторы», не должны были касаться сущности администраціи, такъ что управленіе провинціями, сборъ податей и доходы находились въ рукахъ Туркменъ. Черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ того, Надиръ послалъ въ Хиву своего внука Касимъ-Султана, сына Хосроу-Султана, но и ему запрещено было вмѣшиваться въ администрацію и въ сборъ податей.

Узнавъ о прибытіи въ Хиву Касима-Султана, Абуль-Гази сдѣлалъ набѣгъ на подвѣдомственныя ему земли и захватилъ богатую добычу [3]). Тогда Надиръ отозвалъ внука въ Бухару, а въ Хорезмъ отправилъ бека Якуба-Тубита съ нѣсколькими отрядами. Но вслѣдъ за нимъ пришла вѣсть о низверженіи Надира и о провозглашеніи ханомъ сына

---

[1]) Въ текстѣ 1054 г., что не вѣрно.

[2]) Годы ханствованія Надира-Мухаммеда 1054—1057 (1644—1647), приводимые Сенковскимъ въ Supplément à l'hist. etc. p. 38, 42, 43, 46, 78, прим. 13, и взятые оттуда В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ въ соч. «Монеты Бух. и Хив.», не сходятся съ годами, приводимыми Демезономъ по «Тарихи-Тимури» (см. его переводъ «Исторіи» Абуль-Гази, стр. 339, прим.), по которой Надиръ-Мухаммедъ ханствовалъ съ 1052 (1642) по 1055 (1645) г. Онъ, послѣ трехлѣтняго ханствованія, былъ своими эмирами свергнутъ съ престола, на который возвели они сына его, Абдуль-Азиза. Цифры, приводимыя въ «Тарихи-Тимури», сходятся съ показаніемъ Абуль-Гази, какъ сейчасъ увидимъ.

[3]) До этого событія Абуль-Гази и довелъ свою исторію. Заболѣвъ, поручилъ онъ докончить ее сыну, Анушѣ-Мухаммедъ-Бегадуру. См. «Ист. Монг и Тюрк.», стр. 319—320.

его Абдуль-Азиза. Тогда бухарскія войска оставили Хиву, которую и занялъ Абуль-Гази. Случилось это въ 1055 г. *курицы* (1645) [1]).

Абуль-Гази-ханъ [2]).

1055—1074 (1645—1663).

Первымъ дѣломъ Абуль-Гази-хана было усмиреніе Туркменъ, забравшихъ всю власть въ ханствѣ въ свои руки. Усмиренія ихъ Абуль-Гази достигъ вполнѣ, частію хитростію, частію силою оружія. Въ концѣ года *собаки* [3]) Абуль-Гази ходилъ на Туркменъ-Тежень [4]); въ годъ *мыши* (1058=1648) окончательно добилъ ихъ, въ мѣстѣ называемомъ *Бами-Бурма;* въ годъ *зайца* (1061=1051) разбилъ Туркменъ Байраджъ, на берегахъ Атрека и Гюргени; въ годъ *змѣи* (1063=1653) были разграблены имъ колѣна Имиръ и Сарикъ [5]). Между этими походами два раза ходилъ Абуль-Гази на Калмыковъ: въ годъ *коровы* (1059=1649) и въ годъ *змѣи* (1063=1653) [6]).

Вслѣдъ за тѣмъ начались набѣги Абуль-Гази на Бухару. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее обстоятельство. Субханъ-Кули, братъ Абдуль-Азиза и правитель *(вали)* Бальха, призвалъ Абуль-Гази на помощь противъ брата.

---

[1]) Въ текстѣ 1054 г. (стр. 320). Баронъ Демезонъ неудачно поправилъ эту ошибку, поставивъ 1056 г., такъ какъ годъ *курицы* будетъ 1055.

[2]) «Ист. Монг. и Тюрк.», стр. 320—334.

[3]) 1056—1646.

[4]) Такъ вѣроятно называлось мѣсто по рѣкѣ Теджень. См. о ней у И. Ф. Бларамберга: «Топогр. и статист. описаніе восточн. берега Каспійск. моря» (въ Зап. Геогр. Общ., кн. IV).

[5]) «Ист. Монг. и Тюрк.», стр. 321—327.

[6]) Тамъ же, стр. 323, 325.

Въ годъ *овцы* (1066=1655) ханъ Хивинскій явился въ Бухарскомъ ханствѣ, раззорилъ Каракуль и захватилъ богатую добычу. Въ томъ же году онъ повторилъ набѣгъ на Каракуль и увелъ много плѣнныхъ. Въ 1067 (1656) году *обезьяны* Абуль-Гази опустошилъ Чехарджуй (Чарджуй); въ слѣдующемъ году *курицы* (1068=1657) предпринималъ походъ на Яйчи; дошелъ до Нерзема, а оттуда до Каракуля и, захвативъ плѣнныхъ, вернулся въ Хиву. Въ томъ же году ходилъ Абуль-Гази на Кермине, который взялъ и предалъ разграбленію. Дорогою, на обратномъ пути, неожиданно напалъ на него Абдуль-Азизъ. Абуль-Гази очутился въ большой опасности, такъ какъ бо́льшая часть его войска ушла далеко впередъ; но выручилъ его сынъ, Ануша, который во́-время успѣлъ вернуть передовые отряды и подать помощь. За это Абуль-Гази и пожаловалъ ему городъ Гезараспъ. Въ годъ *собаки* (1069=1658) Абуль-Гази опустошилъ Варданзи; въ годъ *барса* (1073=1662) произвелъ послѣдній набѣгъ на Бухару, послѣ чего заключилъ съ Абдуль-Азизомъ миръ [1]).

О походахъ Абуль-Гази хана на Бухару узнаемъ мы и изъ бухарскихъ источниковъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу Юсуфъ Мунши. Въ 1076 (1665) г. *Вали* Ургенчскій Абуль-Гази ханъ, *сынъ* Исфендіяра хана, сына Арабъшахова, съ значительнымъ войскомъ напалъ на Мавераннагръ, опустошилъ и раззорилъ всю пройденную имъ мѣстность, и только пораженіе, нанесенное ему соединенными силами Бухары, Бальха и Бадакшана, удержало напоръ его впередъ. Принужденный удалиться въ свою землю, предпринялъ онъ въ слѣдующемъ году новый набѣгъ на Бухару и напалъ съ тою же свирѣпостью; но какъ и прежде, долженъ былъ съ потерей отступить. Обѣ эти попытки, попытки неудачныя, не обезкуражили однако Абуль-Гази: каждый годъ повторялъ онъ свои набѣги и до *восемнадца-*

[1]) «Ист. Монг. и Тюрк.», стр. 327—334.

три разъ опустошалъ Бухару. Народъ этой страны, имѣя государемъ человѣка болѣе набожнаго, чѣмъ воинственнаго, не находилъ никакого противъ него оружія, кромѣ молитвъ. «И оказались онѣ—говоритъ авторъ—гораздо дѣйствительнѣе вооруженной силы, потому что ханъ Ургенчскій внезапно умеръ» [1]).

Начать съ того, что годъ 1076 невѣренъ: Абуль-Гази не было уже въ то время въ живыхъ и не могъ онъ, слѣдовательно, производить еще набѣги *послѣ* этого года. Не «валіемъ» (намѣстникомъ) былъ Абуль-Гази; а самостоятельнымъ ханомъ; не сыномъ хана Исфендіяра, а роднымъ братомъ. Не *восемнадцать* походовъ совершилъ на Бухару Абуль-Гази; а по крайней мѣрѣ вдвое маньше. Въ самомъ дѣлѣ: первый походъ Абуль-Гази на Бухару происходилъ, какъ передаетъ сынъ его Ануша, въ 1066 г., послѣдній—въ 1073. Если на каждый годъ положить по походу, и то выйдетъ 8—9 походовъ; но въ хивинскомъ источникѣ ихъ упомянуто всего *семь*. Предполагать, что это число уменьшено, нѣтъ никаго основанія. Далѣе: побѣды, одержанныя Абдуль-Азизомъ надъ Абуль-Гази-ханомъ, побѣды, которыми хвастаетъ Юсуфъ Мунши, болѣе чѣмъ сомнительны. Мы увидимъ дальше, что Мунши говоритъ о набѣгахъ и Ануши хана, сына Абуль-Гази, и Эрнакъ (Эренкъ) Султана, сына Ануши, и также бухарскія войска разбиваютъ хивинцевъ въ пухъ-и-прахъ. Если Мунши правъ, то странно, что жестоко побитые хивинцы на слѣдующій годъ опять лезутъ въ Бухару, опять побиваются и, какъ ни въ чемъ не бывало, снова нападаютъ на Бухару, и такъ далѣе безъ конца. Да могли-ли, спросимъ мы, быть какія-нибудь значительныя столкновенія, а слѣдовательно и пораженія при томъ характерѣ, какой носили на себѣ набѣги хивинцевъ. Ихъ вторженія вовсе не имѣли характера упорныхъ войнъ, они были простыми разбойничьими набѣгами, съ цѣлію грабежа, съ цѣлію пополнить свою тощую казну. Чуть заслы-

[1]) Supplément à l'histoire, etc.

шатъ хивинцы, что идутъ противъ нихъ бухарскія войска, какъ поспѣшно обращаются вспять: не воевать приходили они,—а пограбить. Эти отступленія и могъ Юсуфъ Мунши громогласно объявить побѣдами бухарцевъ, и имѣлъ на то полное право съ своей точки зрѣнія; да кромѣ того, описывая эти печальныя для бухарцевъ событія, Юсуфъ Мунши долженъ былъ щадить и народное самолюбіе. Серьезное столкновеніе было только одно, которое и описано ханомъ Анушею. Но разсказъ Юсуфа важенъ въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ набѣги Абуль-Гази на Бухару. Мало того, онъ представляетъ ихъ ужаснѣе, чѣмъ описаны они въ «Хивинской исторіи». Впослѣдствіи мы познакомимся съ подобными набѣгами еще ближе, когда дойдемъ до хановъ нынѣшняго столѣтія.

Подъ конецъ своей жизни Абуль-Гази поручилъ управленіе ханствомъ своему сыну Анушѣ и вскорѣ послѣ того умеръ въ 1074 году *зайца*, въ мѣсяцѣ рамазанѣ (въ мартѣ 1663 года) [1].

«Исторія» Абуль-Гази (или правильнѣе: «Книга древа тюркскаго»—*Китаби-Шеджереи-Тюрки*) такой важный источникъ для исторіи Хивы при Узбекахъ и такъ отчетливо представляетъ положеніе этого ханства съ начала XVI столѣтія до шестидесятыхъ годовъ XVII-го, что тутъ необходимо остановиться и, такъ сказать, подвести итоги приведеннымъ сообщеніямъ.

Хорезмъ, до завоеванія его Шейбани ханомъ, составлялъ провинцію Хорасана и признавалъ своимъ повелителемъ Тимурида Хуссейна-Мурзу. Шейбани ханъ не очень соблазнялся Хорезмомъ; все его вниманіе сосредоточивалось на Мавераннагрѣ и только виды этого Узбека на Хорасанъ заставили его, кажется, овладѣть и Хорезмомъ, гдѣ были поставлены имъ въ 1505 г. *даруги*. Но палъ Шейбани,

[1]) «Ист. Монг. и Тюрк.», стр. 334.

и Хорезмъ отошелъ къ Персіи; сдѣлать это было тѣмъ легче, что въ Хорезмѣ не было Узбековъ, кромѣ упомянутыхъ даругъ, да развѣ небольшой свиты при нихъ. Новое господство Персіянъ, шіитовъ, не нравилось только ревностнымъ мѣстнымъ суннитамъ; но для народа оно было не тяжело, и когда незначительная партія святошъ, изъза религіозной нетерпимости, начала ратовать за избраніе правовѣрнаго хана, и изъ Везиря обратилась съ приглашеніемъ къ Ильбарсу—сѣсть у нихъ на ханство, то населеніе другихъ городовъ не только не одобрило подобныхъ затѣй, но выказало сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ. Жители Ургенча и Гезараспа прямо называли Узбековъ «чужимъ» для себя народомъ и не отпускали персидскихъ правителей, намѣревавшихся удалиться въ Персію. Ильбарсъ взялъ приступомъ эти города и вслѣдъ затѣмъ пригласилъ въ Хорезмъ своихъ родственниковъ, еще оставшихся въ степяхъ. Тѣ не заставили себя долго ждать, поднялись со всѣмъ своимъ юртомъ и наводнили Хорезмъ. Въ Хорезмѣ утвердился враждебный Шейбани-хану родъ Берке-Султана [1]).

Что же внесли съ собой Узбеки въ страну, обладавшую нѣкогда высокой цивилизаціей?

Прежде всего, они внесли въ Хорезмъ свое родовое начало. Старшій въ родѣ былъ главою рода. Умиралъ этотъ глава,—ему наслѣдовалъ не сынъ, а братъ, т. е. слѣдующій за нимъ по старшинству родственниковъ, и только если таковаго не оказывалось, то старшій сынъ. Отсюда началась въ Хорезмѣ удѣльная система, хорошо знакомая намъ изъ древней отечественной исторіи. Старшій въ ханскомъ семействѣ получалъ, вмѣстѣ съ титуломъ хана, и столичный го-

---

[1]) Названіе Узбекской династіи въ Хивѣ XVI и начала XVII в. *Шейбанидами* нейдетъ къ Хивѣ вовсе. Нейдетъ оно и къ Бухарскимъ Узбекамъ-ханамъ. См. разборъ В. В. Григорьева «Бухарской исторіи» Вамбери (Журн. М. Н. Пр.; 1873, ноябрь, стр. 126).

родъ, каковымъ былъ сперва Везирь—ядро узбекскаго разселенія въ Хорезмѣ, затѣмъ Ургенчъ, какъ наиболѣе важный городъ въ ханствѣ, и наконецъ Хива (или правильнѣе: *Хиважъ*), когда окрестности Ургенча, вслѣдствіе переворота въ теченіи Аму-Дарьи, стали мало-по-малу обращаться въ степь, пустѣть. Провозглашеніе хана совершалось по монгольскому обычаю. Ближайшіе родственники старшаго въ родѣ сажали его на бѣлую кошму и трижды приподымали ее за концы, провозглашая: «ханъ! ханъ! ханъ!» Родственники хана, смотря по старшинству и болѣе или менѣе близкому родству съ ханомъ, получали въ удѣлъ прочіе города въ ханствѣ. Когда родственниковъ было немного, они получали каждый по нѣскольку городовъ; а когда число ихъ размножалось, то и по половинѣ города. Умиралъ ханъ, вмѣсто него тѣмъ же порядкомъ выбирался новый; при этомъ происходило перемѣщеніе и въ удѣлахъ: болѣе близкіе къ новому хану родственники, приближались къ нему и получали болѣе важные удѣлы.

Результатомъ такого положенія вещей явились между родственниками распри, войны. Начались онѣ тотчасъ же по смерти Ильбарса и съ небольшими перерывами тянулись цѣлое столѣтіе, до вступленія на ханство Абуль-Гази, когда у него не осталось уже другихъ родственниковъ, кромѣ сыновей. Понятно, что войны эти должны были страшно раззорить страну. Прибавимъ къ этому указаніе Абуль-Гази на запустѣніе западной половины ханства, вслѣдствіе измѣненія теченія Аму-Дарьи, — и положеніе Хивинскаго ханства въ то время представится намъ въ самомъ жалкомъ видѣ [1]).

Отношенія удѣльныхъ владѣльцевъ къ хану зависѣли,

---

[1]) Запустѣніе ханства, начавшееся незадолго до Абуль-Гази, продолжалось и послѣ него. Такъ, Абуль-Гази упоминаетъ на правомъ берегу городъ Кятъ, который вскорѣ же пересталъ существовать, и окрестности его обратились въ пустыню. Развалины Кята и теперь указываютъ на правомъ берегу Аму-Дарьи.

конечно, отъ личности самаго хана; но вообще ханъ имѣлъ мало на нихъ вліянія. Дженкинсонъ говоритъ, что родственники хана повинуются ему очень мало, что въ своихъ удѣлахъ они и знать его не хотятъ. Тотъ же путешественникъ подтверждаетъ разсказываемыя Абуль-Гази ханомъ распри между членами ханскаго семейства и ихъ домогательства погубить своихъ противниковъ.

Преимущества ханскаго достоинства у Узбековъ состояли въ томъ, что имя хана провозглашалось на эктеніяхъ и чеканилось на монетахъ. Но странное дѣло: потому-ли, что столицей Узбековъ считалась,—если не всегда въ дѣйствительности, то номинально постоянно,—Бухара, или по какой другой причинѣ, только ханы хивинскіе, за исключеніемъ мѣдной монеты, или вовсе не били своей монеты, а довольствовались тою, которая шла къ нимъ изъ Бухары, или били монету отъ имени бухарскаго хана. Не имѣетъ ли это обстоятельство связи съ тѣмъ взглядомъ, какимъ смотрѣли бухарскіе ханы на хивинскихъ: они третировали ихъ не болѣе какъ *валіями* «намѣстниками», наравнѣ съ намѣстниками Бальха, Бадакшана и другихъ областей.

Иногда ханъ, при жизни еще, назначалъ себѣ преемника, который назывался *калгой* или *калгаюмъ*. Прочіе члены ханскаго семейства носили титулъ *султана*.

Кромѣ ханствовавшаго дома, были у Узбековъ знатныя лица, которые не происхожденіемъ, но значеніемъ своимъ играли важную роль въ узбекскомъ союзѣ. Это *Беки* или *Біи*. Въ Бухарѣ беки пользовались большою силою; они владѣли городами, а иногда цѣлыми областями, которыя назывались *юртами* «владѣніями» и нерѣдко возмущались противъ хановъ [1]). Но въ Хивѣ они были что-то незамѣтны. По крайней мѣрѣ Абуль-Гази почти ничего объ нихъ

---

[1]) *Senkowski.* Supplément à l'histoire. etc. p. 78—81.

не говоритъ [1]). Но Абуль-Гази очень мало говоритъ и объ *Инакахъ*, а между тѣмъ они напомнили впослѣдствіи «темниковъ» Золотой орды или «улусныхъ эмировъ» («эмиръ-эль-омра») Джагатаева улуса, только инаки пошли по этой дорогѣ еще дальше: они стали играть такую же роль, какую играли нѣкогда «Палатные меры» при Меровингахъ. Очевидно, что первоначальное значеніе инаковъ было очень важное, если при существовавшемъ положеніи вещей въ Хивѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ они, а не другія какія лица (не аталыки, напримѣръ, о которыхъ Абуль-Гази разсказываетъ очень подробно и очень часто), достигли первенствующаго положенія въ ханствѣ. Кто же были инаки? Инаки были монгольскимъ учрежденіемъ, и слово *инакъ*, по переводу Катрмера, значитъ: «un homme admis dans la plus haute faveur du monarque, un de ses conseillers intimes» [2]); по переводу И. Н. Березина—«довѣренный, любимецъ» [3]). Такимъ образомъ инаки у Монголовъ имѣли важное значеніе. У Узбековъ положеніе ихъ представляется болѣе опредѣленнымъ [4]). Узбеки дѣлились на роды, каждый родъ имѣлъ своего старшину; старшина этотъ и назывался *инакомъ*. Сколько родовъ Узбековъ пришло въ Хиву—изъ Абуль-Газіевой «Исторіи» не видно; это узнаемъ мы изъ болѣе поздняго источника. Муравьевъ въ своемъ «Путешествіи» говоритъ, что Узбеки въ Хивѣ раздѣляются на четыре главныя поколѣнія: Кіятъ-Конгратъ, Уйгуръ-

---

[1]) Разъ только, по Абуль-Гази, Бей достигъ важнаго значенія. Кулъ-Мухаммедъ-бей провозгласилъ ханомъ въ Нисаѣ Санджара, сына Али-Султана и самъ управлялъ за него 25 лѣтъ, такъ какъ Санджаръ былъ человѣкъ слабоумный. Кулъ-Мухаммедъ не допускалъ его видѣться съ народомъ. («Ист. Монг. и Тюрк.», стр. 248 текста).

[2]) Histoire des Mongols de la Perse. I, LI et suiv.

[3]) Рашидъ-эд-Динъ (Труды Восточн. отд. Археол. общ.; кн. 5, прим. 20, стр. 224).

[4]) Абуль-Гази упоминаетъ объ инакахъ у Узбековъ еще до вторженія ихъ въ Хорезмъ (см. 205 стр. текста). Въ Шейбан. стр. LIV.

Найманъ, Канглы-Кипчакъ и Никюзъ-Манкытъ [1]). Собственно говоря, это 8 отдѣльныхъ родовъ, какъ они и показаны у Н. В. Ханыкова [2]), но въ Хивѣ они, кажется, образовали сложные роды. Такъ у Абуль-Гази Уйгуры и Найманы постоянно дѣйствуютъ вмѣстѣ и составляютъ какъ будто одинъ родъ. Такимъ образомъ и инаковъ въ Хивѣ было четверо. Наибольшимъ вліяніемъ пользовался между ними инакъ Когнрадскаго рода, какъ самаго сильнаго изъ нихъ. Было ли достоинство инака наслѣдственно, или по смерти его избиралось по волѣ и расположенію членовъ рода—у Абуль-Гази не видно. Но въ XVIII столѣтіи, у насъ имѣются на то данныя: достоинство инака было наслѣдственно въ его семействѣ, т. е. переходило по старшинству, сперва къ брату, а потомъ уже къ сыну. Принимая въ соображеніе, что обычаи всякаго народа всегда живущи и не выносятъ никакой ломки, можемъ заключать, что и раньше достоинство инака было наслѣдственно въ его семействѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что у Узбековъ всегда господствовало родовое начало. По своему положенію они легко могли занять, и дѣйствительно занимали, мѣста совѣтниковъ при ханѣ. Въ Бухарѣ они не пользовались такимъ значеніемъ, какъ въ Хивѣ.

Какъ сами Узбеки смотрѣли на хана и его родственниковъ? У нихъ, какъ у большинства азіятскихъ народовъ, права на ханствованіе основывались на понятіи о «бѣлой» и «черной» кости. По ихъ понятіямъ, ханомъ могъ быть только потомокъ царствовавшаго дома. Но при всемъ томъ Узбеки не очень церемонились съ своими ханами. Несогласія между ханскими родственниками часто давали Узбекамъ случай принимать сторону того или другаго претендента, чѣмъ поддерживалась ихъ прежняя *вольность*. Нерѣдко мы видимъ, что ханъ не можетъ привести въ исполненіе сво-

---

[1]) Путеш. въ Туркменію и Хиву. Ч. II, стр. 36.
[2]) «Описаніе Бухарскаго ханства», стр. 58—63.

его намѣренія, потому что Узбеки на то несогласны: имъ оно не нравится. Положить конецъ такому порядку вещей задумалъ Исфендіяръ-ханъ. Но средство, имъ для того употребленное, оказалось никуда негоднымъ. Этимъ средствомъ послужили Исфендіяру Туркмены, которые помогли ему сѣсть на ханство и которые, думалъ онъ, сослужатъ ему другую важную услугу: усмирятъ Узбековъ. И вотъ, при помощи Туркменъ, началъ Исфендіяръ-ханъ истреблять непокорные роды Уйгуръ и Найманъ, а потомъ добрался и до другихъ родовъ. Цѣли своей онъ достигъ вполнѣ, но зло оттого не убавилось; только Узбековъ смѣнили Туркмены, которые и начали хозяйничать въ странѣ. Хива попала изъ огня да въ полымя. По смерти Исфендіяра господство Туркменъ въ Хивѣ дошло до того, что они стали сбирать подати съ народа и удерживали ихъ у себя, а для придания такому своеволію нѣкотораго вида законности, заручились покровительствомъ сосѣдняго хана, власть котораго они признавали только номинально. Не мало походовъ пришлось совершить Абуль-Гази-хану для смиренія расходившихся Туркменъ.

Что же выиграла страна съ пришествіемъ въ нее Узбековъ? Въ политическомъ отношеніи Узбеки низвели Хиву на степень самаго ничтожнаго государства; въ экономическомъ—они раззорили ее до такой степени, что ханы хивинскіе, для пополненія своей казны, стали предпринимать хищническіе набѣги на своихъ сосѣдей. Производительность—главное условіе для благосостоянія страны и ея богатства. Между тѣмъ производительность Хивинскаго ханства, съ переселеніемъ туда Узбековъ, нисколько не увеличилась. Узбеки съ пренебреженіемъ смотрѣли на прежнихъ жителей и слово *Сартъ* [1]) сдѣлалось на ихъ языкѣ браннымъ словомъ; оттого все, что дѣлали Сарты, Узбеки

[1]) О значеніи слова *сартъ* см. изслѣдованіе *И. И. Лерха* въ Russische Revue 1872, I, s. 30—35 (Das Russische Turkestan) и въ его «Khiva», s. 43.

считали для себя унизительнымъ. Занявъ осѣдлую страну, они не оставили своихъ кочевыхъ привычекъ [1]) и нехотя принимали участіе въ трудѣ осѣдлыхъ. По прежнему, весь почти трудъ остался на рукахъ Сартовъ; по прежнему, они почти одни занимались земледѣліемъ, одни рыли каналы, ровняли поля, одни разводили сады, занимались ремеслами и торговлей. Но такъ какъ производительность въ Хивѣ не увеличилась, увеличилось только потребленіе, то отсюда вытекала необходимость увеличить рабочія руки покупкою рабовъ. Явился усиленный спросъ на рабовъ. Нигдѣ въ другомъ среднеазіятскомъ ханствѣ не развивалось невольничество въ такой степени, какъ въ Хивѣ. Конечно, этому развитію тамъ невольничества способствовали многія благопріятныя къ тому условія; но, съ другой стороны, нигдѣ такъ въ Средней Азіи и не были нужны невольники, какъ въ Хивѣ. Невольники захватывались въ Персіи и Россіи [2]). Уничтожить въ Хивѣ торговлю русскими невольниками стоило нашему правительству большихъ хлопотъ и издержекъ.

Такимъ образомъ Узбеки не внесли въ занятую ими страну никакой плодотворной силы. Мало того, они низвели Хорезмъ на степень самаго ничтожнаго государства, которое уже при Абуль-Гази-ханѣ представляло ничто иное, какъ разбойничье гнѣздо.

Что испытала Персія отъ сосѣдства съ Узбеками, ясно видимъ изъ сообщеній Абуль-Гази. Сѣверная часть Хорасана была завоевана сперва Хивинскими Узбеками; а по-

---

[1]) До какой степени Узбеки остались вѣрны своимъ старымъ привычкамъ, можно судить по тому, между прочимъ, что, переселившись въ города, они продолжали жить въ кибиткахъ, которыя ставили рядомъ съ домомъ. Самъ ханъ хивинскій принималъ пословъ неиначе, какъ въ кибиткѣ, поставленной на дворѣ его дворца.

[2]) Первый фактъ захвата русскихъ плѣнныхъ при Узбекахъ представляетъ намъ Дженкинсонъ, который въ 1559 году вывезъ изъ Бухары 25 человѣкъ русскихъ невольниковъ.

томъ занята Бухарскими. Но «Исторія» Абуль-Гази далеко не даетъ намъ полнаго понятія объ этихъ вторженіяхъ. Въ персидскихъ источникахъ мы находимъ указанія, что вторженія Узбековъ въ Хорасанъ были почти ежегодныя и сопровождались всегда страшными опустошеніями. Производились они какъ Хивинскими Узбеками, такъ и Бухарскими, изъ которыхъ послѣдніе проникали даже до Герата и вторгались въ этотъ городъ [1]).

Отмѣтимъ еще одно сообщеніе, приводимое Абуль-Гази-ханомъ. Въ ханствованіе Исфендіяра Узбеки начали заселять мѣстность у Аральскаго моря, въ низовьяхъ Аму-Дарьи. Мѣста, ими занятыя, называются у Абуль-Гази *Аралъ*. Самъ онъ былъ провозглашенъ ханомъ въ «землѣ Аралъ». Впослѣдствіи эта мѣстность очень часто отлагалась отъ хивинскаго ханства и выбирала своихъ хановъ.

Ануша-ханъ.

1074—1098 (1663—1686).

Преемникомъ Абульгази былъ сынъ его, Ануша-ханъ. Будучи только еще 14 лѣтъ, онъ участвовалъ въ походѣ отца на Бухару и здѣсь, геройствомъ своимъ, какъ самъ онъ сообщаетъ въ доконченной имъ «Исторіи» Абуль-Гази, выручилъ изъ большой опасности своего отца [2]).

Объ его ханствованіи мы находимъ свѣдѣнія у Бухарскаго писателя Юсуфа Мунши [3]). Но свѣдѣнія эти, во-пер-

---

[1]) *Зубдъ-аль-Теварихъ* у Малькольма въ «Histoire de la Perse» (Paris, 1821); t. II, p. 277—8, 306—307, 393, 431; t. III, p. 66—67.

[2]) Походъ этотъ имѣлъ мѣсто въ 1655 году. Значитъ, родился Ануша ханъ около 1641; а на ханство вступилъ 22—23 лѣтъ.

[3]) Въ его *Тезкиреи-Мукимъ хани*. См. «Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols».

выхъ, не отличаются полнотой, потому что Юсуфъ касался Хивы на столько, на сколько имѣла она отношенія къ Бухарѣ; а во-вторыхъ, и довѣрять то Юсуфу Мунши надо съ большею осторожностью, такъ какъ изслѣдованія ученыхъ, послѣ Сенковскаго, имѣвшихъ возможность пользоваться вновь открытыми источниками, доказали, что промахи Юсуфа Мунши были и слишкомъ часты, и слишкомъ важны, чтобы можно было безъусловно полагаться на приводимыя имъ извѣстія тамъ, гдѣ не чѣмъ провѣрить ихъ изъ другихъ источниковъ [1]). Узнаемъ мы отъ Юсуфа, что во время ханствованія въ Бухарѣ Абдуль-Азиза (1057 = 1091 = 1647 — 1680), Ануша-ханъ производилъ постоянные набѣги на Бухару. Набѣги эти были еще опустошительнѣе набѣговъ его отца. Грабежи Ануши доходили до самыхъ стѣнъ Бухары; а разъ разграбилъ онъ селеніе Джуйбаръ, гдѣ сосредоточивались жилища Бухарскихъ богачей. Особенно много зла Бухарѣ причинилъ Ануша тогда, когда Субханъ-Кули, братъ Абдуль-Азиза, бывшій тогда губернаторомъ Бальха, изъ зависти и ненависти къ своему брату призвалъ на помощь этого «ужаснаго разрушителя». Абдуль-Азизъ находился въ Кермине, когда узналъ что Ануша опустошаетъ и жжетъ окресности его столицы. Прибывъ поспѣшно къ Бухарѣ, нашелъ онъ ее уже взятою Хивинцами. Съ трудомъ, съ 40 человѣками, проникъ Абдуль-Азизъ въ городъ. Тамъ, вмѣстѣ съ Узбеками и Таджиками, «*народомъ и торговцами*», бросился на непріятеля. Рѣзня произошла ужасная. Немногіе изъ Хивинцевъ спаслись и присоединились къ Анушѣ-хану, который и поспѣшилъ удалиться въ Хиву [2]).

---

[1]) См., напримѣръ, «Монеты Бухарскія и Хивинскія» *В. В. Вельяминова-Зернова.*

[2]) Зная, что главною причиною этого нападенія были интриги брата, Субханъ-Кула, Абдуль-Азизъ передалъ ему престолъ, а самъ отправился на богомолье въ Мекку (въ 1091=1680). Тамъ онъ и умеръ 74 лѣтъ. Supplément, стр. 48—49.

Въ ханствованіе Сеида-Субханъ-Кули-Бегадура-хана (1091 — 1114 = 1680 — 1702) набѣги Ануши-хана продолжались. Едва Субханъ-Кули прекратилъ междоусобную войну [1]), какъ въ 1096 (1685) пришлось ему защищаться отъ хана Ургенчскаго, Ануши. Одними своими силами Субханъ-Кули не могъ справиться съ Анушой и звалъ на помощь сына своего Садика, губернатора Бальха. Этотъ и отправился къ отцу; но дорогой узнавъ, что Ануша овладѣлъ всѣмъ Хорасаномъ, гдѣ велѣлъ бить монету съ своею *тугрою* и провозглашать въ мечетяхъ свое имя, и что эмиры Хиссара и Ходженда возмутились, а другіе находящіеся при дворѣ хана, тайно содѣйствуютъ Анушѣ,— Садикъ счелъ за благо—вмѣсто того чтобы помогать отцу при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ — позаботиться о томъ, какъ бы воспользоваться этимъ смятѣніемъ для достиженія независимости; а потому и вернулся въ Бальхъ. А Субханъ-Кули, оставленный сыномъ, удалился къ Махмудъ-бію, аталыку — правителю Бадакшанскому. Махмудъ-бій собралъ рать и на равнинахъ Геджуванскихъ [2]), одержалъ блистательную побѣду надъ Хивинцами. Ануша, бывшій тогда въ Самаркандѣ, узнавъ о пораженіи своего войска, отступилъ. Въ слѣдующемъ, въ 1097 (1686) году опять видимъ мы Анушу-хана въ Бухарѣ, опустошающимъ это ханство до самой столицы, и опять прогоняетъ его тотъ же Махмудъ-Джанъ аталыкъ. Набѣги хивинскаго хана повторялись и въ слѣдующіе годы. Тогда Субханъ-Кули старался возстановить противъ Ануши партію въ самой Хивѣ. Это ему удалось какъ нельзя лучше. Одинъ изъ сыновей Ануши, Эренкъ-Султанъ, былъ втайнѣ противъ отца. Когда Ануша готовился снова отправиться въ по-

---

[1]) Противъ Субханъ-Кули возмутились нѣкоторые беки и произвели возстаніе, слѣдствіемъ котораго было замѣшательство въ странѣ, чѣмъ Ануша-ханъ и не преминулъ воспользоваться.

[2]) Городъ Геджуванъ лежитъ на с. в. отъ Бухары, по дорогѣ въ Джизакъ.

ходъ на Бухару, заговорщики стали представлять ему, какъ опасно его предпріятіе, такъ какъ Калмыки намѣреваются напасть на Хиву. Ханъ, ничего не подозрѣвая, поручилъ Эренкъ-Султану выступить противъ нихъ съ большимъ войскомъ. Этимъ Эренкъ-Султанъ и воспользовался. При помощи войска захватилъ онъ своего отца и ослѣпилъ его, какъ кажется, въ 1098 (=1687) году. Такъ надо полагать по кратковременному ханствованію сына его Эренкъ-Султана, который успѣлъ сдѣлать только одинъ набѣгъ на Бухару и былъ отравленъ, какъ увидимъ, въ 1099 (1687—8) году. Болѣе у Юсуфа Мунши нѣтъ ничего объ этомъ ханствованіи. Зато много, сравнительно свѣдѣній относительно внутренняго состоянія ханства при Ануше-ханѣ находимъ въ русскихъ источникахъ. Алексѣй Михайловичъ, желая возобновить прерванныя сношенія [1]) Россіи съ Хивою и Бухарою, отправилъ въ 1669 году пословъ въ оба эти ханства.

Въ Хиву отправленъ былъ астраханскій сынъ *Иванъ Ѳедотовъ*, и съ нимъ посадскій человѣкъ *Матѳей Муромцевъ*. Отправились они изъ Астрахани 15 февраля 1669 г., вмѣстѣ съ посланцемъ хивинскаго хана Нависъ-Шаха [2]) Паландою-Могамедъ-бекъ-Разумовымъ; а въ Хиву прибыли 2-го іюня. Къ посламъ назначенъ былъ особый приставъ; отведена квартира, и назначено содержаніе. 13-го іюня Ѳедотовъ представлялся хану и былъ принятъ имъ съ почетомъ. 22-го іюня происходила вторая аудіенція.

---

[1]) Въ 1646 году посылалъ Алексѣй Михайловичъ въ Бухару, съ разными товарами, купчину Аниса Грибова и послалъ съ нимъ къ хану Недиръ-Магомету извѣстительную грамоту о восшествіи своемъ на престолъ, въ которой просилъ отпустить съ посланцемъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Бухарѣ. Но Грибовъ до Бухары не доѣхалъ, такъ какъ тамъ происходили междоусобныя войны, вслѣдствіе свержения Надиръ-Мухаммеда сыномъ его, Абдуль-Азизомъ. (См. «Пояснительную записку къ картѣ Хивин. ханства», стр. 306).

[2]) Ануши-хана.

Ѳедотовъ завелъ рѣчь о торговыхъ сношеніяхъ, заговорилъ о богатствѣ и процвѣтавшей торговлѣ ханства. Противъ торговой важности Хивы ханъ возражалъ послу и, для удостовѣренія, даже дозволилъ Ѳедотову объѣхать торговые города ханства, чѣмъ тотъ и воспользовался. 30 іюня отправился онъ для обозрѣнія ханства; посѣтилъ Ханки, отправился затѣмъ въ Гезараспъ, и дѣйствительно убѣдился въ ничтожности какъ, промышленности ханства, такъ и торговли его; «въ тѣхъ-де городахъ юргенскіе и хивинскіе всякихъ чиновъ люди межъ себя торгуютъ зенденми, и выбойки, и бумагою хлопчатою, и пестредьми и шолкомъ сырцомъ... а дѣлаютъ шолкъ, и бязи, и зендени простые; а не чаровые... а бурмети, и выбойки, и бумагу, и пестреди привозятъ изъ Бухаръ сами Юргенцы; а Бухарцы съ товары въ Хиву, и въ Юргенчь пріѣзжаютъ мало; Индѣйцы и Балхинцы не пріѣзжаютъ, и складовъ Юргенцы съ Индѣйцы въ торгѣхъ не имѣютъ, и верблюжьею шерстью не торгуютъ и Россійскаго государства торговымъ людямъ отъ тѣхъ товаровъ большіе прибыли и пожитковъ не чаятъ» [1]).

Далѣе о Хивѣ говоритъ Ѳедотовъ слѣдующее: «А ратныхъ-де всякихъ чиновъ служилыхъ людей во владѣніи Юргенскаго Хана 15,000 человѣкъ; служатъ лучнымъ боемъ; а пищали есть мелкіе и то не умногихъ людей [2]); а земля-де Юргенская не вилика, и хлѣбомъ и всѣмъ скудна, и лѣсовъ нѣтъ, и въ лѣтнее и въ осеннее время ѣсть варятъ травою [3]); а въ зимнее скудное время дрова привозятъ съ

---

[1]) «Пояснительная записка къ картѣ Хивин. ханства», *Я. В. Ханыкова* (Зап. Геогр. Общ. кн. V, стр. 306—307).

[2]) Черезъ сто лѣтъ почти, въ 1753 году, купецъ Рукавкинъ сообщалъ, что «оружіе Хивинцевъ, по большей части, стрѣлы и копья; имѣютъ и огненное орудіе, но оного весьма мало». См. далѣе.

[3]) Что дровъ въ Хивѣ было очень мало, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Главнымъ матеріаломъ для топлива тамъ служитъ искусственно разводимый хворостнякъ. Но замѣчательно, что плѣнники наши говорятъ по этому

великою нужею зъ Дарчи рѣки; а ѣздъ до той рѣки трои сутки [1]); да и вода проведена изъ той же рѣки; а иныхъ колодезей и ключевыхъ нѣтъ; а объзжаютъ Юргенскую землю въ 3 дни; а деньги дѣлаютъ мѣдныя [2]); а тѣми деньгами торгуютъ только межъ себя».

«А съ Туркскимъ-де Салтаномъ и Крымскимъ Ханомъ у Юргенскаго Хана ссылокъ никакихъ нѣтъ» [3]). «А съ Персицкимъ-де Шахомъ Юргенской Ханъ ведетъ войну за то, что Персицкой Шахъ противъ прежняго подарковъ погодно не присылаетъ [4]); и за то Юргенской Ханъ хо-

---

поводу не одно и тоже. Такъ у Генса (на основаніи показанія Ковырзина и другихъ) читаемъ, что ханъ имѣемъ на правомъ берегу Аму лѣса, въ которыхъ онъ позволяетъ рубить деревья на дрова, съ платою по *одной теньге* за возъ (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches II, 43); тогда какъ плѣнный Мѣдникъ, напримѣръ, говоритъ: «дровъ почти нѣтъ въ цѣломъ ханствѣ; тонкій хворостникъ продается для топлива рублей 12 за небольшой возокъ» (Литературная газета 1840 г., № 14). Нѣтъ сомнѣнія, что цѣна эта крайне преувеличена, а если она и подымалась такъ высоко, то развѣ въ какихъ нибудь исключительныхъ случаяхъ.

[1]) Т. е. съ Аму-Дарьи, по которой ростетъ *саксаульникъ*, доставляющій хивинцамъ дрова для топлива. Такъ какъ саксаульникъ ростетъ преимущественно въ сѣверной части ханства, отъ рукава Лаудана до южнаго берега Аральскаго моря, то, дѣйствительно, ѣздить за нимъ приходится въ мѣста, отстоящія отъ Хивы дня на три пути. Хива же отстоитъ отъ Аму-Дарьи на два дневные перехода. (*См. В. И. Даля* «Новѣйшія свѣдѣнія о Хивѣ», Сынъ Отеч. 1839 г., кн. XII).

[2]) Обращались въ Хивѣ монеты серебряныя и золотыя, но они въ Хивѣ не чеканились, а доставлялись торговлею изъ Бухары или изъ Персіи. См. дальше.

[3]) Вѣроятно Ѳедотову поручено было узнать, въ какихъ отношеніяхъ находится ханъ Хивинскій къ другимъ владѣтелямъ. Такъ, напримѣръ, Петръ Великій, отправляя въ Бухару Флоріо Беневени, поручалъ ему «прилежно развѣдывать, какое Ханъ Бухарскій обхожденіе имѣетъ съ Персами и съ Хивинцами, и съ другими сосѣдственными владѣтели, такожъ съ Турки, и не имѣетъ ли отъ кого какой, въ нападеніи на себя, опасности». (Инструкція Флоріо Беневени. Записки Геогр. Общ. кн. IX, стр. 338).

[4]) Чтобы, когда нибудь, Персіяне платили ежегодную дань Хивинцамъ, этого не говоритъ даже и Абуль-Гази. Можетъ быть подъ Персіей тутъ надо разумѣть Хорасанъ, который, какъ извѣстно, переходилъ изъ рукъ въ руки: то принадлежалъ онъ Персіи, то завоевывали его Хивинскіе ханы.

дилъ Персицкаго Шаха въ городы въ Астрабадъ и въ Карашаръ войною; и тѣхъ городовъ многихъ людей побили, въ полонъ поимали; и нынѣ де у Персицкаго Шаха въ зборѣ много ратныхъ людей стоятъ въ Мешете, да въ Страбате; и Юргенской Ханъ имѣетъ опасеніе большое и чаетъ на себя Персицкаго Шаха прихода войною» [1]). Ѳедотовъ выкупилъ въ Хивѣ 12 русскихъ плѣнныхъ, и 13-го сентября 1669 года отправился обратно въ Россію. Въ Астрахань прибылъ онъ 6-го ноября [2]). Въ Хивѣ Ѳедотовъ пробылъ около четырехъ мѣсяцевъ.

Въ 1673 году пріѣзжалъ въ Москву посланецъ отъ Ануши хана, Полванъ Кулы-бекъ. Проѣзжая черезъ Астрахань, былъ онъ ограбленъ Стенькою Разинымъ и, по прибытіи въ Москву, сталъ искать вознагражденія за убытки съ нашего правительства. По этому случаю извѣстенъ такой отвѣтъ. 7181 (1673) году 9-го апрѣля въ Посольскомъ Приказѣ по Его Царскаго Величества указу и по приказу окольничаго Артемона Сергѣевича Матвѣева Юргенскія земли начальника Анавша Магмедъ-Богадыря хана послу Полванъ Кулыбеку на жалобу его, что въ Астрахани будучи Стенкомъ Разинымъ съ товарищи ограбленъ, слѣдующій отвѣтъ учиненъ: Великій Государь «желаетъ быть съ Хановымъ Величествомъ въ любительныхъ ссылкахъ неотмѣнно, и подданнымъ его хановымъ въ Астрахань для торговыхъ промысловъ пріѣзжать торговать повольною торговлею позволяетъ съ достойнымъ платежемъ пошлинъ по уставу»; но затѣмъ въ резолюціи говорится, что Разинъ и царскую казну разграбилъ и государственныя дѣла пожегъ и царевыхъ слугъ побилъ до смерти и всякія злости чинилъ, «и тѣхъ всѣхъ убытковъ и грабежу наградою Царскаго Величества казны причитать не доводится, а дов-

[1]) По Юсуфу Мунши, Ануша-ханъ около 1685 года овладѣлъ всѣмъ Хорасаномъ. Слѣдовательно, Персидское войско не могло защитить эту область.

[2]) «Поясним. Записка», стр. 307—308.

лѣтъ то все положить на волю Божію». (Писанъ въ Москвѣ 7181 г. мая въ 29 день). Тѣмъ не менѣе «Юргенскому Анадша Магмедъ-Баадыра хана послу Полвану Кулыбеку дано при его отпуску, за отнятые у него Стенкою Разинымъ товары, государево жалованье соболями на 200 рублевъ» [1]).

Вскорѣ послѣ того, въ 1675 году, посѣтилъ Хиву проѣздомъ русскій посланникъ *Василій Александровичъ Даудовъ*, отправленный въ Бухару. Посольство его отправилось изъ Астрахани моремъ и высадилось у Караганской пристани. Здѣсь у Туркменъ наняты были верблюды до Хивы. Въ Хивѣ Даудовъ долженъ былъ десять недѣль ждать возвращенія хана, который ходилъ тогда войною на Бухару. По прибытіи хана, Даудовъ представилъ ему царскіе подарки и просилъ освободить русскихъ плѣнныхъ въ Хивѣ. Ханъ обѣщалъ исполнить эту просьбу въ такомъ только случаѣ, если и Бухарскій ханъ съ своей стороны сдѣлаетъ тоже самое. По повелѣнію хана у посланника взяли двухъ кречетовъ изъ тѣхъ, что онъ везъ отъ царя Бухарскому хану Абдуль-Азизу [2]).

Въ январѣ 1676 года прибылъ Даудовъ въ Бухару. Здѣсь Абдуль-Азизъ, по неотступному домогательству посланника, согласился отпустить съ нимъ на свободу 5 вольныхъ человѣкъ, выкупившихся работою. Остальныхъ удержалъ, говоря, что нуждается теперь въ людяхъ по причинѣ войны съ Хивинскимъ ханомъ. Въ реляціи къ царю Даудова и толмача Ивана Горнаго, отправленнаго къ царю Даудовымъ, сообщается, что ханъ Хивинскій взялъ у Бухарскаго много городовъ и истребилъ много народа [3]). Эти войны Хивинскаго и Бухарскаго хановъ, всѣми свидѣтельствами удостовѣряемыя, были ничто иное какъ хи-

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1841 г., ч. III, стр. 693—4.
[2]) «Поясним. Записка», стр. 312—313.
[3]) Тамъ же, стр. 313.

ническіе набѣги со стороны перваго, съ цѣлью грабежа. При такомъ положеніи вещей, ясно, что терпѣть могли только Бухарцы, и роль ихъ въ этомъ случаѣ была чисто страдательная; между тѣмъ какъ Хивинцы, грабя страну, не подвергались чувствительнымъ потерямъ.

Къ этому ханствованію относится извѣстіе о нападеніи на Хивинское ханство Калмыковъ.

Въ «Описаніи Хивинскаго ханства», составленнаго около 1803 г., какъ предполагается, Величкою, сказывается, что Аюка-ханъ, идя «съ своими людьми изъ Китая въ Россію, причинилъ первое раззореніе городу Ургенчу» [1]). Въ другомъ указаніи, болѣе позднемъ, а именно, въ бумагахъ академика Фалька, изданныхъ въ 1785 г., также говорится, что калмыцкій ханъ Аюка разрушилъ Куня-Ургенчъ (Kumurgantsch), который послѣ того не могъ поправиться [2]). Но это извѣстіе, приводимое въ «Описаніи» по слухамъ, а въ «бумагахъ» академика—безъ указанія источника, не оправдывается другими источниками или, по крайней мѣрѣ, не подтверждается ими. У о. Іакинфа Бичурина въ «Историческомъ обозрѣніи Ойратовъ», подъ 1686 г., говорится, что Аюка-ханъ, послѣ мира, заключеннаго съ Россіею (въ 1683 г.), обратилъ свое оружіе за Уралъ на Киргизъ-Казаковъ, которыхъ нещадно ограбилъ и, сверхъ того, покорилъ своей власти мангышлакскихъ Туркменъ. Послѣ этихъ походовъ, Аюка-ханъ такъ прославился въ Средней Азіи, что при дворѣ его появились султаны Кубанскіе, Хивинскіе и Казачьи (Киргизскіе); въ числѣ послѣднихъ находился и Абуль-Хаиръ, впослѣдствіи ханъ Меньшой Киргизской Орды [3]). О раззореніи же Ургенча

---

[1]) Записки И. Рус. Геогр. Общ. 1861 г., кн. II, 123.

[2]) *Falk*, Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. St.-Petersb. 1785. I Band, s. 393, 402.

[3]) Историческое Обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ. Соч. *Монахомъ Іакинѳомъ*. Спб. 1834 г., стр. 170.

въ этомъ разсказѣ нѣтъ и помина. Напротивъ, въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія указывается скорѣе на дружественное отношеніе Аюки-хана къ Хивѣ. Такъ, напримѣръ, въ Хиву сбывали Калмыки русскихъ плѣнниковъ, которыхъ захватывали они во время своихъ набѣговъ на правый берегъ Волги [1]). Наконецъ, разрушеніе Ургенча началось гораздо раньше и совсѣмъ отъ другой причины [2]).

Эренкъ-ханъ.

1098—1099 (1686-7—1687-8).

О кратковременномъ ханствованіи Эренкъ-хана [3]) находимъ свѣдѣнія только у Юсуфа Мунши. Первымъ дѣломъ этого хана было устраненіе тѣхъ эмировъ, которые преданы были Субханъ-Кулу.

Эренкъ изгналъ ихъ и тѣмъ самымъ принудилъ искать убѣжища въ Бухарѣ. Но и при этомъ ханѣ обстоятельства для Бухары не измѣнились къ лучшему.

Когда Субханъ-Кули послалъ свои войска, подъ начальствомъ Джанъ-Махмудъ-бія, опустошать Хорасанъ [4]), Эренкъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 167, 174.

[2]) Разсказъ Абуль-Гази о перемѣнѣ теченія Аму-Дарьи. См. раньше, стр. 103—4, 141.

[3]) Вамбери читаетъ его *Ирнакъ* или *Эрнакъ*, потому-де, что такъ назывался сынъ Атиллы, «Исторія Бохары», ч. II, 98, примѣч.

[4]) Въ 1096 (1085 г.) приходило посольство отъ Евренгъ-Зиба къ Субханъ-Кулу просить содѣйствія его въ войнѣ съ невѣрными Персіянами. Субханъ-Кулъ обѣщалъ, но тогда и самому ему было плохо, и только теперь (около 1099=1687 г.) могъ Субханъ-Кулъ исполнить свое обѣщаніе и послать войско въ Хорасанъ. (Suppl. 51, 55). Значитъ Хорасанъ былъ въ то время опять во власти Персіянъ; а передъ этимъ (Suppl., стр. 51) мы видѣли, что имъ овладѣлъ Ануша, билъ тамъ свою монету и имя его провозглашалось на эктеніяхъ. Впрочемъ, бухарскіе узбеки производили набѣги и въ южную часть Хорасана, осаждали Гератъ; то же могло быть и на этотъ разъ.

конечно не могъ не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для нападенія на Бухарское ханство, гдѣ не было достаточнаго для отпора войска. Субханъ-Кули заперся въ своей столицѣ и звалъ на помощь аталыка изъ Бадакшана, который и разбилъ Хивинцевъ, преслѣдовалъ ихъ и захватилъ множество плѣнныхъ [1]). Между тѣмъ въ Ургенчѣ партія приверженцевъ Субханъ-Кула усилилась, произвела возмущеніе, и когда Эренкъ-ханъ, послѣ своего неудачнаго похода, вернулся въ Хиву, онъ былъ отравленъ. Случилось это около 1099 (1687—8) г. Въ 1099 г. явилась къ Субханъ-Кулу депутація отъ Хивинцевъ, которая просила его принять Хиву въ свое подданство, обязуясь при этомъ чеканить монету отъ имени Субханъ-Кула и поминать имя его на эктеніяхъ. Члены этой депутаціи были увѣрены, что изъ нихъ кто-нибудь будетъ назначенъ Субханъ-Куломъ правителемъ въ ханствѣ. Они не ошиблись: на этотъ постъ и былъ поставленъ *Шаніязъ-Ишикъ-ага*. Затѣмъ ханъ раздѣлилъ Хиву на провинціи и сталъ повелителемъ народа отъ котораго передъ этимъ не въ силахъ былъ защищаться.

Ханы въ Хивѣ въ началѣ XVIII столѣтія.

Послѣ Абуль-Гази и Юсуфа-Мунши, дальнѣйшія свѣдѣнія о Хивѣ находимъ мы лишь только въ нашихъ источникахъ, каковы описанія походовъ въ Хиву, описанія Хивы бывшими тамъ нашими посланниками, и разсказы плѣнныхъ, изъ которыхъ многіе пробыли въ неволѣ десятки

---

[1]) Юсуфъ говоритъ сейчасъ, что войско въ Хорасанъ отправлено было подъ начальствомъ Джанъ-Махмудъ-бія. Этотъ же аталыкъ Махмудъ является и при освобожденіи Бухары отъ Эренкъ-хана. Если Мунши тутъ не напуталъ, то, вѣроятно, походъ къ этому времени кончился и аталыкъ вернулся уже въ Бадакшанъ.

лѣтъ. Изрѣдка находимъ указанія о Хивѣ и въ восточныхъ источникахъ.

Разумѣется, нельзя составить по этимъ источникамъ полную исторію Хивы въ теченіи XVIII и XIX столѣтій; но за то матеріалъ этотъ дорогъ тѣмъ, что въ достовѣрности его сомнѣваться невозможно.

Когда Эренкъ, ханъ Хивинскій, былъ отравленъ, и Хива признала надъ собой господство Бухарскаго хана Субханъ-Кула, намѣстникомъ въ Хивѣ былъ поставленъ, какъ видѣли, Шаніязъ-Ишикъ-ага. Что произошло дальше — не знаемъ до начала XVIII столѣтія. Въ 1700 г. прибылъ въ Россію посолъ отъ *хана* хивинскаго *Шаніяза*, который просилъ Петра Великаго принять Хиву въ свое подданство. Просьба хана была удовлетворена и грамотою отъ 30-го іюня 1700 г. хану Шаніязу объявлялось о принятіи его въ подданство Россіи [1]).

Былъ ли ханъ Шаніязъ одно лицо съ намѣстникомъ Шаніязомъ, поставленнымъ Субханъ-Куломъ, по нашимъ даннымъ не видно; но, не рискуя ошибиться, мы, по нѣкоторымъ соображеніямъ относительно времени, имени и положенія того и другаго, можемъ принять ихъ за одно лицо. Но какой же, въ такомъ случаѣ, произошелъ въ Хивѣ переворотъ, что въ ней опять явились свои ханы? Что заставило, наконецъ, хана Шаніяза просить Петра Великаго принять его въ свое подданство? Отвѣтить на эти вопросы можно только одними предположеніями, за неимѣніемъ положительныхъ указаній.

Правитель Хивы, мы видѣли, сдѣлался вассаломъ хана Бухарскаго. Но этотъ послѣдній, чтобы удержать въ подданствѣ Хиву, не имѣлъ ни силы, такъ какъ ханство его ограничивалось въ то время почти однимъ городомъ Бухарою; ни возможности, потому что онъ занятъ былъ усмиреніемъ своихъ внутреннихъ возмущеній. Потому такія

[1]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, IV томъ.

отношенія (вассальныя) Хивы къ Бухарѣ продолжаться долго не могли.

Кто же другой, какъ не Шаніязъ, первый могъ воспользоваться такимъ обстоятельствомъ для достиженія ханскаго достоинства? Но получить ханское достоинство еще мало, надо его, такъ сказать, укрѣпить за собою. Укрѣпить надо было потому, что Шаніязъ, не имѣя законнаго права на престолъ, не могъ быть увѣреннымъ, что оно останется за нимъ и за его потомствомъ. Оставалось одно: признать себя вассаломъ какого-нибудь сильнаго государя. Этотъ путь Шаніязу былъ знакомъ: уже разъ отдавалъ онъ Хиву въ подданство хану Бухарскому. Но теперь, чтобы отдѣлаться отъ Бухары, не такъ-то легко было добиться желаемаго. Принять подданство Персіи, какъ придерживающейся шіизма, было невозможно. Другаго сильнаго мусульманскаго государства по близости не было. Оставалось одно: обратиться къ Россіи. Такъ, кажется мнѣ, слѣдуетъ объяснить причину посольства Шаніяза къ Петру I. Существуетъ и другое предположеніе, именно—стѣсненныя обстоятельства новаго хана отъ возмущеній его подданныхъ. Причиною неурядицъ въ Хивѣ могли быть только: или Туркмены, или Узбеки. Но Туркмены были обезсилены походами на нихъ Абуль-Гази и не могли имѣть большаго вліянія въ Хивѣ, какъ надолго не имѣли они его и послѣ. Остаются Узбеки. Но если Шаніязъ сдѣлался ханомъ надъ Узбеками, то безъ ихъ согласія и содѣйствія добиться этого положенія онъ ни коимъ образомъ не могъ. Кромѣ того, въ нашихъ источникахъ мы не встрѣчаемъ ничего такого, что бы давало поводъ предполагать возмущенія Туркменъ или Узбековъ. Вотъ, кажется мнѣ, почему не во внутреннихъ безпорядкахъ слѣдуетъ искать причину подданства Шаніяза Императору Петру I. Во всякомъ случаѣ, смотрѣть на такое подданство, какъ на нѣчто серьезное, было бы большою ошибкою. Мы видѣли, что еще Авганъ Царевичъ обѣщалъ Михаилу Ѳедоровичу подданство

Хивы, если онъ посадитъ его, Авгана, на ханство въ Хивѣ. Увидимъ дальше, что и Нурали, Киргизскій ханъ, просилъ войска у Императрицы Елизаветы для завоеванія Хивы, которую привелъ бы онъ, какъ говорилъ, въ подданство Россіи. Никакого дѣйствительнаго подданства въ то время быть не могло, да и взглядъ-то на подданство въ Азіи совсѣмъ другой, чѣмъ въ Европѣ. Тамъ принимаютъ *добровольно* подданство изъ-за матеріальныхъ выгодъ, для того только, чтобы получать подарки отъ того правительства, подданными котораго они считаются, т. е. съ цѣлію обирать своего сюзерина за ту честь, которою тотъ пользуется только номинально.

Дать положительныя указанія о Ханѣ Шаніязѣ могъ бы, казалось, одинъ интересный источникъ: «Сыскное дѣло 1697 г. о дорогѣ въ Хиву»; но ожиданія наши на этотъ разъ не оправдываются. Въ грамотѣ Петра Великаго, отъ 14-го февраля 1697 года, отправленной въ Тобольскъ къ Андрею Нарышкину, предписывалось ему отобрать отъ тобольскихъ боярскихъ дѣтей Ѳедора Скобина съ товарищи, бывшихъ въ Казачьей Ордѣ у Тявки хана, слѣдующія свѣдѣнія: сколь далеко отъ Тобольска до Казачьей Орды и какимъ путемъ ходъ бываетъ и многоль дней идти будетъ сухимъ путемъ; сколько хода до Бухаріи, и отъ Бухаріи куда ближе: въ Хиву или въ Астрахань, и тому всему учинить чертежъ по три аршина, и тотъ чертежъ прислать къ Москвѣ, незамотчавъ (немедля). Отсылая «чертежъ», Нарышкинъ представилъ Петру Великому и снятый допросъ. Въ «показаніи» боярскихъ дѣтей, казаковъ, возвращенныхъ плѣнныхъ и крещенныхъ калмыковъ находимъ краткія указанія: о *Каракалпакахъ*, которые «кормятся воровствомъ» и управляются Тобурчакъ Султаномъ, живутъ смежно съ Юркенскими городами; о *Бухарцахъ*, у которыхъ ханъ называется *Саманкулъ* (т. е. Субханъ-Кулъ), и наконецъ о *Хивинцахъ*: «А городъ Хива меньше Бухаріи, а строеніемъ такого же, а въ подданствѣ де къ Хивѣ по-

сторонних городовъ много, а люди де невоисты, рукодѣльны; ружье и зелье (порохъ) дѣлаютъ сами, а пушекъ де у нихъ не видать, а бояръ де называютъ они Атальсками, служилыхъ людей Узбеками, крестьянъ Раятами, а родъ де ихъ Аральцы, Гурленцы, Трухменцы» [1]). Въ этомъ показаніи не говорится, кто правитъ Хивою, тогда какъ упоминаются ханы у Бухарцевъ (Самангулъ), у Каракалпаковъ (Тобурчакъ) и у Калмыковъ (Араптанъ); не говорится и о подчиненности Хивы бухарскому хану. Но дѣлать какія либо заключенія на такихъ данныхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія о Хивѣ у показывавшихъ боярскихъ дѣтей съ товарищами были не совсѣмъ-то отчетливы.

Хана Шаніяза смѣнилъ, около 1702 года, ханъ *Арабъ-Мухаммедъ*. Этому новому хану Петръ, грамотою, въ маѣ 1703 года [2]), подтвердилъ о принятіи Хивы въ свое подданство. Какихъ нибудь выгодъ для Россіи отъ этого подданства быть не могло, оно и значилось-то только на бумагѣ, а сдѣлать его болѣе дѣйствительнымъ Петръ не могъ, такъ какъ войны со Шведами и Турками заняли въ то время все его вниманіе и на нѣкоторое время совсѣмъ отвлекли отъ Востока.

Что происходило въ Хивѣ послѣ Арабъ-Мухаммеда, мы не знаемъ. По нѣкоторымъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ можно заключать, что въ Хивѣ произошли смуты, и ханы начали быстро смѣняться одинъ за другимъ.

Въ 1714 году прибылъ въ Петербургъ Ашуръ-бекъ посломъ отъ хана Хивинскаго *Хаджи-Мухаммедъ-Бегадуръ-хана* [3]).

---

[1]) Русскій Архивъ 1867 г., стр. 395—402.

[2]) Грамота (Полн. Собр. зак. Рос. Имп., т. IV) *Аранъ-Мамету* хану Юргенскому (Хивинскому). Такъ какъ вѣсть о вступленіи новаго хана въ Хивѣ не такъ-то скоро могла достигнуть нашего двора, то я и полагаю время вступленія Арабъ-Мухаммеда на ханство въ 1702 году.

[3]) «Пояснительная Записка» (Записки И. Рус. Геогр. Общ., кн. V, стр. 272). Астрахан. Губ. Вѣдом. 1843 г. № 43.

По поводу этого посольства Сенковскій пишетъ: «въ 1714 году прибылъ въ Петербургъ посланникъ хана Хаджи-Мухаммедъ-Бегадура, государя Харезмскаго, внука Абуль-Гази [1]). Такимъ образомъ, это былъ одинъ изъ братьевъ Эренкъ-Султана, воспользовавшійся малолѣтствомъ Убейдъ-Уллаха II и смутами, начавшимися въ Бухарѣ для низверженія ига, наложеннаго на его отечество» [2]). Но мы видѣли самостоятельныхъ хановъ раньше Хаджи-Мухаммеда, еще въ 1702 году, слѣдовательно и иго бухарское (если только фиктивное подданство можно назвать игомъ) было свержено не при Убейдъ-Уллахѣ II, а еще при отцѣ его Субханъ-Кулѣ, царствовавшемъ до 1702 года.

Принятъ былъ Ашуръ-бекъ, какъ можно заключить по его письмамъ, очень хорошо. Петръ Великій послалъ съ нимъ въ подарокъ хану 6 пушекъ съ лафетами и со всѣми припасами, съ ядрами и порохомъ (8½ пудовъ); но потомъ, какъ увидимъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, все это было у посланца отобрано, и самъ Ашуръ-бекъ задержанъ. Въ мартѣ 1715 года Ашуръ-Бекъ получилъ изъ Астрахани письмо отъ аталыка *Ишкара* и инака *Назаръ-Хаджи*, которые сообщали Ашуръ-беку слѣдующее: «да будетъ вамъ извѣстно: *Ядыгеръ* ханъ умеръ, на мѣсто его вступилъ ханъ *Арянгъ (Эренкъ)*. Въ юртахъ и въ народѣ повсюду *спокойно*. Если меньшому брату не удалось заступить ханское мѣсто, будетъ ханствовать старшій. Мы хотѣли было ѣхать съ вами вмѣстѣ, но не сдѣлалось по нашему, и мы поѣхали одни. Поѣзжайте и вы немедленно въ Хиву, не опасаясь ничего, бѣды никакой не будетъ. Если ханъ и народъ будутъ живы и здоровы, *возмущенію не бывать* [3]). Значитъ, послѣ Хаджи-Мухаммедъ-Бегадура

---

[1]) Внукомъ называетъ его и *Дегинь* (Исторія Гунновъ III, 556, примѣч.; Genealogisch-chronologische Einleitung, s. 353) и *д'Эрбло* (Bibliothèque Orientale).

[2]) Supplément, p. 100—101.

[3]) Письма Ашуръ-бека и Туркменскихъ старшинъ (всего 14 писемъ) по-

ханомъ былъ въ Хивѣ, хотя и непродолжительное время, *Ядигеръ*, котораго смѣнилъ *Эренкъ*. Но и Эренкъ, какъ видно, ханствовалъ не долго, и *спокойствіе* опять нарушилось. Когда Ашуръ-бекъ задержанъ былъ въ Астрахани, то въ письмѣ своемъ (отъ 1-го ноября 1715 г.) къ Оберъ-Коменданту Чирикову, прося освободить его, писалъ слѣдующее: «Я пріѣхалъ сюда по указу Государеву, чтобы ѣхать тою дорогою, которою мнѣ надобно. Но нѣсколько медлилъ потому, что въ Хивѣ *убили* хана. На мѣсто его вступилъ было ханъ изъ Каракалпаковъ [1]), и тотъ умеръ. Теперь ханомъ *Ширгазы* изъ Бухары. Онъ знаетъ меня и цѣнитъ въ тысячу разъ *болѣе чѣмъ Ядыгеръ*» [2]).

Кромѣ этихъ хановъ, открываемыхъ нами изъ писемъ Хивинскаго посланца, есть еще одинъ, о которомъ сообщаетъ нашъ посланникъ *Флоріо Беневени*, отправленный Петромъ Великимъ въ Персію и Бухару [3]). Донося Императору о событіяхъ въ Средней Азіи, упоминаетъ онъ ханствовавшаго въ Хивѣ до Ширгазы-хана *Муса-хана*. Этотъ Муса-ханъ, сообщаетъ Беневени [4]), былъ убитъ Хивинцами, которые и возвели на его мѣсто Ширгазы. О существованіи Мусы-хана мы узнаемъ также и изъ пока-

---

мѣщены *Н. Михайловымъ* въ Астраханскихъ Губ. Вѣдом. 1843 г., №№ 43—45. См. также «Походъ въ Хиву въ 1717 г.», статья *Д. Голосова*, въ Воен. Сборникѣ 1861 г., № 9, прилож. № X, письмо 1-е; «Записки Геогр. Общ.» т. V, стр. 273.

[1]) Котораго изъ двухъ, имъ упоминаемыхъ хановъ, называетъ Ашуръ-бекъ каракалпакомъ: Ядигера или Арянга? Сопоставляя оба письма, можно заключить, что каракалпакомъ называется у него Арянгъ. А можетъ быть, подъ каракалпакомъ надо понимать ни того, ни другаго; а новаго хана: объ этомъ же «новомъ» ханѣ пойдетъ сейчасъ рѣчь.

[2]) Астраханскія Губернскія Вѣд. 1843 г., № 43, письмо 7-е. Зап. Г. Общ. кн. V, стр. 273—4; Воен. Сбор., письмо Ашуръ-бека.

[3]) Смотри о немъ дальше.

[4]) См. въ Зап. Геогр. Общ. кн. IX, реляцію Флоріо Беневени, отъ 25 мая 1721, изъ Тегерана; отъ 10 марта 1722, изъ Бухары, и 4 марта 1723 г. изъ Бухары же.

занія снятаго съ Туркменца Хаджи-Нефеса [1]). Онъ передавалъ, что въ 1716 году сидѣлъ въ Астрабадѣ ханъ *Муся* «который былъ напередъ въ Хивѣ и изгнанъ отъ нихъ, а напередъ былъ *Кызылбашенинъ*». Такимъ образомъ, сообщеніе Нефеса, подтверждая ханствованіе въ Хивѣ Мусы-хана, противорѣчитъ разсказу Беневени о дальнѣйшей судьбѣ этого хана. По одному извѣстію Муса-ханъ былъ убитъ, по другому—изгнанъ. Далѣе показывалъ Хаджи-Нефесъ, что «Туркменецъ Аганаметъ сказывалъ ему Нефесу, что собрались было въ Астрабатѣ идти съ нимъ господиномъ княземъ Черкасскимъ на нихъ Хивинцевъ Казылбашскаго войска шестьдесять тысячъ человѣкъ съ вышеписаннымъ Мусею-ханомъ. А не ходили за тѣмъ, что отъ него господина князя Черкасскаго вѣдомости къ нимъ не было» [2]). Изъ этихъ двухъ показаній — Беневени и Нефеса, предпочтеніе во всякомъ случаѣ надо отдать послѣднему, какъ лицу, принимавшему живое участіе въ событіяхъ того времени; тогда какъ Беневени сообщалъ по позднѣйшимъ уже разсказамъ. Помѣстить этого хана мы должны до Ширгазы, хотя, по письму Ашуръ-бека, до Ширгазы, былъ ханомъ Эренкъ; но у Ашуръ-бека, получавшаго извѣстія о событіяхъ въ Хивѣ самыя неполныя, легко могъ быть пропускъ. Но кто этотъ *Кызылбашенинъ*, упоминаемый Нефесомъ? былъ ли онъ дѣйствительно ханомъ и, если былъ, то въ какое время — по нашимъ даннымъ рѣшить невозможно.

---

[1]) См. Зап. Геогр. Общ. кн. IX, стр. 321.
[2]) Тамъ же, стр. 328.

Ширгазы-ханъ.

1715—1728.

Изъ письма Ашуръ-бека (отъ 1-го ноября 1715 г. [1]) видимъ, что въ 1715 году вступилъ на ханство въ Хивѣ *Ширгазы*, изъ Бухары.

Въ самомъ началѣ ханствованія Ширгазы-хану предстояло столкновеніе съ Россіей, которое разрѣшилось походомъ на Хиву въ 1717 году [2]).

Походъ 1717 г. [3]) подготовлялся нѣсколько лѣтъ. Въ 1713 г.

---

[1]) См. раньше, стр. 163.

[2]) Здѣсь не лишнее замѣтить, что Я. В. Ханыковъ въ своей «Пояснительной запискѣ къ картѣ Хив. ханства» (стр. 274), совершенно напрасно старается опровергать показаніе Муравьева, который говоритъ, что въ 1717 году главнымъ правителемъ въ Хивѣ былъ *Ишъ-Мухаммедъ-бей* (Путешествіе въ Хиву, ч. II, стр. 37).

При этомъ Ханыковъ приводитъ нѣсколько вѣскихъ, хотя и ненужныхъ, доказательствъ въ пользу того, что ханомъ былъ въ то время именно Ширгазы. Дѣло въ томъ, что Муравьевъ вовсе не зналъ о существованіи хановъ въ Хивѣ, въ теченіи всего XVIII столѣтія. Онъ прямо говоритъ, что «до Ильтезера (въ началѣ XIX столѣтія) *хановъ въ Хивѣ не было никогда*», (ч. II, стр. 38). На это замѣчаніе Муравьева не было еще, какъ кажется, обращено никакого вниманія; а оно, между тѣмъ, объясняетъ у Муравьева очень многое. Муравьевъ, по всей вѣроятности, распрашивалъ въ Хивѣ о прежнихъ правителяхъ страны, и ему разсказывали не о ханахъ, которые въ управленіи почти ничего не значили, а объ *инакахъ*, дѣйствительныхъ распорядителяхъ въ ханствѣ. Объ этомъ порядкѣ вещей дальше объяснено будетъ подробнѣе, и мы увидимъ, что въ Хивѣ были ханы, но ханствомъ не управлявшіе, и инаки, правившіе ханствомъ. Если бы Я. В. Ханыковъ объяснилъ эту ошибку Муравьева, онъ тѣмъ самымъ избѣгъ бы не нужныхъ доказательствъ въ пользу Ширгазы-хана, въ виду прямыхъ указаній источниковъ, на этотъ разъ болѣе надежныхъ, чѣмъ «Путешествіе» Муравьева, да и самъ избѣгъ бы нѣкоторыхъ ошибокъ, которыя оттого попадаются, хотя и изрѣдка, въ его чрезвычайно интересной «Пояснительной Запискѣ». Такъ, напримѣръ, приводя доказательства о ханствованіи Ширгазы-хана, Ханыковъ сталъ отвергать существованіе Ишъ-Мухаммедъ-бея, инака, на что не имѣлъ никакого права.

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ походѣ находятся во II томѣ «Журнала или по-

прибылъ въ Астрахань одинъ Туркменецъ, Ходжа-Нефесъ. Сошелся онъ здѣсь съ проживавшимъ въ то время въ Астрахани княземъ Михаиломъ Симоновымъ [1]) и, между прочимъ, высказалъ ему, что имѣетъ сообщить русскому Государю

денныхъ записокъ Петра Великаго», изд. въ 1772 г. Тамъ помѣщенъ докладъ самаго Бековича. У *Миллера*, въ статьѣ: «Извѣстіе о песошномъ золотѣ въ Бухаріи» (въ «Сочинен. и переводахъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ». Спб. 1760) и въ другой: «Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на ономъ россійскихъ завоеваній» (въ Ежемѣсячныхъ академич. сочиненіяхъ 1763 г.). Миллеръ пользовался изустными свѣдѣніями отъ генералъ-маіора Тевкелева и имѣлъ въ своемъ распоряженіи журналъ Ф. И. Соймонова и другія письменныя извѣстія. Добавить Миллера думалъ *Могутовъ* и издалъ съ этою цѣлію, въ 1777 году, небольшую книжку: «Рѣдкое и достопамятное извѣстіе о бывшей изъ Россіи въ Великую Татарію экспедиціи, подъ имянемъ Посольства»; но книжка эта далеко уступаетъ статьямъ Миллера. У *К. М. Бэра*, въ статьѣ: «Заслуги Петра Великаго по части распространенія географическихъ познаній» (въ Запискахъ Геогр. Общ., кн. IV). У *Я. В. Ханыкова* (тамъ же, кн. V). У *А. Н. Попова*, въ статьѣ: «Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ» (тамъ же, кн. IX). У *Д. Голосова* въ статьѣ: «Походъ въ Хиву въ 1717 г.» (Военный Сборникъ 1861 г., № 9). У *М. Н. Галкина*: «Дѣло 1714 — 1718 г., объ отправленіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, капитанъ-поручика князя Бековича на Каспійское море и въ Хиву» (въ Запискахъ Геогр. Общ., Спб. 1867 г., т. I, и въ «Этнографическихъ матеріалахъ по Средней Азіи и Оренбургскому краю», Спб. 1867). Кромѣ того, во многихъ журналахъ помѣщались небольшія статьи: въ *Москвитянинѣ* (на 1842 г., ч. VI, № 12): «Записка о поѣздкахъ Александра Бековича, князя Черкасскаго, къ восточному берегу Касп. моря и о сухопутной экспедиціи его въ Хиву»; въ *Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.* (1846 г., ч. 51, отд. II), статья *В. Лебедева*, «Посольство въ Хиву въ 1716, 1717 и 1718 годахъ»; въ *Финскомъ Вѣстникѣ* (1846 г., т. X), статья *Н. Сементовскаго*, «Путешествіе въ Хиву Преображ. полка капитана-поручика, князя Александра Бековича-Черкасскаго, въ 1716 г., въ февралѣ мѣсяцѣ»; въ *Журн. для Военно-Учебныхъ Заведеній* (1847, № 260): «Экспедиція князя Бековича-Черкасскаго въ Хиву». И т. д. Такое богатство матеріала и статей о походѣ 1717 г. явилось не случайно. Послѣ неудачнаго зимняго похода въ Хиву въ 1839 г., Императоръ Николай повелѣлъ готовиться къ новому походу и тогда-то были собраны изъ разныхъ архивовъ (особенно много важнаго найдено было въ Астраханскомъ архивѣ) всѣ свѣдѣнія объ экспедиціи Бековича. Весь этотъ богатый запасъ представленъ былъ, для соображенія, графу Перовскому.

1) Князь *Симоновъ* (или Самановъ) былъ родомъ изъ Гиляни. Въ Россіи онъ принялъ православіе.

тайну великой важности. Препровожденный въ Петербургъ, показалъ онъ слѣдующее: «въ странѣ, лежащей при рѣкѣ Аму, добывается песочное золото и что хотя рѣка эта впадала въ Каспійское море, ради безопасности отъ русскихъ Узбеками отведена въ Аральское море, но, перекопавъ плотину, можно обратить рѣку въ прежнее русло, въ чемъ русскимъ будутъ помогать и Туркменцы». Находившійся въ Петербургѣ посолъ хивинскій, Ашуръ-бекъ, подтвердилъ показаніе Нефеса о вымываніи Аму-Дарьею золотаго песку. При этомъ предлагалъ онъ Петру Великому построить укрѣпленіе на тысячу человѣкъ у стараго русла Аму, при Каспійскомъ морѣ [1]). Какъ разъ въ это же время прибылъ въ Петербургъ Сибирскій воевода, князь Гагаринъ, и привезъ извѣстіе о существованіи песочнаго золота въ Малой Бухаріи [2]).

Эти сообщенія и казавшаяся возможность пустить воды Аму-Дарьи въ Каспійское море и пріобрѣсти, такимъ образомъ, самый удобный путь въ Индію—завѣтная мечта Петра Великаго—сильно подѣйствовали на Императора и снова обратили вниманіе его на Востокъ. Онъ хотѣлъ войти въ болѣе близкія сношенія съ Востокомъ и утвердить русское господство въ Средней Азіи. Планъ для этого составленный Петромъ Великимъ—планъ геніальный, а именно: утвердиться въ Средней Азіи при помощи военныхъ отрядовъ—задуманъ былъ широко и, если привелъ онъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ, чѣмъ можно было ожидать, то причиною тому былъ не самый планъ, а неудачный выборъ лица, которому поручено приведеніе его въ исполненіе, и простая случайность, трудно предвидимая во всякомъ новомъ предпріятіи. Петръ задумалъ ра-

---

[1]) Ст. *Д. Голосова* (Воен. Сбор. 1861).

[2]) Тамъ же; ст. К. М. Бэра, стр. 267 — 8. То, что прежде называлось Малой Бухаріей, называется теперь Восточнымъ или Китайскимъ Туркестаномъ.

зомъ отправить двѣ экспедиціи, *одну*—съ верховьевъ Иртыша, подъ начальствомъ Бухгольца, съ порученіемъ возвести крѣпость у Ямышева озера (Балкашъ) и идти къ городу Еркети (Яркандъ), овладѣть имъ и развѣдать о мѣстахъ добыванія золота; *вторую*—подъ начальствомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, капитана-поручика князя Бековича-Черкасскаго [1]), который долженъ былъ проникнуть въ Хиву. 1714 г. 29-го мая, изданъ былъ именной указъ Государя объ отправленіи князя Александра Черкасскаго «въ Хиву, съ поздравленіемъ на ханство [2]), а оттоль ѣхать въ Бухару къ хану, сыскавъ какое дѣло торговое, а дѣло настоящее, чтобъ провѣдать про г. Иркень (Яркандъ), сколько далекъ оный отъ Каспійскаго моря и нѣтъ ли какихъ рѣкъ оттоль, или хотя не отъ самого того мѣста, однако же по близости въ Каспійское море». При этомъ указѣ Бековичъ получилъ отъ Государя собственноручные пункты, или инструкціи, какъ поступать при исполненіи возложеннаго на него порученія [3]).

Послѣ необходимыхъ приготовленій, 28-го октября Бековичъ съ своимъ отрядомъ, доходившимъ до 1,900 человѣкъ, сѣлъ въ Астрахани на суда, а 7-го ноября отправился къ Гурьеву-городку. Позднее осеннее время не благопріятствовало экспедиціи; суда затирало льдомъ. Такой участи подверглись два струга съ провіантомъ въ устьѣ Яика и два въ устьѣ

---

[1]) Князь *Бековичъ* родомъ изъ Кабарды, въ то время называвшейся Черкасскою землею, отчего онъ, вѣроятно, и получилъ прозваніе *Черкасскаго*. Названіе же Бековичъ могло произойти отъ слова *бекъ*. Князь Бековичъ былъ отправленъ заграницу, для изученія наукъ и, въ особенности мореплаванія; а съ 1713 года дѣлается извѣстнымъ, какъ довѣренное лицо Государя. Князь Бековичъ былъ женатъ на княжнѣ Маріѣ Борисовнѣ Голициной, дочери извѣстнаго князя Бориса Александровича Голицына, подъ надзоромъ котораго Петръ Великій воспитывался. (Примѣчаніе *Д. Голосова*, Воен. Сбор. 1861, 9). «Ежемѣсячныя Академическія сочиненія», 1760 г., т. II, стр. 20.

[2]) О восшествіи на ханство въ Хивѣ новаго хана извѣстилъ Ашуръ-бекъ

[3]) Ему поручалось, между прочимъ, склонять Хивинскаго хана къ подданству Россіи.

Терека, изъ которыхъ одинъ пропалъ безъ вѣсти. Бековичъ съ флотиліей своей принужденъ былъ, въ началѣ декабря, воротиться въ Астрахань. Снова выступила флотилія его 25-го апрѣля 1715 г. Достигнувъ Тюпъ-Караганскаго полуострова (на Мангышлакѣ), Бековичъ занялся собираніемъ свѣдѣній о старомъ руслѣ Аму-Дарьи. Развѣдки, произведенныя посланцами Бековича, Николаемъ Федоровымъ и Иваномъ Званскимъ, подтвердили предположеніе о старомъ руслѣ Аму-Дарьи. Въ октябрѣ 1715 года Бековичъ возвратился въ Астрахань и, въ январѣ 1716 г.; лично представилъ Петру Великому свои объясненія. Государь былъ доволенъ; онъ тутъ же пожаловалъ князя въ капитаны гвардіи и назначилъ начальникомъ экспедиціи, долженствовавшей начаться въ слѣдующемъ году.

Именнымъ указомъ въ сенатъ, отъ 14-го февраля 1716 года, Петръ I объявилъ о назначеніи экспедиціи въ Хиву. Въ тоже время Бековичъ получилъ отъ Государя собственноручную инструкцію, заключавшую въ себѣ 13 пунктовъ, которыми Бековичу повелѣвалось: построить, тайно отъ Хивинцевъ, при бывшемъ устьѣ Аму-Дарьи, крѣпость на тысячу человѣкъ; уговорить Хивинскаго хана покориться Россіи и обѣщать ему за то упроченіе наслѣдства въ его фамиліи и лейбъ-гвардію изъ русскихъ войскъ, которыхъ содержать ханъ долженъ на свой счетъ; во время пребыванія въ Хивѣ собрать свѣдѣнія — нельзя ли и Бухарскаго хана побудить признать себя подданнымъ Россіи; и т. д. Государь ничего не жалѣлъ для этой экспедиціи. Въ составъ ея вошло 3,727 человѣкъ пѣхоты; кавалеріи (подъ начальствомъ маіора фонъ-Франкенберга) — 617 человѣкъ всѣхъ чиновъ. Всего же, съ казаками, артиллеристами, инженерами, морской командой, лекарями, чиновниками и прочими было 6,655 человѣкъ. 20-го сентября 1716 года флотилія вышла изъ Астрахани, а 9-го октября прибыла въ Тюпъ-Караганскій заливъ. Здѣсь князь Бековичъ рѣшилъ построить укрѣпленіе, которое, по окончаніи, названо было

именемъ св. Петра. Сюда явился Ходжа-Нефесъ, назначенный служить проводникомъ во время движенія отряда въ Хиву.

23-го октября, оставивъ для окончанія укрѣпленія полковника Хрущева, Бековичъ направился къ «Краснымъ Водамъ»; по дорогѣ онъ остановился, проплывъ 120 верстъ, въ заливѣ *Бехтиръ-Лиманъ*, который названъ былъ по имени князя Бековича, *Александръ-Баемъ*. Здѣсь заложилъ онъ другую крѣпость—Александровскую и оставилъ небольшой гарнизонъ. 3-го ноября прибылъ къ «Краснымъ Водамъ» и заложилъ третью крѣпость у входа въ Балканскій заливъ, куда, по его мнѣнію, впадала прежде Аму-Дарья. Въ декабрѣ Бековичъ тронулся сухимъ путемъ обратно въ Астрахань и здѣсь началъ приготовленія къ сухопутному походу въ Хиву, черезъ Гурьевъ городокъ. Бековичъ, желая задобрить и расположить къ себѣ хана хивинскаго и его приближенныхъ, отправилъ въ Хиву нѣсколько пословъ съ подарками и съ извѣщеніемъ, что самъ онъ идетъ къ хану посломъ. Но въ Хивѣ ходили самые неблагопріятные для экспедиціи слухи. На предпріятіе Бековича смотрѣли подозрительно. Аюка, Калмыцкій ханъ, чрезъ своего посла Ачинсена Кашку, предупредилъ Хивинскаго хана о приготовленіяхъ Бековича и произвелъ въ Хивѣ страшный переполохъ.

Въ походѣ приняли участіе и два брата Бековича, *Сѣюничъ* (Сіюниджъ) и *Акъ-Мурза*, «мурзы Черкасскіе», съ нѣсколькими своими узденями. Въ отрядѣ было всего до 4,000 человѣкъ, изъ нихъ войска не болѣе 3,000.

Въ началѣ іюня, экспедиція выступила изъ Гурьева городка. Отъ колодцевъ Ялгысу [1]) (въ 8-ми дняхъ ходу отъ

---

[1]) На пути были слѣдующіе колодцы:

Дучканъ, Мансулмасъ, Чилданъ, Санъ, Косшегозе, Бѣлявли, Дурали, Ялгысу, Шеммилдунъ (Записки Геогр. Общ. кн. IX, 261).

О пути Бековича см. изслѣдованіе Р. Э. Ленца: «О прежнемъ теченіи Аму-Дарьи» (въ Зап. Геогр. Общ. 1871, т. 4, стр. 142—144).

Хивы) Бековичъ отправилъ впередъ Астраханскаго дворянина Керейтова съ 100 казаками въ Хиву увѣрить хана въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ. Ширгазы въ отвѣтъ послалъ къ Бековичу двухъ узбековъ съ подарками (посланы были: конь, кафтанъ и разныя овощи). Но миролюбивое настроеніе хана скоро измѣнилось на воинственное, что приписываютъ тайному посольству Аюки-хана и подвластнаго ему султана Даржи [1]). Ханъ заключилъ Керейтова и находившихся при немъ казаковъ въ тюрьму, а затѣмъ собралъ многочисленное войско и рѣшился вступить въ битву. Это скоро стало извѣстно въ отрядѣ, и князь Бековичъ сталъ ожидать нападенія, которое дѣйствительно и послѣдовало при урочищѣ Карагачѣ. Нападеніе Хивинцевъ было отбито, но возобновилось на слѣдующій день и длилось двое сутокъ. Хивинцы отступили и завели переговоры. Ханъ прислалъ отъ себя Ходжу-Ишима, чрезъ котораго передавалъ Бековичу, что нападеніе на него было произведено безъ его, хана, вѣдома и что послу впередъ опасаться чего-либо подобнаго не слѣдуетъ. Въ заключеніе посланецъ предлагалъ миръ. Противъ мира былъ только маіоръ Франкенбергъ, но князь Симоновъ (принявшій участіе въ походѣ) стоялъ за миръ. Миръ и былъ заключенъ. На третій день послѣ этого, Бековичъ представлялся хану, вручилъ ему свою вѣрительную грамоту и царскіе подарки. Затѣмъ главнокомандующій, въ сопровожденіи 700 человѣкъ казаковъ и драгунъ, отправился съ ханомъ въ

[1]) Калмыцкій ханъ *Аюка* (владѣнія котораго простирались отъ Усть-урта по сѣверо-западному берегу Каспійскаго моря, по низовьямъ Волги и до земель Кубанскихъ), находясь въ подданствѣ Россіи, по повелѣнію Петра В., долженъ былъ содѣйствовать предпріятію князя Бековича и присоединить къ отряду своихъ людей; но требованія этого Аюка-ханъ не исполнилъ, отговорившись сильными жарами. Сомнѣваться въ измѣнѣ Аюки, кажется, невозможно, хотя разслѣдованіе, о несчастной экспедиціи Бековича, произведенное въ Астрахани генералъ-аудиторомъ Кикинымъ въ 1719 году, и не открыло слѣдовъ предательства этого хана. (См. ст. Д. Голосова; А. Н. Попова, стр. 270).

Хиву, отдавъ приказаніе Франкенбергу и Пальчикову слѣдовать съ главными силами за нимъ. На рѣкѣ Порсунгулъ [1]) ханъ имѣлъ новое свиданіе съ Бековичемъ и здѣсь предложилъ ему слѣдующій планъ: по невозможности помѣстить въ одномъ городѣ Хивѣ все русское войско, ханъ совѣтовалъ раздѣлить его на нѣсколько частей и размѣстить въ сосѣднихъ съ столицею городахъ. Бековичъ согласился. Онъ послалъ приказъ Франкенбергу раздѣлить отрядъ на пять частей, а самъ, оставивъ при себѣ человѣкъ двѣсти, распустилъ остальныхъ на квартиры къ узбекамъ. Франкенбергъ былъ пораженъ предписаніемъ Бековича и, думая, что оно вынуждено у него угрозой, нашелъ нужнымъ ослушаться, и только четвертое подтвержденіе князя, съ угрозой предать Франкенберга военному суду, заставило его распустить войско. Это раздѣленіе войска на мелкіе отряды послужило сигналомъ къ поголовному избіенію Русскихъ. Нападенію подвергся, прежде всего, конвой самого Бековича. Весь онъ былъ изрубленъ; а Бековича, вмѣстѣ съ княземъ Симоновымъ и Экономовымъ раздѣли до-нага и передъ ханомъ рубили саблями, потомъ отсѣкли имъ головы. Вернувшійся съ тріумфомъ въ столицу, ханъ велѣлъ выставить на площади, набитыя сѣномъ, головы Симонова и Экономова, а голову князя Бековича послалъ бухарскому хану въ Бухару. Но тотъ не принялъ этого подарка Ширгазы и отослалъ его ему обратно, не желая принимать участія въ такомъ поступкѣ [2]), вѣроятно изъ опасенія тѣхъ же послѣдствій, какія могъ имѣть для Хивы печальный конецъ экспедиціи. Немногіе спаслись отъ из-

---

[1]) *Г. И. Данилевскій* въ своемъ описаніи Хивинскаго ханства. (Зап. Р. Геогр. Общ. т. V. стр. 110) говоритъ о городѣ *Порсу*, гдѣ произведена была рѣзня отряда Бековича. Расположенъ этотъ городъ въ 108 верстахъ на С. З. отъ Хивы, на каналѣ Арны, не далеко отъ впаденія ея въ озеро Порсу.

[2]) Ст. *Д. Голосова* (Воен. Сбор. 1861, 9); *К. М. Бэра* (4 кн. З. Р. Геогр. Общ., стр. 22—3); *А. Н. Попова*, (IX кн. З. Р. Г. Общ., стр. 239 — 267); *М. Н. Галкина* (Зап. Геогр. Общ. 1867, т. I, стр. 142).

біенія. Въ числѣ этихъ немногихъ были и два брата Бековича, отпущенные впослѣдствіи на родину, вѣроятно за обѣщанный выкупъ. Оставшіеся въ живыхъ обращены были въ рабство [1]).

Такую кровавую развязку имѣлъ этотъ походъ, обѣщавшій, казалось, несомнѣнный успѣхъ. Главный виновникъ избіенія русскаго войска, конечно, Бековичъ. Предпріятіе, на него возложенное, оказалось ему не по плечу. Когда надо было дѣйствовать рѣшительно, онъ растерялся, довѣрился хану и, жертвою почти трехъ тысячъ человѣкъ, научилъ насъ впередъ не полагаться на клятвы и обѣщанія азіатцевъ [2]). Раздѣлить войско на части—значило отдать себя въ руки непріятеля. Сдѣлать такое распоряженіе могъ развѣ только человѣкъ разстроенный, находящійся въ ненормальномъ состояніи. Этимъ и стараются объяснить поступокъ Бековича, который на пути въ Хиву былъ нравственно потрясенъ извѣстіемъ о смерти своей жены и двухъ дочерей, утонувшихъ въ морѣ, послѣ того какъ онѣ проводили Бековича въ походъ и возвращались на суднѣ въ Астрахань [3]). Конечно, семейное горе, постигшее главнокомандующаго, не могло не отозваться и на самомъ предпріятіи; но въ гибели всего отряда заключалась, думаю, другая причина. Причина эта — странное, двусмысленное положеніе Бековича, какъ мирнаго посланника, съ одной стороны, и предводителя военнаго отряда, слѣдовательно непріятеля,—съ другой. Не имѣя въ виду завоеванія Хивинскаго ханства, онъ естественно хотѣлъ возбудить къ

---

[1]) «Изъ числа бывшаго при Бековичѣ войска Хивинскій *Ходжа* сохранилъ сто человѣкъ и отослалъ ихъ тайнымъ образомъ въ Бухару къ Абуль-Фейзъ-хану, который составилъ изъ нихъ стражу при своемъ дворѣ. Имѣя къ нимъ большую довѣренность, Абуль-Фейзъ безъ нихъ никуда не выѣзжалъ; одного изъ нихъ пожаловалъ онъ Топчибашею». (См. «Десятилѣтнія странствованія» *Ефремова*; Казань, 1811 г., стр. 94).

[2]) Событіе это было до такой степени неожиданно и необыкновенно, что народъ запѣчатлѣлъ его поговоркою: «пропалъ какъ Бековичъ».

[3]) См. *Ежем. Сочин.* 1760, т. I, ст. «о песочномъ золотѣ», стр. 24 — 25

себѣ довѣріе Ширгазы-хана, искалъ случая доказать ему свое миролюбіе, и вотъ представляется такой случай, которымъ онъ сразу могъ уничтожить всѣ подозрѣнія Хивинцевъ. Не имѣя никакой задней мысли, Бековичъ не хотѣлъ предполагать ее и въ другихъ. Послѣдствія не оправдали его довѣрія.

Хотя походъ этотъ и доказалъ, что русскій отрядъ, не смотря на безводную—безкормную степь, можетъ дойти до Хивы и что она сопротивляться ему не въ силахъ; однако послѣдствія этой рѣзни не замедлили обнаружиться самымъ неблагопріятнымъ для насъ образомъ. Прежде всего пришлось покинуть построенныя крѣпости на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Оказалось, что мѣстность выбрана была неудачно: при нездоровомъ климатѣ ощущался еще сильный недостатокъ въ водѣ. Рыть колодцы приходилось очень глубоко и скоро затѣмъ бросать, такъ какъ вода въ нихъ портилась черезъ нѣсколько дней. Усиленныя при этомъ работы произвели страшную въ гарнизонѣ смертность. Хотя Петръ Великій, желая удержать за собою восточный берегъ Каспія, и велѣлъ, послѣ погибели Бековича, пополнить находившіеся въ крѣпостяхъ полки, но привести въ исполненіе его предписаніе не пришлось, такъ какъ коменданты крѣпостей, видя чрезмѣрную смертность, тревожимые нападеніями Туркменъ, не получая никакихъ приказаній изъ Россіи, рѣшились возвратиться въ Астрахань, чтобы спасти хоть остатки своихъ отрядовъ [1]). Походъ Бековича имѣлъ еще одно важное для насъ послѣдствіе: избіеніе Хивинцами русскаго отряда заставило ихъ ждать возмездія съ нашей стороны, а это обстоятельство сдѣлало ихъ намъ враждебными и не могло не отразиться, и дѣйствительно отражалось, при всѣхъ послѣдующихъ столкновеніяхъ нашихъ съ Хивою. Для науки экспедиція Бековича, при другомъ исходѣ, могла бы имѣть важное значе-

[1]) Ст. *Д. Голосова* (Воен. Сбор.); ст. *А. Н. Попова* (стр. 268).

ніе; на этотъ же разъ она доставила только свѣдѣнія о восточномъ берегѣ Каспійскаго моря. Въ поѣздку 1715 г. Бековичъ начертилъ карту, составленную хотя и по расспроснымъ указаніямъ Туркменъ, но совсѣмъ измѣнившую тогдашній взглядъ на Каспійское море и Аму-Дарью [1]). Постройка крѣпостей на восточномъ берегу Каспійскаго моря въ 1716—17 гг. дала еще болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ берегѣ. А послѣ трудовъ *фонъ-Вердена*, *Соймонова* и *Урусова* (произведшихъ въ 1719—20 гг. съемку западнаго и южнаго береговъ Каспійскаго моря) могла уже быть составлена первая точная карта этого моря [2]).

Въ 1717 г. прибылъ въ Петербургъ посолъ отъ Бухарскаго хана, и 20-го октября этого года принятъ былъ Петромъ Великимъ. Ханъ желалъ мира съ Россіею и торговыхъ сношеній съ нею. Это послужило поводомъ къ отправленію въ Бухару посольства, которое и было возложено на секретаря Оріентальной Экспедиціи посольскаго приказа, *Флоріо Беневени*. Ему велѣно было ѣхать сперва въ Персію, а оттуда въ Бухару. Отправился онъ въ путь въ концѣ 1718, но въ Бухару прибылъ только въ ноябрѣ 1721 г. и оставался тамъ до 8-го апрѣля 1725 г., когда, не надѣясь получить добровольный отпускъ изъ Бухары, бѣжалъ въ Хиву, гдѣ пробылъ до августа 1725 г. Слишкомъ трехлѣтнее пребываніе въ Бухарѣ дало Ф. Беневени возможность близко познакомиться съ событіями не только

---

[1]) По этой картѣ Петръ, въ бытность свою въ Парижѣ, въ 1717 году, исправилъ карту Делиля Старшаго и указалъ, что Аму-Дарья не впадаетъ въ Каспійское море. См. статью *К. М. Бэра* (въ Зап. Геогр. Общ., кн. 4, стр. 275—6).

[2]) Петръ, за свои заслуги по части географіи, избранъ былъ Парижской академіей въ члены ея. (См. тамъ же, стр. 276—277). О первоначальныхъ картахъ Касп. моря см. «Ежемѣсячныя сочин.» 1760, II, 210—211.

въ Бухарскомъ ханствѣ, но и въ сосѣднемъ съ нимъ, Хивинскомъ. Собранный имъ запасъ свѣдѣній изложенъ въ его донесеніяхъ Петру Великому и въ его дневникѣ, веденномъ имъ въ Бухарѣ, а на возвратномъ пути, черезъ Хиву, и въ Хивѣ [1]).

Отъ Ф. Беневени узнаемъ мы слѣдующее: Ширгазы постоянно интриговалъ противъ хана Бухарскаго, Абуль-Фейза [2]). Взбунтовавшіеся противъ Абуль-Фейза Узбеки хотѣли даже убить своего хана и возвести на его мѣсто Ширгазы, но заговоръ былъ открытъ и виновные казнены. Въ свою очередь, Абуль-Фейзъ старался платить Хивинскому хану тѣмъ же. Онъ возмутилъ противъ Ширгазы Аральцевъ, которые, вмѣстѣ съ нѣкоторыми Узбеками хивинскими [3]), избрали ханомъ 14-ти-лѣтняго *Темиръ- (Тимуръ) Султана*, сына убитаго, какъ передаетъ Беневени, Мусы-хана. До этого времени Темиръ-Султанъ жилъ въ Бухарѣ [4]).

---

[1]) Донесенія и дневникъ Беневени изданы А. Н. Поповымъ въ IX томѣ «Зап. Геогр. Общ.».

[2]) Абуль-Фейзъ ханствовалъ съ 1705 по 1747 г. См. «Монеты Бухарск. и Хивин.», стр. 409 и 410.

[3]) Многіе изъ Узбековъ, сообщаетъ Ф. Беневени, были недовольны Ширгазы-ханомъ за его вѣроломный поступокъ съ Бековичемъ. Они ждали возмездія, и это послужило недовольнымъ поводомъ избрать новаго хана, Темиръ-Султана. Аральцы—это населеніе дельты Аму-Дарьи, восточнаго берега Аральскаго моря и его острововъ; т. е. той мѣстности, которая у Абуль-Гази называется «землею Аралъ». У нашихъ писателей Аральцами называется смѣшанное населеніе этой мѣстности, ядро котораго составляютъ Узбеки, а составную часть Каракалпаки и Киргизы. «Аральцы—отродье Узбековъ», читаемъ въ «Мѣсяцесловѣ историческомъ и географическомъ на 1779 годъ». Такимъ образомъ, Аральцы—терминъ географическій, а не этнографическій. Лѣтомъ Аральцы кочевали, а зимою жили въ горахъ или въ хижинахъ. Земледѣліемъ занимались мало, но скотоводство и рыбная ловля были ихъ главнымъ занятіемъ.

[4]) Въ грамотѣ Абуль-Фейза къ Императору Петру, отъ 1724 г., привезенной изъ Бухары Ф. Беневени, читаемъ: «Такожъ предъ нѣсколькимъ временемъ мы слышали, что Ширгазы, юргенскій владѣтель, всякою необходимою неучтивостію, оставя свою честь и не хотя быть добрымъ человѣкомъ, отъ васъ ѣдущаго посла со всякимъ обманомъ и лестію смерти предалъ и имѣніе его разорилъ, и тѣмъ свою честь повредилъ; и сіи его негодные и

Желая избавиться отъ соперника, Ширгазы подкупилъ Туркменъ убить Тимуръ-Султана. Но Туркмены, взяли деньги также и съ Тимуръ-Султана; а послѣ того удалились въ свои кочевья. Тогда Ширгазы отправилъ къ Тимуръ-Султану Кулумбая (главнаго виновника погибели Бековича) съ четырьмя узбеками, которые должны были показать видъ, что переходятъ на сторону Тимуръ-Султана, а потомъ выдать его Ширгазы-хану. Но и эта уловка не удалась. Тимуръ-Султанъ, узнавъ за чѣмъ прибылъ Кулумбай, велѣлъ ему и его товарищамъ отрубить головы, которыя послалъ къ Бухарскому хану. Покровительствуемый Бухарою, Тимуръ-Султанъ два раза подступалъ къ Хивѣ. Хотя онъ и принужденъ былъ оба раза удалиться безъ успѣха; но это потому только, что Ширгазы, щедро награждая Узбековъ, удерживалъ ихъ въ повиновеніи. Но эти-же Узбеки отказались выступить въ Бухару, когда Ширгазы задумалъ предпринять походъ въ это ханство, и тѣмъ заставили его смириться передъ Бухарскимъ ханомъ.

Наши военныя приготовленія въ Саратовѣ и Астрахани для похода въ Персію немало напугали Ширгазы, онъ ожидалъ новаго похода Русскихъ на Хиву, хотѣлъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ русскихъ (а ихъ было по сообщенію Ф. Беневени до 1,500 человѣкъ): но Узбеки были противъ этого. Засылалъ онъословъ въ Бухару, уговаривая Абуль-Фейза заключить оборонительный союзъ противъ Русскихъ. По этому же поводу спрашивалъ Бухарскаго хана и Тимуръ-Султанъ, какъ поступить ему, если Русскіе пойдутъ

недобрые поступки не за благо, но за противно намъ показались; и для наказанія онаго Ширгазы, послали мы высокопочтеннаго *Шахтей-Мурѣ-хана* (Шахъ-Тимуръ-хана), который есть государства того наслѣдникомъ и его же колѣна, съ высокимъ нашимъ указомъ въ нынѣшнихъ временахъ, и повелѣли земли и имѣніе его разорить, отъ чего надѣемся, что въ скорости оной Ширгазы весьма разоренъ будетъ, и чрезъ сіе для любви и радости нашей и вы обрадоваться можете», «Поясн. Зап. къ картѣ Хивинск. ханства», *Я. В. Ханыкова* («Зап. Геогр. Общ.», кн. V, стр. 274).

на Хиву. Абуль-Фейзъ совѣтовалъ ему держаться мирныхъ отношеній [1]).

Положеніе Ширгазы часто бывало опаснымъ. Тимуръ-Султанъ взялъ однажды даже Гезараспъ; но когда въ мартѣ 1722 г. проѣзжалъ этимъ городомъ Иванъ Дементьевъ, гонецъ отъ Беневени въ Россію, Гезараспъ снова находился во власти Ширгазы хана.

Такія свѣдѣнія почерпаемъ мы у Беневени. Изъ его донесенія и дневника мы ясно видимъ тогдашнее положеніе описываемыхъ имъ странъ. Узбеки, пользуясь своимъ вліяніемъ въ ханствѣ поддерживали то одного, то другаго претендента, извлекая свои выходы изъ такого положенія вещей. Неудивительно поэтому, что Ф. Беневени писалъ: «покоренные Узбеками племена непрестанно просятъ Бога, чтобъ имъ изъ подъ тяжелаго хомута Узбецкаго скорѣе высвободиться».

Краткія извѣстія о Хивѣ около 1725 года сообщаетъ секретарь — историкъ Шаха-Надира, Мирза-Мегди [2]). Отъ него узнаемъ, что Хорасанъ, провинція Сефевидовъ, подвергался частнымъ набѣгамъ и Хивинцевъ, и Туркменъ. Въ то время, когда Надиръ былъ еще въ юныхъ лѣтахъ, говоритъ Мегди, Ширгазы, повелитель Хорезма, часто посылалъ узбековъ опустошать мѣстности Хорасана, которыя были раззорены въ конецъ, а затѣмъ и покорены имъ. Тогда Ширгазы, прекративъ свои походы, ударился въ торговыя сношенія, отправилъ нѣсколько каравановъ въ Хорасанъ. Но Мелекъ, правитель Нишабура, жадный до

---

[1]) См. реляціи Беневени, отъ 10-го марта 1722 г., 4-го марта 1723 г. и 16-го марта 1725 г., изъ Бухары. Всѣ поступки Абуль-Фейза показываютъ его миролюбивое къ намъ отношеніе. Причиною тому могло быть, конечно, и то, что ужь слишкомъ солоно приходилось Бухарцамъ отъ ихъ хищнаго сосѣда и чувствительнаго наказанія ему они должны были желать, хотя бы и изъ своихъ личныхъ интересовъ.

[2]) Исторія Мирзы-Мегди переведена Jones'омъ на французскій языкъ въ 1770 году (подъ заглавіемъ: Histoire de Nader-Chah, traduite d'un manuscrit persan par M. Jones. Londres 1770) и на нѣмецкій въ 1773 г. (Geschichte des Nadir-Chah. Greifswald 1773).

наживы узнавъ, что нѣсколько хивинскихъ купцовъ прибыли въ Хорасанъ, пригласилъ ихъ къ себѣ и велѣлъ убить; а товары забралъ въ свою пользу. Чтобы возвратить похищенное, Ширгазы обратился къ помощи Надира, имя котораго уже начинало дѣлаться громкимъ. Надиръ, съ своей стороны, находя дружбу съ ханомъ хивинскимъ для себя выгодною, принялъ посла его съ честію и заставилъ Мелека возвратить похищенные товары. Ширгазы, въ благодарность за эту услугу, послалъ Надиру въ подарокъ военный отрядъ въ 500 человѣкъ узбековъ. Отрядъ этотъ Надиру былъ очень кстати и онъ отдарилъ хана лошадьми и дорогими платьями [1]).

Въ 1729 году прибылъ въ Россію посолъ отъ Бухарскаго и Хивинскаго хановъ и сообщилъ, что Ширгазы уже умеръ; а новый владѣлецъ желаетъ по прежнему мирныхъ и торговыхъ сношеній Хивы съ Россіею, прерванныхъ вслѣдствіе избіенія отряда Бековича. Но подобныя сношенія разрѣшены были еще раньше, именно указомъ Верховнаго Совѣта, отъ 22-го апрѣля 1727 года, на имя Астраханскаго военнаго губернатора фонъ-Мендена [2]).

О смерти Ширгазы хана находимъ у Миллера, въ его статьѣ, «Извѣстіе о песочномъ золотѣ», слѣдующій разсказъ, записанный со словъ русскихъ плѣнныхъ, бѣжавшихъ изъ Хивы вскорѣ же послѣ этого событія.

«Въ 1728 году многіе Русскіе и Персидскіе плѣнники между собою уговорились, умерщвленіемъ Хана освободиться изъ неволи; и для того Аральскаго Хана, которой Хивинскую землю требовалъ себѣ во владѣніе, призывали къ себѣ на помощь. Напротивъ того они обѣщались ему чинить всякое вспоможеніе къ полученію наслѣдства [3]).»

---

[1]) Histoire de Nader-Chah. Ч. I, стр. 31—32.

[2]) «Поясн. Зап. къ картѣ Хив. ханства», стр. 274—275.

[3]) «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія»; 1860, январь, стр. 27.

Далѣе: «Аральское княженіе находится у озера того же имени, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Аму-Дарья въ оное впала. Оно прежде сего соединено было съ Хивинскимъ владѣніемъ, незадолго передъ тѣмъ отъ онаго отдѣлилось. Аральскій ханъ произошелъ отъ роду прежнихъ Хивинскихъ хановъ. Ханское достоинство дается у Аральцовъ по наслѣдству, такъ какъ оно прежде давалось и въ Хивѣ. Но Хивинцы поколѣніе своихъ хановъ искоренили, и съ того времяни то того, то другаго Салтана изъ Киргисъ-Кайсаковъ себѣ избираютъ въ Ханы, которыхъ свергаютъ и умерщвляютъ столь же легко, какъ ихъ избираютъ, когда народъ почитаетъ себя отъ хана обиженнымъ. На семъ основаніи утверждены требованія Аральскаго хана на Хивинское владѣніе. Но сей ханъ едва будучи въ состояніи набрать 5,000 человѣкъ, которые оружіемъ владѣть могутъ, не хотѣлъ отважиться безъ чужой помощи, претензіи своей произвесть въ дѣйство. Предложеніе Россійскихъ плѣнниковъ было ему весьма пріятно. Онъ обѣщалъ имъ чинить вспоможеніе» [1]).

«Между тѣмъ Россійскіе плѣнники нашли случай Хивинскаго хана истребить [2]). Усбеки, которые о заговорѣ плѣнниковъ съ Аральскимъ ханомъ увѣдомились, и наслѣднаго надъ собою владѣльца имѣть не хотѣли, напали на Россіянъ. 80 человѣкъ оныхъ взошли на башню гдѣ двѣ недѣли будучи въ осадѣ, ожидали освобожденія отъ *Аральскаго* Хана, но тщетно. Между тѣмъ времянемъ выдержали они нападеніе отъ всей Хивинской силы. Они безпрестанно стрѣляли по осаждающимъ, изъ которыхъ многіе были побиты; напротивъ чего непріятельскія нападенія по большей части были безвредны. На послѣдокъ довелъ ихъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ до того, до чего довесть не

---

[1]) Тамъ же, стр. 27—28.

[2]) Гладышевъ, бывшій въ Хивѣ въ 1740—41 гг., пишетъ, что Шаргазы убитъ былъ Аральцами. См. далѣе, стр. 183.

могла сила непріятельскаго оружія. Россіяне принуждены были здаться, токмо они выговорили себѣ спасеніе жизни, чѣмъ они и были обнадежены, потому что доказывали, что не они, но два персидскіе евнуха, которые при Ханскомъ дворѣ жили, его убили. Два дня спустя оказался Аральской Ханъ предъ Хивою: но услышавъ, что Россіяне здались, возвратился, не осмѣливаяся предпріять ничего противъ города» [1]).

Кто былъ этотъ «Аральскій ханъ», интриговавшій противъ Ширгазы-хана изъ приведеннаго извѣстія не видно. Но вотъ въ показаніи Грека Николая Григорьева, прожившаго въ Бухарѣ 10 лѣтъ и бывшаго очевидцемъ описываемыхъ имъ событій, находимъ слѣдующее извѣстіе, бросающее нѣкоторый свѣтъ на этого хана. Бухарскій аталыкъ, Мухаммедъ-Рахимъ, простой Узбекъ по происхожденію, добивался ханскаго достоинства въ Бухарѣ; но не имѣя на то права по своему происхожденію, сажалъ хановъ, которые были слѣпымъ орудіемъ въ его рукахъ. И свергалъ онъ этихъ хановъ по своему произволу: имъ убитъ былъ сперва Абуль-Фейзъ, а потомъ и сынъ его Абдуль-Муминъ. Послѣ того взялъ Мухаммедъ-Рахимъ на ханство «только *для виду народу*, бывшаго *Аральскаго Шахъ-Темиръ-хана* сына *Байдуллу* (т. е. *Убейдъ-Уллу*), которому и нынѣ не больше шестнадцати лѣтъ, и ни смыслу, ни силы ни въ чемъ не имѣетъ» [2]). Такъ какъ мы имѣемъ монету битую Абдуль-Муминомъ въ 1750 году [3]), то Убейдъ-Улла могъ вступить на ханство не ранѣе этого года, и если ему было тогда 16 лѣтъ то родиться онъ долженъ былъ около 1734 года. Въ такомъ случаѣ, около этого времени Шахъ-Темиръ-ханъ дол-

---

[1]) «Сочин. и перев.»; I, 28—29.

[2]) *В. В. Вельяминова-Зернова:* «Истор. извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ»; прил. къ I тому, стр. 8—32.

[3]) «Монеты Бух. и Хив.»; стр. 412.

женъ былъ еще здравствовать. А если это такъ, то Аральскій ханъ, не названный Миллеромъ по имени, былъ ни кто иной какъ тотъ же соперникъ Ширгазы-хана, Тимуръ-Султанъ [1]). Такимъ образомъ, не имѣя прямаго указанія на дальнѣйшую судьбу Тимуръ-Султана, мы всетаки можемъ изъ приведеннаго извѣстія придти къ тому заключенію, что Ширгазы не могъ одолѣть Аральскаго хана, и этотъ послѣдній, не только ханствовалъ въ Аральской области совершенно самостоятельно; но такъ или иначе погубилъ своего противника.

Затѣмъ наши свѣдѣнія о Хивѣ прерываются на нѣсколько лѣтъ.

Ильбарсъ-ханъ [2]).

(Съ 1729 (?) до 1740 года).

Былъ ли преемникомъ Ширгазы-хана, ханъ Ильбарсъ, или былъ кто раньше Ильбарса, пока не знаемъ; не знаемъ и какимъ образомъ Ильбарсъ достигъ ханскаго достоинства. Имѣющіяся у насъ по этому поводу указанія даютъ мѣсто не болѣе, какъ предположеніямъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Такъ Гладышевъ, въ своемъ показаніи объ избраніи Аральцами на ханство Нурали-Султана, сына Абуль-Хаирова, говоритъ: «оное его (Нуралія) утвержденіе отъ

---

[1]) Тимуръ-Султанъ называется также Шахъ-Темиръ-Султаномъ.

[2]) О ханствованіи Ильбарса, но почти только о концѣ ханствованія, находимъ данныя: у *Мегди*, въ его исторіи Надиръ-шаха; у *Гладышева*, въ описаніи «Поѣздки изъ Орска въ Хиву и обратно, совершенной въ 1740—41 годахъ поручикомъ Гладышевымъ и геодезистомъ Муравинымъ», изданной Я. В. Ханыковымъ (въ «Географ. извѣстіяхъ» на 1850 г., выпускъ VI); въ статьѣ *Савельева*, «Хива за сто лѣтъ назадъ» (въ «Сынѣ Отечества» за 1842 годъ, ч. I); у *Бларамберга*, въ его «Путевыхъ Замѣткахъ», изданныхъ съ примѣчаніями В. В. Григорьевымъ (въ «Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ.» за 1858 годъ, кн. 3); у *Фрезера*, въ его Narrative of a journey into Khorassan. И т. д.

того произошло, что напредь сего въ томъ народѣ былъ одинъ Князекъ Шарахазы [1]), и оной тому лѣтъ съ десять отъ нихъ же Аральцовъ убитъ до смерти, а послѣ ево остались три сына: первой *Артыкъ* (Артукъ), другой *Сейдали*, (Саидъ (?)-Али), третей *Куразали*, и хотя бы изъ нихъ одинъ которой и могъ быть произведенъ Ханомъ, но народъ ихъ сожалѣя, чтобъ по ихъ легкомысленному обычаю, тотъ который въ Хивѣ произведется, также какъ и отецъ ихъ, погубленъ не былъ, и для того думали чтобъ изъ постороннихъ кого въ Хана себѣ принять, чего ради объявленныя Князьки и нѣкоторая часть ихъ народа разсуждали что Абуль-Хаиръ Ханъ подъ властію Ея Императорскаго Величества состоитъ, чего ради и народы тамошнія его нѣсколько боятся, и для того усовѣтовали принять себѣ въ Хана сына ево Абулъ-Хаиръ-Ханскаго вышепоказаннаго Нурали-Салтана» [2]). Это указаніе Гладышева ничего не разъясняетъ намъ о вступленіи на ханство Ильбарса; но указываетъ, тѣмъ не менѣе, на то, что сыновья Ширгазы-хана были устранены отъ наслѣдованія отцу; да и то одними Аральцами. Но принимая во вниманіе, что въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія мы видимъ сыновей Ширгазы-хана среди Аральцевъ, да кромѣ того, въ показаніи Гладышева говорится о нихъ, какъ о людяхъ, не занимавшихъ никакого престола, можно заключать, что и Хивинскіе Узбеки не избирали ихъ на ханство [3]).

Затѣмъ въ показаніи, снятомъ съ Грека Николая Григорьева, прибывшаго изъ Бухары въ Россію въ декабрѣ 1852 г., находимъ слѣдующее извѣстіе: «Когда назадъ

---

[1]) Т. е. Ширгазы.

[2]) Геогр. Изв. 1850 г.; вып. 4, стр. 534—535.

[3]) Это пребываніе у Аральцевъ сыновей Ширгазы-хана не могло бы имѣть мѣста, если бы Тимуръ-Султанъ находился еще тамъ. По всей вѣроятности, послѣ уже его смерти, сыновья Ширгазы удалились къ Аральцамъ; а сыновья Тимуръ-Султана нашли убѣжище въ Бухарѣ. По крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, Убейдъ-Улла, сидѣлъ (для виду) ханомъ въ Бухарѣ.

тому лѣтъ 17, бывшаго Персицкаго Шаха большой сынъ Риза-Кулмурза съ войскомъ Персицкимъ, въ числѣ 30 тысячъ человѣкъ, подъ состоящей отъ Бухаріи въ дву дняхъ городъ Карши подходилъ... то хотя... и было собрано Бухарцами тысячъ до ста, но какъ дѣ то Персидское войско и строго на нихъ стали наступать, то по своевольству и по неопытности ихъ, во первыхъ тѣ кои изъ другихъ городовъ были, всѣ разбѣжались изъ за чего бы дѣ городъ тотъ оной Шахской сынъ и взять могъ, но за наступившимъ тогда зимнимъ временемъ, и что тогда Хивинцы, Ургенцы, Аральцы и Трукменцы для вспоможенія Бухарцамъ, къ Бухаріи до 30 тысячъ приходили, отъ коихъ онъ и опасность возъимѣлъ, ни счѣмъ возвратиться принужденъ былъ; а потомъ назадъ тому лѣтъ здесять какъ самъ оной Надыркулъ-Шахъ, съ войскомъ же своимъ, уже къ Бухаріи приходилъ, то за множествомъ Персидскаго войска Абулфаизъ ханъ и противиться ему шаху уже не смѣлъ (сдался ему добровольно)» [1]).

Нѣсколько иначе разсказываетъ персидскій историкъ, Мирза-Мегди, объ этомъ походѣ Риза-Кула Мирзы въ Бухару. Онъ сообщаетъ, что Абуль-Фейзъ, услыхавъ о приближеніи Риза-Кула Мирзы, при помощи Ильбарса, владѣтеля Хорезма, собралъ армію въ 40 — 50 тысячъ человѣкъ и пошелъ на Карши; но не смотря на то, что у Риза-Кула Мирзы было не болѣе 20 тысячъ войска, войско Абуль-Фейза было разбито; Хорезмцы же безъ боя бросились бѣжать. Какъ только Надиръ узналъ о битвахъ сына съ Бухарцами, онъ послалъ Абуль-Фейзу письмо, въ которомъ писалъ, что изъ уваженія къ его происхожденію отъ Чингизъ-хана онъ, Шахъ, не желаетъ вести съ нимъ войну; и отозвалъ затѣмъ Риза-Кула Мирзу въ Персію [2]). Ко-

---

[1]) *В. В. Вельяминовъ-Зернов*ъ, «Истор. извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ»; прил. къ I тому, стр. 25—26.

[2]) Geschichte des Nadir-Chah von Mirza-Mohammed-Mahadi khan Masanderani; s. 325. Histoire de Nader-Chah; part. II, p. 36—37, 83.

нечно, причина отозванія Риза-Кула была далеко не та, какую выставлялъ шахъ Надиръ Абуль-Фейзу: вѣдь взялъ же онъ 7 лѣтъ спустя Бухару; а вѣроятнѣе заключать, что положеніе Риза-Кула, не смотря и на одержанныя имъ побѣды (что не согласно съ показаніемъ грека Николая Григорьева) было все таки опасно, и тѣмъ болѣе, что Надиръ былъ, такъ сказать, отрѣзанъ отъ своего сына [1]). Такъ какъ походъ Риза-Кула Мирзы ва Бухару происходилъ въ 1736 году [2]), то слѣдовательно, въ это время Ильбарсъ былъ уже ханомъ въ Хивѣ. Но Мирза-Мегди упоминаетъ объ Ильбарсѣ и раньше участія его въ битвѣ Бухарцевъ съ Персіянами. Въ 1734 г., говоритъ онъ, Ильбарсъ посылалъ Хуссейна-юмуда съ 3,000 человѣкъ Туркменъ грабить Хорасанъ; но правители Хорасана такъ ихъ отдѣлали, что не оставили въ живыхъ почти никого [3]). Прихвастнулъ тутъ историкъ или нѣтъ — для насъ это не такъ важно; но важны, во-первыхъ, фактъ обычнаго набѣга Хивинцевъ на Хорасанъ и, во-вторыхъ, указаніе на ханствованіе въ Хивѣ въ это время Ильбарса. И такъ, въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія видимъ ханомъ въ Хивѣ Ильбарса. Но если сыновья Ширгазы-хана были лишены отцова наслѣтства, то кто же, спрашивается, былъ этотъ Ильбарсъ, смѣнившій хана Ширгазы, и смѣнившій его, какъ я думаю; непосредственно — и по какому, наконецъ, праву сѣлъ онъ на ханство въ Хивѣ? Отвѣтъ на эти вопросы находимъ у Миръ Абдуль-Керима, который, говоря объ Ильбарсѣ, называетъ его *ханомъ изъ Казаковъ* [4]). Этимъ все объясняется. Хивинцы, за неимѣніемъ своихъ хановъ,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Histoire de Nader-Chah. По разсказу же грека Григорьева, походъ этотъ приходится на 1735 г.; но сказаніе Мегди въ этомъ случаѣ вѣсче, такъ какъ Григорьевъ даетъ годы на память, приблизительно.

[3]) Histoire de Nader-Chah. Ч. I, стр. 208—209.

[4]) Histoire de l'Asie Centrale par Mir Abdoul Kerim Boukhary; trad. par *Ch. Schefer*. Paris 1876; p. 95.

«породу которыхъ они у себя вывели», стали призывать на ханство султановъ Киргизской Орды, которые, по своему происхожденію отъ Чингиза, имѣли полное право садиться на ханство въ Хивѣ.

Затѣмъ мы опять теряемъ Хиву изъ вида до 1738 года, когда снова встрѣчаемъ краткое извѣстіе о ней и о ханѣ Ильбарсѣ. Мирза-Мегди сообщаетъ, что Шахъ-Надиръ находился въ то время въ Индіи, и Ильбарсъ вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ для набѣга на Хорасанъ. Дошелъ онъ до Теженя, оттуда прибылъ къ Серахсу; но узнавъ, что сынъ шаха Риза-Кули-Мирза выступилъ противъ него, удалился въ крѣпость *Кокленъ*, между Абивердомъ и Нисаемъ; но и оттуда вскорѣ же отступилъ домой [1]).

Въ 1740 году Мавераннагръ подвергся нападенію самого Шаха-Надира. Ограбивъ Индію и отдохнувъ недолго въ Гератѣ, онъ при Чарджуѣ перешелъ Аму-Дарью и вступилъ въ Бухарское ханство [2]). Причина вторженія Надира въ Мавераннагръ, по объясненію Мирзы-Мегди, заключалась въ желаніи Шаха наказать Узбековъ за ихъ грабительскіе набѣги на Хорасанъ, совершенные ими въ его отсутствіе [3]). По всей вѣроятности, это и было главною причиною похода Надира въ Мавераннагръ, такъ какъ, завоевавъ эту область (завоевывать-то приходилось, впрочемъ, только одинъ Хорезмъ: Бухара сдалась добровольно),

---

[1]) Hist. de Nader-Chah. Ч. II, стр. 85—86.

[2]) Слухи о вторженіи Персидской арміи въ Бухару проникли и въ Россію. Въ Оренбургъ было послано предписаніе укрѣплять границу и самый городъ, «дабы отъ Персіянъ никакого наглаго и нечаяннаго нападенія не было». *Рычковъ*, «Оренбургская Исторія» (въ «Соч. и перев. къ пользѣ и увеселенію служащихъ», 1759 г., кн. іюньская, стр. 501—502). Объ укрѣпленіяхъ Астрахани, изъ опасенія нашествія шаха Надира, сообщаетъ и *Генвей*. (См. «Морск. Сборн.» 1855 г., кн. декабр., статью Соколова: «Плаваніе по Каспію Генве, Ельтона и Будруса», стр. 272).

[3]) Histoire de Nader-Chah. Ч. II, стр. 83. Geschichte des Nadir-Chah. Стр. 332.

Шахъ персидскій вовсе не заботился о прочномъ присоединеніи къ своимъ владѣніямъ ни Бухары, ни Хивы.

Абуль-Фейзъ, не въ силахъ былъ сопротивляться счастливому завоевателю и, не дожидаясь, когда войско персидское подойдетъ къ столицѣ его, самъ явился въ лагерь Надира и отдалъ себя на произволъ Шаха. Совѣтовалъ онъ и хивинскому хану поступить такимъ же образомъ; но тотъ отклонилъ подобное предложеніе [1]). За такое смиреніе Абуль-Фейза Надиръ оставилъ его ханомъ въ Бухарѣ, женилъ племянника своего на его дочери; а самъ женился на сестрѣ его [2]).

Абуль-Фейзъ не забылъ прежняго своего союзника, хана хивинскаго; онъ уговорилъ Надира послать пословъ къ Ильбарсу, съ предложеніемъ послѣдовать примѣру хана бухарскаго и принести повинную [3]). Пословъ было трое, и двое изъ нихъ были хаджи изъ Джуйбара [4]), загороднаго предмѣстья Бухары. Но послы эти по приказанію Ильбарса были убиты [5]). Тогда уже Надиръ рѣшилъ наказать Ильбарса. 16 реджеба 1153 года (=25-го сентября 1740 года) [6]) армія Надира оставила Бухару [7]). Съ своей стороны, Иль-

---

[1]) Gesch. des Nadir-Chah; s. 336.

[2]) Gesch. des Nadir-Chah; s. 328—329. Другой источникъ для этого времени, Миръ-Абдуль-Керимъ, говоритъ, что Надиръ женился на одной изъ дочерей Абуль-Фейза, а на другой женилъ своего племянника, Адиль-шаха. (Hist. de l'Asie Centr. par Abdoul-Kerim; p. 101). Надиръ любилъ заканчивать войны брачными союзами. Онъ добивался, между прочимъ, руки Елизаветы Петровны, съ какою цѣлію, въ іюлѣ 1741 г., и являлось отъ него посольство въ Петербургъ.

[3]) Gesch. des Nadir-Chah; s. 336.

[4]) Hist. de l'Asie Centr.; p. 101—104.

[5]) Ibid. Gesch. des Nadir-Chah; s. 336.

[6]) Я совершенно расхожусь съ переводчикомъ «Исторіи шаха Надира», относительно перевода чиселъ мусульманскаго лѣтосчисленія на наше. 1153 годъ начался 17-го марта 1740 г., и по моему вычисленію 16-е реджеба этого года не можетъ приходиться на 18-е сентября, какъ переводитъ Jones. Во всѣхъ слѣдующихъ числахъ у насъ разница на цѣлую недѣлю.

[7]) Gesch. des Nadir-Chah; s. 332.

барсъ хотѣлъ встрѣтить врага внѣ своего ханства и повелъ свое войско къ бухарской границѣ. Оба войска встрѣтились при Чарджуѣ, и послѣ битвы 21-го реджеба (30-го сентября) Ильбарсъ отступилъ. Надиръ-шахъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. 13 шаабана (22-го октября) Шахъ разбилъ свои палатки на мѣстѣ, называемомъ Тивэ-Юсси (Diveyussi), гдѣ начиналась Хорезмская земля [1]). Ильбарсъ между тѣмъ заперся въ Гезараспѣ, въ 3 фарсахахъ отъ Тивэ-Юсси. 16 шаабана (25-го октября) Надиръ осадилъ Гезараспъ; но взять эту крѣпость было не такъ-то легко, и вотъ, чтобы выманить оттуда Ильбарса, Надиръ направился къ Хивѣ. Этотъ маневръ ему удался какъ нельзя лучше. Какъ только Надиръ пошелъ вдоль Аму рѣки, Ильбарсъ вышелъ изъ Гезараспа. Надиръ повернулъ назадъ и напалъ на хана, который былъ разбитъ и бѣжалъ въ крѣпость Ханкахъ, лежащую между Хивой и Гезараспомъ. Крѣпость эта была снабжена пушками. Гарнизонъ крѣпости, «видя себя ввереннымъ въ пучину бѣдствій», желалъ передаться Шаху, что нѣкоторымъ узбекскимъ военачальникамъ и удалось. Они явились къ Шаху 24-го шаабана (2-го ноября). Но самъ Ильбарсъ сдаваться не думалъ. На слѣдующій день Шахъ послалъ отрядъ солдатъ захватить Ильбарса, что они и исполнили. Ханъ хивинскій, вмѣстѣ съ 20-ю главными виновниками въ убійствѣ пословъ, былъ преданъ смерти [2]). Случилось это въ первой половинѣ ноября.

---

[1]) У Абуль-Гази встрѣчается мѣстность, на пути изъ Бухары въ Хиву, *Тивэ Буюни*—«Верблюжья шея» (225 стр. текста).

[2]) Миръ-Абдуль-Керимъ говоритъ, что шахъ согласился казнить Ильбарса только вслѣдствіе требованія этой казни родственниками убитыхъ Ильбарсомъ пословъ. (Hist de l'Asie Centr.; p. 105—6). Фрезеръ, въ Narrative of a journey into Khorasan (Appendix B, part II), говоритъ, что Надиръ приказалъ зарыть живыми какъ хана, такъ и другихъ, приговоренныхъ съ нимъ къ смерти. См. также «Путевыя замѣтки» Бланкеннагеля, въ «Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ.» 1858 г., кн. 3, стр. 89.

По Абдуль-Кериму, сопровождавшему войско Надира, Ильбарсъ находился еще въ живыхъ во время осады Хивы Шахомъ и защищался тамъ отъ него [1]). Но показаніе Абдуль-Керима, въ виду другихъ непререкаемыхъ источниковъ,—не имѣетъ значенія; а, между тѣмъ, заставляетъ думать: не напуталъ ли чего Абдуль-Керимъ въ своемъ разсказѣ; не отнесъ ли онъ катастрофы, случившейся съ Ильбарсомъ въ Ханкахъ, къ Хивѣ? Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что объ осадѣ крѣпости Ханкахъ Абдуль-Керимъ не обмолвился ни единымъ словомъ; а тутъ-то дѣло Хивинцевъ и было проиграно.

Показанія Мегди, какъ относительно самыхъ событій, такъ и времени, въ которое событія эти имѣли мѣсто, подтверждаются другимъ, столь же несомнѣннымъ источникомъ: показаніемъ Гладышева. 9-го ноября 1740 г. ѣздилъ въ лагерь Надира, стоявшаго подъ крѣпостью Ханкахъ, нашъ геодезистъ Муравинъ, а 10-го ноября вернулся обратно въ Хиву. Не подступалъ Надиръ къ Хивѣ и на слѣдующій день. Но странно, что ни Гладышевъ, ни Муравинъ ни слова не говорятъ объ участи хана Ильбарса и даже вовсе не упоминаютъ о немъ. Неужели они ничего не слыхали объ этомъ ханѣ? неужели и Муравинъ, проникавшій въ самый лагерь Персіянъ, не имѣлъ о немъ никакихъ свѣдѣній?

Что же происходило въ это время въ столицѣ ханства?

---

[1]) The Memoirs of Khojeh Abdulkurreem a Cashmerian of Distinction, who accompanied Nadir-Chah. Translated from the original persian, by *Francis Gladwin;* Calcutta, 1788, s. 62—64.

Абуль-Хаиръ-ханъ.

(Ханствовалъ въ Хивѣ нѣсколько дней) [1]).

Пока Надиръ-шахъ преслѣдовалъ и осаждалъ хана Ильбарса, Хивинцы пригласили на ханство Абуль-Хаира, хана Малой Киргизской орды, лѣтъ 8 тому назадъ принявшаго русское подданство [2]).

Незадолго до этого, именно въ 1739 г., Абуль-Хаиръ просилъ Русское правительство помочь ему свѣдующими людьми для основанія города близъ устья рѣки Сыра. Для предварительнаго осмотра мѣстности, гдѣ предполагалось построить городъ, отправлены были нашимъ правительствомъ, въ сентябрѣ 1740 г., поручикъ Оренбургскаго драгунскаго полка *Дмитрій Гладышевъ* (какъ знающій татарскій языкъ), геодезистъ *Муравинъ*, инженерный надзиратель *Назимовъ*, переводчикъ *Усманъ-Арасланов*ъ, и съ ними нѣсколько казаковъ. 7-го октября прибыли они въ ставку Абуль-Хаира, на рѣкѣ Адамъ-Ата, но хана здѣсь не застали: онъ былъ въ это время у Аральцевъ. Отправились туда русскіе офицеры. 2-го ноября прибыли они въ Аральскій городокъ Шахтемиръ, а на другой день отправились съ ханомъ въ Хиву, куда этотъ ѣхалъ по вышеупомянутому приглашенію Хивинцевъ, угрожаемыхъ шахомъ Надиромъ. О приглашеніи въ Хиву Абуль-Хаира упоминаетъ и Мирза-

---

[1]) О кратковременномъ пребываніи на ханствѣ въ Хивѣ Абуль-Хаира см. у *Я. В. Ханыкова*, въ «Описаніи поѣздки Гладышева и Муравина»; у *Левшина*, въ «Описаніи Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей», Спб. 1832, ч. II; у *Рычкова*, въ «Оренбургской Топографіи», Спб. 1862 г., стр. 22—23.

[2]) О принятіи Абуль-Хаиромъ подданства Россіи и о принесеніи присяги на вѣрность, вмѣстѣ съ сыномъ Нурали, см. *Левшина* «Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей», ч. II; *Рычкова*, «Оренбургскую Топографію»; «Очеркъ исторіи Киргизскаго народа съ 1732 по 1868 г.»; въ «Турк. Вѣд.» 1871 г., № 3.

Мегди, только приглашеніе это приписываетъ онъ не Хивинцамъ, а самому хану Ильбарсу, который звалъ, будто бы, Абуль-Хаира на помощь противъ шаха Надира и, будто бы, ханъ Малой Киргизской орды прибылъ съ войскомъ изъ казаковъ и аральскихъ узбековъ [1]). На этотъ разъ секретарь-историкъ ошибается, и сильно ошибается. Если обратить вниманіе на дни событій, то Мирза-Мегди можетъ быть еще правымъ, заставляя Ильбарса заключать союзъ съ Абуль-Хаиромъ, хотя для Ильбарса и поздно уже было заключать союзы; но за то другое обстоятельство, именно то, что Абуль-Хаиръ явился въ Хиву *безъ войска*, а лишь съ небольшимъ конвоемъ,—это мы знаемъ изъ достовѣрнаго источника [2]), — прямо опровергаетъ сказаніе Мегдія: какъ союзникъ, Абуль-Хаиръ-ханъ могъ быть полезенъ только своимъ войскомъ, но безъ войска онъ явился бы для Хивинскаго хана не болѣе, какъ помѣхой. Дѣло могло, кажется, происходить такимъ образомъ: когда Ильбарсъ воевалъ съ шахомъ Надиромъ, Аральцы, желая воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для отложенія отъ Хивы, пригласили къ себѣ Абуль-Хаира, какъ потомъ приглашали они его сына; но затѣмъ Хивинцы, въ виду отступленія своего хана передъ персидскимъ войскомъ, могли найти пребываніе у нихъ Абуль-Хаира чрезвычайно полезнымъ, такъ какъ жители Хивы рѣшились защищаться (что и исполнили даже помимо Абуль-Хаира), то они и переманили къ себѣ этого Киргизскаго хана.

Вернемся къ разсказу Гладышева.

Дорогою Гладышевъ отсталъ и прибылъ въ Хиву уже послѣ Абуль-Хаира. За версту до города встрѣтили его человѣкъ 5—6 узбековъ и сартовъ, посланныхъ Абуль-Хаиромъ на встрѣчу нашему офицеру. Люди эти объявили Гладышеву, что «Абуль-Хаиръ у нихъ въ Хивѣ ханство

---

[1]) Gesch. des Nadir-Chah; s. 336.

[2]) Показаніе Гладышева.

принялъ». И повели его прямо къ Хану. Когда Гладышева ввели къ Абуль-Хаиру, ханъ сидѣлъ на ханскомъ мѣстѣ, «которое учреждено амбономъ, и оное покрыто персидскимъ ковромъ, а на коврѣ подушка бархату краснаго, на которой Ханъ сидѣлъ, и на немъ надѣта челма красная шелковая, и по сторонамъ его сидѣли знатныя хивинскія старшины, человѣкъ съ 40 и онъ Гладышевъ; ево Абулъ-Хаиръ-Хана поздравилъ съ принятіемъ въ Хивѣ ханства» [1]). На это Абуль-Хаиръ отвѣчалъ: «Благодарю Бога, что теперь Хива въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества, и я въ оной нынѣ ханомъ» [2]). Сидѣвшіе же при этомъ старшины молчали. Но новый ханъ понималъ, что положеніе его очень опасное. Войско персидское, находившееся въ Ханкахъ, не сегодня-завтра могло подступить къ этому городу, а бороться съ шахомъ Абуль-Хаиръ не могъ. Тогда обратился онъ къ Муравину съ просьбою съѣздить къ шаху Надиру посломъ и просить его пощадить городъ, избравшій владѣльцемъ своимъ русскаго подданнаго. Ноября 9-го Надиръ принялъ Муравина, обошелся съ нимъ ласково, обѣщалъ оставить Абуль-Хаира ханомъ въ Хивѣ, только требовалъ его личнаго прибытія въ свой лагерь. Такой отвѣтъ привезъ Муравинъ въ Хиву. Исходъ обѣщалъ быть для Абуль-Хаира благопріятнымъ; но оказалось не то: ханъ перехватилъ въ то же время письмо къ Хивинцамъ, въ которомъ узбеки Ханкаха писали, отъ имени Надиръ-шаха, къ жителямъ Хивы совѣтъ не выпускать хана изъ города до его, шахова, въ Хиву прибытія. Тогда Абуль-Хаиръ, не надѣясь болѣе на своихъ подданныхъ, рѣшился бѣжать изъ Хивы. 11-го ноября, въ полдень, ханъ позвалъ къ себѣ Гладышева съ его товарищами, заявивъ имъ, что хочетъ

---

[1]) Геогр. Изв. 1850 т., стр. 530.

[2]) Такъ говоритъ, вѣроятно, заставляло Абуль-Хаира его шаткое положеніе. Только прикрывшись русскимъ подданствомъ могъ еще онъ удержаться въ Хивѣ; только русскаго подданнаго могъ еще не тронуть Надиръ-шахъ, находившійся съ Россіей въ дружественныхъ отношеніяхъ.

ѣхать къ шаху. Когда Гладышевъ съ своими спутниками явился къ ханскому дворцу, Абуль-Хаиръ былъ уже на лошади, въ убранствѣ, по обычаю хивинскихъ хановъ. При немъ находились: сынъ его Нурали, державшій въ рукахъ лукъ съ напряженною стрѣлою, и человѣкъ сто Киргизовъ, Каракалпаковъ и Аральцевъ. Городскія ворота завалены были землею, но когда Гладышевъ сталъ говорить, чтобы ворота отперли, такъ какъ они ѣдутъ къ шаху, то земля была отвалена, принесены ключи и ворота отперты. Какъ только Абуль-Хаиръ выбрался за городъ, онъ повернулъ въ совсѣмъ противоположную сторону отъ лагеря персидскаго, заставивъ Гладышева слѣдовать за собою [1]). Хивинцы, видя что они были обмануты, стали стрѣлять со стѣнъ во слѣдъ убѣгавшаго хана, но никакого вреда ни ему, ни его свитѣ не причинили. 12-го ноября, у Ходжейли, перебрались черезъ Аму и прибыли въ землю Аральцевъ.

Ханствованіе Абуль-Хаира въ Хивѣ продолжалось, слѣдовательно, дней 6—7; но и послѣ, какъ увидимъ, не покидалъ онъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ на Хиву [2]).

Въ апрѣлѣ 1741 года русскіе офицеры прибыли въ Орскъ.

Такимъ образомъ, миссія эта прямой цѣли своей недостигла, но за то много обогатила нашъ запасъ свѣдѣній о Хивѣ. Результатомъ ея явились: дорожникъ, веденный Муравинымъ, съ показаніемъ пройденнаго пути и румбовъ; опись народамъ на этомъ пути; точное изображеніе Муравинымъ маршрута миссіи [3]); показанія Гладышева и Му-

---

[1]) Послѣ онъ объяснилъ Гладышеву причину такого поступка, разсказавъ о перехваченномъ письмѣ.

[2]) О послахъ Абуль-Хаира къ Надиру и о скоромъ побѣгѣ хана изъ Хивы говоритъ и Мирза-Мегди (стр. 336); не говоритъ онъ только о томъ, что Абуль-Хаиръ ханствовалъ въ Хивѣ, что не подлежитъ однакожъ никакому сомнѣнію.

[3]) Эта карта замѣчательна въ историко-географическомъ отношеніи: она указываетъ на слѣды поселеній на правомъ берегу Аму тамъ, гдѣ теперь

равина о событіяхъ, которыхъ были они очевидцами; записанныя Гладышевымъ со словъ Эль-Мухаммедъ-Абыса (секретаря Абуль-Хаира) свѣдѣнія о Средней Азіи [1]).

Тагиръ-ханъ.

(Ханствовалъ около 8-ми мѣсяцевъ).

Черезъ нѣсколько дней [2]) послѣ бѣгства изъ Хивы Абуль-Хаиръ-хана, Надиръ осадилъ этотъ городъ и послѣ 4-хъ-дневной осады [3]) разрушилъ его.

Мирза-Мегди о разрушеніи города не говоритъ; онъ сообщаетъ только, что Хивинцы сперва защищались, но потомъ сдались и были приняты шахомъ милостиво [4]). То же самое говоритъ и Абдуль-Керимъ: «на другой день по взятіи Хивинской крѣпости, Надиръ отдалъ приказъ бить сборъ и тутъ же запретилъ солдатамъ притѣснять жителей» [5]). Но что городъ былъ разрушенъ — это мы знаемъ,

---

пустыня, и нанесенъ на нее городъ Везирь, нынѣ не существующій. Этотъ Везирь, не тотъ Везирь, о которомъ говорятъ Абуль-Гази и Дженкинсонъ; тотъ лежалъ, какъ видѣли, на склонѣ чинка, слѣдовательно совсѣмъ въ сторонѣ отъ пути Гладышева, и Я. В. Ханыковъ совершенно ошибочно отожествляетъ оба эти Везиря (Геогр. Изв. 1850 г., стр. 524). Но и этотъ Везирь въ началѣ XIX ст. былъ оставленъ жителями, которые поселились въ палаткахъ, по близости города (*Ковырзинъ.* Beiträge zur Kenntniss u. s. w. II, 27). Эта карта приложена къ географическимъ «Извѣстіямъ» за 1850 годъ, а въ «Извѣстіяхъ» за 1849 г. помѣщенъ *планъ* города Хивы, снятый Назимовымъ.

[1]) Гладышевъ былъ въ степяхъ Киргизскихъ и въ 1742, и въ 1743 гг., какъ сообщаетъ Рычковъ въ «Оренб. Ист.».

[2]) Это видно изъ того, что 17-го рамазана (24-го ноября) Надиръ выступилъ изъ Хивы, а 4-го шевваля (11-го декабря) былъ уже въ Чарджуѣ (Gesch. des Nadir-Chah; s. 337).

[3]) Hist. de Nader-Chah; p. 114.

[4]) Тамъ же.

[5]) The Memoirs of khojeh Abdulkurreem; p. 66.

во-первыхъ потому, что планъ города, снятый инженеромъ Назимовымъ, служитъ доказательствомъ, что Хива, послѣ осады ея Надиромъ, получила совсѣмъ другой видъ; во-вторыхъ потому, что два англійскіе купца, Томсонъ и Гогъ, выдержавшіе осаду, свидѣтельствуютъ о разрушеніи его. Томсонъ и Гогъ прибыли въ Хиву 8-го сентября 1740 г.; первый оставался въ ней до 15-го декабря, а второй до 6-го апрѣля 1741 г. [1]).

По взятіи города, англійскіе купцы приведены были къ шаху Надиру, который даровалъ имъ свободу и позволилъ торговать въ Хивѣ. Пользуясь этимъ позволеніемъ и благодаря вступленію въ городъ персидскихъ войскъ, они выгодно распродали свои товары [2]).

Столица ханства дорого поплатилась за свое сопротивленіе. Мало того, что городъ былъ разрушенъ, но еще много жителей было вырѣзано. 4,000 молодыхъ Узбековъ Надиръ завербовалъ въ свою армію и отправилъ въ Хорасанъ. Всѣ рабы, захваченные Хивинцами въ послѣднее ханствованіе, были освобождены и возвращены на родину. 4,000 этихъ рабовъ взяты были въ Хивѣ. Ихъ снабдили лошадьми, вьючными животными и провизіей. Они посе-

---

[1]) Отчетъ о путешествіи Томсона и Гога помѣщенъ Джономъ Генвеемъ въ его «Историческомъ обзорѣ англійской торговли на Каспійскомъ морѣ». (An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. London. 1754 г., т. I, ч. 4).

[2]) Тамъ же. 15-го декабря 1740 г. Томсонъ отправился въ Бухару. «Я пришелъ въ Азаристъ (Azarist=Гезараспъ),—говоритъ онъ,—самый крайній городъ въ Хивинскомъ владѣніи, а караванъ, который я составилъ, перебрался черезъ Аму на лодкахъ; мы путешествовали 7 дней вдоль восточнаго берега этой рѣки; затѣмъ, запасшись достаточно водою, пошли песчаною степью и, послѣ небольшой остановки, вступили въ Бухару... Жители этого города гораздо образованнѣе и вѣжливѣе жителей Хивы...» (стр. 243). Гогъ остался въ Хивѣ, чтобы получить деньги за проданный товаръ. Только 6-го апрѣля тронулся онъ изъ Хивы; за Сыръ-Дарьею былъ ограбленъ, но все-таки успѣлъ пробраться въ Россію.

лены были въ Хорасанскомъ городкѣ Чешмэ-Геленгях'ѣ, въ 4-хъ фарсахахъ отъ Абиверда. Сюда же приведены были плѣнные Хивинцы. Съ того времени городъ этотъ сталъ называться *Хивакъ-Абадомъ* [1]).

По Абдуль-Кериму, всѣхъ Хивинцевъ отведено въ плѣнъ 7,000 человѣкъ и поселены они въ мѣстечкѣ Мавлюдъгахъ, которое было переименовано въ Хивакъ-абадъ [2]).

Освободилъ Надиръ и русскихъ невольниковъ, томившихся въ Хивѣ. Имъ также дозволено было вернуться на родину, для чего, конечно, понадобилось снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ для труднаго пути въ отечество. Извѣстно, напримѣръ, что тогда же русскій Татаринъ Янаевъ привезъ изъ Хивы въ Самару 10 человѣкъ освобожденныхъ русскихъ плѣнныхъ, которымъ Надиръ приказалъ выдать на дорогу каждому по 50 рублей и по лошади [3]). Денегъ у шаха было въ то время много: онъ предъ тѣмъ только-что ограбилъ Индію.

Конечно, походъ въ Хиву Надира не могъ не отозваться на благосостояніи края. На ярмаркѣ въ Оренбургѣ, въ 1741 г., изъ Хивинцевъ не было ни одного человѣка, именно вслѣдствіе раззоренія страны ихъ шахомъ Надиромъ [4]). Извѣстно также, что, послѣ нашествія шаха Надира, Хива сильно оскудѣла скотомъ, такъ что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Оренбургъ пригонялся Киргизами скотъ въ очень недостаточномъ количествѣ, такъ какъ онъ скупался Хивинцами [5]).

До 24-го ноября оставался еще въ Хивѣ Надиръ для

---

[1]) Gesch. des Nadir-Chah; s. 337—338.

[2]) Въ англійскомъ переводѣ стоитъ *Дживакъ-абадъ*, такъ какъ Хива называется тамъ *Дживакъ*; но это, конечно, случайная описка персидской рукописи; она такъ очевидна, что странно видѣть ее неисправленною. (The Memoirs of Khojeh Abdulkurrem; p. 64).

[3]) *Левшинъ:* «Опис. Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей»; ч. II, стр. 147.

[4]) *Рычковъ:* «Оренб. Ист.» (Соч. и пер. 1759 г., стр. 513).

[5]) *Левшинъ:* «Опис. Кирг. ордъ»; III, 220.

приведенія дѣлъ въ порядокъ. Тамъ оставилъ онъ гарнизонъ для поддержки избраннаго имъ *валія* (намѣстника) *Мухаммедъ-Тагиръ-хана*, потомка Чингизъ-Ханова и родственника Абуль-Фейза [1]).

Когда этотъ чингизидъ былъ поставленъ ханомъ въ Хивѣ наши источники говорятъ не совсѣмъ точно. По Мирзѣ Мегди: Тагиръ, аталыкъ и инакъ назначены были Надиромъ послѣ казни Ильбарса. Такъ полагаетъ и Савельевъ, въ статьѣ своей «Хива за сто лѣтъ назадъ» [2]). Да такъ вѣроятно оно и было; но странно только то, что ни Гладышевъ, ни Муравинъ, за время пребыванія ихъ въ Хивѣ, о Тагирѣ ничего не говорятъ. Между тѣмъ Муравинъ, находясь въ лагерѣ Надира, не могъ бы не знать объ избраніи на ханство Тагира, тѣмъ болѣе, что рѣчь его именно хана-то въ Хивѣ и касалась.

Не зная точно времени избранія Тагира на ханство, не можемъ знать: искренно ли Надиръ обѣщалъ утвердить Абуль-Хаира ханомъ въ Хивѣ или это была лишь простая его уловка, чтобы вѣрнѣе захватить Абуль-Хаира въ свои руки.

Во всякомъ случаѣ, ханствовать Тагиръ могъ начать только по уходѣ изъ Хивы шаха Надира. Слѣдовательно, дѣйствительное ханствованіе Тагира могло начаться только съ конца ноября. Но въ сѣверной части ханства, т. е. Аральцы, не признали Тагира своимъ ханомъ и, въ то же почти время, избрали ханомъ Нуралія, сына Абуль-Хаира, что, по свидѣтельству Гладышева, не обошлось безъ ссоръ и кровопролитій [3]).

Но положеніе Нурали у Аральцевъ было незавидно. Тѣмъ болѣе естественнымъ должно казаться желаніе его овладѣть Хивою и сѣсть въ ней на ханство, что едва не удалось его отцу. И вотъ, въ показаніи Гладышева встрѣ-

---

[1]) The Memoirs of Khojeh Abdulkurrem; p. 68.
[2]) «Сынъ Отеч.» 1842 г., кн. январьская.
[3]) Донесеніе Гладышева; стр. 534.

чаемъ разсказъ о письмѣ Нуралія къ отцу своему, Абуль-Хаиру (удалившемуся, послѣ избранія Нурали ханомъ, въ свою ставку), въ которомъ сообщалось, что когда наступитъ мѣсяцъ мартъ, то онъ, Нурали, собравши войско, отправится въ Хиву и убьетъ поставленнаго тамъ шахомъ Персидскимъ хана. На это письмо Абуль-Хаиръ отвѣчалъ сыну, чтобы онъ того хана не убивалъ, а прислалъ бы къ нему, Абуль-Хаиру, для отправленія его къ генералъ-лейтенанту Урусову [1]). И Тагиръ, дѣйствительно, ханствовалъ въ Хивѣ не долго. Англичанинъ Томсонъ, остававшійся въ Бухарѣ до 8-го августа 1741 г., узналъ тамъ отъ людей, бѣжавшихъ изъ Хивы, что Узбеки освободились отъ персидскаго господства: убили поставленнаго надъ ними хана вмѣстѣ съ его приверженцами. По этому, говоритъ Томсонъ, сообщеніе съ Хивой было прервано, тѣмъ болѣе еще, что Персіяне намѣревались отправиться въ Хиву вторично [2]).

Нурали-ханъ.

(Ханствовалъ около 6 мѣсяцевъ).

Кто былъ виновникомъ умерщвленія Тагира, — изъ отчета Томсона не видно; но другой источникъ, именно Мирза-Мегди, прямо указываетъ на хана Нуралія. Въ началѣ джумадія II (въ августѣ 1741 г.) Надиръ-шахъ, находившійся тогда въ Дагестанѣ, — сказываетъ Мегди — узналъ о происшествіяхъ въ Хорезмѣ и избіеніи персидскихъ совѣтниковъ вмѣстѣ съ ханомъ Тагиромъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ явился Нурали съ сво-

---

[1]) Князь Вас. Алекс. Урусовъ управлялъ Оренбургомъ съ 1732 по 1742 г. См. *Рычкова:* «Оренб. Топогр.»; стр. 152 и слѣд.

[2]) An Historical Account; стр. 244.

ими Аральцами и бѣжавшими изъ Хивы Узбеками. Онъ обложилъ Хиву и взялъ ее; хана же Тагира съ его приверженцами убилъ, и самъ сѣлъ на ханство [1]).

Такимъ образомъ персидское господство въ Хивѣ не утвердилось и *вали* лишился жизни. Этого и надо было ожидать. Узбеки, обработывавшіе свои поля руками рабовъ-персіянъ, теперь вдругъ лишились этихъ рабочихъ рукъ и мало того: должны были смириться предъ Персіянами, на которыхъ смотрѣли всегда съ презрѣніемъ. Конечно слѣдовало ожидать, что Хивинцы употребятъ всѣ усилія вернуть прежній порядокъ вещей; въ противномъ случаѣ имъ приходилось начать новый образъ жизни, такъ какъ новые порядки грозили окончательно расшатать и безъ того не очень завидное благосостояніе Хивинскаго ханства. Явился ли Нурали въ Хиву по собственному почину или по приглашенію Узбековъ — не знаемъ; но первое предположеніе вѣрнѣе потому уже, что еще до похода въ Хиву онъ писалъ отцу о своемъ намѣреніи захватить Тагира. Кромѣ того, и время смерти этого персидскаго присяжника близко подходитъ къ предполагаемому Нураліемъ походу. Въ началѣ августа 1741 г. и въ Бухарѣ, и въ мѣстностяхъ болѣе дальнихъ (въ Дагестанѣ, напримѣръ) было уже извѣстно о вступленіи въ Хиву Нурали хана. Вскорѣ послѣ того ему, какъ русскому подданному, посланъ былъ присяжный листъ «для принесенія присяги въ вѣрности Россійской имперіи» [2]). Листъ этотъ отправленъ былъ съ Гладышевымъ же; но онъ доставилъ его только до ставки Абуль-Хаира, а далѣе, къ Нуралію по-

---

[1]) Gesch. des Nadir-Chah; s. 346—347.

[2]) Въ августѣ 1741 г. Гладышевъ еще разъ былъ отправленъ къ Абуль-Хаиру и нашелъ его только 7-го января слѣдующаго, 1742 г. за Сыръ-Дарьей, близъ низовій Аму-Дарьи. 6-го марта отправился онъ обратно въ Оренбургъ. Въ эту поѣздку Гладышевъ и возилъ присяжный листъ къ Нурали-хану. *Рычковъ*, «Оренб. Исторія» (Сочин. и перев., кн. август., стр. 111). *Ханыковъ*, «Поясн. Зап.»; стр. 325.

везъ его одинъ Киргизъ. Результатъ этого сношенія нашего правительства съ Нурали-ханомъ намъ неизвѣстенъ, такъ какъ изъ показанія Гладышева (относящагося къ 1742 году) видно, что отвѣта на этотъ листъ получено не было. Да едва ли и могъ Нурали утвердить присяжный листъ: не до того ужь ему было. Вернувшіеся въ Орду киргизы сказывали Гладышеву, что сынъ Шаха Персидскаго стоитъ въ городѣ Бухарской области Черижовѣ (Чарджуѣ) и намѣренъ, обогнувши Хиву (оставя ее въ правой рукѣ), краемъ Туркменскихъ земель пройти къ Аральцамъ и отмстить имъ «за то, что они оставленнаго въ прошломъ 740 (1740) году. Шахомъ Персидскимъ въ Хивѣ Ханомъ одного персидскаго министра *Дайра* (т. е. Тагира) съ 40 человѣки до смерти побили; а оттуда для таковаго же раззоренія намѣренъ наступить на Хиву и, оную успокоя, оставить тутъ ханомъ прежде бывшаго въ Хивѣ Ханомъ Юлъ-Бориса (т. е. Ильбарса) сына» [1]). Но это только слухи, для исторіи значенія не имѣющіе; посмотримъ, что говорятъ о Хивѣ за это время источники болѣе положительные.

Въ началѣ *джумади-ль-ахри* 1154 г. (въ августѣ 1741), сообщаетъ Мирза-Мегди, въ лагерь шаха Надира въ Дагестанѣ пришла вѣсть объ убіеніи Тагира. Случилось же это, по сказанію Мегди, слѣдующимъ образомъ.

Когда Надиръ осаждалъ города Хорезма, нѣкоторые Узбеки, съ инакомъ Артукомъ [2]) во главѣ, бѣжали къ Аральцамъ, въ страну сопредѣльную съ Казаками (Малой Киргизской Ордой), гдѣ въ то время былъ ханомъ Нурали [3]),

---

[1]) «Геогр. Изв.»; 1850 г., стр. 547—548.

[2]) Гладышевъ упоминаетъ Артука «*владѣлица*» у Аральцевъ, игравшаго важную роль въ приглашеніи въ Хиву Абуль-Хаира, и называетъ его Артукъ-Бекомъ (Геогр. Изв. 1850; 538, 595—6). Не одно ли это лицо съ инакомъ Артукомъ, и не былъ ли, наконецъ, этотъ инакъ однимъ изъ сыновей Ширгазы-хана, удалившихся, какъ извѣстно, къ Аральцамъ?

[3]) Въ обоихъ переводахъ Jones'a, во французскомъ (ч. II, стр. 124) и нѣмецкомъ (стр. 347), вмѣсто Нурали стоитъ—*Пурали*.

сынъ Абуль-Хаира, хана Казацкаго. Нурали, соединившись съ этими бѣглецами, осадилъ и взялъ Хиву; а хана Тагира, вмѣстѣ съ нѣсколькими его приближенными, предалъ смерти. Ханомъ въ Хивѣ сталъ Нурали [1]).

Усмирить возмутившуюся провинцію Шахъ-Надиръ отрядилъ своего сына, находившагося въ то время въ Хорасанѣ, Насръ-Уллу Мирзу, съ артиллеріей въ полномъ составѣ, да приказалъ еще нѣсколькимъ военачальникамъ двинуться въ Хорезмъ и около новаго года присоединиться къ арміи принца [2]). Когда Артукъ-инакъ и его Аральскіе и Хивинскіе сообщники узнали о движеніи сына Надирова въ Хорезмъ, поспѣшили принести повинную. Они явились къ Насръ-Уллѣ въ Мервъ и просили прощенія. Насръ-Улла, остановился по этому случаю въ Мервѣ и донесъ о случившемся своему отцу. Тотъ въ награду за вѣрную службу пяти тысячъ Узбековъ, находившихся въ его войскѣ, согласился не только простить бунтовщиковъ; но по просьбѣ тѣхъ же Узбековъ назначилъ ханомъ въ Хорезмѣ *Абуль-Мухаммеда*, сына Ильбарсова прибѣгшаго подъ «побѣдоносныя знамена» принца. Артукъ инакъ получилъ важный постъ при новомъ ханѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, шахъ Надиръ наказывалъ сыну собрать отрядъ изъ Аральцевъ [3]) и Хорезмцевъ и препроводить къ нему; плѣнныхъ освободить; а Туркменъ-Теке и Юмудъ, находившихся въ то время въ Хорезмѣ, водворить въ Хорасанѣ. Оба эти племени исполнили требованіе Шаха. Затѣмъ Насръ-Улла Мирза повернулъ въ Хорасанъ, куда и прибылъ 22 числа *джумади-ль-ахри* [4]). Такимъ образомъ, Насръ-Улла былъ занятъ дѣлами Хорезма цѣлый годъ.

---

[1]) Gesch. des Nadir-Chah; s. 347, 356.

[2]) Т. е. къ началу 1155 г., который начался 3-го февраля 1742 г. по нашему лѣтосчисленію.

[3]) Аральцы, говоритъ Мегди, подчинились новому хану.

[4]) Т. е. 2-го августа 1742 года по моему вычисленію, и 14-го іюля по Jones'ову (Gesch. des Nadir-Chah; 344, 356—357).

Изъ этого источника мы видимъ, что вовсе не изъ Чарджуя войско персидское готовилось двинуться на Хиву; а изъ Хорасана. Не на Аральцевъ напасть долженъ былъ Насръ-Улла, а прямо идти на Хиву. Тѣмъ не менѣе слухъ, сообщенный Гладышеву, имѣлъ полное основаніе. Доказательствомъ тому служитъ свидѣтельство англійскаго купца Томсона, который, какъ извѣстно, оставался въ Бухарѣ до 8-го августа 1741 года. Онъ говоритъ, что сынъ шаха, находившійся въ Бухарѣ, получивъ извѣстіе о событіяхъ въ Хивѣ, сейчасъ же сталъ собираться въ Хиву для наказанія мятежниковъ [1]). И если онъ не пошелъ на Хиву, то потому, надо полагать, что Надиръ назначилъ для усмиренія ея другаго своего сына, Насръ-Уллу. Во всякомъ случаѣ, ни Мирза-Мегди, ни другой кто о дѣйствительномъ выступленіи Риза-Кула не говорятъ. Но въ показаніи Гладышева, составленнаго раньше, чѣмъ событія эти совершились, особенно интересенъ слухъ о намѣреніи Надира посадить ханомъ въ Хивѣ сына казненнаго имъ Ильбарса,— слухъ вполнѣ оправдавшійся.

Попробуемъ теперь опредѣлить продолжительность ханствованія въ Хивѣ Нурали-хана. Изъ письма его къ отцу видно, что выступленіе его въ Хиву назначалось имъ въ мартѣ 1741 года; но дѣйствительно-то выступилъ Нурали, полагать надо, нѣсколько позже, потому что только въ началѣ августа стало извѣстно объ убіеніи имъ Тагира. Значитъ, овладѣть ханствомъ могъ онъ раньше августа; но не позже іюля. Не такъ легко опредѣлить время бѣгства изъ Хивы Нурали-хана. Если приверженцы его, съ инакомъ Артукомъ во главѣ, бросились въ Хорасанъ и предались на сторону Насръ-Уллы, то Нуралію дѣлать въ Хивѣ было уже ничего; а слѣдовало убираться по добру-по здорову туда, откуда пришелъ. Но когда явились хорезмскіе вельможи къ персидскому царевичу—у Мирзы-Мегди не гово-

[1]) An Historical Account, стр. 244.

рится. Въ показаніи Гладышева, (гдѣ 740-й годъ названъ *прошлымъ*) видно, что въ 1741 г. о Нурали-ханѣ ничего не было извѣстно положительнаго; а такъ какъ въ этомъ же показаніи, сказывается о выборѣ уже новаго хана (сына Ильбарсова), то можно было бы заключать что Нурали долженъ былъ оставить Хиву еще въ 1741 году; но Гладышевъ, остававшійся въ ставкѣ Абуль-Хаира до 6-го марта 1742 года, не упоминаетъ о томъ, что Нурали удалился изъ Хивы и въ показаніи своемъ (помѣченномъ 1742 годомъ) продолжаетъ говорить о немъ, какъ о ханѣ въ Хивѣ. Не имѣя точнаго указанія о времени бѣгства Нурали изъ Хивы, не можемъ точно опредѣлить и время тамъ его ханствованія. Вѣроятнѣе однако полагать, что Нурали бѣжалъ изъ Хивы въ концѣ 1741 года, а въ такомъ случаѣ ханствованіе его длилось не болѣе полугода.

Показанія Гладышева и Муравина слишкомъ важны, чтобы можно было пройти ихъ молчаніемъ. Это единственный почти источникъ для ознакомленія съ тогдашнимъ положеніемъ Хивинскаго ханства. Но не нужно забывать при этомъ и то, что русскіе офицеры находились въ Хивѣ въ смутное время, а потому нѣкоторыя, выходящія изъ ряда вонъ, событія могли показаться имъ обычнымъ порядкомъ вещей.

За все это время (отъ смерти Ильбарса до бѣгства изъ Хивы Нуралія) въ Хивѣ не могло быть установившагося, правильнаго порядка для вступленія хановъ на престолъ. Избраніе и возведеніе новаго хана было дѣломъ или партій (каковымъ было избраніе Абуль-Хаира Хивинцами, и сына его Нурали Аральцами) или посторонняго вмѣшательства (Тагиръ, избранный шахомъ Надиромъ, и сынъ Ильбарса, поставленный сыномъ Надира), поэтому ни Гладышевъ, ни Муравинъ о престолонаслѣдіи ничего не говорятъ, но за то не могли они умолчать о частомъ смѣненіи хановъ. Это смѣненіе, по свидѣтельству Гладышева, произ-

водилось очень легко: «у Хивинцевъ же обыкновеніе такое, что ежели Ханъ хотя малую какую досаду или обиду имъ покажетъ, то они его какими нибудь способы тайно умертвятъ и того никакъ уже не упустятъ» [1]). Политическое состояніе страны описывается слѣдующимъ образомъ: «Хивѣ подсудныхъ городовъ одиннадцать, изъ которыхъ на пути ѣдучи отъ Оренбурга: Гурлянъ, Везирь, Кентъ, Шабасъ (Шахъ-абадъ), Казабатъ (Газаватъ); по ту сторону Хивы: Ханки *(оные города сами видѣли)*, Ургенчь, Адарусъ (Гезараспъ), Бетнякъ, Аксарай *(объ нихъ слышали)*, въ которыхъ во всѣхъ главные тутошніе князьки, а не хивинскіе, токмо во владѣніи хивинскомъ считаются» [2]). Такимъ образомъ показаніе Гладышева сообщаетъ намъ, что *удѣльно-родовая* система, господствовавшая въ Хивѣ съ пришествія туда Узбековъ до времени Абуль-Гази включительно (далѣе свѣдѣнія наши объ этой системѣ очень скудны), обратилась въ систему *вассальную*. То-есть: ханство не дѣлится на удѣлы между членами ханскаго семейства; а въ каждомъ городѣ является свой князекъ, бекъ, надо полагать, который признаетъ надъ собою верховную власть хана, живущаго въ Хивѣ «въ нарочитомъ великолѣпіи» [3]). Нигдѣ въ другомъ какомъ источникѣ не находимъ ни объясненія, ни подтвержденія этому сообщенію Гладышева; но такой порядокъ вещей могъ образоваться очень легко: «вассальная» система имѣетъ близкую связь съ «удѣльной». Совсѣмъ особнякомъ стоитъ при этомъ Аральское владѣніе, которое добивается полной самостоятельности, избираетъ своихъ хановъ. Рычковъ, по описанію Кирилова (хранившемуся въ Оренбургской губерн.

---

1) *Ханыковъ*, «Поясн. Зап.», стр. 277.

2) Тамъ же, стр. 276.

Объ, приведенныя мною, цитаты не находятся въ изданной Я. В. Ханыковымъ «Поѣздкѣ (Гладышева) изъ Орска въ Хиву», а приводятся имъ въ «Поясните. Зап.», и, въ нѣсколько иномъ видѣ, Рычковымъ, въ его «Оренб. Ист.» (Соч. и пер. 1759 г.; т. I, стр. 508—509).

3) «Оренб. Топ.» (Соч. и пер. 1762 г.; ч. I, стр. 22).

канцеляріи), сказываетъ, что «народъ сей (Аральцы) бывалъ Хивинскихъ хановъ подданный, отъ коихъ не весьма давно отложился, и у себя своего хана отъ фамиліи хивинскихъ хановъ утвердили. Когда Хивинцы настоящихъ своихъ хановъ родъ перевели, и стали брать себѣ въ ханы изъ Салтановъ Киргизъ Кайсацкихъ, Аральской ханъ искалъ себѣ Хивинскаго ханства по наслѣдству; но будучи безсиленъ (ибо и 5 тысячъ войска собрать не можетъ), того своего желанія получить не могъ, а нынѣ случается, что у Аральцевъ и Киргискіе Султаны ханствуютъ, какъ то не давно меньшой орды Абуль-Хаиръ хановъ большой сынъ нѣсколько времени у оныхъ Аральцовъ ханствовалъ» [1]).

Аральское владѣніе дѣлилось на четыре *тюбы* (т. е. участка), а въ нихъ 32 рода, и «въ тѣхъ родахъ имѣются два города съ тамошними Старшинами и Беками» [2]).

1) «Мангуцкого Рода городъ *Шахтемиръ* [3]); въ немъ старшины: Бердали-Бекъ, Артыкъ-Бекъ, Сеитали-Бекъ, Куразгали-Бекъ [4]); четыре брата, все тамошніи старшины да Беки, и съ прочіи посовѣтовавшись, Мургалей-Салтана приняли на ханство». Такъ читаемъ мы въ письмѣ (приложенномъ къ показанію Гладышева) толмоча Мухаммеда-Нурлина, приставленнаго къ Абуль-Хаиру правителемъ Оренбурга Татищевымъ. Въ показаніи же самаго Гладышева мы видѣли, что Артыкъ, Сеитали, Куразали были

---

[1]) *Рычковъ*, «Оренб. Топ.»; стр. 24 Срав. раньше на стр. 180.

[2]) Геогр. Изв.; 1850 г., стр. 538—539.

[3]) Описывая Аральцевъ, Гладышевъ говоритъ объ этомъ городѣ: «а городъ у оныхъ Аральцовъ, Шахтемиръ, построенъ не доѣхавъ Улу-Дарьи (такъ называется одинъ изъ рукавовъ рѣки Аму) 53 версты (въ другомъ мѣстѣ—50 верстъ), на каналѣ, которой пропусченъ изъ рѣчки Узень-Дарьи, и сдѣланъ былъ изъ глины, и нынѣ весь развалился; а прочіе кочуютъ вмѣстѣ кибитокъ по сту и до пятисотъ; и въ означенномъ городѣ построенія нѣтъ, кромѣ кибитокъ» (Геогр. Изв.; 1850, 590). «Отъ озера Сарткула до Шахтемира 90 верстъ» (стр. 550). Городъ этотъ построенъ, какъ кажется, Шахъ-Темиръ-Султаномъ.

[4]) Геогр. Изв.; 1850, 534.

сыновья Ширгазы-хана. Здѣсь является ихъ уже четыре брата, и при томъ сказывается, что они избираютъ на ханство Мургалей-Султана (т. е. Нурали-Султана).

2) «Въ Конрацкомъ Родѣ другой городъ [1]); у нихъ старшины: Бердали-Бекъ, Бекназаръ-Бій, Балта-Аталыкъ, Рахманкули-Бій, Авязь-Инакъ».

3) «Кипчацкаго Рода, въ немъ старшины: Уразъ-Алій-Кушбекъ да Перимъ-Аталыкъ».

4) «Ходжа-Илинскаго Рода Старшины: Хатыбъ-Хаджа, Мурза-Бій».

«Протчія мелкія роды сообщаются къ показаннымъ четыремъ тюбямъ; всего народу сорокъ тысячей на конь садится» [2]).

Администрація въ городѣ Хивѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Старшины въ городѣ: Бекназаръ-Бій, Аллаберды-Бій, Надыръ-Бій, Гали-Бій, Ходжамкули-Бій, оные Совѣтниками числятся.

Аталыки: Муратъ-Аталыкъ, Ярмухамметъ-Аталыкъ, оные двоя тамошнихъ Біевъ всякія ихъ нужды доносятъ хану.

Инаки: Гавызъ-Инакъ, Исянъ-Муратъ-Инакъ, ханскіе тайные совѣтники.

Мирабы (судьи надъ водолеями): Заитхузя-Мирабъ, Качкаръ-Мирабъ, они (вмѣстѣ съ Бай-Мухаммедъ Арга-Аталыкомъ) какъ на пашню, такъ и для чищенія каналовъ отправляютъ (назначаютъ рабочихъ). Мяканъ-Худай-Берды, Ніязъ-Шегаулъ, Уразъ-Айдачи, Полванъ-Кулы-Махрамъ, Мяканъ-Ярымъ-Махрамъ, Мяканъ-Рахманъ-Берды-Аталыкъ, Мяканъ-Тюртъ, Акъ-Арбабъ, Достъ-Мухамметъ,

---

[1]) Не есть ли этотъ, не названный городъ, черезъ который проѣзжали наши офицеры и который названъ у Гладышева мѣстечкомъ, — Кунградъ? (Геогр. Изв.; стр. 533).

[2]) Геогр. Изв.; 1850, стр. 538.

Арбабъ-Достъ, Полванъ-Кулы, Акбаки-Арбабъ, Абдула-Акъ, «оныя градскія и надъ Сартами большія командиры».

Сотники: Шерембай, Метеръ; *Юзбаши* [1]): Молла-Мухаммедъ-Загитъ, Кючикъ-Шерефъ.

Ханскіе казначеи: Мухаммедъ-Шерефъ, Кули-Мухамметь-Шерефъ, Уромъ-Муширифъ, Аманъ-Муширифъ [2]).

О Туркменахъ тамъ-же читаемъ, что четыре тюбы ихъ — Тянаумедъ (Теке-Юмудъ), Чирчавъ (Чаудуръ?), Мангушлавъ (Мангышлакскіе), Тызянъ (Тежень) — всего народу 30,000 «а кочуютъ по сей сторонѣ Персицкаго Владѣнія, *а содержатся подъ владѣніемъ* Хивы» [3]).

Далѣе узнаемъ, что у Хивинцевъ деньги чеканятся мѣдныя [4]). Порохъ приготовляютъ они сами, а сѣру покупаютъ въ Бухарѣ.

Плѣнныхъ русскихъ, оставшихся изъ отряда Бековича, калмыковъ и иноземцевъ въ городѣ Хивѣ, по показанію Гладышева, основанному на свидѣтельствѣ плѣннаго яицкаго казака Андрея Бородина, наберется около трехъ тысячъ. Бородинъ зналъ это потому, что весною выгоняютъ ихъ на работу чистить огибающій городъ каналъ. Да сверхъ того, передавалъ онъ, 500 человѣкъ такихъ плѣнныхъ находится въ аральскомъ владѣніи; столько же въ Киргизъ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 539. Не знаю, какое различіе имѣлъ переводчикъ, приводя два отдѣла должностныхъ лицъ: *Сотниковъ* и *Юзбашей*. *Юзбаши* и значитъ *сотникъ*. Вѣроятно, вмѣсто сотниковъ должно стоять: *тысячники*, какъ заключать можно изъ того, что традація постепенно спускается къ низу.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Вотъ что говоритъ Томсонъ о деньгахъ, обращавшихся въ Хивѣ: «Монеты у нихъ въ обращеніи *золотые дукаты*, вѣсомъ въ 1 золотникъ (muscal) и равны тремъ пенни на англійскій вѣсъ; такимъ образомъ *мѣдная* монета, по ихнему *теньга* (tongas), идетъ отъ 50-ти до 80-ти за 1 дукатъ, смотря по курсу. Серебряныхъ монетъ своего битья у нихъ нѣтъ, но послѣ вторженія въ Хиву шаха Надира стали обращаться у нихъ въ большомъ изобиліи монеты персидскія и индѣйскія». (An Historical Accunt of the British Trade over the Caspian Sea; p. 244).

Кайсайцкихъ и Каракалпацкихъ ордахъ [1]). Это число, можетъ быть нѣсколько и преувеличено; но что уже положительно невѣрно, такъ это то, что столько плѣнныхъ (до 3,000 тысячъ) осталось въ Хивѣ изъ отряда Бековича къ 1740 году: весь-то отрядъ Бековича немного превышалъ 3,000 человѣкъ. Ф. Беневени доносилъ Петру Великому, что нашихъ плѣнныхъ въ Хивѣ находится около 1,500 чел. [2]); наконецъ Абуль-Хаиръ-доносилъ князю Урусову, въ началѣ 1741 г., что къ 1740 году въ Хивѣ находилось всего 24 человѣка плѣнныхъ изъ отряда Бековича [3]). Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что Бородинъ совсѣмъ ужъ выдумалъ о числѣ русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ Хивѣ: онъ просто ошибся, назвавъ ихъ остаткомъ Бековичева отряда; плѣнные наши постоянно доставлялись въ Хиву, и число ихъ нерѣдко доходило до двухъ-трехъ тысячъ [4]).

Абуль-Гази-Мухаммедъ-Бегадуръ ханъ.

(Ханствовалъ съ 1742 по 1745 (?) годъ).

Призваніе Хивинцами Нуралія на ханство было ничто иное, какъ желаніе Узбековъ освободиться отъ персидской зависимости. Но попытка Узбековъ завести своего хана не удалась. Нурали бѣжалъ изъ Хивы, а ханомъ поставленъ былъ хотя и сынъ прежняго тамошняго хана; но онъ былъ на-

---

[1]) «Поясн. Зап.»; стр. 318.

[2]) Зап. Геогр. Общ.; кн. IX, стр. 303.

[3]) «Поясн. Зап.»; стр. 318.

[4]) Здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса, но онъ изложенъ мною подробнѣе въ статьѣ «О русскихъ невольникахъ въ Средней Азіи», которая скоро появится въ печати.

значенъ шахомъ Надиромъ, а потому и долженъ былъ находиться подъ зависимостью персидскаго шаха.

Но что происходило затѣмъ въ Хивѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, какіе сидѣли въ ней ханы, и что они дѣлали — это совершенно для насъ темно. По сбивчивымъ и неяснымъ, изрѣдка только попадающимся, свѣдѣніямъ можно не болѣе, какъ догадываться о состояніи Хивы за это время, или — что ничуть не легче, строить болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы.

Въ концѣ 1741 или, вѣроятнѣе, въ началѣ 1742 года сѣлъ на ханство въ Хивѣ, какъ говоритъ Мирза-Мегди, сынъ хана Ильбарса, Абуль-Мухаммедъ.

Спустя почти 2 года послѣ вступленія его на ханство, въ концѣ 1743 года, встрѣчаемъ въ Хивѣ хана съ нѣсколько инымъ именемъ. Ханъ этотъ называется *Абуль-Гази-Мухаммедъ-Батыремъ*. Имя его сохранилось въ письмѣ, отъ 9-го декабря 1743 г., нашего канцлера Бестужева-Рюмина къ этому Абуль-Гази хану. Оно отправлено было по поводу пріѣзда хивинскаго посланца Алла-Вердія, который пріѣзжалъ къ намъ просить усиленія торговыхъ сношеній и требовалъ, въ тоже время, возвращенія хивинскаго посла Артыка (Артука), отправленнаго къ русскому правительству еще при отцѣ *Абуль-Казы (Гази) Мухаммеда*. Но какъ назывался отецъ этого Абуль-Газыя, въ письмѣ не говорится [1]).

Очевидно, что *Абулъ-Мухаммедъ* у переводчика Мирзы-Мегди и *Абуль-Казы-Мухаммедъ* въ письмѣ канцлера есть одно и тоже лицо. Пропускъ въ первомъ случаѣ (одного слова) не сомнѣненъ, такъ какъ въ словѣ *Абу-ль*, окончаніе *ль* есть арабскій членъ слѣдующаго какого нибудь

---

[1]) Копія съ этого письма была потомъ прислана изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Оренбургъ, для образца послѣдующихъ писемъ при сношеніи съ Хивинскими ханами. См. «Ист. изв. о Киргизъ-Кайсакахъ» *В. В. Вельяминова-Зернова;* Уфа, 1853, т. I, стр. 140. Оттуда и узналъ я о его существованіи.

слова, только никакъ не слова—Мухаммедъ [1]). Письмо же Бестужева-Рюмина даетъ возможность возстановить пропускъ и показываетъ полное имя этого хана. Въ такомъ случаѣ отецъ его былъ никто иной какъ ханъ Ильбарсъ, который слѣдовательно и посылалъ посольство въ Россію. Но посолъ его, Артукъ, почему-то не вернулся обратно даже въ 1743 году.

Подъ 1744 годомъ разсказываетъ Мегди, что нѣкоторые хивинскіе бунтовщики, соединясь съ Юмудами, убили инака Артука. Шахъ-Надиръ, узнавъ о томъ, тотчасъ же приказалъ племяннику своему Али-Кули-хану отправиться въ Хорасанъ и оттуда двинуться для подавленія возмущенія [2]).

Когда Али-Кули ханъ прибылъ въ Хорезмъ, то *Абуль-Хаджи* (т. е. Абуль-Гази) ханъ съ нѣкоторыми старшинами родовъ выказалъ ему полное повиновеніе; но Юмуды держали себя совершенно иначе: они собрались около Ургенча и напали на Персіянъ. Это нападеніе кончилось совершеннымъ пораженіемъ Тукменъ; многіе были избиты, другіе взяты въ плѣнъ. Уцѣлѣвшіе не захотѣли оставаться на своемъ разоренномъ мѣстѣ жительства и удались къ Балканскимъ горамъ что близъ Астрабада. Али-Кули ханъ, возстановивъ такимъ образомъ порядокъ въ этой странѣ и *давъ ей правителя*, возвратился, въ 1745 году въ Хорасанъ [3]).

Ханствованіе Абуль-Гази Мухаммеда не было самостоятельнымъ ханствованіемъ онъ былъ не болѣе какъ вассалъ Персидскаго шаха. Два факта служатъ тому подтвержденіемъ. Первый — это письмо (относящееся къ 1745 году) сына Надирова къ Нуралію съ приглашеніемъ принять

---

[1]) Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что далѣе въ «Исторіи шаха Надира» имя правителя Хивы написано: Abul-Gagi (Хаджи вм. Гази?) khan; s. 392.

[2]) Gesch. des Nadir-Chah; s. 380—381.

[3]) Ibid; s. 392.

ханство Хивинское [1]); а это обстоятельство ясно показываетъ, что Персіяне смотрѣли на Хиву какъ на свою область, ими покоренную. Вторымъ подтвержденіемъ служитъ то, что правительство наше даже въ 1750 году сомнѣвалось относительно хивинскаго хана Каипа не подданный ли онъ персидскаго шаха [2]).

Долго-ли ханствовалъ Абуль-Гази? Замѣчаніе Медги, что Али-Кули ханъ «поставилъ правителя» въ Хорезмѣ показываетъ, что Абуль-Гази былъ смѣненъ какимъ-то новымъ лицомъ; но кто былъ этотъ избранникъ—неизвѣстно.

Съ ханствованія Ильбарса, Абуль-Хаира и сына этого послѣдняго, Нурали, начинается, съ перерывами впрочемъ, періодъ избранія Хивинцами на ханство хановъ изъ Киргизскихъ Султановъ. Причина такого, страннаго, по видимому, явленія объясняется какъ нельзя лучше нашими писателями, касавшимися событій въ Хивѣ того времени. Рычковъ пишетъ: «у Хивинцевъ издавна было обыкновеніе, Хановъ своихъ тайнымъ образомъ умерщвлять, когда отъ нихъ увидятъ себѣ озлобленіе, чѣмъ настоящую Ханскую породу у себя вывели, и уже чрезъ нѣсколько лѣтъ берутъ въ Ханы изъ постороннихъ Салтановъ» [3]). На тоже намекаетъ, хотя и не совсѣмъ отчетливо, маіоръ Бланкенагель [4]).

---

[1]) Извѣстіе о письмѣ этомъ сохранилось у Левшина, въ «Описаніи Киргизскихъ ордъ и степей» (см. дальше, стр. 214). Имени сына Надирова не приведено.

[2]) См. дальше.

[3]) «Оренб. Топ.»; ч. I, стр. 22—23 (а также Соч. и перев. 1762 г.; ч. I, стр. 22).

[4]) Насколько намъ извѣстны немногіе факты за это время (съ начала XVIII ст.), мы можемъ заключать, что Бланкенагель, перечисляя хановъ въ Хивѣ послѣ Надира, напуталъ, какъ относительно ихъ происхожденія, такъ и порядка ханствованія. По его «Замѣткамъ» оказывается, что Надиръ поставилъ ханомъ въ Хивѣ Киргизъ-Кайсака, который по смерти Надира былъ изгнанъ Узбеками (до этого-де времени сами они были изгнаны изъ Хивы,

Такое толкованіе нисколько не противорѣчитъ ходу событій въ хивинскомъ ханствѣ, а напротивъ многое еще объясняетъ. Ханы, избранные изъ чужаго народа, избранные не по праву наслѣдства, естественно должны были находиться въ нѣкоторой зависимости у тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣло избраніе хана. Лучшимъ примѣромъ мы можемъ выставить положеніе въ Хивѣ Абуль-Хаира. Призванный Хивинцами, онъ занималъ только почетное мѣсто хана, а распоряжался всѣмъ въ то время *кто-то другой*. Когда Абуль-Хаиръ задумалъ бѣжать изъ Хивы, ворота оказались завалены землей и заперты на замокъ, ключъ отъ котораго Абуль-Хаиръ добылъ только *обманомъ*.

Это избраніе Киргизскихъ Султановъ на ханство имѣло важное вліяніе на умаленіе значенія хана въ Хивѣ. Теряя мало по малу свою власть въ дѣлѣ управленія дѣлами ханства, ханы обратились наконецъ въ ничего незначущихъ куколъ, которые, какъ увидимъ, сидѣли на престолѣ только для виду. Кто же могъ, спрашивается, ограничить такъ власть хановъ и при ханахъ играть первенствующую роль. Такую роль могли играть только старшины родовъ, *Инаки*, отъ которыхъ зависѣло избраніе хана, или его утвержденіе. Эти инаки называются у Нурлина *тайными совѣтниками*.

а тогда вернулись). Узбеки призвали на ханство хана изъ Бухары, но вскорѣ умертвили его и выбрали себѣ хана изъ каракалпацкихъ хановъ (см. «Вѣстн. Геогр. Общ.» 1858 г., кн. 3). Никакого хана изъ киргизовъ Надиръ въ Хивѣ не поставлялъ. Тагиръ, имъ избранный, имѣлъ совсѣмъ другое происхожденіе. Если Киргизъ-Кайсакъ, поставленный Надиромъ и изгнанный Узбеками, есть Абуль-Хаиръ, то это не вѣрно; если приглашенный Хивинцами ханъ изъ Бухары есть Тагиръ, то это также невѣрно. Но должно сознаться, что въ этотъ темный для насъ періодъ исторіи Хивы и могъ сидѣть въ Хивѣ на ханствѣ ханъ, приглашенный жителями изъ Бухары. Но разрѣшить наше сомнѣніе пока еще не можемъ. Еще одно замѣчаніе по поводу «Замѣтокъ»: Бланкеннагель говоритъ, что Хивинцы выбрали себѣ хана изъ Каракалпаковъ. Каракалпацкихъ хановъ въ Хивѣ никогда не было, а такъ называлъ онъ киргизскихъ султановъ, въ Хивѣ ханствовавшихъ. Такъ назывались они и въ дѣлахъ Пограничной Коммисіи.

Тоже значеніе имѣли инаки и въ Бухарѣ [1]). Только инаки въ Хивѣ находились въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для своего усиленія, такъ какъ ханъ, незнакомый съ порядками страны, естественно долженъ былъ *совѣтоваться* съ инаками, и безъ ихъ участія едвали бы рѣшился сдѣлать что-либо по своему разумѣнію. Отсюда начинается важное значеніе инаковъ въ управленіи страною. У Абуль-Гази не играютъ они, какъ сказано, такой важной роли и упоминаются какъ-то вскользь; а только беки и аталыки принимаютъ дѣятельное и видное участіе въ дѣлахъ ханства.

Къ какому результату привело такое положеніе вещей, въ свое время увидимъ.

ПРАВЛЕНІЕ ИНАКОВЪ.

Каипъ-ханъ.

(Съ конца 40-хъ до конца (?) 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія).

Въ концѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія видимъ въ Хивѣ ханомъ Каипа, сына Батыря, Султана Малой Киргизской орды [2]). Когда вступилъ на ханство Каипъ — мы не знаемъ. Тѣ отрывочныя указанія, которыя попадаются у насъ о Хивѣ за время съ 1742 по 1750 годъ, не выясняютъ намъ, какъ попалъ Каипъ въ Хиву.

Подъ 1745 годомъ въ «Оренбургской Исторіи» Рычкова

---

[1]) *Meyendorff*, Voyage d'Orenbourg à Boukhara; Paris 1826, p. 260. См. также раньше, стр. 143.

[2]) Свѣдѣнія о ханствованіи Каипа находятся: Въ «Ист. изв. о Киргизъ-Кайсакахъ» *В. В. Вельяминова-Зернова* (Уфа; 1853—1855 г.). («Извѣстія» эти составлены по документамъ, хранившимся въ Оренбургскомъ архивѣ, и представляютъ самый богатый запасъ свѣдѣній о ханствованіи въ Хивѣ Каипа). У *Левшина*, въ «Опис. Кирг.-Кайсацк. ордъ и степей»; Спб. 1832 года, ч. II. Въ «Путешествіи изъ Оренбурга въ Хиву Самарскаго купца Рукавкина, въ 1753 г.» (Журн. Мин. Вн. Д. 1839 г., кн. 12).

(на основаніи документовъ Пограничной Канцеляріи) находимъ, что въ это время Туркмены, персидскіе подданные дали знать Абуль-Хаиру, что они идутъ на Хиву и просятъ его помощи. Абуль-Хаиръ тотчасъ донесъ объ этомъ въ Оренбургъ. Наше пограничное правительство было противъ вмѣшательства Абуль-Хаира въ дѣла Хивы, потому, можетъ быть, что ханство это числилось въ вѣдѣніи шаха Надира, и Неплюевъ всячески старался удерживать честолюбивые замыслы Абуль-Хаира на Хиву; а тотъ отдалъ уже было приказъ готовить для похода коней. Впослѣдствіи оказалось, сообщаетъ Рычковъ, что Туркмены «никакого знатнаго намѣренія на Хиву не учинили». Въ томъ же году и хивинцы, обезпокоиваемые Туркменами, засылали пословъ къ Абуль-Хаиру и просили у него сына его, Султана-Нурали, себѣ въ ханы. Письма съ этою просьбою, привезенныя послами, Абуль-Хаиръ отправилъ въ Оренбургъ къ Неплюеву, спрашивая у него совѣта, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Неплюевъ, по обыкновенію, сталъ удерживать стремленія Абуль-Хаира въ Хиву; но приводимые генералъ-губернаторомъ доводы, на хана не дѣйствовали. Ему казалось, что завѣтная мечта быть ханомъ въ Хивѣ или имѣть тамъ, въ качествѣ подручнаго, своего сына должна была наконецъ осуществиться. И если онъ принужденъ былъ оставить ее, то совсѣмъ не по настоянію Неплюева; а по другимъ обстоятельствамъ. Дѣло въ томъ, что Нурали также получилъ пригласительное письмо на ханство; но только отъ сына персидскаго шаха. Нурали уже готовъ былъ отправиться въ Хиву, какъ получилъ извѣстіе, отъ жены своей, оставленной имъ прежде въ этомъ городѣ, которая сообщала Нуралію, что Персіяне послали къ нему приглашеніе на ханство съ цѣлію лишить его тамъ жизни. Это извѣстіе и удержало Нурали при отцѣ [1]).

[1]) Сочин. и перев. 1759 г.; ч. II, 307—310. *Левшинъ*, «Опис. Кирг. ордъ»; II, 167.

Далѣе, изъ того же источника, въ описаніи событій 1747 года, узнаемъ, что въ этомъ году присланъ былъ изъ Астрахани въ Оренбургъ, по указу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, хивинскій посолъ Мулла-Хаджи-Мухаммедъ, со всею его свитою, для препровожденія его въ Хиву, куда онъ и отправился 13-го іюня (1747 г.), избравъ себѣ въ провожатые Киргизовъ. Но отъ кого и зачѣмъ приходилъ этотъ посолъ — подробностей не приведено [1]).

Между, тѣмъ по показанію Смаила-Муллы [2]), отъ 20-го ноября 1748 г., оказывается, что въ этомъ году Каипъ былъ уже ханомъ въ Хивѣ и приходилось ему тамъ очень плохо. Туркмены и Аральцы, соединившись вмѣстѣ, подступили къ Хивѣ и грозили убить Каипа. Испуганный Каипъ писалъ «безъ всякихъ закрышекъ» къ отцу своему Батырю, прося выручить его изъ Хивы, какимъ бы то ни было способомъ. Слѣдствіемъ этой просьбы и былъ походъ Батыря на Аральцевъ, послужившій началомъ къ дальнѣйшимъ непріязненнымъ столкновеніямъ Киргизовъ съ Хивинцами и съ находившимися подъ ихъ покровительствомъ Аральцами [3]).

Слѣдовательно, Каипъ вступилъ на ханство *до* 1748 г.; но *не раньше*, думаю, смерти шаха Надира, случившейся, какъ извѣстно, въ 1747 году [4]). Очень вѣроятно, что посольство 1747 года было отправлено не кѣмъ другимъ, какъ Каипомъ. Кстати замѣчу здѣсь, что интересно было бы знать, откуда г. Мейеръ почерпнулъ извѣстіе о томъ, что отецъ Батыря Султана, Каипъ, родовой врагъ Абуль-

---

[1]) Соч. и пер. 1759 г.; II, 326.

[2]) «Ист. изв. о Кирг.-Кайс.»; т. I, стр. 133.

[3]) Тамъ же.

[4]) Смерть Надира отозвалась у насъ въ Оренбургѣ страшнымъ наплывомъ золотой и серебряной монеты. Сокровища этого шаха разошлись по всей почти Азіи; не малая доля изъ нихъ попала и въ Хиву. На эти-то деньги Хивинцы и скупали у Киргизовъ скотъ (какъ сказано было раньше, стр. 196). *Левшинъ*, «Опис. Кирг. ордъ»; III, 219.

Хаира, правилъ Хивою и что Каипъ, сынъ Батыря, *царствовалъ по примѣру дѣда въ Хивѣ* [1]). Источникъ этого извѣстія мнѣ неизвѣстенъ, да полагаю, что онъ и вовсе не существуетъ. Каипъ, отецъ Батыря, извѣстенъ тѣмъ, что въ 1718 г. сносился съ Петромъ Великимъ, предлагая ему вѣчный миръ и союзъ [2]); но и только. Интересно также знать, не Каипъ ли, сынъ Батыря, находился въ 1741 г. у Каракалпаковъ въ качествѣ хана: Гладышевъ, во время своего пребыванія у нихъ въ этомъ году, имѣлъ дѣло съ какимъ-то ханомъ *Хаипомъ* [3])? И если то былъ этотъ извѣстный намъ Каипъ, то не потому ли Пограничная Коммисія Киргизскихъ Султановъ, ханствовавшихъ въ Хивѣ, называла Каракалпацкими ханами? Чтобы выяснить дальнѣйшія событія въ Хивѣ необходимо обратиться къ исторіи Киргизъ-Кайсаковъ.

Въ 1748 году Абуль-Хаиръ былъ убитъ въ стычкѣ съ Баракомъ, ханомъ Средней Орды. Преемникомъ его, не по выбору народа, а по утвержденію русскаго правительства, сдѣлался старшій сынъ Абуль-Хаира, Нурали. Но въ это время нѣкоторые біи Малой Орды провозгласили ханомъ Султана-Батыря, кочевавшаго съ тюртъ-каринскимъ родомъ. Нурали предполагалъ, что Батырь, какъ избранный меньшинствомъ и при томъ при помощи подкупа подарками, удовольствуется однимъ титуломъ хана и потому считалъ его соперникомъ неопаснымъ. Не то оказалось въ дѣйствительности. Батырь имѣлъ заручку съ другой стороны, со стороны сына, хана хивинскаго, который явился слѣпымъ орудіемъ своего заносчиваго отца. Отсюда возникли столкновенія Хивы съ Киргизами и съ нашимъ правительствомъ. Изложимъ вкратцѣ и тѣ и другія.

---

[1]) *Л. Мейеръ*, «Кирг. степь Оренб. вѣдомства» (Матеріалы для географіи и статист. Россіи, собранные офицерами Генеральнаго Штаба); Спб. 1865, стр. 12.

[2]) *Левшинъ*, «Опис. Кирг. ордъ»; ч. II, стр. 68.

[3]) *Рычковъ*, «Оренб. Ист.»; II, 113.

После похода Батыря на Аральцевъ, тѣ вмѣстѣ съ Каракалпаками напали на роднаго дядю Нуралія Адайскаго рода Мурзатай-Батыря, который слѣдовалъ въ Хиву съ караваномъ изъ 10 вьючныхъ верблюдовъ и 500 лошадей; да сверхъ того при караванѣ находились 40 тысячъ головъ мелкаго скота, принадлежавшаго нѣсколькимъ родамъ; сопровождали этотъ караванъ 500 человѣкъ Киргизовъ. Батырь разграбилъ его, при чемъ 5 человѣкъ провожатыхъ было убито.

Тогда Ирали, братъ Нуралія, съ 130-ю Киргизами, пошелъ противъ Аральцевъ и Каракалпаковъ; но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Вскорѣ Аральцы услыхали, что самъ Нурали идетъ выручать брата, и поспѣшили Иралія освободить; мало того: подарили ему шубу, просили остаться у нихъ ханомъ; на что Ирали, однако, не согласился.

Между тѣмъ, разграбленныя вещи очутились въ Хивѣ. Нурали сталъ требовать возвращенія ихъ или денежной уплаты по стоимости; въ противномъ случаѣ грозилъ войною. Но удовлетворенія этого требованія не послѣдовало, и взаимныя отношенія сдѣлались крайне натянутыми [1]).

Около этого времени, 25-го апрѣля 1750 г., прибылъ въ Оренбургъ посланецъ Каипа, Ширбекъ [2]). Посольство изъ Хивы явилось въ Оренбургъ въ *первый* разъ, и Неплюевъ не зналъ, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Онъ снесся съ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ (дѣло 9-го мая 1750 г.). Въ своемъ рапортѣ, по поводу этого посольства, Неплюевъ доносилъ, что Хивинцы всегда имѣли своихъ хановъ; но Узбеки, пользуясь своею силою, убиваютъ хановъ по своему произволу и на мѣсто ихъ нерѣдко сажаютъ султановъ Киргизскихъ, присягавшихъ на подданство Россіи, поэтому онъ просилъ разъясненія, какъ поступать

---

[1]) «Ист. изв. о Кирг.-Кайс.»; стр. 133—134.

[2]) «Оренб. Ист.» (Соч. и пер. 1759 г.; т. II, стр. 411—415). «Ист. изв. о Кирг.-Кайс.»; стр. 136—149.

генералъ-губернатору въ случаѣ такого избранія, что можетъ повторяться часто, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Хивинцы сдѣлались независимыми отъ Персіи. На это Коллегія, указомъ отъ 13-го августа 1750 г., дозволяла султанамъ Киргизскимъ вступать на ханство въ Хивѣ и отмѣняла указъ 21-го октября 1745 г., изданный во время владѣнія Хивою шаха Надира. Оренбургскому генералъ-губернатору вмѣнялось въ обязанность привѣтствовать новоизбраннаго султана, одарить его и требовать поощренія торговли и возможно большей посылки купцевъ въ Оренбургъ.

Посланецъ, отъ имени хана, благодарилъ Государыню за построеніе Оренбурга [1]), обѣщавшаго быстрое развитіе торговли въ азіатскихъ владѣніяхъ и въ Хивѣ, которая *стала независимою отъ Персіянъ, гдѣ разбойникъ Надиръ явился и исчезъ подобно водяному пузырю.* Затѣмъ посланецъ жаловался на обиды и грабительства, причиняемыя хивинскимъ купцамъ Киргизами. Требовалъ возвращенія Артыкъ-Батыря [2]). Въ заключеніе онъ просилъ направлять караваны, ради безопасности, черезъ улусы отца хана, Батыря, а не черезъ владѣнія Нуралія, которому, говорилъ онъ, слѣдовало бы запретить брать пошлину. Но отношенія между Хивой и Киргизами посланецъ называлъ мирными и дружественными. Всѣ эти предложенія Каипа были откло-

---

[1]) *Оренбургъ* получилъ названіе свое отъ рѣки *Ори*, близъ устья которой былъ застроенъ Кириловымъ городъ въ 1735 г. Но мѣсто это оказалось неудобнымъ для большаго города, а потому, указомъ Анны Іоанновны (1739 г. 9-го августа), повелѣно было наименовать построенный городъ *Орскою крѣпостью*, а настоящій Оренбургъ построить по рѣкѣ Яику, ниже того мѣста на 184 версты, при урочищѣ *Красная гора*. Въ 1740 г. и начата здѣсь постройка Оренбурга; но и это мѣсто также оказалось неудобнымъ, а потому, указомъ Елизаветы Петровны (18 октября 1742 г.), повелѣно было строить его близъ устья рѣки Самары, гдѣ и былъ построенъ Оренбургъ. *Рычковъ*, «Оренб. Топ.»; ч. I, стр. 7—8.

[2]) Возвращенія этого Артыкъ-Батыря требовалъ еще, какъ видѣли, Абуль-Казы (Абуль-Гази) Мухаммедъ-Батырь-ханъ. См. раньше, стр. 209.

нены, а равнымъ образомъ не было разрѣшено Ширбеку отправиться въ Петербургъ [1]). Ему предложено было или ждать отвѣта изъ Петербурга, или ѣхать домой. Посолъ выбралъ послѣднее. Передъ отъѣздомъ онъ просилъ: 1) разрѣшить желающимъ изъ Хивинцевъ ѣздить на поклоненіе въ Мекку черезъ Астрахань, и 2) дозволить ему купить для хана въ Башкиріи птицъ для охоты; на что Ширбекъ и получилъ отъ Неплюева позволеніе. Когда Ширбекъ отправился въ обратный путь, съ нимъ снарядили торговый караванъ (Хаялина), который посланецъ обязывался препроводить изъ Хивы въ Бухару и даже до Индіи.

Возвращался домой Ширбекъ уже другою дорогою: по просьбѣ Неплюева, онъ поѣхалъ черезъ улусы хана Нурали и завернулъ въ ставку его. Ожидать хорошаго у Нуралія пріема посланецъ хивинскій, конечно, не могъ. И дѣйствительно, Нурали былъ раздраженъ отправленіемъ Каипомъ посольства въ Оренбургъ. Онъ требовалъ задержать Ширбека до его, Нуралія, пріѣзда въ Оренбургъ, и сталъ искать въ то же время союзниковъ противъ Хивы: отправилъ посланца къ Туркменамъ Теке-Юмудамъ, прося хана ихъ Акмамета [2]) и старшинъ выдать ему жену бывшаго хана Ильбарса [3]) и помочь ему въ войнѣ съ Хивою, на кото-

---

[1]) Неплюевъ, предполагая, что отказъ раздражитъ Хивинцевъ, ходатайствовалъ о допущеніи посланца ко двору. Но ходатайство Неплюева не было уважено, такъ какъ Русское правительство не имѣло еще точныхъ свѣдѣній о совершенной независимости Хивы отъ Персіи, а потому и не желало попасть въ просакъ, если бы посланецъ «не самовластнаго владѣльца» былъ принятъ въ Петербургѣ.

[2]) Акмаметъ былъ родомъ простой Туркменецъ, но еще при Ильбарсѣ добился званія главнаго Бека. Послѣ взятія Хивы Надиромъ, онъ удалился въ Персію и достигъ впослѣдствіи ханскаго достоинства. По смерти Надира взялъ онъ себѣ въ жены бывшую жену шаха, дочь Ильбарса хана. А затѣмъ удалось ему выручить изъ Мешхеда содержавшуюся тамъ вдову Ильбарса, вмѣстѣ съ сыномъ ея *Ахъ-Ходжею*. («Историческія извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ»).

[3]) Это требованіе Нуралія указываетъ на желаніе его пріобрѣсти законныя, такъ сказать, права на Хивинскій престолъ. Каипъ былъ женатъ на

рую, сообщалъ онъ, намѣревается выступить. Туркмены посла приняли сухо, и хотя отпустили съ нимъ жену бывшаго хана Ильбарса, но относительно помощи противъ Хивы, велѣли сказать Нуралію, что они всегда готовы помогать ему, только самъ-то онъ не умѣетъ держать своего слова: все собирается взять Хиву, а самъ ни съ мѣста. Если и на этотъ разъ Нурали обманетъ ихъ, говорили Туркмены послу, то они соединятся съ Персіянами и, взявъ Хиву, сами выгонятъ оттуда Каипа. Эта послѣдняя угроза не была пустымъ только хвастовствомъ. Туркмены дѣйствительно составили заговоръ возвести на ханство въ Хивѣ Акъ-Ходжу, сына Ильбарса, и во главѣ этого заговора сталъ Акмаметъ.

Со стороны Туркменъ могъ, слѣдовательно, Нурали разсчитывать на поддержку; но, боясь сдѣлать неудовольствіе Русскому правительству, съ одной стороны, и опасаясь враждебныхъ дѣйствій Джунгарскаго владѣтеля, съ другой, Нурали отложилъ борьбу съ Каипомъ до болѣе удобнаго времени. Вотъ почему Нурали не только принялъ Ширбека и черезъ мѣсяцъ отпустилъ его въ Хиву, не смотря на то, что Алачинцы, раздраженные разграбленіями Хивинцами каравановъ ихъ, требовали смерти посланца; но еще, въ угоду Россіи, рѣшился сдѣлать Каипу всевозможныя уступки. Когда, въ декабрѣ 1750 г., пріѣзжалъ изъ Хивы нарочный, требовать возвращенія товара, разграбленнаго Байсау-біемъ, Нурали выдалъ вещи. Не такъ поступалъ Каипъ. Онъ, какъ будто нарочно, искалъ всякаго случая насолить Нуралію. Какъ только приходила въ Хиву вѣсть о разграбленіи Киргизами какого-нибудь хивинскаго каравана, Каипъ тотчасъ же приказывалъ задерживать въ Хивѣ киргизскихъ купцовъ. Послѣ отказа нашего правительства направить караванный путь черезъ владѣнія Ба-

---

дочери Абуль-Фейза, хана Бухарскаго. (*Meyendorff*, Voyage d'Orenbourg Boukhara; p. 108).

тыря, онъ запретилъ подданнымъ своимъ ходить въ Оренбургъ иначе, какъ черезъ владѣнія своего отца. Ширбекъ не только навлекъ на себя гнѣвъ Каипа и аталыка его Куразбека за то, что заѣзжалъ къ Нуралію, но лишился за это большей части своего имущества. Пошлины съ киргизскихъ торговцевъ брались въ Хивѣ самыя чудовищныя: съ барана, напримѣръ, продававшагося за 5 рупій, взималось 2 рупіи, тогда какъ прежде никакой пошлины съ барановъ не полагалось. Это вывело, наконецъ, Нурали изъ терпѣнія, и онъ разрѣшилъ подданнымъ своимъ грабить проходившіе степью киргизскіе караваны. Тѣ, конечно, воспользовались этимъ разрѣшеніемъ. Грабежи непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ [1]). Тогда вмѣшательство Россіи оказалось необходимымъ. Въ августѣ 1753 года посланъ былъ къ Нуралію для переговоровъ переводчикъ Гуляевъ. Нурали принялъ его холодно, сваливалъ всю вину на Каипа и Батыря, жаловался на упадокъ своего вліянія въ ордѣ и въ заключеніе просилъ дать ему тысячъ десять войска съ пушками: «съ ними я ручаюсь, — говорилъ онъ,—въ одинъ день взять Хиву» [2]). Эта послѣдняя просьба Нуралія ясно показывала куда онъ мѣтитъ. Въ отвѣтъ на это отправлено было къ нему письмо, полное упрековъ за неисполненіе имъ требованій Русскаго правительства и въ то же время настоятельно приказывалось возвратить Хивинцамъ награбленный товаръ. Отвѣтъ былъ для Нуралія совершенно неожиданный. Гнѣвъ его дошелъ до того, что онъ приказалъ Гуляеву тотчасъ же ѣхать назадъ, объявивъ, что не хочетъ служить Русскимъ и уступаетъ свое званіе хана кому-нибудь другому. Только обѣщаніе назначить Нурали-хану жалованье, по 1,000 р. въ годъ, укротило гнѣвъ его и повліяло на него самымъ изуми-

---

[1]) Грабежи эти подробно изложены В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ, въ «Ист. изв. о Кирг.-Кайс.»; т. I, стр. 156—157.

[2]) Тамъ же, стр. 161.

тельнымъ образомъ. Нурали самъ вызвался прекратить ссору съ Каипомъ и для разбирательства дѣла просилъ, въ качествѣ свидѣтелей, двухъ или трехъ русскихъ чиновниковъ. Предложеніе это было Неплюевымъ принято, и снаряженъ по этому случаю караванъ на 20,000 рублей; къ нему назначенъ былъ изъ Оренбурга чиновникъ Чучаловъ, а Гуляевъ находился при этомъ въ качествѣ главнаго посланника. Начальство надъ караваномъ поручено было самарскому купцу Данилѣ Рукавкину, который оставилъ намъ «Описаніе пути отъ Оренбурга къ Хивѣ и Бухарамъ»[1]).

Когда караванъ этотъ прибылъ къ Нуралію, онъ отъ себя избралъ одного Бія (Мусульманъ-бія), нѣсколькихъ старшинъ и простыхъ Киргизовъ, которыхъ и присоединилъ къ каравану. Все шло пока благополучно. За 4 дня пути до Хивы посланные дали знать о своемъ пріѣздѣ и просили приготовить лавки для помѣщенія товаровъ. Лавки были отведены; посланы два хивинскіе чиновника осмотрѣть товары, запечатать тюки и вести купцовъ въ Хиву. Но когда караванъ прибылъ въ пригородокъ Шабатъ (въ 25 верстахъ отъ Хивы), гдѣ должно было начаться печатаніе тюковъ, прискакалъ туда изъ Хивы дастарханчи, съ приказаніемъ спѣшить скорѣе въ Хиву, такъ какъ Каипъ умертвилъ аталыка Куразбека, который намѣревался убить Каипа вслѣдствіе разныхъ неудовольствій. А въ такомъ случаѣ слѣдовало ожидать въ странѣ волненія и неизбѣжнаго при этомъ грабежа купцовъ. Когда караванъ прибылъ въ Хиву, людей размѣстили по квартирамъ, а товары сложили въ караванъ-сарай. Но затѣмъ обстоятельства перемѣнились къ худшему. При дворѣ Каипа, какъ

---

[1]) «Описаніе» напечатано было въ первый разъ въ «Московскомъ любопытномъ мѣсяцословѣ» на 1776 годъ, а потомъ *Ст. Русовъ* издалъ его еще разъ (съ своимъ предисловіемъ, въ которомъ хронологически изложилъ наши сношенія съ Хивой) въ Журн. Мин. Вн. Д. 1839 г., кн. 12.

киргизскаго Султана, находились киргизскіе старшины, частію изъ приверженцевъ Каипа, частію изъ подданныхъ Батыря. Эти старшины стали оговаривать Каипу убитаго Куразбека, выдавая его другомъ Русскихъ, и успѣли убѣдить хана въ томъ, что Гуляевъ пріѣхалъ не для разбирательства ссоры Хивинцевъ съ Киргизами, а «для примѣчанія Хивы и предѣловъ оной». При этомъ разсказывали хану о притѣсненіяхъ, причиняемыхъ будто-бы Русскими Киргизамъ и, въ заключеніе, представляли ему, что слѣдуетъ убить Гуляева. Каипъ всему этому повѣрилъ, велѣлъ приставить къ помѣщенію Гуляева и Чучалова караулъ изъ 9 своихъ *мергеновъ* [1]), чтобы чиновники какъ нибудь не бѣжали бы изъ Хивы и не имѣли бы сообщеній съ русскими плѣнными. Письма отъ нихъ Каипъ вытребовалъ черезъ шигаула; а въ довершеніе всего выдалъ посланцевъ Нуралія, Малибая и Ульджу, Туркменамъ, за произведенные Киргизами грабежи. Но скоро, впрочемъ, они были освобождены по слѣдующему случаю. Еще въ 1752 году Каипъ добивался получить въ жены среднюю дочь Нуралія; Нурали былъ непрочь отъ такого союза; но дѣло какъ-то затянулось. Теперь Каипъ возобновилъ свое предложеніе, и Мусульманъ-бій, не желая оскорбить Каипа отказомъ, поручился ему за согласіе Нуралія. И вотъ, Мусульманъ-бій, со своею свитой, приглашенъ былъ Каипомъ прочесть брачную молитву и совершить обычныя поздравленія. Пользуясь этимъ случаемъ, Бій спросилъ хана: отчего онъ до сихъ поръ не принялъ Гуляева, и тутъ же замолвилъ слово за него, за Малибая и Ульджу. Ханъ обѣщалъ удовлетворить просьбу Мусульманъ-бія, только отговаривался недосугомъ. Дѣйствительно, казнь Куразбека

---

[1]) *Мергенъ* значитъ собственно стрѣлокъ, охотникъ. См. «Записки Мирзы-Шемса-Бухари», изд. *В. В. Григорьевымъ* (въ «Зап. Казанск. университета» 1861 г., стр. 104 и 124); «О Касим. царяхъ и царевичахъ», *В. В. Вельяминова-Зернова*, т. I, стр. 214.

надѣлала ему много хлопотъ. Туркмены и Каракалпаки заволновались; готовы были возстать и Аральцы, подстрекаемые родственниками Куразбека. Шахъ персидскій, заслышавъ о смерти Куразбека, грозилъ умертвить пріѣхавшихъ для торга хивинцевъ; но ограничился тѣмъ, что отобралъ у нихъ все серебро, вывезенное ими въ рупіяхъ [1]). Наконецъ, послѣ многихъ усилій удалось Гуляеву получить аудіенцію, вечеромъ 4-го февраля. Ханъ принялъ посла, сидя на золотомъ престолѣ, во всемъ ханскомъ нарядѣ и золотомъ вѣнцѣ. Ни одного посла, какъ говорили, ханъ не принималъ еще подобнымъ образомъ. Аудіенція заключалась въ взаимныхъ привѣтствіяхъ и нѣсколькихъ фразахъ о здоровьи.

Пока шли въ Хивѣ эти переговоры, родственники Куразбека привезли изъ Киргизской степи, въ построенный Куразбекомъ городъ Чапъ, Ирали Султана и намѣревались провозгласить его ханомъ въ Хивѣ. Большихъ трудовъ стоило Каипу усмирить возстаніе и истребить родственниковъ Куразбека. Ирали, съ бывшими при немъ 100 Киргизами и 700 Каракалпаками, былъ вытѣсненъ изъ Чапа и, когда бѣжалъ изъ города, былъ онъ на дорогѣ, вмѣстѣ съ своими приверженцами, захваченъ хивинцами. Каракалпацкіе старшины были избиты, а другіе отпущены; самъ же Ирали уведенъ въ Хиву, гдѣ Каипъ продержалъ его шесть дней, и 9 марта, одаривъ его наравнѣ съ Мусульманъ-біемъ и прочими киргизскими посланцами, отпустилъ къ Нуралію. Каипъ обѣщался удовлетворить Киргизовъ, прекратить всѣ распри и отмѣнить сборъ пошлины; но русскихъ пословъ отъ участія въ разбирательствѣ устранилъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Россіи до этого нѣтъ ни-

---

[1]) Обращеніе серебряныхъ рупій въ Хивѣ въ то время было запрещено. Серебряныя рупіи, въ небольшомъ количествѣ, отбирались на хана. (См. «Ист. изв. о Кирг.-Кайс.»; т. I, стр. 175, примѣч.).

какого дѣла. Не отпустилъ онъ нашихъ пословъ и съ посланцами Нуралія; а задержалъ, какъ ихъ самихъ, такъ и купцовъ, съ ними пріѣхавшихъ, у которыхъ Каипъ забралъ въ долгъ товару тысячъ на 6 золотыхъ. Тогда купцы нашй тайкомъ и понемногу стали вывозить товаръ изъ караван-сарая въ Ургенчъ и продавать его за безцѣнокъ; рады были бы они уѣхать и безъ денегъ, да Каипъ не соглашался отпустить ихъ и на этомъ условіи. Мало того: когда купцы, во время пребыванія Ирали въ Чапѣ, вздумали было попросить у хана долгъ, то онъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что грозилъ умертвить ихъ, если они не перестануть докучать ему долгомъ. Одинъ изъ торговцевъ, Родіонъ Михайловъ, прикащикъ Сызранскаго купца Кандалаева, письмомъ (отъ 28 мая 1754 г.) къ Самарскому Бургомистру Рукавкину, сообщалъ, что Каипъ ни подъ какимъ видомъ не соглашается отпустить ни ихъ, ни работниковъ, а заставляетъ ждать уплаты денегъ. Одинъ Самарскій купецъ Данила Рукавкинъ уѣхалъ было изъ города, не дождавшись денегъ, но ханъ, узнавъ о томъ, послалъ за Рукавкинымъ въ погоню 40 человѣкъ, которые и привели его обратно въ Хиву [1]).

Такое поведеніе хивинскаго хана заставило наше Оренбургское начальство принять энергическія мѣры. Генералъ-губернаторъ приказалъ задержать всѣхъ находившихся въ Оренбургѣ хивинцевъ. Эта мѣра подѣйствовала какъ нельзя лучше. Каипъ рѣшился, наконецъ, уплатить русскимъ купцамъ деньги за товаръ; но цѣны, тѣмъ не менѣе, назначалъ самъ ханъ.

Въ декабрѣ 1754 г. караванъ, послѣ 10-ти мѣсячной задержки, былъ отпущенъ обратно въ Россію; а вмѣстѣ съ нимъ и русскіе чиновники [2]). Съ этимъ караваномъ вывезены изъ Хивы четверо русскихъ плѣнныхъ.

---

[1]) «Ист. изв. о Кирг.-Кайс.»; т. I, стр. 176.

[2]) «Описаніе пути отъ Оренбурга къ Хивѣ»; у *Левшина*, въ «Описаніи Кирг. ордъ и степей», ч. II, стр. 205.

Изъ рапортовъ Гуляева и Чучалова [1]) и изъ «Описанія» Рукавкина можно извлечь нѣсколько свѣдѣній о Хивѣ въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Отношенія Каипа къ сосѣднимъ государямъ не отличались дружбою, какъ уже видѣли. При немъ Хивѣ грозила опасность и со стороны Афганцевъ. Каипъ опасался, какъ бы ханъ афганскій Маметали (Ахмедъ шахъ) не завоевалъ сосѣдившихъ съ Хивою Курдовъ и съ помощію ихъ, а также Туркменъ Текеямудскихъ и Садырскихъ не овладѣлъ бы его ханствомъ. Опасенія эти имѣли нѣкоторое основаніе. Маметали овладѣлъ уже Мешхедомъ и, поставивъ тамъ правителя, пошелъ на Курдовъ; но въ это время Персіяне напали на Кандагаръ, и Маметали, извѣстившись объ этомъ, поспѣшилъ домой. Каипъ отдѣлался однимъ страхомъ [2]). Другое же опасеніе Каипа: ожиданіе возмездія со стороны Россіи за смерть Бековича и избіеніе его отряда [3]), не имѣло уже никакого основанія, въ этомъ Каипъ легко бы могъ убѣдиться, если-бъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что мы постоянно удерживали и Абуль-Хаира и сына его, Нуралія, отъ ихъ стремленій въ Хиву.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ отношеніяхъ Каипа къ сосѣдямъ, торговля Хивы должна была придти въ совершенный упадокъ. Она и ограничивалась почти одною Бухарою, куда хивинскіе караваны отправлялись безопасно. Ходить въ Орембургъ купцы хивинскіе опасались Киргизовъ, вслѣдствіе взаимныхъ счетовъ съ ними за грабежи. Особенно послѣ разграбленія хивинскаго каравана въ 1750 году движеніе каравановъ изъ Хивы на Оренбургъ почти совсѣмъ прекратилось. Путь въ Персію залегли Курды,

---

[1]) Помѣщены эти донесенія у *В. В. Вельяминова-Зернова* въ его «Истор. изв. о Кирг.-Кайс.», въ приложеніяхъ.

[2]) Показаніе Киргиза Утятляева, отъ 4-го іюня 1751 г.

[3]) См. «Описаніе» Рукавкина.

не упускавшіе случая пограбить проходившіе караваны [1]). О внутренней торговлѣ Рукавкинъ сообщаетъ, что торги у Хивинцевъ производятся въ установленные дни; а большой торгъ бываетъ въ Ургенчѣ, потому что онъ и къ Киргизъ-Кайсакамъ ближе, и къ Оренбургу передовой. О деньгахъ изъ письма Гуляева, узнаемъ, что въ Хивѣ чеканятся только мѣдныя *тяньги*; червонцы и серебряныя рупіи обращаются или бухарскія и индѣйскія, либо персидскія [2]). Деньги эти хотя въ Хивѣ и перечеканиваются: *но на имя бухарскихъ; а не хивинскихъ хановъ*, «по прежнимъ ихъ узаконеніямъ» [3]). Обстоятельство замѣчательное, какъ уже было упомянуто въ своемъ мѣстѣ [4]).

Скотоводствомъ хивинцы не занимаются, пишетъ Рукавкинъ, а покупаютъ скотъ отъ Киргизъ-Кайсаковъ и Аральцевъ [5]). Заводы всякіе, кто пожелаетъ, имѣетъ безъ-запретно, и не требуя къ тому никакого дозволенія [6]).

Хивѣ подвластны, сообщаетъ тотъ же источникъ, крѣпостцы Анбиры, Шабатъ, Кеитъ, Чепь, Азарысъ, Урганычь. Жителей въ нихъ очень мало и живутъ они больше вокругъ крѣпостей, въ садахъ, гдѣ и хлѣбъ для себя сѣютъ, а въ крѣпостяхъ защищаются только въ случаѣ нападенія непріятелей. Междоусобные раздоры у Хивинцевъ бываютъ не рѣдко. Хановъ избираютъ изъ Киргизъ-Кайсацкой Орды, или изъ Бухарскихъ ханскихъ поколѣній, а не изъ подданныхъ [7]).

---

[1]) «Ист. изв. о Кирг.-Кайс.», прилож., стр. 6—7. О Курдахъ на сѣверной границѣ Хорасана см. дальше.

[2]) См. «Ист. изв. о Кирг.-Кайс.», прилож., письмо Гуляева.

[3]) «Описаніе» Рукавкина. Только съ начала XIX ст., съ Мухаммедъ-Рахимъ-хана, начали Хивинцы чеканить свою монету.

[4]) См. раньше, стр. 142.

[5]) «Описаніе» Рукавкина.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же.

«Хивинскіе ханы съ подданныхъ своихъ извѣстныхъ податей не сбираютъ; а берутъ, какая когда надобность случится, съ числа дворовъ, и какъ сказывали — сходитъ иногда въ годъ по 3 и по 5 рублей съ двора».

«Въ Хивѣ и въ другихъ Хивинскаго владѣнія мѣстахъ плѣнныхъ изъ всякаго народа есть не малое число, и Ханы въ охраненіи своей особы довѣренность полагаютъ болѣе на чужестранцевъ; въ разсужденіи чего они при дворѣ содержатся въ отмѣнной милости, довольно получаютъ жалованья, такожъ и отъ Хивинцевъ состоятъ въ почтеніи» [1]).

Сообщая объ Ургенчѣ, Рукавкинъ пишетъ: «сказываютъ, что онъ раззоренъ Волжскими калмыками Аюки-хана». Вѣроятно это сообщеніе и послужило Фальку и Величко источникомъ для ихъ разсказовъ о раззореніи Ургенча Калмыками [2]).

Императрица Екатерика Великая тотчасъ же по вступленіи на престолъ, обратила особенное вниманіе на развитіе торговли Астрахани съ Хивою и Бухарою. Это видно изъ письма ея къ Дмитрію Волкову [3]). Можетъ быть, вслѣдствіе этой заботливости и образовалась въ Астрахани въ 1762 г. *Компанія* русскихъ купцовъ для торговли съ Хивою. Въ это же время пріѣзжалъ въ Россію посланецъ отъ хивинскаго хана [4]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) См. раньше, стр. 155.

[3]) См. «Записку Дмитрія Волкова объ Оренбургской губерніи»; отъ 26 мая 1763 г. (въ «Вѣстникѣ» Имп. Русск. Геогр. Общ. 1859 г. кн. 12).

[4]) *Meyendorff*, Voyage d'Orenbourg à Boukhara, p. 235. «Описаніе Рукавкина», добавленія Ст. Русова.

Имѣла ли «торговая компанія» въ Астрахани какой успѣхъ и чѣмъ она кончила,—мнѣ неизвѣстно. Думаю, что компанія такъ или иначе осуществила свой планъ, потому что могла встрѣтить поддержку въ лицѣ астраханскаго губернатора Никиты Аѳонасьевича Бекетова, назначеннаго на этотъ постъ

Подробностей объ этомъ посольствѣ не знаемъ. Но приходило ли это посольство отъ Каипа, т. е. Каипъ ли былъ въ то время ханомъ въ Хивѣ или кто другой, свѣдѣній не имѣется. Но въ 1771 году Каипъ не ханствовалъ уже въ Хивѣ—это мы знаемъ положительно. Хивинцы изгнали его, можетъ быть за корыстолюбіе и жестокость [1]), на что есть нѣкоторое указаніе (для меня оно сомнительно); а можетъ быть и по другой причинѣ. Что Каипъ не уживется съ Хивинцами и хорошо еще, если будетъ только ими изгнанъ,—это видно было давно. Когда съ возвращавшимся въ 1754 г. русскимъ караваномъ, прибылъ въ Хиву посланецъ отъ Каипа, то онъ вмѣсто исполненія возложенныхъ на него ханомъ порученій, сталъ жаловаться на его корыстолюбіе и несправедливость; разсказывалъ объ его притѣсненіяхъ и отъ имени всѣхъ Узбековъ (къ которымъ и самъ принадлежалъ [2]))просилъ помощи къ низложенію Каипа. Случай, казалось-бы, представлялся самый удобный для пріобрѣтенія нами вліянія въ Хивѣ, тѣмъ не менѣе послу было отказано. Генералъ-губернаторъ избѣгалъ всякаго участія въ переворотахъ Хивы; не мало хлопотъ было намъ въ то время съ одними Киргизами; но не возбранялось за то ни Нуралію, ни брату его Иралію, добиваться ханскаго достоинства въ Хивѣ [3]).

Въ 1771 году, Калмыки, состоявшіе въ русскомъ подданствѣ, рѣшились бѣжать съ береговъ Волги въ Джунгарію. Правительство наше не могло допустить этого хотя бы только изъ опасенія усиленія враждебныхъ намъ Джунгарцевъ, а потому предписало пограничному начальству при-

---

въ 1763 году. Бекетовъ извѣстенъ прекращеніемъ калмыцкихъ набѣговъ на Астраханскій край и коммерческими сношеніями съ Хивой и Персіей. Бекетовъ правилъ краемъ 16 лѣтъ (Астрах. Губ. Вѣдом. 1847 г. № 23).

[1]) Такъ утверждаетъ Левшинъ, «Описаніе Киргиз. Ордъ»; II, 284

[2]) Въ большинствѣ случаевъ посланцами назначались Сарты.

[3]) *Левшинъ.* «Описаніе Кирг. Ордъ и степей», ч. II, стр. 205.

нять дѣятельныя мѣры къ удержанію Калмыковъ силою. Противъ нихъ предположено было выставить отрядъ казаковъ и вооружить Киргизъ-Кайсаковъ. Но прежде чѣмъ успѣли организовать какъ слѣдуетъ эту преграду, Калмыки уже оставили берега Волги. Нашъ отрядъ пустился ихъ преслѣдовать. Близъ озера Аксакалъ Барби, присоединился къ нему Нурали-ханъ съ своими Киргизами; а на Карганли-Тургаѣ, въ 754 верстахъ отъ Орской крѣпости, явился и Каипъ. Капитанъ Рычковъ [1]), находившійся при преслѣдовавшемъ Калмыковъ отрядѣ въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ» по этому поводу замѣчаетъ, что Каипъ долгое время былъ хивинскимъ ханомъ, «на кое достоинство возведенъ онъ персидскимъ шахомъ Надыромъ. Во время, когда сей персидскій царь распространялъ свои побѣды до самаго Хивинскаго владѣнія и взялъ столичной городъ ихъ Хиву, Хаибъ присланъ былъ къ нему посломъ отъ Абуль-Хаира, хана Киргизъ-Кайсацкаго, съ прошеніемъ покровительства сего героя. Онъ поступками своими понравился Шаху, и въ знакъ любви его къ нему получилъ отъ него во владѣніе сей завоеванный городъ. Бывши тамъ долгое время и обогатясь сокровищами подданныхъ ему народовъ, удалился наконецъ отъ нихъ, опасаясь народной ненависти, коя почти обыкновенно случается отъ непостоянныхъ Хивинцевъ ко своимъ владѣтелямъ. Рѣдкій ханъ, владѣющій надъ ними, скончаетъ дни свои спокойно, но большая часть изъ нихъ служатъ наконецъ жертвою злодѣянія сего коварнаго и злобнаго народа. Ради сей причины Хаипъ-ханъ, прежде нежели народъ былъ приготовленъ къ исполненію обыкновеннаго своего злодѣйства, воз-

---

[1]) *Николай Рычковъ*, сынъ извѣстнаго автора «Оренбургской Исторіи», «Оренбургской Топографіи» и др. сочиненій, *Петра Ивановича Рычкова*. Г. Нилъ Поповъ въ сочиненіи «Татищевъ и его время» приписалъ «Описаніе бѣгства калмыковъ» Николая Рычкова отцу его Петру Рычкову,—какъ это было замѣчено еще П. П. Пекарскимъ (Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. Спб. 1867; стр. 136).

вратился въ Меньшую Киргисъ-Кайсацкую Орду, гдѣ живетъ отецъ его Батырь ханъ» [1]).

Все это сообщеніе отъ начала до конца отличается извращеніемъ фактовъ самымъ непостижимымъ образомъ. Во-первыхъ, Абуль-Хаиръ посылалъ къ шаху персидскому не Каипа, а русскаго офицера Муравина; это извѣстно изъ источника самаго близкаго къ этому обстоятельству; да и не могъ Абуль-Хаиръ посылать Каипа потому уже, что онъ былъ сынъ Батыря Султана родоваго врага Абуль-Хаирова. Во вторыхъ, никогда Надиръ-шахъ не ставилъ Каипа ханомъ въ Хивѣ [2]); тамъ поставляемы имъ были совсѣмъ другія лица,—это тоже извѣстно; на этомъ основаніи я и высказалъ предположеніе, что Каипъ могъ явиться въ Хиву только *послѣ* смерти шаха Надира. Наконецъ, едва ли Каипъ по своей волѣ оставилъ Хиву; гораздо вѣроятнѣе предполагать, что онъ былъ выгнанъ оттуда, какъ выгонялись послѣ него всѣ киргизскіе султаны, ханствовавшіе въ Хивѣ. Такимъ образомъ это извѣстіе Рычкова не имѣетъ никакого значенія; но оно важно тѣмъ, что несомнѣнно указываетъ на удаленіе Каипа изъ Хивы, и кромѣ того на удаленіе совершившееся *раньше* 1771 года, чего въ другихъ источникахъ мы не находимъ.

Послѣ того извѣстія о Каипѣ у насъ попадаются еще нѣсколько разъ; но о времени изгнанія его не говорятъ они ни слова.

Въ одномъ изъ рапортовъ Оренбургскаго оберъ-коменданта и областнаго командира Зенбулатова, отъ іюля 1873 г. Уфимскому и Симбирскому генералъ-губернатору Апухтину, находимъ слѣдующее сообщеніе о Каипѣ: «Сей Каипъ Султанъ фамиліи Батыръ-Султана изъ роду Ширгазы хана [3]),

---

[1]) «Дневныя записки путешествія Капитана Николая Рычкова въ Киргисъ-Кайсацкой степь 1771 году». Спб. 1772 г. стр. 71.

[2]) Не «Записками» ли Рычкова пользовался Бланкеннагель при составленіи своихъ «Замѣтокъ»? См. раньше, стр. 212.

[3]) Каипъ ничего общаго съ Ширгазы ханомъ не имѣлъ.

бывшаго въ Хивѣ, во время котораго посланный со здѣшнихъ сторонъ въ 1717 году Гвардіи-Капитанъ князь Александръ Черкасскій съ войскомъ истребленъ. А по причинѣ того, и онъ Каипъ посланному изъ Оренбурга въ 1752 году переводчику, съ караваномъ, не только задержаніе, но и озлобленіе учинилъ. За что, по разсужденію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ презрѣніи здѣсь онъ оставленъ» [1]).

Въ 1785 г., когда нужно было назначить Киргизамъ Малой орды новаго хана, оренбургскій генералъ-губернаторъ, баронъ Игельстромъ, только-что вступившій въ эту должность, предложилъ нашему правительству выбрать Каипа [2]).

Дать намъ болѣе точное указаніе, когда именно Каипъ былъ изгнанъ изъ Хивы, могъ бы, казалось, нашъ русскій плѣнный *Филиппъ Ефремовъ*, прожившій въ Бухарѣ 8 лѣтъ и принимавшій дѣятельное участіе въ событіяхъ этого ханства. Къ сожалѣнію, онъ, хотя и касается Хивы въ разсказахъ о своихъ похожденіяхъ, но не называетъ по имени ханствовавшаго тамъ въ то время хана [3]). Вотъ что находимъ у него о Хивѣ. Два года спустя послѣ неудачнаго похода сына аталыкова Шамратъ-бека (т. е. Шахъ-Мурадъ-бека) въ Персію къ городу Мавуру (Мерву) [4]) «отрядили меня въ Хиву съ войскомъ для препро-

---

[1]) *Я. В. Ханыковъ*. «Пояснит. Записка», стр. 275—276.

[2]) См. дальше, стр. 236—7.

[3]) «Десятилѣтнія странствованія Филиппа Ефремова» изданы были три раза: въ 1786, 1794 и 1811 годахъ. Первое изданіе въ Петербургѣ, послѣднее въ Казани. Ефремовъ былъ захваченъ въ плѣнъ въ 1774 г. Киргизами, которые, пользуясь смятеніемъ во время пугачевскаго бунта, захватывали русскихъ цѣлыми десятками и продавали ихъ въ Хиву и въ Бухару. Ефремовъ попалъ въ Бухару. Купилъ Ефремова за 4 выдѣланныя красныя телячьи кожи бухарецъ, прикащикъ Гафуръ-хана, зятя аталыка Даніяль-бія, которому, въ концѣ концовъ, Ефремовъ и достался. Поддѣлавшись къ аталыку, онъ скоро пріобрѣлъ важное значеніе, принятъ былъ въ военную службу и участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ.

[4]) Походъ этотъ, по числовымъ даннымъ, попадающимся у Ефремова, имѣлъ мѣсто въ 1780 году.

вожденія Бухарскаго хана Абулгази [1]) роднаго брата, котораго Хивинцы просили на ханство. Войска находилось съ нимъ 1,500 человѣкъ, начальникомъ онаго былъ Бадалъ-бекъ. Мы отправились сперва къ Чаржую, отъ коево внизъ по рѣкѣ Аму живутъ кочевые Трухменцы двухъ родовъ Теке и Салуръ. Отсюда ѣхали мы до пограничнаго города Хивинскаго Питняку 8 дней, отъ сего города Азаръ-Ресту (Гезараспу) 1 день, отъ Азаръ-Реста до небольшаго городка Багаткала [2]) до полудни. Между тѣмъ хивинскій инакъ, т. е. полномочный владѣтель, по имени Магадами (Мухаммедъ-Эминъ), узнавъ о прибытіи нашемъ и о томъ, что хивинцы по согласію съ бухарскимъ Аталыкомъ Даніяръ-Бекомъ хотѣли его обезглавить и на ханство постановить вышеупомянутаго брата Абулгазы, взялъ предосторожность. Онъ съ приверженцами своими не допустилъ Бухарцевъ до Хивы и сразился съ ними». Бадалъ-беку приходилось плохо и онъ послалъ Ефремова въ Бухару просить подмоги; но Ефремовъ воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы вырваться на свободу, и бѣжалъ [3]). Чѣмъ кончился походъ, мы и не знаемъ поэтому; а предпринятъ онъ былъ около 1782 г.

Изъ нашихъ источниковъ, относящихся къ началу 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, мы видимъ хана въ Хивѣ дѣятельнымъ и первымъ лицомъ въ ханствѣ. Между тѣмъ Ефремовъ, въ началѣ 80-хъ годовъ того же столѣтія, первенствующимъ лицомъ въ Хивѣ признаетъ *инака* Му-

[1]) Абуль-Гази былъ ханомъ въ Бухарѣ съ 1071—1200 (1758—1785, 6). См. «Монеты Бух. и Хив.» стр. 413.

[2]) Городъ *Багатъ*, по Данилевскому, лежитъ въ 47 в. на с. з. отъ Хивы (стр. 104).

[3]) Бѣжалъ Ефремовъ въ Коканское ханство (въ городъ Маргеланъ), оттуда черезъ Кашгаръ и Яркандъ пробрался въ Тибетъ. Изъ Тибета проникъ въ Кашемиръ, а затѣмъ въ Индію, откуда моремъ прибылъ въ Петербургъ.

хаммедъ-Эмина, котораго онъ называетъ «полномочнымъ владѣтелемъ» [1]).

И Ефремовъ правъ. Дѣло въ томъ, что въ промежутокъ между первыми извѣстіями и послѣднимъ произошелъ въ Хивѣ переворотъ, по которому вся власть въ ханствѣ перешла въ руки инаковъ; а началось это, какъ читаемъ въ сочиненіи Миръ-Абдуль-Керима, въ 1169 (1755) году, когда инакомъ сталъ *Мухаммедъ-Эминъ-бекъ*. Достигнуть этой степени ему удалось при помощи Даніяль-бія, къ которому Мухаммедъ-Эминъ бѣжалъ. За это, пока былъ живъ Даніяль-бій, хивинскій инакъ оказывалъ ему полное уваженіе, и миръ, и согласіе царствовали между ними [2]). Ханами же въ Хиву приглашали въ это время султановъ Киргизскихъ [3]).

Такимъ образомъ, Мухаммедъ-Эминъ достигъ званія инака не въ 1740 г., какъ показано это въ генеалогической таблицѣ, составленной В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ [4]), а спустя лишь 15 лѣтъ послѣ того. Не потому это такъ, что у Миръ-Абдуль-Керима показанъ 1169 г.,— Абдуль-Керимъ вовсе не несомнѣнный авторитетъ,—а потому, что въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія инакомъ, видѣли, былъ Артукъ; да и ни Гуляевъ, ни Рукавкинъ о Мухаммедъ Эминѣ не говорятъ ни единаго слова; а не говорятъ по той причинѣ, что въ ихъ время Мухаммедъ-Эмина въ Хивѣ еще не было, иначе они о немъ упомянули бы, какъ упомянули о вліятельномъ аталыкѣ Куразбекѣ.

Въ самой Хивѣ Ефремовъ не былъ, а доходилъ только

---

[1]) Мухаммедъ Эминъ былъ сынъ Ишъ-Мухаммедъ-бія, казненнаго Надиромъ въ 1740 году.

[2]) Histoire de l'Asie Centrale. p. 176—179.

[3]) Монеты Бух. и Хивин. стр. 436.

[4]) Походъ въ Хиву бухарскаго отряда, въ которомъ находился Ефремовъ, показываетъ, что «миръ и согласіе» между Мухаммедъ Эминомъ и Даніяль-біемъ подъ конецъ жизни ихъ нарушились.

до Ургенча. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о Хивинскомъ ханствѣ, довольно скудны:

«Отъ Бухары до Ургенча,—говоритъ онъ,—около 300 верстъ. На дорогѣ стоятъ Хивинскіе города Питнякъ и Азаррестъ. Хива во многомъ весьма подобна Бухаріи; управляетъ ею одинъ владѣтель. Городъ Ургенчъ не великъ, съ изрядной уѣздной городъ въ Россіи; стоитъ на ровномъ мѣстѣ, разстояніемъ отъ лѣвой стороны рѣки Аму версты на 3; въ немъ находится четверо воротъ и около 5,000 жителей. Городъ довольно торговый. Къ сѣверу отъ Ургенча не въ дальнемъ разстояніи находится селеніе Амбарь. Верстъ съ 25 отъ сего селенія начинаются кочевья Туркменцовъ и простираются до Аральскаго и Каспійскаго морей» [1]).

Какъ ни отрывочны свѣдѣнія о Хивѣ у Ефремова, но все-таки мы находимъ въ нихъ два очень важныя указанія: первое—приглашеніе Хивинцами на ханство брата бухарскаго хана Абуль-Гази, показывающее, что Хивинцы, относительно смѣщенія хановъ, ничуть не перемѣнились и попрежнему засылаютъ приглашенія принять это званіе то туда, то сюда; второе—значеніе инака въ Хивѣ, показывающее на сильное ограниченіе ханской власти, которая и переходитъ къ инаку. Но Ханы остаются въ Хивѣ по прежнему.

---

[1]) «Десятилѣтнія странствованія» (стр. 54—55). Разстоянія въ ханствѣ Хивинскомъ по Ефремову будутъ слѣдующія:

Отъ Ургенча до Хивы—3 становищъ.
Отъ Ургенча до селенія Амбаръ—1.
Отъ Амбара до колодезя Чиката—2.
Отъ Чиката до Карзима—2.
Отъ Карзима до урочища Динъ-Аланъ черезъ горы и песчаныя мѣста—7.
Отъ Динъ-Алана до урочища Сематемура—5.
Отъ Сематемура до ур. Ялы-Кожи—5.
Отъ Ялы-Кожи до колодезя Бабаки—5.
Отъ Бабаки до уроч. Куланака—6.
Отъ Куланака до мыса Мангышлакскаго—4.

И такъ, Каипъ былъ изгнанъ изъ Хивы. Съ него и началось у Хивинцевъ обыкновеніе изгонять своихъ хановъ, что продолжалось до конца прошлаго столѣтія. Объ этомъ странномъ обыкновеніи говорятъ очень многіе; подробнѣе другихъ Миръ-Абдуль-Керимъ и Муравьевъ. Зачѣмъ же, спрашивается, Хивинцы изгоняютъ своихъ хановъ, съ какою цѣлію? и почему именно *изгоняютъ*, а не избавляются отъ нихъ другимъ какимъ путемъ, не умерщвляютъ, напримѣръ, какъ это дѣлалось у Хазаръ? Отвѣты на эти вопросы намъ приходится придумывать самимъ: въ извѣстныхъ намъ источникахъ мы ихъ не находимъ. Мнѣ думается, что въ Хивѣ изгоняли хановъ съ цѣлію предупредить возникновеніе тамъ наслѣдственной династіи, при которой должны были явиться новые порядки; а это не согласовалось бы съ интересами инаковъ [1]). Не умерщвляли же Хивинцы хановъ, по всей вѣроятности потому, что, въ такомъ случаѣ, ни одинъ киргизскій султанъ не промѣнялъ бы своего скромнаго положенія въ степи на громкій, но опасный титулъ хана въ Хивѣ.

О дальнѣйшей судьбѣ Каипа знаемъ, что въ 1785 году добивался онъ ханскаго достоинства въ Малой ордѣ, послѣ лишенія Нуралія этого достоинства. Сильную поддержку въ своихъ домогательствахъ нашелъ онъ въ оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ, баронѣ Игельстромѣ; но правительство наше, помня его прежнія враждебныя отношенія къ Россіи, не утвердило представленіе барона Игельстрома [2]).

Мѣсто Нуралія занялъ Сарымъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи злѣйшимъ врагомъ Россіи [3]). Между тѣмъ нѣкоторые роды Меньшой орды выбрали ханомъ Каипа; а такъ

---

[1]) Вотъ почему думаю я, что Каипъ лишился ханства не по жестокости и корыстолюбію. См. раньше, стр. 229.

[2]) Рескриптъ Екатерины Великой барону Игельстрому, отъ 27-го ноября 1785 г. *Левшинъ*, «Опис. Киргизскихъ Ордъ и степей» ч. II, стр. 284.

[3]) Въ 1793 году посылалъ онъ сына своего въ Хиву просить помощи противъ Россіи; но получилъ отказъ.

какъ Сарымъ попалъ въ плѣнъ къ Ирали-Султану, то Игельстромъ снова ходатайствовалъ за Каипа у Императрицы. На этотъ разъ отказъ былъ самый рѣшительный, потому что Императрица не хотѣла болѣе возстановлять ханское достоинство въ Меньшой ордѣ; да, кромѣ того, Каипъ, живя около Сыръ-Дарьи, часто грабилъ проходившіе караваны и выказывалъ явную непріязнь къ Россіи [1]).

Около 1790 г. умеръ Каипъ, завѣщавъ дѣтямъ своимъ ненависть къ потомству Абуль-Хаира [2]). Каипъ оставилъ нѣсколько сыновей: старшій — *Абулъ-Гази*, второй — *Бурканъ*, третій—*Ширгазы* [3]). О прочихъ сыновьяхъ свѣдѣній не имѣется.

Абуль-Гази-ханъ.

(Въ концѣ XVIII столѣтія).

Кто смѣнилъ изгнаннаго изъ Хивы Каипа — по имѣющимся у насъ источникамъ этого не видно. Былъ ли сынъ его, Абуль-Гази, непосредственнымъ преемникомъ Каипа, или вступилъ на ханство спустя нѣсколько лѣтъ по изгнаніи отца—данныхъ не имѣемъ.

Левшинъ, въ «Описаніи Киргизскихъ ордъ и степей», сообщая извѣстіе о сыновьяхъ Каипа, говоритъ про Абуль-Гази, что этотъ сынъ Каиповъ былъ *потомъ* ханомъ у нѣкоторыхъ Киргизъ-Кайсаковъ, откочевавшихъ отъ Урала

---

[1]) *Левшинъ*, «Опис. Киргиз. Ордъ», ч. II, стр. 294—295.

[2]) Въ 1790 г. умеръ и Нурали въ Уфѣ, наказавъ дѣтямъ своимъ, быть всегда покорными Россіи.

[3]) Ширгазы долго жилъ въ Петербургѣ и поступилъ на русскую службу, на которой получилъ чинъ маіора. Впослѣдствіи онъ вернулся въ степь и тамъ доказалъ, что ничему не научился при блестящемъ дворѣ Екатерины II. (*Левшинъ*, «Описаніе Киргиз. Ордъ»; II, 311).

на востокъ и разграбившихъ Калмыковъ [1]); но къ которому времени относится это извѣстіе, у него не видно.

Ханомъ въ Хивѣ мы застаемъ Абуль-Гази только въ 1793 году, когда посланъ былъ туда нашъ врачъ, маіоръ Бланкеннагель, оставившій о Хивѣ свои «Замѣтки» [2]).

Поводъ къ отправленію его былъ слѣдующій:

Въ апрѣлѣ 1793 г. прибыли въ Оренбургъ изъ Хивы, при купеческомъ караванѣ, два хивинскіе посланца, Искендеръ Аллабердіевъ и Рахимбай Достмуратовъ. Здѣсь они объявили, что посланы отъ «соправителя» ханскаго въ дѣлахъ Авязь-бека къ главному пограничному начальству оренбургскому, съ просьбою послать въ Хиву искуснаго глазнаго доктора, который бы помогъ дядѣ Авязя, Мухаммедъ-Фазыль-бію, отъ слѣпоты [3]).

Раньше мы видѣли, что Мухаммедъ-Эминъ сталъ инакомъ въ 1755 г. и, по Абдуль-Кериму, управлялъ въ этомъ достоинствѣ ханствомъ 17 лѣтъ, слѣдовательно до 1772 года [4]). Но Абдуль-Керимъ ошибается. Ефремовъ упоминаетъ о Мухаммедъ-Эминѣ въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Мухаммедъ Эмину наслѣдовалъ братъ его, Фазиль-бекъ; когда—не знаемъ. Абдуль-Керимъ неправильно называетъ его сыномъ Мухаммедъ-Эмина [5]). Когда Фазиль-бекъ ослѣпъ, инакомъ сталъ племянникъ его, сынъ Мухаммедъ-Эмина, Авязъ или, правильнѣе, Эйвазъ. По Абдуль-Кериму онъ приходился Фазыль-беку братомъ [6]). Я. В. Ханыковъ со-

---

[1]) «Описаніе Кир. Ордъ», ч. II, стр. 294.

[2]) «Путевыя замѣтки» Бланкеннагеля изданы съ примѣчаніями и объясненіями *В. В. Григорьевымъ* и помѣщены въ третьей книжкѣ «Вѣстника» Геогр. Общ. за 1858 годъ.

[3]) Тамъ же.

[4]) Hist. de l'Asie Cent. p. 176. Вамбери, въ «Очеркахъ Средней Азіи» говоритъ, что Мух. Эминъ былъ инакомъ съ 1792 по 1800 годъ. Цифры эти выставлены, должно полагать, на-угадъ.

[5]) Hist. de l'Asie Cent. p. 178.

[6]) Ibid.

вершенно неосновательно считаетъ Фазыль-бека ханомъ [1]); ханомъ Фазыль-бекъ никогда не былъ [2]). Муравьевъ о Фазыль-бекѣ не говоритъ ни слова, а прямо заставляетъ наслѣдовать Мухаммедъ-Эмину сына его, Авязя [3]); но его правленіе ханствомъ, въ качествѣ инака, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ о томъ имѣются у насъ свидѣтельства очевидцевъ. Результатомъ правленія Фазыль-бека остались многія сооруженія его и между ними медресе, носящее его имя [4]).

Возвращаемся къ посольству Авязь-бека.

Тогдашній Уфимскій намѣстникъ, Пеутлингъ, довелъ о просьбѣ Авязя до свѣдѣнія Императрицы. Этимъ обстоятельствомъ правительство наше поспѣшило воспользоваться и отправило въ Хиву врача маіора Бланкеннагеля, который и прибылъ въ Оренбургъ въ началѣ августа того же 1793 года [5]).

---

[1]) «Поясним. Записка», стр. 276.

[2]) Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Я. В. Ханыковъ не понялъ значенія въ Хивѣ инаковъ. Разъяснено это было лишь восемь лѣтъ спустя по составленіи «Записки» Ханыкова В. В. Григорьевымъ, при изданіи имъ «Путевыхъ Замѣтокъ» Бланкеннагеля.

[3]) Путешествіе въ Туркменію и Хиву; ч. II, стр. 37.

[4]) Абдуль-Керимъ заставляетъ этого Фазыльбека жить слишкомъ ужъ долго. Онъ говоритъ что Фазыль-бекъ былъ руководителемъ своего отца и сына, Эйваза. Только Ильтезеръ избѣгалъ его совѣтовъ, но Мухаммедъ Рахимъ оказывалъ ему большое уваженіе. Вспомнимъ, что во время Бланкеннагеля Фазыль-беку было уже 80 лѣтъ, а потому очень сомнительно, чтобы онъ былъ еще живъ въ 1233 (1818) году. Hist. de l' Asie Cent. 178.

[5]) «Путевыя Замѣтки», примѣч. 1-е. Отъ Бланкеннагеля, какъ видно, Правительство ожидало важныхъ свѣдѣній. Оно не жалѣло ни средствъ, ни другихъ пособій въ этомъ случаѣ. Жалованье по 200 руб. сер. въ мѣсяцъ выдано было Бланкеннагелю за годъ впередъ. Въ Петербургѣ даны были ему наставленія; но въ чемъ они состояли намъ неизвѣстно. Въ дополненіе къ нимъ, Платонъ Алекс. Зубовъ, по высочайшему повелѣнію, объявлялъ Пеутлингу: «сообщить ему (Бланкеннагелю) изъ Оренбургской пограничной Экспедиціи свѣдѣнія, касающіяся до края, куда онъ путь предпріемлетъ, командировать съ нимъ искуснаго геодезиста». («Вѣстникъ Европы» 1822 г. № 21). Для сопровожденія Бланкеннагеля назначенъ былъ переводчикъ Оренб. пограничнаго суда Холмогоровъ, цирюльникъ изъ Оренб. гарнизона, и 8 человѣкъ казаковъ Оренб. войска.

5-го октября пріѣхалъ Бланкеннагель въ Хиву и былъ помѣщенъ въ загородномъ домѣ, къ которому приставленъ былъ караулъ, чтобы не пропускать къ нему никого изъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Хивѣ. Но врачебная помощь Бланкеннагеля оказалась ненужною: Фазиль-бекъ былъ совсѣмъ уже слѣпъ; помочь ему никто не могъ, а потому Бланкеннагель и отказался лечить его. Но это обстоятельство чуть не погубило нашего врача. Стали распространяться слухи, что онъ вовсе не врачъ, а шпіонъ, подосланный для собиранія свѣдѣній о странѣ, и что, поэтому, его слѣдуетъ убить. И если это послѣднее намѣреніе не было приведено въ исполненіе, то благодаря только рѣшительному поведенію Бланкеннагеля и во-время приведенному имъ на память Хивинцамъ отмщенія шаха Надира за убіеніе его пословъ. Это спасло Бланкеннагеля. Но, тѣмъ не менѣе, значеніе его въ глазахъ хивинскаго правительства должно быть сильно упало, потому что онъ не пробовалъ даже исполнить возложенныхъ на него порученій. А что порученія были, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, такъ какъ про одно говоритъ и самъ Бланкеннагель:

«О заложеніи города и крѣпостей на магиславскихъ берегахъ, для обезпеченія торговли, не могъ я предложить хивинскому правительству—во первыхъ потому, что хивинскіе Асбеки ничего столько не опасаются, какъ приближенія Россіянъ; а во вторыхъ потому, что они въ Мангислакѣ власти и вліянія имѣютъ менѣе нежели мы».

Въ Хивѣ пробылъ Бланкеннагель до 12-го марта 1794 года, когда онъ могъ отправиться обратно въ Россію. Съ нимъ отправленъ былъ хивинскій посолъ Элвасъ-Мухаммедъ-бій, которому поручено было исходатайствовать: глазнаго оператора, уменьшеніе пошлинъ въ Астрахани, возвращеніе конфискованныхъ въ Астрахани около 1,000 червонныхъ и позволенія вывести нѣсколько тысячъ пудовъ

желѣза; а, напротивъ того, *обѣщать все, что* Ея Императорское Величество *требовать соизволитъ* [1]).

Обратный путь Бланкеннагель совершилъ на Мангышлакъ [2]). Туркмены тоже хотѣли отправить съ нимъ своихъ пословъ, но въ это время у нихъ вспыхнула междоусобная война и имъ было не до того.

Воспользуемся теперь тѣми свѣдѣніями, которыя пріобрѣлъ о Хивѣ Бланкеннагель во время пятимѣсячнаго въ ней пребыванія.

«Вся земля,—пишетъ Бланкеннагель—нынѣшними жителями больше или меньше заселенная, простирается въ длину не болѣе какъ на 250, а въ ширану отъ 25 до 40 верстъ». Слѣдовательно, въ концѣ XVIII столѣтія, власть Хивы ограничивалась только культурною полосой оазиса, не выходя за предѣлы его. Упадокъ ханства, замѣчаемый нами съ начала этого столѣтія идетъ погрессивно впередъ, ведя за собой обѣднѣніе населенія.

«Земля по обѣимъ сторонамъ Аминъ-Дарьи была прежде обитаема и въ четверо больше заселена нежели нынѣ; цѣлые города и села, гораздо лучшаго построенія, нежели нынѣшніе, стоятъ пустыми. По словеснымъ преданіямъ, земля сія была угнетаема отъ многихъ непріятелей.... но съ оныхъ поръ какъ Осбеки заклали два истока рѣки Аминъ-Дарьи, послѣдніе жители тѣхъ видимыхъ пустыхъ городовъ и селъ оставили оные, по недостатку воды, и по-

---

[1]) Очень простая уловка отдѣлываться *однимъ обѣщаніями;* но на эту уловку мы попадались очень часто, пока не были еще научены горькимъ опытомъ, какъ можно полагаться на обѣщанія Азіатцевъ.

[2]) За 10 дней до отъѣзда Бланкеннагеля принесли ему подарки: кафтанъ, кушакъ, шапку, лошадей и 90 червонныхъ. Предполагая, что власти хивинскія распорядятся объ обратномъ его отправленіи, Бланкеннагель выкупилъ на эти деньги русскихъ плѣнныхъ; но послѣ узналъ, что издержекъ на него болѣе не полагается. Съ тѣмъ посолъ и уѣхалъ.

корились совершенно Осбекамъ». Что осѣдлая часть занимала нѣкогда гораздо большее пространство, это знаемъ мы и отъ Абуль-Гази, и имѣемъ очевидное тому доказательство, которое представляютъ намъ развалины городовъ, лежащія въ мѣстности на западъ отъ теперешняго ханства, мѣстности, представляющей нынѣ трудно проходимую пустыню. Но за то «преданіе», приводимое Бланкеннагелемъ, не имѣетъ никакой исторической достовѣрности: такъ могла народная фантазія объяснять происхожденіе Чаркараукской плотины; историческихъ же данныхъ о враждѣ западнаго населенія Хивинскаго ханства съ восточнымъ, мы не имѣемъ.

«Лѣвый только берегъ по рѣкѣ заселенъ Хивинцами; на правомъ постоянныхъ жилищъ нынѣ тамъ вовсе нѣтъ». Изъ прежнихъ городовъ на правомъ побережьи Аму Дарьи мы имѣемъ свѣдѣнія о Кятѣ, развалины котораго находятся близь мѣстечка Шейхъ-Аббасъ-Али; о крѣпости Акъ-Кала, о крѣпости Кызылъ Кала, о крѣпости Тёкъ (Тукъ) [1]). Въ настоящее время на правомъ берегу Аму-Дарьи (собственно въ *дельтѣ* ея) находятся: Чимбай [2]), Ирджабъ-Кала, Ваисъ-мама, Курганчи, Новый Нукусъ и Бентъ [3]). «Лѣтомъ имѣютъ Хивинцы мало опасности отъ внѣшнихъ непріятелей; жары безводныхъ, песчаныхъ и каменистыхъ степей, со всѣхъ сторонъ ихъ окружающихъ, охраняютъ ихъ отъ набѣговъ; но съ октября мѣсяца, когда начинаются холодъ и дожди, наполняющіе водою высох-

---

[1]) Сообщеніе Л. Н. Соболева (въ Извѣстіяхъ Геогр. Общ. 1874 г., стр. 375). Многія развалины состоятъ изъ жженаго кирпича. По свидѣтельству нашихъ плѣнныхъ на правомъ берегу Аму-Дарьи находятся слѣды городовъ: *Аясъ-Кошъ-Устіаныхъ*, частію засыпанный уже землею, *Думанкала*, *Гулъдурсенъ*, окруженный двумя глиняными стѣнами, *Шаббасъ* и *Садмарой* (См. статью *Иванина* «Свѣдѣнія о Хивин. ханствѣ» въ журн. Мануф. и Торг. 1843 г., въ апрѣльской книжкѣ).

[2]) Построенъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

[3]) «Дельта Аму-Дарьи» (Турк. Вѣдом. 1871 г., № 32—33).

шіе колодцы и низменныя мѣста, тогда и всю зиму пребываютъ Хивинцы въ непрерывныхъ безпокойствахъ отъ Трухменцевъ и прочихъ». Туркмены въ концѣ XVIII столѣтія являются бичемъ осѣдлаго населенія ханства. Это усиленіе Туркменъ, усиленіе, надѣлавшее такъ много хлопотъ послѣдующимъ ханамъ и такъ много зла осѣдлому населенію, могло имѣть мѣсто только при внутреннемъ ослабленіи ханства.

«Вообще, число населяющихъ Хивинскую землю не можно положить болѣе какъ до ста тысячъ душъ, изъ которыхъ: Осбековъ 45, Сартовъ 15, Каракалпаковъ 10 и Іомутовъ 5 или 6 тысячъ; а прочіе плѣнные невольники [1])... Могущихъ носить оружіе полагать можно не болѣе какъ отъ 12 до 15 тысячъ... лучшими воинами почитаются Іомуты, по нихъ Каракалпаки, а по нихъ Осбеки; Сарты же изъ всѣхъ худшими». Этотъ счетъ мужскаго только населенія очень близко подходитъ къ счету другихъ, послѣ Бланкеннагеля бывшихъ въ Хивѣ нашихъ посланниковъ. Сомнѣніе является только относительно числа плѣнныхъ, какъ русскихъ, которыхъ было во время Бланкеннагеля *нѣсколько* тысячъ, такъ и персидскихъ, которыхъ онъ насчитывалъ до 20 тысячъ.

«Сарты, нынѣшніе подданные Осбековъ, суть древніе жители сея земли и находятся въ великомъ отъ нихъ угнетеніи... платятъ больше; но занимаются торговлею и вообще рачительнѣе другихъ въ промыслахъ, богаче прочихъ жителей».

«Каракалпаки обитали прежде по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарьи, но съ тѣхъ поръ какъ Киргизцы, въ бывшихъ между ими войнахъ, истребили большую часть Каракалпаковъ перешли остальные къ Хивѣ, отдали своего хана

---

[1]) Относительно плѣнныхъ въ Хивѣ имѣемъ болѣе раннее указаніе: «Хива есть гнѣздо разбойниковъ, куда изъ всѣхъ мѣстъ плѣнные привозятся и невольниками продаются». Мѣсяцесловъ Историческій и Географическій на 1779 годъ (при Академіи Наукъ); статья: «Извѣстія о Бухаріи»; стр. 117.

Осбекамъ и живутъ съ того времени подъ покровительствомъ Хивинцевъ; они имѣютъ только мѣстами селенія; большая же часть ведетъ жизнь кочевую». Каракалпаки, мы знаемъ, были изгнаны въ половинѣ XVIII столѣтія Каргизами съ низовьевъ Сыра, гдѣ они кочевали до этого времени. Но «отдали ли они хана своего Узбекамъ», свѣдѣній мы не имѣемъ. Не на Каипа ли, сына Батыря Султана, намѣкаетъ здѣсь Бланкеннагель?

«Знатный или богатый Хивинецъ, коль скоро подаетъ какой либо поводъ къ подозрѣнію себя—лишается жизни, и не прежде узнаетъ о жребіи своемъ, какъ въ ту минуту когда его умерщвляютъ; а въ такомъ случаѣ, по большей части, и его родственники и друзья равной съ нимъ подвергаются участи; убійцы раздѣляютъ между собою наслѣдство умерщвляемыхъ». Изъ другаго источника мы сейчасъ увидимъ кто эти «убійцы» и по чьему повелѣнію совершаются эти убійства.

«Хивинскіе Осбеки раздѣляются на разные роды, которые одинъ съ другимъ находятся въ непрестанной враждѣ; многолюднѣйшій изъ нихъ есть *Конратскій который нынѣ имѣетъ въ рукахъ верховную власть*; Инакъ онаго управляетъ хивинскимъ народомъ съ большимъ или меньшимъ могуществомъ; владѣющій нынѣ имѣетъ *совѣтъ*, безъ коего онъ ничего *не можетъ предпринять*». Тутъ мы видимъ, что Инаки прочно захватили власть въ свои руки; а какъ это случилось — узнаемъ отъ того же Бланкеннагеля:

«Лѣтъ за 30 назадъ, отецъ нынѣ владѣющаго инака, захватя верховную власть въ Хивѣ, съ помощію Іомутовъ, (за что) уступилъ имъ лежащій въ 40 верстахъ отъ Хивы городъ Амбаръ [1]), съ его окрестностями; съ тѣхъ поръ

---

[1]) По Данилевскому, Амбаръ лежитъ отъ Хивы на с. з., въ 47 верстахъ. (См. «Описаніе Хивин. ханства», стр. 103).

живетъ въ Хивинской области около 6000 Іомутовъ обоего пола».

Положеніе хана Бланкеннагель описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Хивинскій ханъ въ правительствѣ значитъ меньше всѣхъ; три раза въ годъ показывается онъ народу, окруженный тѣми, которые дѣлами правятъ; въ прочее же время сидитъ взаперти подъ строгимъ присмотромъ. Въ придворномъ его содержаніи не соблюдается даже благопристойности, и нерѣдко въ самомъ необходимомъ претерпѣваетъ нужду... Хива есть столица и пребываніе ничего незначущаго хана и всѣхъ знатнѣйшихъ родовъ».

Тоже самое положеніе, только еще болѣе яркими красками, изображается въ разсказѣ нашего плѣннаго Якова Петрова [1]), попавшаго въ Хиву, надо полагать, нѣсколько позже Бланкеннагеля. Вотъ что говоритъ онъ о правительствѣ въ Хивинскомъ ханствѣ, въ которомъ, въ его время, всѣми дѣлами заправлялъ Авязь-Инакъ; а ханомъ считался, между тѣмъ, *какой-то* Каракалпакъ [2]). «Каракалпакъ этотъ только имя ханское носитъ, дѣлами же его заниматься не допускаютъ. Только на смертные приговоры нужно его утвержденіе. Въ такихъ случаяхъ Авязь-Инакъ докладываетъ ему дѣло почтительнымъ манеромъ, и называетъ его царскимъ величествомъ, а каракалпакъ только махнетъ рукою и говоритъ: «какъ вы тамъ себѣ хотите,

---

[1]) Разсказъ Я. Петрова помѣщенъ былъ В. В. Григорьевымъ въ примѣчаніи къ изданной имъ «Запискѣ» митрополита Хрисанѳа о странахъ Средней Азіи. (Чтенія И. Москов. Общ. Исторіи и Древностей, 1861 г. кн. I) и въ имъ же изданномъ «Описаніи Хивинскаго ханства и дороги туда изъ Сарайчиковской крѣпости» (Зап. И. Геогр. Общ. 1861 г. кн. II). Яковъ Петровъ былъ захваченъ Калмыками около 1787 года, проданъ въ Бухару, откуда попалъ въ Хиву, изъ которой, въ началѣ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, бѣжалъ въ Россію.

[2]) Т. е. какой-то Киргизъ-Кайсакъ. Киргизскихъ султановъ нерѣдко смѣшивали въ то время съ Каракалпакскими, какъ уже было замѣчено; и Бланкеннагель называлъ Каракалпакомъ Каипова сына, Абуль-Газыя, чистокровнаго Киргиза.

братцы [1])». Живетъ онъ за городомъ, въ особомъ для него назначенномъ домѣ, изъ котораго онъ не смѣетъ выходить, и къ нему опредѣленъ караулъ. Человѣкъ онъ молодой, и, не имѣя никакого дѣла, играетъ у себя на дворѣ съ ребятишками. Онъ имѣлъ жену одну, но пожелалъ имѣть другую, ему и дали. Даны ему также два аргамака, и къ нимъ опредѣленъ человѣкъ, который ихъ кормитъ. Когда случается богатая свадьба, то и его приглашаютъ. Его одѣваютъ тогда въ парчевое богатое платье, сажаютъ на лошадь и водятъ съ церемоніею по городу. Два человѣка ѣдутъ впереди его, два человѣка ведутъ лошадь его за повода, двое стремена держатъ. А какъ побудетъ на пиру съ полчаса, отправляютъ его обратно, и опять запираютъ».

Добавимъ этотъ разсказъ еще изъ другаго источника. Абдуль-Керимъ пишетъ: «на ханство въ Хиву приглашали Чингизида изъ казаковъ (Киргизъ-Кайсаковъ). Хана этого заключали въ замкѣ вмѣстѣ съ его женою и дѣтьми. Днемъ и ночью имъ безпрестанно подавали ѣсть; обращались съ ними съ полнымъ уваженіемъ; ихъ платья шились изъ ткани вытканной золотомъ. Каждый день инакъ и вельможи являлись въ залу хана на уедіенцію. Здѣсь, если предстояло какое-либо дѣло, инакъ наставлялъ хана, и тотъ никогда не противорѣчилъ инаку; а довольствовался только тѣмъ, что утверждалъ его представленіе. Каждую пятницу, передъ молитвой, инакъ и вся знать являлись къ хану и садились передъ нимъ по чину; инакъ садился рядомъ съ ханомъ. Когда наступало время идти на молитву, инакъ помогалъ хану встать, и всѣ отправлялись въ мечеть. На возвратномъ пути инакъ точно также поддерживалъ хана подъ руки, и шли они во дворецъ, служившій

---

[1]) Отсюда значитъ, что Муравьевъ ошибается, говоря, что «въ правленіе инаковъ всякаго рода преступленія наказывались одной денежною пенью, «нынѣ же (при Мухаммедъ Рахимѣ) обычай сей совершенно уничтоженъ и замѣненъ звѣрскими истязаніями» (Путеш. въ Хиву, ч. II, стр. 73).

хану тюрьмою. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ хана прогоняли обратно къ Казакамъ; а оттуда призывали другаго. Однимъ словомъ, это была игра въ хановъ» [1]).

Вотъ, слѣдовательно, къ чему привело хивинскихъ хановъ начавшееся въ XVIII ст. усиленіе инаковъ. Къ концу этого столѣтія, дѣйствительная власть сосредоточилась въ рукахъ инаковъ; а ханамъ осталось только фиктивное первенство. Однимъ словомъ, въ Хивѣ, въ XVIII ст. явился тотъ же порядокъ вещей, какой существовалъ во Франціи при Меровингахъ, когда государствомъ управляли Палатные меры, а короли представляли собою не болѣе какъ подставныхъ куколъ. Вся разница заключалась только въ томъ, что Меровинги, удаленные отъ дѣлъ правленія, проводили время въ своихъ помѣстьяхъ въ полномъ удовольствіи; а ханы хивинскіе не только терпѣли всевозможныя лишенія, но еще сидѣли подъ замкомъ. Для чего и для кого, спрашивается, нужны были такіе ханы? Нужны они были для удовлетворенія принципа законности; нужны они были для успокоенія народа, въ глазахъ котораго только ханы «бѣлой кости» могутъ быть законными ханами [2]).

Вотъ почему и вывозили хана на показъ народу три раза въ годъ и оказывали при этомъ необходимый, хотя и наружный только, почетъ. По тому же самому безъ приложенія ханской печати ни одно важное дѣло не могло быть исполнено; особенно утвержденіе хана являлось необходимымъ при исполненіи смертнаго приговора [3]); но отмѣ-

---

[1]) Hist. de l'Asie Cent. p. 179—180.

[2]) Такое положеніе хановъ въ Хивѣ разъяснено В. В. Григорьевымъ въ примѣчаніи (27-мъ) къ «Путевымъ Замѣткамъ» Бланкеннагеля. Указаны при этомъ и другія подобныя же явленія бывшія въ разное время въ разныхъ странахъ.

[3]) См. «Описаніе хивинскаго ханства и дороги туда изъ Сарайчиковской крѣпости» (Записки Геогр. Общ. 1861 г. кн. 2; стр. 124). «Описаніе» это составлено около 1803 года по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія имѣлись въ то время въ Оренбургѣ, частію изъ разсказовъ туземцевъ, приходившихъ туда по тор-

нить этотъ приговоръ ханъ, разумѣется, не могъ. Мало того: въ одномъ источникѣ для того времени [1]), мы читаемъ: «повелѣнія и учрежденія всѣ выходятъ отъ его имени хотя объ нихъ онъ ничего не знаетъ; напримѣръ: богатый сартъ по малѣйшему подозрѣнію лишается жизни со всѣми родственниками и имѣніе ихъ обыкновенно забирается на ханскій дворъ; но ханъ не только ничего изъ сего не получаетъ для себя, но и не знаетъ, когда сіе дѣлается». Такимъ образомъ, въ разсматриваемое нами время, именемъ хана управляетъ инакъ совмѣстно съ «совѣтомъ», при немъ находящемся. Въ этомъ совѣтѣ присутствуютъ: Кушъ-беги (родомъ Узбекъ), должность котораго можно приравнять къ должности перваго министра; Мехтеръ (родомъ Сартъ) вѣдающій доходы страны; Аталыкъ Уйгурскій (изъ узбековъ Уйгурскаго рода) начальствующій, по довѣрію къ нему инака, надъ военными силами [2]).

Обращаясь затѣмъ къ характеристикѣ управленія инака Авязя, мы находимъ такое замѣчаніе: «сначала онъ былъ жестокъ, но нынѣ умягчась и ставши правосуднымъ, любимъ и народомъ» [3]). Онъ, слѣдовательно, и былъ главнымъ виновникомъ умерщвленія «знатныхъ» и «богатыхъ» хивинцевъ; ему и его *совѣтникамъ* поступало, слѣдовательно, конфискованное имущество подозрительныхъ богачей.

Выяснивъ внутреннее состояніе Хивинскаго ханства, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи его къ сосѣднему

говымъ дѣламъ, частію изъ разсказовъ русскихъ плѣнныхъ, возвращавшихся изъ неволи. «Описаніе» даетъ по этому много важныхъ свѣдѣній для исторіи Хивы въ концѣ XVIII столѣтія.

[1]) «Описаніе Хивинскаго ханства и дороги туда изъ Сарайчиковской крѣпости».

[2]) Тамъ же; стр. 125. О должностяхъ Кушъ-беги и Мехтера см. у *М. И. Иванина*, въ статьѣ его «Свѣдѣнія о Хивин. ханствѣ» (въ журн. Мануф. и Торговли 1843 г. за апрѣль мѣс.); у *Данилевскаго*, въ «Описаніи Хив. ханства» стр. 133—4; у *Базинера*, въ «Naturwis. Reise nach Chiwa» стр. 246, и у другихъ.

[3]) «Описаніе Хивин. ханства и дороги туда изъ Сар. кр.», стр. 125.

ханству Бухарскому. Указаніе на это находимъ мы у Бурнашева, бывшаго въ Бухарѣ (въ первый разъ) въ началѣ 1795 г. Бурнашевъ пишетъ: «Шамратъ бекъ во время правленія своего [1]) Бухаріею имѣлъ войну съ Индіею [2]), Куканскимъ, Ходжанскимъ, Ташкентскимъ и Хивинскимъ владѣніями; изъ коихъ послѣдніе четыре будучи побѣждены, признали его своимъ протекторомъ и обязались письменно въ потребныхъ случаяхъ дѣлать вспоможеніе; что однакоже худо исполняютъ» [3]).

Дѣйствительно, Шахъ-Мурадъ воевалъ и на сѣверѣ, и востокѣ — съ Ташкентомъ и Коканомъ, на югѣ и западѣ — съ Афганистаномъ, Мервомъ, и Хивой. Эта послѣдняя, конечно, не могла противиться Шахъ-Мураду, и хорошо еще, если отдѣлалась только тѣмъ, что признала первенство надъ собою Бухары. Первенство это тяготѣло надъ Хивой, какъ увидимъ, еще въ началѣ текущаго столѣтія. Въ этихъ походахъ Шахъ-Мурада на Хиву участвовалъ, въ качествѣ *топчи-баши* (начальника артиллеріи), капралъ Оренбургскаго гарнизона Андрей Родиковъ, который и разсказывалъ о нихъ Яковлеву, состоявшему переводчикомъ при посольствѣ въ Бухару Негри въ 1820 г. [4]).

О дальнѣйшей судьбѣ Абуль-Гази мы ничего не знаемъ. А равно не знаемъ, кто смѣнилъ его въ ханскомъ достоинствѣ. Тѣ краткія извѣстія, которыя кое-гдѣ попадаются по этому поводу, дѣла не разъясняютъ; а скорѣе затемняютъ его. *Во-первыхъ:* Во время Бланкеннагеля, ханомъ въ Хивѣ былъ Абуль-Гази, сынъ Каипа — это извѣст-

---

[1]) Шахъ-Мурадъ ханствовалъ съ 1200—1215 (1785, 6—1801). Supplément à l'hist. etc. стр. 129—130.

[2]) Не съ Индіей, а съ Афганистаномъ воевалъ Шахъ-Мурадъ.

[3]) «Сибирскій Вѣстникъ» 1818 г., ч. II, стр. 57.

[4]) «Русскій капралъ Топчи-баши у Бухарскаго хана» («Отеч. Записки» 1822 г., ч. II, стр. 366—367).

но; а между тѣмъ, въ «Описаніи» 1803 года читаемъ: «нынѣшній ханъ называется *Аблязъ* (Абуль-Гази), лѣтъ 50, выбранъ изъ Каракалпаковъ; *объ семействѣ его ничего неизвѣстно*» [1]). Если бы въ то время, когда составлялось «Описаніе» (а оно составлялось, надо замѣтить, по матеріаламъ, не все современнымъ, а зачастую и устарѣвшимъ) ханствовалъ все еще сынъ Каипова, то странно, что составителю «Описанія» происхожденіе этого хана осталось неизвѣстнымъ. Нѣтъ: это замѣчаніе автора «Описанія» положительно нельзя отнести къ сыну Каипову; по всей вѣроятности здѣсь является *новый* Абуль-Гази. *Во-вторыхъ*: Яковъ Петровъ говоритъ, что ханъ въ Хивѣ человѣкъ еще молодой, какимъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть сынъ Каиповъ. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о какомъ-то другомъ, намъ неизвѣстномъ ханѣ. Къ сожалѣнію, разсказъ Петрова напечатанъ небольшимъ отрывкомъ и опредѣлить, къ какому времени относится приводимое имъ извѣстіе — трудно. Но принимая во вниманіе то соображеніе, хотя — сознаюсь — довольно шаткое, что скорѣе могъ молодой ханъ смѣнить состарѣвшагося, чѣмъ на оборотъ, я полагаю время ханствованія этого молодаго хана послѣ Абуль-Гази приводимаго въ «Описаніи».

Значительнымъ пособіемъ къ разъясненію этой путаницы служитъ то обстоятельство, что въ Хивѣ было *пять* хановъ, носившихъ имя Абуль-Гази, какъ сообщаетъ намъ одинъ очень важный источникъ для Исторіи Хивы [2]). Первый Абуль-Гази былъ извѣстный историкъ; второй Абуль-Гази упоминается подъ именемъ Абуль-Казыя Мухаммеда въ письмѣ, отъ 9 декабря 1743

---

[1]) «Описаніе Хивинскаго ханства», стр. 124.

[2]) См. «Замѣтку о Хивинскомъ ханствѣ» *А. Л. Куна*, составленную по мѣстной исторіи Юнусъ-Мираба, какъ сказывается въ объясненіи къ этой «Замѣткѣ». См. «Туркестанскія Вѣдомости» за 1873 годъ № 40.

года, канцлера графа Бестужева-Рюмина [1]); третій Абуль-Гази сынъ Каипа, ханствовалъ въ Хивѣ въ 80-хъ и въ началѣ 90 годовъ прошлаго столѣтія. Другихъ мы не знаемъ; но извѣстно, что послѣдній, т. е. *пятый* Абуль-Гази, сидѣвшій въ Хивѣ въ самомъ концѣ, прошлаго, а можетъ быть и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ свергнутъ съ престола инакомъ *Ильтезеромъ*. Этимъ, пятымъ Абуль-Газіемъ по всей вѣроятности, и былъ «молодой» ханъ, о которомъ сообщаетъ Яковъ Петровъ. Теперь является вопросъ: не были ли Абуль-Гази Бланкеннагеля и Абуль-Гази «Описанія» два хана, слѣдовавшіе непосредственно одинъ за другимъ? Если это такъ, тогда *всѣ пять* Абуль-Газіевъ были бы намъ извѣстны [2]).

Во всякомъ случаѣ, принимая въ разсчетъ частое смѣненіе хановъ, трудно и прослѣдить всѣхъ ихъ. Но это для насъ и не важно; не важно потому, что ханы эти ничего не значили,—дѣйствительными ханами въ то время были инаки, особенно Авязь-инакъ, къ правленію котораго и надо отнести всѣ событія въ Хивѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Правленіе же его ознаменовалось частыми возмущеніями и грабежами Туркменъ Юмудовъ, которые всякій разъ, какъ мѣняли хановъ, производили волненія въ странѣ [3]).

По повелѣнію инака Авязя произведено было исчисленіе всему народу—сообщаетъ греческій митрополитъ Хрисанѳъ—и найдено не болѣе 13,000 семей; но въ угодность начальнику (т. е. инаку) объявлено было до 20 тысячъ [4]).

---

[1]) См. раньше, стр. 209.

[2]) Замѣтимъ кстати, что имя *Абуль-Гази* довольно употребительно между Киргизами (*Левшинъ*, «Описаніе Кирг. Ордъ»; III, 96) и ничуть не удивительно, что изъ числа Киргизскихъ султановъ, ханствовавшихъ въ Хивѣ, трое носили это имя.

[3]) Hist. de l'Asie Cent. p. 181.

[4]) См. «Объясненіе греческаго митрополита Хрисанеа Неопатрасскаго» (поданное въ 1795 г. князю Зубову для соображенія графа Валеріана Зубова передъ походомъ его въ Персію)—въ Русскомъ Архивѣ за 1873 г. кн. 5,

Не было ли оно скорѣе убавлено? и не отсюда ли Бланкеннагель узналъ о числѣ населенія Хивинскаго ханства?

Узнаемъ затѣмъ отъ Абдуль-Керима, что узбеки Кунградскіе, подъ предводительствомъ Тюря Суфи, родственника Эйваза, возмутились противъ инака [1]), и въ сѣверной части ханства образовалось особое владѣніе, съ которымъ не скоро могли справиться слѣдующіе хивинскіе ханы.

КУНГРАДСКАЯ ДИНАСТІЯ.

Ильтезеръ-Ханъ.

(Въ самомъ началѣ XIX столѣтія).

Описанный порядокъ вещей существовать долго не могъ. Надо было ожидать, что инаки не удовольствуются только трудами по управленію ханствомъ и тѣми выгодами, которыя даетъ имъ ихъ положеніе; но захотятъ присвоить себѣ и титулъ хана, имъ болѣе приличный, чѣмъ ничтожнымъ затворникамъ, для которыхъ онъ былъ пустымъ звукомъ. При инакѣ Авязѣ такой переворотъ быть не могъ потому, что все время управленія его клонилось къ усиленію власти инаковъ, и этого усиленія онъ достигъ вполнѣ; но тог-

---

стр. 864. Митрополитъ Хрисанеъ родомъ изъ венеціянскихъ дворянъ фамиліи Контарини. Посѣтилъ страны Средней Азіи въ началѣ 90-хъ годовъ; въ Хивѣ былъ онъ, какъ видно изъ его «Объясненія», въ 1794 году (такъ какъ въ «Объясненіи» онъ говоритъ, что былъ въ Хивѣ въ *прошломъ* году), слѣдовательно, тотчасъ же вслѣдъ за Бланкеннагелемъ. Въ Хивѣ митрополитъ Хрисанеъ пробылъ около года. Впослѣдствіи митрополитъ Хрисанеъ управлялъ Балаклавскимъ Георгіевскимъ монастыремъ, гдѣ и умеръ въ 1824 году (*Л. Черняевскій*, «Балаклавскій Георгіевскій монастырь», въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1850 г. № 75).

[1]) Hist. de l'Asie Cent. p. 182.

да Авязь былъ уже старъ и, какъ всякій старикъ, придерживался заведеннаго уже порядка вещей. А когда онъ умеръ, и инакское достоинство перешло къ энергичному его сыну, Ильтезеру [1]), въ управленіи совершился переворотъ.

Относительно смерти Авязь-инака, мы имѣемъ разныя указанія. По «Объясненію» митрополита Хрисанѳа видно, что въ 1794 году, а пожалуй и въ 1795, Авязь-бекъ еще здравствовалъ [2]). По Муравьеву [3]), Ильтезеръ наслѣдуетъ отцу въ 1800 году. Но полагаться на цифры, приводимыя Муравьемъ, нельзя потому уже, что кромѣ того, что, по сопоставленію указаній Муравьева съ другими извѣстіями, годы его оказываются съ тѣми совсѣмъ несходными; но и по нѣкоторымъ соображеніямъ они представляются не совсѣмъ вѣроятными [4]).

Едва ли не болѣе правъ Миръ-Абдуль-Керимъ, показывающій время смерти инака Авязя и вступленія на ханство Ильтезера въ 1219 (1804) году [5]); но въ виду такой разногласицы, мы и ему не можемъ отдать предпочтеніе.

Какъ бы то ни было, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія Ильтезеръ свергнулъ съ престола тогдашняго хана Абуль-Гази V [6]), присвоилъ себѣ титулъ хана и упразднилъ званіе инаковъ [7]). Не легко далось ему, говоритъ

---

[1]) Миръ Абдуль-Керимъ говоритъ, что по смерти Эйваза народъ предложилъ достоинство инака Кутлу-Мурадъ-беку; но этотъ отказался отъ него въ пользу брата, Ильтезера. Hist. de l'Asie Centrale, p. 182.

[2]) Въ «Объясненіи» митрополита Хрисанѳа Авязь-инакъ называется *инакъ Сивазъ-бекъ*. Самая же «Записка» митрополита Хрисанѳа издана, съ введеніемъ и объясненіями, *В. В. Григорьевымъ* и помѣщена въ «Чтеніяхъ Имп. Москов. Общества Исторіи и Древностей» за 1861 г. кн. I.

[3]) «Путешествіе въ Хиву» ч. II, стр. 38.

[4]) См. слѣдующее ханствованіе.

[5]) Hist. de l'Asie Centrale. p. 181—2, 193.

[6]) «Замѣтка о Хивинскомъ ханствѣ» г. *Куна* (Турк. Вѣд. 1873, № 40).

[7]) Такъ приходится заключать объ упраздненіи званія инаковъ изъ того, что Мухаммедъ Рахимъ, вступивъ на ханство, назначилъ инаковъ; но по своему уже выбору. *Муравьевъ*, «Путеш. въ Хиву», ч. II, стр. 42.

Муравьевъ, достиженіе ханскаго достоинства: онъ пустилъ въ ходъ «коварство, хитрость и всякаго рода злодѣянія, съ шайкою своихъ приверженцовъ уничтоживъ прежній порядокъ, поработилъ своей власти всѣ поколѣнія и возложилъ тяжкіе оковы на своихъ соотечественниковъ, содѣлавшись единымъ, самовластнымъ и неограниченнымъ повелителемъ или Ханомъ всего Хивинскаго народа» [1]).

Гораздо проще разсказываетъ объ этомъ уничтоженіи подставныхъ киргизскихъ хановъ Абдуль-Керимъ:

Ильтезеръ надѣлилъ деньгами тогдашняго хана и отпустилъ его къ Киргизамъ; а затѣмъ, собравъ представителей ханства, объявилъ себя ханомъ, что они и должны были одобрить [2]). Но этого было мало. Такъ какъ нигдѣ наслѣдственныя преданія не имѣютъ такого важнаго значенія, какъ въ Азіи, то новый ханъ старался закрѣпить, такъ сказать, права свои на престолъ и другимъ способомъ: онъ женился на дочери *сеида* [3]), проживавшаго въ Ургенчѣ. Сеидъ этотъ Акте-ходжа (или какъ поправляетъ г. Шеферъ, Ахундъ-ходжа) не хотѣлъ выдавать своей дочери за хана; но ее отняли у него силою [4]). Породнившись съ прямымъ потомствомъ пророка, Ильтезеръ получилъ право на титулъ Сеида, а съ тѣмъ вмѣстѣ облагородилъ въ глазахъ народа свое происхожденіе. Но титула Сеида при своемъ имени онъ никогда не употреблялъ.

Первымъ дѣломъ новаго хана было обложить податью Юмудовъ; тѣ, не желая подчиниться такимъ порядкамъ,

---

[1]) «Путешествіе въ Хиву», ч. II, стр. 38.

[2]) Hist. de l'Asie Cent. p. 183.

[3]) *Сеидами* называются потомки Мухаммеда отъ дочери его Фатимы и Халифа Алія. Они пользуются у Мусульманъ не только почетомъ, но и многими привилегіями. Такъ, они одни только могутъ безнаказанно говорить правду восточнымъ деспотамъ и укорять ихъ за жестокость. Казнить сеида опасно: такой поступокъ можетъ повлечь поголовное народное возстаніе, какъ за поруганіе религіи.

[4]) Hist. de l'Asie C. p. 181, 187—8.

вздумали откочевать въ степи Астрабадскія. Ильтезеръ пустился преслѣдовать ихъ и принудилъ вступить въ бой. Туркмены были разбиты, и побѣдителю досталась богатая добыча [1]).

Добившись ханскаго достоинства, Ильтезеръ, конечно, не могъ разсчитывать на спокойствіе. Чтобы по возможности усилить свое ничтожное ханство, ему предстояло еще много борьбы впереди. Особенно упорна и въ тоже время безплодна была борьба Ильтезера съ особымъ ханствомъ, образовавшемся на нижнемъ теченіи Аму-Дарьи.

Замѣтимъ при этомъ, что Абдуль-Керимъ, описавшій довольно подробно походы хивинскихъ хановъ противъ аральскаго владѣльца Тюря-Суфи, не имѣлъ точнаго понятія о его владѣніи, которое онъ называетъ *островомъ*, *лежащимъ посреди моря Аральскаго* [2]).

Главный городъ этого ханства назывался *Кунградомъ*, поэтому и самое ханство мы будемъ называть *Кунградскимъ*.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ именемъ города, которое раньше намъ не попадалось и только въ концѣ прошлаго столѣтія дѣлается намъ извѣстнымъ. Первый упомянувшій о немъ былъ Бланкеннагель [3]), и у него Кунградъ стоитъ въ простомъ перечнѣ съ прочими городами хивинскаго ханства, а это даетъ поводъ заключать о его тогдашней зависимости отъ Хивы. Возникъ этотъ городъ, по всей вѣроятности, очень недавно, такъ какъ до Бланкеннагеля никто о немъ не говоритъ. Во время пребыванія въ Хивѣ Гладышева, первенствующимъ городомъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи былъ, какъ видѣли, *Шахтемиръ;* во

---

[1]) Ibid, p. 185—6.

[2]) Ibid, p. 186. Владѣнія Тюря Суфи занимали дельту Аму-Дарьи и прибрежье Аральскаго моря: это прежняя земля Аральцевъ.

[3]) Онъ приводитъ слѣдующіе города: Конратъ, Мангутъ, Хаджелъ, Капчакъ, Гурлемъ, Амбаръ, Чагадай, Шабатъ, Югуръ, Кетъ, Ургенцъ, Хива, Ганга, Газарисъ и Пильнекъ (Вѣстн. Геогр. Общ. 1858 г., кн. 3, стр. 94).

время Рычкова—городокъ *Араль* [1]). Существовалъ ли въ то время Кунградъ, сказать положительно нельзя. Въ приложеніяхъ къ показанію Гладышева [2]) находимъ указаніе на существованіе какого-то городка въ кунградскомъ родѣ, но былъ ли это теперешній Кунградъ—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, городокъ этотъ должно быть былъ такъ незначителенъ, что не заслуживалъ, какъ видно, чтобы и имя-то его было упомянуто.

Съ другимъ уже оттѣнкомъ является Кунградъ въ «Описаніи» хивинскаго ханства Велички, гдѣ читаемъ: «*Конратъ* же есть въ ихъ (Аральскихъ) кочевьяхъ главное мѣсто, обнесенное земляным валомъ, окружностію до 20 верстъ; валъ вышины до двухъ аршинъ съ нѣсколькими выѣздами, которые въ нужныхъ случаяхъ заставляются рогатками и телегами; въ сію окружность собираются они съ семействами своими во время зимнее; жителей у сего народа считается болѣе ста тысячъ» [3]). Далѣе, при описаніи еще трехъ кочевьевъ: *Кизиль-хозя* (разрушившаяся крѣпостца Кызылъ-ходжа или Кызылъ-кала, находящаяся въ 8-ми верстахъ отъ Манкыта) [4]), *Мангута* (Манкыта) и *Копчака* (Кипчака) говорится: «всѣ сіи *четыре* кочевья, *бывшія прежде въ зависимости* Узбековъ хивинскихъ, назадъ тому 8 лѣтъ, отъ нихъ отложились, платя только нынѣ имъ 2,000 червонныхъ бухарскихъ въ годъ; управляются же выбранными изъ ихъ роду Узбеками, Ходжаматомъ (Хаджи-Муратомъ) и Тюрсматомъ (Тюря-Суфи-Муратомъ?) братьями, подъ названіемъ Бековъ. Первому болѣе 60, а второму съ небольшимъ 50 лѣтъ. Народъ меньшаго болѣе любитъ и уважаетъ за его тихій нравъ и храб-

---

[1]) «Оренбургская Топографія», стр. 25.

[2]) «Географич. Извѣстія» 1850 г. стр. 538.

[3]) Записки Геогр. Общ. 1861; кн. II, стр. 115.

[4]) См. объ этой крѣпости у Ковырзина въ Beiträge zur Kenntniss u. s. w. (т. II, стр. 19).

рость»[1]). Такимъ образомъ, въ самомъ концѣ XVIII столѣтія, сѣверная часть ханства сдѣлалась отдѣльнымъ, самостоятельнымъ владѣніемъ. Случилось это по «Описанію» около 1795 г., вскорѣ, слѣдовательно, послѣ посѣщенія Хивы маіоромъ Бланкеннагелемъ.

Такое частое отложеніе низовьевъ Аму-Дарьи отъ Хивинскаго ханства зависѣло, конечно, отъ благопріятныхъ условій самой мѣстности[2]), т. е. ея изолированнаго положенія въ отношеніи къ лѣвому берегу Аму-Дарьи; но главная-то причина заключалась въ характерѣ самихъ Узбековъ, привыкшихъ при удѣльной системѣ къ дробленію цѣлаго государства на мелкія, самостоятельныя части. Это стремленіе къ отдѣленію отъ Хивы производило постоянную вражду между Хивинцами и Кунградцами, что влекло за собою частыя кровавыя стычки[3]). Въ концѣ концовъ, Кунградъ не выдержалъ борьбы съ Хивинскими ханами, онъ палъ и полнѣйшимъ раззореніемъ заплатилъ за свое, почти двадцатилѣтнее, упорство[4]).

Въ разсматриваемое нами время власть Кунградскаго владѣтеля не ограничивалась однимъ Кунградскимъ кочевьемъ, а простиралось на города Ходжейли, Манкытъ и Кипчакъ[5]) Набѣги его простирались до городовъ Китая и Гурлена[6]). Всѣ попытки хана Ильтезера сломить Кунградскаго владѣтеля оставались тщетными, и всякій разъ онъ долженъ былъ отступать съ большимъ урономъ[7]).

---

[1]) «Описаніе Хивинск. ханства и дороги туда изъ Сарайч. кр.», стр. 115—117.

[2]) Еще Абуль-Гази, видѣли мы, былъ провозглашенъ ханомъ въ землѣ Аралъ.

[3]) «Описаніе Хивин. ханства», стр. 127.

[4]) О раззореніи города говоритъ *Ѳ. Грушинъ* (Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду 1838 г. № 5) и *Ак. Никитинъ* (Альманахъ «Утр. Заря» на 1838 г. изд. Владиславлевымъ, стр. 194).

[5]) Г. И. Данилевскаго, «Описаніе Хив. хан.», стр. 106.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же. Hist. de l'Asie Centrale, p. 186.

Ханъ Ильтезеръ проявилъ необыкновенную дѣятельность. Не успѣвъ еще хорошенько утвердиться на ханствѣ, какъ предпринялъ онъ походъ въ Бухару. Причину этого похода Муравьевъ объясняетъ необходимостью освободиться отъ нравственной зависимости Хивы отъ Бухары. Зависимость же эта явилась, сказываетъ онъ, потому, что Хивинскіе Узбеки, гонимые несправедливостью на родинѣ, часто укрывались въ Бухарѣ и тѣмъ давали ханамъ бухарскимъ поводъ вмѣшиваться въ дѣла Хивы [1]). Едва ли это такъ. Не имѣли ли тутъ какого значенія походы въ Хиву Шахъ-Мурада, о которыхъ говорилъ, какъ видѣли, Бурнашевъ [2]), и которые нравственно, такъ сказать, подчинили Хиву Бухарѣ. А можетъ быть дѣло происходило еще проще; можетъ быть походъ въ Бухару предпринятъ былъ Ильтезеромъ съ цѣлію грабежа? И раньше, какъ только домашнія дѣла были хотя сколько нибудь въ порядкѣ, ханы хивинскіе, еще пользовавшіеся значеніемъ въ своемъ ханствѣ, спѣшили на грабежъ въ сосѣднія страны. А Ильтезеръ-хану необходимо было пополнить отощавшую ханскую казну [3]). Походъ этотъ Абдуль-Керимъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы Ильтезера, выступилъ онъ въ Бухару въ 1220 (1805) году. Предпринимая этотъ походъ, ханъ нашелъ нужнымъ обезпечить себя со стороны Юмудовъ. Съ этою цѣлію отправилъ онъ къ нимъ посла съ мирными предложеніями и приглашеніемъ переселиться въ его ханство. Тѣ согласи-

---

[1]) «Путеш. въ Хиву», II, стр. 39.

[2]) См. раньше; стр. 249.

[3]) Обѣднѣніе ханства Хивинскаго въ концѣ XVIII ст. должно быть было поразительное. Совершенный упадокъ торговли, полнѣйшее безсиліе до невозможности грабить сосѣдей—все это отзывалось и на финансахъ ханства. Вотъ что читаемъ о Хивинцахъ у Фалька: «Sie (т. е. Хивинцы) sind aber ungesitteter gegen Fremde, rauben lieber als sie handeln, und daher weniger Kaufleute und Fabrikanten, aber mehr Landleute als die Bucharen». *Falk*, Beyträge zur Topografihischen Kenntniss des Russischen Reichs. St.-Petersb. 1785; I Band, s. 401.

лись. Отъ этого войско Ильтезера значительно усилилось. Тогда онъ вторгнулся въ предѣлы Бухары и началъ грабить встрѣчавшіеся на пути селенія и города; но когда бухарское войско выступило противъ хивинскаго и дало битву, то хивинцы были разбиты и обратились въ бѣгство. Ильтезеръ-ханъ, спасаясь черезъ Аму-Дарью, утонулъ. Два брата его, Хасанъ Мурадъ-бекъ и Джанъ-Мурадъ-бекъ, были убиты, а Кутлу-Мурадъ захваченъ въ плѣнъ. Случилось это въ 1221 (1806) году [1]). По Абдуль-Кериму, Ильтезеръ ханствовалъ около двухъ лѣтъ; по Муравьеву — не болѣе года; а потому, основываясь на этомъ послѣднемъ источникѣ, мы должны годъ смерти Ильтезера отнести — или къ 1801 или 1802 году. Если бы мы нашли гдѣ нибудь подтвержденіе извѣстіямъ, сообщаемымъ Муравьевымъ, тогда и разсуждать было бы нечего; но въ томъ-то и бѣда, что всякій, кто упоминаетъ о Хивѣ начала XIX столѣтія, даетъ разные годы ханствованія Ильтезера. Годъ смерти его относятъ то къ 1801—2, [2]), то къ 1804-му [3]), и 1806, [4]) то къ 1808-му [5]); по инымъ онъ былъ живъ и въ 1809 г. [3]); а Мирза Шемсъ Бухари заставляетъ Ильтезера воевать съ Миръ-Хайдеромъ Бухарскимъ даже въ 1821 году [6]), чего уже ни коимъ образомъ быть не могло, ибо мы несомнѣнно знаемъ, что въ 1810 году сидѣлъ на

---

[1]) Hist. de l'Asie Cent. p. 160—168, 189—193.

[2]) *Муравьевъ*, которому до сихъ поръ, оказывается, хотя и неосновательно, предпочтеніе предъ всѣми другими.

[3]) *Вамбери*. Хронологія, приводимая этимъ ученымъ, была уже у насъ оцѣнена по достоинству, но относительно Бухары только. (См. жур. Мин. Нар. Пр. 1873 г. за ноябрь: разборъ *В. В. Григорьева* «Исторіи Бухары», написанной Вамбери по «неизвѣстнымъ» до того источникамъ).

[4]) Histoire de l'Asie Centrale, p. 193.

[5]) *Мейендорфъ*, «Voyage d'Orenbourg à Boukhara» p. 112.

[6]) См. статью неизвѣстнаго автора о Среднеазіатскихъ ханствахъ; въ Азіатскомъ Вѣстн. 1825 г., I, 376. Этотъ авторъ называетъ Ильтезера *отцомъ* и предмѣстникомъ Мухаммедъ-Рахима.

[7]) «Записки Мирзы Шемса Бухари» изд. *В. В. Григорьевымъ*; Казань, 1861 г.

ханствѣ въ Хивѣ братъ Ильтезера, Мухаммедъ-Рахимъ [1]).

Во всякомъ случаѣ, ханствованіе Ильтезера не было продолжительно, иначе мы имѣли бы о немъ гораздо болѣе извѣстій и въ самой Хивѣ, и въ сосѣдней Бухарѣ. Въ самомъ дѣлѣ: личность хана Ильтезера съ самаго же вступленія его на ханство является необыкновенно дѣятельною и энергичною. Бухара навѣрно, испытала бы не одинъ только его походъ, и если этого не случилось, то потому единственно, что ханъ этотъ, на ея счастье, въ первый же походъ и погибъ [2]).

Мы имѣемъ краткое, относящееся къ этому времени извѣстіе о доходахъ Хивинскаго хана. Извѣстіе это находится въ «Описаніи» Хивинскаго ханства, составленномъ Величкою, и хотя тамъ о ханѣ Ильтезерѣ вовсе и не упоминается вовсе, и даже свѣдѣнія тамъ помѣщенныя могутъ быть отнесены и къ болѣе раннему времени; но извѣстно, что тотъ же порядокъ существовалъ и при ханѣ Ильтезерѣ, который не успѣлъ еще произвести никакихъ преобразованій въ ханствѣ; а потому можемъ привести ихъ и въ этомъ мѣстѣ. Свѣдѣнія эти важны для насъ потому еще, что въ слѣдующее ханствованіе, Мухаммедъ-Рахима, по этой части произведено было полное преобразованіе, поставившее финансовое положеніе страны въ тотъ видъ, въ какомъ существуетъ оно и до сихъ поръ.

Доходы хана состоятъ по «Описанію»: *во-первыхъ*, въ податяхъ, которыя платятъ сарты; платятъ они, смотря по

---

[1]) «Неизданныя Бухарскія и Хивинскія монеты» (Извѣстія Археол. Общ. 1860 г.).

[2]) Мы имѣемъ монету, битую въ Хорезмѣ въ 1216 (1801—2) году; но принадлежитъ ли она Ильтезеру хану, сказать трудно, потому что, не смотря на хорошо сохранившійся чеканъ, нѣтъ возможности разобрать то, что на ней изображено. («Монеты Бухар. и Хив.» *В. В. Вельяминова-Зернова*).

состоянію, отъ 1 до 100 бухарскихъ червонцевъ съ семьи [1]). Бѣдные платятъ часть червонца. Узбеки отъ этой подати освобождены. *Во вторыхъ*—въ пошлинахъ съ привозимыхъ товаровъ, въ размѣрѣ 20-й части золотомъ или натурою. *Въ третьихъ* — въ сборѣ по одному червонцу за каждаго проходящаго съ товаромъ верблюда Киргизовъ. Все это дастъ въ казну около 3000 бухарскихъ червонцевъ [2]). Особенно тяжелыя пошлины взимались съ нашихъ купцовъ. Но нѣтъ въ Хивѣ ни поземельнаго сбора, ни пошлины съ отпускныхъ товаровъ [3]).

Далѣе узнаемъ, изъ того же источника, что городами въ ханствѣ (кромѣ Хивы, разумѣется) управляютъ *аталыки*. Что это не выдумка, достаточно сослаться на плѣннаго Ковырзина, который тоже сообщаетъ, что въ каждомъ городѣ сидитъ аталыкъ [4]). Но за то объ аталыкахъ, какъ правителяхъ городовъ, никто больше не говоритъ. Разъяснить: какимъ образомъ аталыки сдѣлались правителями городовъ, было бы интересно, такъ какъ раньше мы видѣли, по свидѣтельству Гладышева [5]), въ городахъ сидѣли какіе-то *свои князья*; а не аталыки, смѣшать-же ихъ онъ не могъ потому, что аталыки стоятъ у него своимъ чередомъ. Можетъ быть инаки произвели перемѣну въ управленіи городовъ. Думать такъ можно потому еще, что по «Описанію» аталыковъ назначали инаки, хотя и именемъ хана и за приложеніемъ его печати [6]). Въ противномъ случаѣ, власть этихъ правителей могла быть или избира-

---

[1]) Пока жива мать, всѣ сыновья ея принадлежатъ къ одному семейству (Beiträge u s. w. II, 43).

[2]) Во время инаковъ, говоритъ Муравьевъ, подать съ народа шла на жалованье инакамъ и ихъ родственникамъ (Путеш. въ Хиву, ч. II стр. 85).

[3]) «Описаніе Хивинскаго ханства и дороги туда изъ Сарайчиков. крѣп.» стр. 126.

[4]) Beiträge u s. w. II, 42.

[5]) См. раньше, стр. 204.

[6]) «Описаніе Хив. ханства и дор. изъ Сарайч. крѣп.» 125—12

тельною (цѣлымъ городомъ), или даже наслѣдственною. Но, за неимѣніемъ никакихъ прочныхъ основаній въ этомъ случаѣ, никакихъ заключеній дѣлать нельзя.

Инакъ Кутлу-Мурадъ.

По смерти хана Ильтезера первымъ лицомъ въ ханствѣ сталъ братъ его Кутлу-Мурадъ. Не отличаясь рѣшительностью и боясь Узбековъ, не принялъ онъ титула хана; а удовольствовался болѣе скромнымъ званіемъ инака.

«Хивинцы опять обратились къ прежнимъ распрямъ», пишетъ Муравьевъ, «но не долго наслаждались они буйствомъ своимъ» [1]).

Дѣйствительно, Кутлу-Мурадъ продержался правителемъ ханства очень недолго. Онъ оказался человѣкомъ слабымъ; а этимъ не преминули воспользоваться для своего возвышенія два брата его: одинъ двоюродный — Мухаммедъ-Ніязъ-бекъ, другой родной — Мухаммедъ-Рахимъ, которые и начали борьбу за преобладаніе ханскимъ достоинствомъ. Кутлу-Мурадъ держался всторонѣ и не принималъ никакого участія въ борьбѣ своихъ родственниковъ.

Открытая борьба между братьями кончилась ничѣмъ. Тогда Мухаммедъ-Рахимъ прибѣгъ къ хитрости: измѣннически захватилъ онъ Мухаммедъ-Ніязъ-бека, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми ихъ. Казнь же Мухаммедъ-Ніяза совершилась въ присутствіи самого Мухаммедъ-Рахима [2]). Избавившись такимъ образомъ отъ соперника, Мухаммедъ-Рахимъ объявилъ себя ханомъ [3]).

---

[1]) «Путеш. въ Хиву», ч. II, стр. 40.
[2]) Тамъ же, стр. 40—41.
[3]) По Муравьеву—въ 1802 году.

Совершенно иначе передаетъ Мейендорфъ (по бухарскимъ разсказамъ) о вступленіи на ханство Мухаммедъ-Рахима: «въ 1808 году ханъ бухарскій овладѣлъ Хивою; спустя немного времени послѣ того, онъ возвратилъ ее побѣжденному владѣтелю ея. Валеди-Нассаръ [1]) былъ убитъ, а ханство перешло къ его брату Мухаммедъ-Рахиму, который не замедлилъ возобновить разбоничьи набѣги на Бухару; продолжаетъ онъ ихъ и теперь, платя такимъ образомъ зломъ за оказанное благодѣяніе брату его» [2]). Мы сильно убѣждены, что бухарцы на этотъ разъ прихвастнули, такъ какъ ни другой бухарскій источникъ, Мирза-Шемсъ-Бухари, не говоритъ о завоеваніи Хивы Миръ-Хайдеромъ; ни плѣнные наши не упоминаютъ о томъ. Да наконецъ, отчего же Миръ-Хайдеръ, разъ смиривъ Хиву, не попытался сдѣлать тоже и въ другой разъ, а безнаказанно допускалъ грабить своихъ подданныхъ? Бухарцы сильно сѣтовали, говоритъ тотъ же Мейендорфъ, на то, что ханъ не позволяетъ имъ отмстить хивинцамъ за грабежи и побить ихъ, какъ было это десять лѣтъ назадъ [3]). Очень возможно, что тутъ-то Бухарцы и нашли нужнымъ сгладить предъ Мейендорфомъ невыгодное впечатлѣніе о ихъ силѣ разсказомъ о взятіи ими Хивы.

Изъ дѣятельности Кутлу-Мурада намъ извѣстно только построеніе имъ города, который и былъ названъ его именемъ: Кутлу-Мурадъ-Инакомъ [4]). Но былъ ли онъ построенъ во время его правленія ханствомъ, или же при ханствованіи брата его, Мухаммедъ-Рахима,—указанія не имѣемъ. Правленіе Кутлу-Мурада продолжалось, во всякомъ случаѣ, не долго, но сколько именно, опредѣлить съ точностію, за неимѣніемъ данныхъ, не можемъ. Мало того, если слѣдовать

---

[1]) Ильтезеръ ханъ?
[2]) *Meyendorff.* Voyage d'Orenburg à Boukhara; p. 112
[3]) Тамъ же, стр. 195.
[4]) Beiträge zur Kentniss u s. w. II, 27.

исторіи Миръ-Абдуль-Керима, то окажется, что Кутлу-Мурадъ и вовсе не ханствовалъ. Онъ въ битвѣ 1221 (1806) года взятъ былъ въ плѣнъ и уведенъ въ Бухару, а когда вернулся оттуда въ Хиву, то засталъ тамъ ханомъ уже брата своего Мухаммедъ-Рахима, котораго тотчасъ и призналъ въ этомъ достоинствѣ. За это съ своей стороны, прибавляетъ Абдуль-Керимъ, Мухаммедъ-Рахимъ ничего не предпринималъ, не посовѣтовавшись предварительно съ Кутлу-Мурадомъ [1]).

Но отвергать правленіе Кутлу-Мурада, основываясь только на этомъ показаніи, мы, въ виду другихъ источниковъ, во всякомъ случаѣ, не можемъ.

Мухаммедъ-Рахимъ.

(Вступилъ на ханство *раньше* 1810 г. и ханствовалъ до 1825 г.).

Не зная года смерти Ильтезеръ-хана, мы тѣмъ самымъ не можемъ опредѣлить и годъ вступленія на ханство брата [2]) его, Мухаммедъ-Рахима [3]). Ближе всего было бы въ

---

[1]) Histoire de l'Asie Centrale, p. 181.

[2]) *Вамбери* въ «Очеркахъ Средней Азіи» М. Рахима называетъ *сыномъ* Ильтезера хана.

[3]) Главнымъ источникомъ для ханствованія Мухаммедъ-Рахима служитъ *Н. Н. Муравьевъ*, оставившій намъ описаніе своего «Путешествія въ Туркменію и Хиву въ 1819—20 годахъ»; въ 2 частяхъ, Москва 1822 г. Имѣется оно и въ переводахъ на иностранные языки: на французскомъ—Voyage en Turcomanie et à Khiva fait en 1819 et 1820 trad. du russe par C. Lecointe de Laveau; Paris, 1823. На нѣмецкій языкъ это «Путешествіе» перевелъ нашъ академикъ Шёгренъ; но переводъ его остался въ рукописи. За симъ слѣдуютъ показанія нашихъ плѣнныхъ ушедшихъ изъ Хивы:

Ѳедора Грушина (разсказъ котораго напечатанъ въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» за 1838 г. № 5, и помѣщенъ въ Полномъ собраніи сочиненій *В. И. Даля* во II т. изданія 1861 г.). *Тихона Рязанова* (въ Альманахѣ «Утренняя Заря» на 1839 годъ, изд. Владиславлевымъ). Но оба

такомъ случаѣ обратиться за разрѣшеніемъ этого вопроса къ нумизматикѣ, но изъ описанныхъ до селѣ монетъ хивинскихъ, битыхъ при Мухаммедъ-Рахимѣ, самую древнюю мы имѣемъ 1225 г. гиджры, т. е. 1810 нашей эры [1]). Да едва ли и можемъ мы когда-либо имѣть болѣе древнюю монету Мухаммедъ-Рахима. Такъ думается мнѣ потому, что ханъ этотъ *первый* началъ бить монеты съ своимъ именемъ; а не съ именемъ Бухарскихъ хановъ, какъ водилось это до него [2]). Но и Мухаммедъ-Рахимъ не вдругъ же по вступленіи на ханство сталъ чеканить свою монету. Необходимо должно было пройти нѣсколько лѣтъ въ приведеніи въ исполненіе другихъ, болѣе важныхъ мѣръ; наконецъ и самый планъ бить свою монету затягивался въ своемъ осуществленіи на нѣкоторое время, такъ такъ приспособленій къ тому еще не имѣлось. Такъ, напримѣръ, Мухаммедъ-Рахимъ долженъ былъ построить монетный дворъ [3]), хотя раньше постоян-

---

эти разсказа относятся болѣе къ слѣдующему ханствованію, хотя и тотъ и другой были взяты въ плѣнъ въ 1819 году. *Ковырзина* (ушедшаго изъ Хивы въ 1826 г.) разсказъ котораго, съ нѣкоторыми добавленіями, изданъ *Генсомъ* (въ Beiträge zur Kentniss, и т. д. кн. II). На русскомъ языкѣ разсказъ Ковырзина помѣщенъ Гельмерсеномъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г. т. VIII, подъ заглавіемъ: «Хива въ нынѣшнемъ своемъ состояніи».

[1]) См. Статью *В. В. Григорьева* — Неизданныя Бухарскія и Хивинскія монеты (въ «Извѣстіяхъ» Археологич. Общ. 1860). Не лишнимъ здѣсь будетъ отмѣтить одну ошибку автора статьи «Научныя работы во время Хивинскаго похода» (Туркест. Вѣд. 1873 г. № 50). Тамъ описаны печати прежнихъ хановъ, которыя найдены были въ Хивѣ при взятіи ея нами въ 1873 году. Въ числѣ этихъ печатей одна отнесена къ Мухаммедъ-Рахиму хану (при этомъ годъ вступленія его на ханство показанъ по Муравьеву: 1802-й). При описаніи этой печати годъ ея выставленъ—1213, а этотъ годъ соотвѣтствуетъ нашему 1798, 9-му. Ясно, что печать и не такъ прочитана и годъ на ней не тотъ. Мнѣ удалось видѣть оттиски съ этихъ печатей, находящіеся у П. И. Лерха; но въ числѣ ихъ нѣтъ ни одной съ именемъ Мухаммедъ-Рахима, да и нѣтъ между ними ни одной не только прошлаго столѣтія, а даже начала нынѣшняго: самая древняя изъ нихъ принадлежитъ Мухаммедъ-Эмину.

[2]) Миръ-Абдуль-Керимъ прямо говоритъ, что началъ бить свою монету только Мухаммедъ-Рахимъ (Hist. de l'Asie Cent.).

[3]) *Муравьевъ*. Путешествіе въ Туркменію и Хиву, ч. II, стр. 75.

но чеканились въ Хивѣ мѣдныя деньги. На этихъ монетахъ никакихъ хановъ имена, кажется, не выставлялись.

Слѣдующій затѣмъ источникъ, указывающій на ханствованіе въ Хивѣ Мухаммедъ-Рахима, есть *Миръ-Иззетъ-Улла*. Этотъ Миръ-Иззетъ-Улла посланъ былъ въ Среднюю Азію въ 1812 г. Муркрофтомъ предварительно предъ его путешествіемъ въ страны на сѣверъ отъ Гималая. Въ своихъ «Запискахъ» Миръ-Иззетъ-Улла о Хивѣ говоритъ (по переводу) слѣдующее: A la gauche de l'Amou, est le pays de *Karizm*, dont la capitale est Ourghendj, et le chef *Mohammed-Rahim-khan* [1]). Положимъ, что Иззетъ-Улла ошибся относительно столицы: вмѣсто Хивака (Хивы) написалъ Ургенчъ; но относительно тамошняго владыки ошибиться онъ уже не могъ; не могъ онъ назвать ханомъ Мухаммедъ-Рахима, если тотъ не достигъ еще этого положенія. Такимъ образомъ несомнѣнныя и самыя древнія указанія на ханствованіе Мухаммедъ-Рахима не восходятъ дальше 1812 и 1810 годовъ.

Вступилъ на ханствованіе Мухаммедъ-Рахимъ въ трудныя времена. Съ одной стороны неудачный походъ брата его на Бухару ослабилъ военныя *силы страны*, а слѣдовательно и хана; съ другой—Узбеки, видѣвшіе въ новыхъ ханахъ враговъ своей вольности, готовы были произвести возмущеніе въ странѣ. Но Мухаммедъ-Рахимъ сразу показалъ, что онъ будетъ слѣдовать во всемъ своему предшественнику, брату Ильтезеру.

И, дѣйствительно, Мухаммедъ-Рахиму удалось не только прочно укрѣпить свою власть въ странѣ, но и поднять значеніе ханства. Этого онъ достигъ: 1) истребленіемъ непокорныхъ родственниковъ; 2) усмиреніемъ Узбековъ, опять поднявшихъ было голову послѣ смерти Ильтезера; 3) родствомъ, посредствомъ женитьбы, съ родомъ Сеидовъ, и 4) военными походами.

[1]) *Mir Izzet-ullah*, «Voyage dans l'Asie Centrale» (Magazin asiatique 1827; juillet, p. 171—172).

И вотъ, въ самомъ началѣ своего ханствованія, Мухаммедъ-Рахимъ казнилъ одиннадцать братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, пощадилъ только двухъ: Мухаммедъ-Назаръ-бека и Кутлу-Мурада, который не принималъ участія въ междоусобіяхъ. Кутлу-Мураду позволено было называться *инакомъ* поколѣнія Кіятъ-Кунградъ и поручено управленіе городомъ Ургенчемъ [1]).

Кромѣ казненныхъ, у Мухаммедъ-Рахима были еще два брата: Турри-Мурадъ и Хаджи-Мурадъ, случайно спасшіеся отъ преслѣдованій брата. Съ небольшимъ числомъ недовольныхъ новыми порядками, разсказываетъ Муравьевъ [2]), удалились они въ страну Каракалпаковъ, къ берегамъ Аральскаго моря, гдѣ построили крѣпость для своей защиты. Всѣ недовольные ханомъ стекались сюда и находили убѣжище. Собравъ войско, Мухаммедъ-Рахимъ пошелъ на эту крѣпость, но былъ разбитъ и поспѣшно вернулся въ Хиву, чтобы своимъ присутствіемъ удержать народъ отъ возмущенія. Братья не воспользовались своею побѣдою; напротивъ, у нихъ произошелъ раздоръ, Хаджи-Мурадъ послалъ даже просить прощенія и милости у Мухаммедъ-Рахима. Ханъ пригласилъ Хаджи-Мурада ко двору, но черезъ мѣсяцъ казнилъ его во время обѣденнаго пира. Скоро настала очередь и Турри-Мурада. Не имѣя возможности силою уничтожить брата, Мухаммедъ-Рахимъ употребилъ подкупъ. Одинъ изъ слугъ Турри-Мурада, подкупленный ханомъ, убилъ своего господина на охотѣ. За смертію ихъ послѣдовали казни женъ, дѣтей, родственниковъ и приближенныхъ обоихъ убитыхъ братьевъ. Въ присутствіи хана разрѣзали животы беременнымъ женамъ и младенцевъ разсѣкали на части [3]).

---

[1]) *Муравьевъ*, «Путешествіе въ Хиву», ч. II, стр. 41—42. Я. В. Ханыковъ (въ «Пояснительной Запискѣ» стр. 280) совершенно напрасно поэтому говоритъ, что Мухаммедъ-Рахимъ убилъ Кутлу-Мурада.

[2]) «Путешествіе въ Хиву», ч. II, стр. 42—43.

[3]) Тамъ же.

Абдуль-Керимъ сообщаетъ еще о возмущеніи противъ Мухаммедъ-Рахима дяди [1]) его, Мухаммедъ-Риза-бека, который всталъ во главѣ узбекскаго рода Уйгуровъ. Возстаніе было усмирено, и Мухаммедъ-Риза-бекъ казненъ по повелѣнію хана. Казнены были также 60 уйгурскихъ предводителей, которыхъ Мухаммедъ-Рахимъ хитростію заманилъ въ Хиву [2]).

Усмиренія узбековъ Мухаммедъ-Рахимъ достигъ неменѣе кровавыми средствами. Безпрерывныя казни узбековъ, противившихся хану, навели на нихъ такой страхъ и ужасъ, какого узбеки не испытывали еще никогда. Казни прекратились лишь за истребленіемъ всѣхъ сколько-нибудь подозрительныхъ личностей; многіе бѣжали въ Бухару. Ханъ, уничтоживъ правленіе инаковъ, старался удалить себя и отъ всякаго управленія тѣхъ, которые гордились еще своимъ родовымъ происхожденіемъ. При инакахъ расправу творили, передаетъ Муравьевъ, 32 чина, градація которыхъ была: Инакъ, Бій, Султанъ, Юзъ-Баши и т. д. [3]). Мухаммедъ-Рахимъ, не желая возстановлять противъ себя народъ, оставилъ всѣ эти званія, сохранивъ за ними ихъ родовыя земли и помѣстья, но *лишилъ ихъ прежнихъ правъ*.

Чтобы еще болѣе заявить свое намѣреніе смирить узбековъ, Мухаммедъ-Рахимъ сдѣлалъ первымъ визиремъ сарта, Юсуфа-Мехтера-Агу. Этимъ онъ привлекъ на свою сторону сартовъ, которые съ тѣхъ поръ получили доступъ

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Абдуль-Керимъ называетъ его братомъ М. Рахима (Hist. de l'Asie Cent. p. 180—1). Вообще слѣдуетъ замѣтить, что рукопись Абдуль-Керима дошла до насъ въ страшно искалѣченномъ видѣ.

[2]) Ibid. p. 194.

[3]) О другихъ «чинахъ» Муравьевъ къ сожалѣнію, не говоритъ. Къ сожалѣнію потому, что если они дѣйствительно существовали (въ чемъ можно сильно сомнѣваться), то знать ихъ было бы важно. При ханахъ мы знаемъ только уже 12 степеней: 1) ханъ, 2) инаки, 3) накибъ, 4) бій, 5) аталыки, 6) кушъ-беги, 7) мехтеръ, 8) два есаулъ-баши, 9) два мехрема, 10) минбаши, 11) юзъ-баши и 12) онъ-баши. (*Вамбери*, «Очерки Средней Азіи»).

къ хану. А это должно было благодѣтельно отозваться и на торговлѣ въ ханствѣ.

Въ Средней Азіи духовенство своимъ вліяніемъ на народъ имѣетъ большое значеніе и въ мірскихъ дѣлахъ. Духовенство также могло быть опасно Мухаммедъ-Рахиму, если бы онъ какъ-нибудь не поладилъ съ нимъ. А потому и съ этой стороны надо было также обезпечить себя. Съ этою цѣлію Мухаммедъ-Рахимъ женился на вдовѣ Ильтезера [1]), происходившей изъ рода сеидовъ, и потомъ взялъ еще двухъ женъ изъ того же рода. На монетахъ, впрочемъ, онъ себя не называлъ сеидомъ, но носилъ чалму или бѣлую повязку на шапкѣ, какъ носятъ сеиды и хаджи [2]).

При Мухаммедъ-Рахимѣ Хива начала пріобрѣтать сильное вліяніе на нашихъ Киргизовъ Меньшой орды. Но какъ это вліяніе, такъ и отношенія Мухаммедъ-Рахима къ Киргизамъ выставлены у Муравьева въ ложномъ видѣ. Онъ пишетъ: «Въ прежнія времена Ханы Киргизъ-Кайсаковъ, пользуясь безсиліемъ Хивинцовъ, происходящимъ отъ всегдашнихъ мятежей, имѣли на нихъ большое вліяніе, такъ что введено было даже въ обыкновеніе призывать изъ ихъ орды человѣка, котораго въ знакъ покорности именовали своимъ Ханомъ, угощали, и потомъ надѣливъ богатыми дарами съ почестью отпускали. Особа сія однакожъ по выѣздѣ изъ предѣловъ Хивинскихъ, теряла пышное свое названіе и опять обращалась въ прежнее состояніе въ своемъ отечествѣ. Сіе странное обыкновеніе явно доказываетъ безсиліе Хивинцовъ и невольную древнюю зависимость народа сего отъ Киргизъ-Кайсаковъ, которая однакожъ уменьшалась или усиливалась по временамъ. Съ воцареніемъ же Магмедъ-Рагимъ-Хана обыкновеніе сіе нетокмо уничтожи-

---

[1]) «Путешествіе» Муравьева въ Хиву, ч. II, стр. 42. Разсказъ Ѳ. Грушина.

[2]) «Путеш. въ Хиву», ч. II, стр. 55.

лось, но онъ поставилъ даже Ханство свое страхомъ оружія на столь почтительную степень, что Киргизъ-Кайсакскія племена, управляемыя Ширгазы-Ханомъ нынѣ ежегодно платятъ ему подать, удѣляя сотую часть овецъ отъ многочисленныхъ стадъ своихъ. Подать сію доставляютъ въ Хиву ежегодно сами Киргизцы и Магмедъ-Рагимъ болѣе доволенъ униженіемъ племенъ Киргизъ-Кайсаковъ, чѣмъ самой ихъ данью, сверхъ коей часто еще отъ народа сего присылаются къ нему послы съ различными дарами, а иногда даже привозитъ ихъ и самъ ханъ Киргизкой» [1]). При этомъ Муравьевъ въ примѣчаніи говоритъ: «Въ 1819 году осенью, по пріѣздѣ моемъ въ Хиву, я засталъ въ оной Киргизскаго Ширгазы Хана, который въ бытность мою умеръ въ семъ городѣ [2]). Магмедъ-Рагимъ назначилъ наслѣдникомъ по немъ одного изъ сыновъ Ханскихъ и народъ Киргизскій не прекословилъ сему назначенію» [3]). Далѣе: «Онъ (М. Рахимъ) вступилъ въ родственную съ нимъ (съ ханомъ Киргизскимъ) связь и строго наказываетъ его подданныхъ за хищничества, которыя иногда производятъ въ его владѣніяхъ за рѣкою Сиръ-Даріи» [4]).

Здѣсь одно невѣрное положеніе построено на другомъ. Во первыхъ, обыкновеніе Хивинцевъ (если только можно назвать это обыкновеніемъ) призывать къ себѣ на ханство Киргизскихъ султановъ явилось не вслѣдствіе «древней зависимости» Хивы отъ этихъ послѣднихъ, потому что такой зависимости никогда не бывало; а совсѣмъ по другой причинѣ: «породу своихъ хановъ вывели» — сообщилъ намъ Рычковъ. А такъ какъ ханомъ можетъ быть только лицо

---

[1]) «Путеш. въ Туркм. и Хиву», ч. II, стр. 44—45.

[2]) Ширгазы этотъ былъ похороненъ въ мечети Полванъ-Ата, построенной М. Рахимомъ въ 1811 году (См. *Данилевскаго* «Описаніе Хив. ханства» стр. 112). Саркофагъ его описанъ Базинеромъ (См. Beiträge zur Kenntniss. и т. д. томъ XV).

[3]) «Путеш. въ Туркм. и Хиву», ч. II, стр. 45.

[4]) Тамъ же, стр. 45—46.

«бѣлой», а не «черной» кости, то Хивинцамъ и приходилось обращаться за таковымъ лицемъ или въ Бухару, или къ Киргизъ-Кайсакамъ. Во вторыхъ, провозглашеніе ханомъ киргизскаго султана вовсе не было пустою комедіею, какъ выходитъ это у Муравьева, а такіе ханы дѣйствительно сидѣли на ханствѣ въ Хивѣ. Правъ Муравьевъ только въ одномъ, въ томъ именно, что такъ легко призываемые въ Хиву ханы, также легко и изгонялись изъ нея. Такое обращеніе съ ханами Миръ-Абдуль-Керимъ называетъ игрою въ хановъ [1]). Въ третьихъ, выраженіе «киргизскія племена, управляемыя Ширгазы-ханомъ» даетъ поводъ принимать его за хана Меньшой орды т. е. Ширгазы-Айчувакова, тогда какъ это былъ Ширгазы-Каиповъ (тотъ самый, что состоялъ нѣкогда на русской службѣ), султанъ Алимулинскаго-Дюрткаринскаго рода, бѣжавшій въ 1818 году въ Хиву, вмѣстѣ съ преданными ему Киргизами. Киргизы Меньшой орды ханомъ его никогда не признавали [2]), а равно не могъ М.-Рахимъ назначать хановъ Киргизамъ: этого никакъ не допустило бы наше правительство; а тутъ было дѣло другаго рода, какъ сейчасъ увидимъ. Муравьевъ выразился здѣсь несовсѣмъ отчетливо (конечно, не преднамѣренно; а можетъ быть потому, что самъ получилъ свѣдѣнія несовсѣмъ отчетливыя), а потому и *подчиненность* Киргизовъ М.-Рахиму, и *подать* ими ему платимая — могли бы ввести насъ въ заблужденіе относительно отношеній Киргизовъ къ Хивѣ, если бы мы не имѣли подробныхъ и толковыхъ описаній происшествій въ Киргизскихъ степяхъ за то время.

Извѣстно, что Ширгазы-Каиповъ, по прибытіи въ Хиву назначенъ былъ М.-Рахимомъ управлять при-Сыръ-Дарьин-

---

[1]) Histoire de l'Asie Cent. p. 181.

[2]) Это разъяснилъ еще П. Яковлевъ въ своихъ «замѣчаніяхъ» на книгу Муравьева (Сынъ Отеч. 1822, т. LXXIX, 274—276). Впослѣдствіи и Ширгазы Айчуваковъ удалился въ Хиву. См. дальше, въ слѣд. ханствованіи.

скими Киргизами; а по смерти его поставилъ на этотъ постъ сына его, Джангази [1]). Въ 1819 г. М.-Рахимъ послалъ за Сыръ своихъ сборщиковъ податей для сбора *зекята*. Но тутъ они встрѣтили защитника русскихъ интересовъ въ лицѣ султана Урунгази, внука Каипова, сына Абуль-Гази. Арунгази велѣлъ схватить этихъ сборщиковъ и отослалъ ихъ въ Оренбургъ [2]). Конечно, М.-Рахимъ не оставилъ такой поступокъ Арунгази безъ отмщенія. Въ февралѣ 1820 г. явился онъ съ десятитысячнымъ войскомъ на Сырѣ и началъ грабить аулы Арунгази. Нападеніе было произведено совершенно неожиданно; султанъ захваченъ въ расплохъ, а потому долженъ былъ бѣжать, но два его брата и мать попались въ плѣнъ. Одинъ изъ этихъ братьевъ, извѣстный батырь Султанъ-Нурумъ, палъ отъ руки М.-Рахима. Въ этотъ набѣгъ убито было до 350 киргизовъ, увезено въ плѣнъ женъ и дѣтей 802, старухъ 233; награблено: 4,173 верблюда, 7,085 лошадей, 1,138 штукъ рогатаго скота и 45,645 барановъ, да въ видѣ зекята собрано въ 1,000 аулахъ 17,573 барана и 2,364 верблюда [3]). Въ свою очередь и Арунгази, изъ опасенія потерять всякое уваженіе къ себѣ народа, не могъ оставить набѣгъ хивинскаго хана безъ отмщенія. Онъ напалъ на Киргизовъ, подвластныхъ султану Джангази, при чемъ умертвилъ одного изъ сыновей Ширгазы-Каипова [4]). Но это обстоятельство много повредило Арунгази и даже погубило его. Правительство наше не могло безучастно смотрѣть на усложнившіяся отношенія между нѣкоторыми киргизскими родами и хивинскимъ ханомъ, который, въ отмщеніе за набѣгъ Арунгази, остановилъ въ Кызылъ-Кумахъ бухарскій караванъ. Арунгази былъ вызванъ въ Россію, изъ которой ему уже не

---

[1]) *Мейеръ*, «Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства»; стр. 34—35.
[2]) Тамъ же, стр. 36.
[3]) Тамъ же, стр. 37.
[4]) Тамъ же, стр. 39.

удалось выбраться. Впрочемъ, на вызовъ султана въ Россію имѣли вліяніе также происки многихъ его недруговъ [1]).

Въ 1822 г. сильные роды Чиклинцевъ подчинились М.-Рахиму. Между родами Киргизовъ, поддавшимися Хивѣ, и родами прилинейныхъ начались взаимныя баранты [2]). Вотъ въ какомъ видѣ представляются, по архивнымъ документамъ, отношенія М.-Рахима къ Киргизамъ.

Сказываетъ о походахъ М.-Рахима на Киргизовъ и Абдуль-Керимъ, но походы эти предприняты были съ цѣлію наказать роды Чикли, Дюртъ-кара и Чемекей за грабежи хивинскихъ каравановъ. Аулы этихъ родовъ были разворены; молодыя дѣвушки увезены въ Хиву. Походъ происходилъ, судя по времени взятія Кунграда, въ 1813 или 1814 годахъ [3]).

Въ бытность въ Хивѣ Муравьева ходили слухи о начатой М.-Рахимомъ постройкѣ крѣпости на устьѣ р. Сыръ-Дарьи [4]). Впослѣдствіи оказалось, что М.-Рахимъ дѣйствительно построилъ тамъ крѣпость, что сильно способствовало волненіямъ въ Киргизской степи.

Мы уже видѣли (у Мейендорфа), что М.-Рахимъ, вступивъ на ханство, тотчасъ же началъ свои набѣги на Бухару. По Муравьеву это столкновеніе хивинскаго хана съ Миръ-Хайдеромъ [5]) рѣшилось не въ пользу М.-Рахима; счастье на этотъ разъ измѣнило ему. Войско было совершенно разбито и захваченъ въ плѣнъ братъ хана, Кутлу-Мурадъ. Это послѣднее обстоятельство заставило М.-Рахима, для освобожденія своего брата, согласиться признать зависимость своего владѣнія отъ Бухары и исполнять въ нѣкото-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 41.

[3]) Hist. de l'Asie Cent. p. 198.

[4]) Въ возведеніи укрѣпленія на устьѣ Сыръ-Дарьи Муравьевъ ничего другаго не видитъ кромѣ «честолюбивыхъ видовъ» М. Рахима.

[5]) Миръ-Хайдеръ ханствовалъ въ Бухарѣ съ 1215 по 1241 (1801—1826)

рыхъ случаяхъ требованія Миръ-Хайдера [1]). Впрочемъ, условія эти, по возвращеніи Кутлу-Мурада, не исполнялись. Эта неудачная попытка не смутила однако М.-Рахима и онъ велѣлъ духовенству распустить въ народѣ слухъ, что единовѣріе хановъ и народовъ (Хивинскаго и Бухарскаго) запрещаетъ ему воевать съ Бухарою [2]).

«Не платитъ Мухаммедъ-Рахимъ Бухаріи и той подати, которую издревле она съ Хивы получала», замѣчаетъ Муравьевъ и тутъ же объясняетъ, что «причиною тому миролюбивый нравъ Миръ-Гайдера» [3]). Болѣе авторитетнаго указанія на дань, *издревле* платимую Хивою Бухарѣ, мнѣ не попадалось. Правда, Бурнашевъ упоминаетъ о какомъ-то «вспомоществованіи», которое, въ числѣ другихъ владѣній, должна была платить Шахъ-Мураду и Хива; но тутъ же прибавляетъ, что условіе это худо соблюдается [4]).

Въ другую сторону обратился М.-Рахимъ попытать счастья. Въ 1813 году предпринялъ онъ походъ въ Персію [5]). Изъ 12,000 человѣкъ состояло его войско при 7-ми орудіяхъ. По дорогѣ М.-Рахимъ подстрекалъ два туркменскія поколѣнія, Теке и Гоклёнъ принять участіе въ походѣ, но они отказались и откочевали съ дороги. Не оказали помощи и Юмуды, которые хотя и не отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ, но медлили, потому что въ прошломъ, 1812 г., они только что потерпѣли пораженіе отъ Персіянъ въ неудачно веденной съ ними войнѣ [6]). Близъ рѣки Гюр-

---

[1]) Можетъ быть это освобожденіе М. Хайдеромъ Кутлу-Мурада и приняло ту форму въ разсказахъ Бухарцевъ, какая сообщена Мейендорфомъ.

[2]) О дальнѣйшихъ войнахъ Мухаммедъ-Рахима съ Бухарою см. дальше, стр. 290. Какія извѣстія о походахъ М. Хайдера имѣются въ самой Бухарѣ, мы уже видѣли (стр. 263).

[3]) «Путеш. въ Хиву», ч. II, стр. 47.

[4]) См. раньше, стр. 249.

[5]) О походахъ М.-Рахима на Персію упоминаетъ вскользь и Абдулъ-Керимъ (Hist. de l'Asie Cent. p. 199).

[6]) Въ 1813 году была война Россіи съ Персіей и въ этомъ же году ка-

гени, при урочищѣ *Бюсренъ* [1]), встрѣтились оба войска, хивинское и персидское. Послѣ нерѣшительныхъ стычекъ, въ продолженіи 4-хъ дней, войска повернули домой. Дорогой М.-Рахимъ неожиданно напалъ на поколѣніе Гоклѣнъ и, въ отмщеніе за отказъ въ помощи противъ Персіянъ, разграбилъ ихъ аулъ и захватилъ много плѣнныхъ обоего пола. Наказалъ бы онъ и поколѣніе Теке, но проходомъ степями всѣ почти лошади у него пали [2]).

Объ этомъ походѣ Ковырзинъ сообщаетъ слѣдующія подробности: «Походъ предпринятъ былъ въ самое жаркое время года. Пройдя песчаныя степи, войско хивинское подступило къ городу населенному Курдами, правитель которыхъ назывался ханъ Бейляръ-Кули [3]). Вся военная операція состояла здѣсь въ грабежѣ. Курды и Туркмены Теке были взяты въ плѣнъ, имущество ихъ разграблено, поля вокругъ города сожжены. Затѣмъ заключенъ былъ миръ, по которому ханъ освободилъ Курдовъ. Но когда пришло извѣстіе, что самъ Баба-ханъ [4]), съ войскомъ, идетъ на освобожденіе захваченныхъ, то Хивинцы поспѣшили домой. На горной границѣ съ Персіей много Хивинцевъ лишилось жизни отъ нездороваго климата, такъ какъ днемъ

кой-то Султанъ-Ханъ присылалъ, какъ видно изъ письма его къ генералу Ртищеву, депутатовъ Гуссейнъ-хана и Кіятъ-бека съ увѣдомленіемъ, что онъ со своими подвластными (юмудскаго колѣна) также возсталъ противъ Персіянъ и опустошилъ всѣ мѣста близъ Астрабада. См. Топограф. и статистич. описаніе восточнаго берега Касп. моря»—*Бларамберга* (въ Зап. Им. Геогр. Общ. кн. IV, стр. 100). Продолженіе этого разсказа мы встрѣтимъ у Муравьева, см. дальше, стр. 283.

[1]) Урочище и бродъ Бюсренъ находятся въ 6 дняхъ ѣзды отъ Каспійскаго моря и въ 10 отъ Мешхеда (примѣч. Муравьева).

[2]) Муравьевъ. «Путеш. въ Хиву», ч. II, стр. 50.

[3]) Этотъ городъ, населенный Курдами былъ, вѣроятно, *Дерагёзъ* (или Дерегушъ), который и по положенію (недалеко отъ Мерва) и по незначительности своей скорѣе другихъ могъ подвергнуться нападенію Хивинцевъ (О городахъ населенныхъ Курдами См. «Статист. обозрѣніе Персіи *Бларамберга* стр. 195, 205, 303—305).

[4]) *Баба-ханомъ* назывался въ молодости Фетхъ-Али-Шахъ.

тамъ очень жарко, а ночью холодно [1]). Кто вечеромъ недостаточно тепло одѣвался, тотъ ночью умиралъ. Въ этотъ походъ, на возвратномъ пути, пали лучшія лошади отъ напряженія и недостатка корма. Изъ трехъ пушекъ, взятыхъ ханомъ, только двѣ маленькія, на верблюдахъ, привезены домой». Вернувшись въ Хиву, Мухаммедъ-Рахимъ собралъ новое войско и отправился наказать Туркменъ-Теке. Это поколѣніе и было имъ совершенно разбито, всѣ пахотныя земли отняты и присоединены къ ханству; захвачено много плѣнныхъ. Оставшіеся Туркмены, подъ начальствомъ Мурада-Сердаря, скрылись въ неприступныя и безплодныя горы. Голодъ заставилъ ихъ покупать хлѣбъ дорогою цѣной у побѣдителей съ уплатою тяжелой подати Хивинскому хану. Все это принудило часть поколѣнія Теке переселиться въ Хивинское ханство. Мухаммедъ-Рахимъ отвелъ имъ мѣста на водопроводахъ и вообще поощрялъ ихъ къ переселенію даже подарками [2]). Особенно обратилъ онъ дѣятельность свою на подчиненіе поколѣнія *Чоудуръ-Ессенъ-Или* [3]), кочевавшаго въ числѣ 8 тысячъ кибитокъ на Мангышлакѣ. Дѣло въ томъ, что на Мангышлакскомъ мысу каждый годъ производился торгъ между Астраханскими купцами и сартами, пріѣжавшими изъ Хивы и продававшими здѣсь разныя бухарскія, индѣйскія и свои издѣлія. Туркмены Чоудуры, владѣя этимъ мысомъ, часто препятствовали торгу. Чтобъ прекратить ихъ враждебное

---

[1]) Значитъ, М. Рахимъ возвращался не Мервской дорогой, а какой-нибудь изъ тѣхъ, что идутъ лѣвѣе ея.

[2]) Но не одни ласковыя мѣры употреблялъ Мухаммедъ-Рахимъ; вѣшаніе и сажаніе на-колъ часто практиковалось имъ для удержанія Туркменъ въ должномъ страхѣ. Особенно часто казнилъ онъ Туркменъ, живущихъ въ ханствѣ, за воровство и другіе проступки. Въ бытность въ Хивѣ Муравьева Мухаммедъ Рахимъ повѣсилъ пять человѣкъ Туркменъ («Путеш. въ Хиву»; ч. I, стр. 112; ч. II, стр. 51).

[3]) *Ессенъ* или *Исенъ* есть менѣе извѣстное названіе Туркменъ *Гоклёнъ* (*Бларамбергъ* «Топограф. и Статист. описаніе Каспійскаго моря» въ Зап. Геогр. Общ. кн. IV, 106).

настроеніе, Мухаммедъ-Рахимъ пустилъ въ ходъ ласки, обѣщалъ всякія имъ преимущества; а такъ какъ Чоудуры, за недостаткомъ собственнаго хлѣба, прикупаютъ обыкновенно хлѣбъ еще въ Хивѣ, то М.-Рахимъ доставилъ имъ разныя выгоды при покупкѣ хлѣба [1]). Этимъ онъ привязалъ ихъ къ себѣ, и караваны хивинскіе безопасно стали ходить на Мангышлакъ. Кромѣ того многія семейства Чоудуровъ, переселившіеся въ ханство, и родственники знатныхъ особъ этого поколѣнія, находясь въ рукахъ Мухаммедъ-Рахима, стали служить ему какъ бы ручательствомъ за покорность всего поколѣнія Чоудуровъ.

Поколѣніе *Ата*, кочевавшее близъ Каспійскаго моря, прибѣгло подъ защиту Хивы, когда было вытѣснено Юмудами изъ Балканскихъ горъ [2]). А для того, чтобы держать въ страхѣ непокорныхъ Туркменъ, Мухаммедъ-Рахимъ поспѣшилъ занять Мервъ, который могъ служить ему опорнымъ пунктомъ и противъ Персіи. Въ это время Мервъ находился во власти Миръ-Хайдера, эмира бухар-

---

[1]) Недостатокъ въ хлѣбѣ всегда ставилъ Туркменъ въ зависимость отъ осѣдлыхъ народовъ. Находясь въ безвыходномъ положеніи, они часто готовы были принять подданство того народа, который обезпечилъ бы ихъ хлѣбомъ. Тѣже Чоудуры въ 1811 году отправили 6 человѣкъ въ Астрахань съ просьбою позволить имъ въ числѣ 2,300 семействъ поступить въ подданство Россіи и поселиться въ Астраханскихъ степяхъ. Депутатамъ дозволено было осмотрѣть кочевья въ Астраханской и Кавказской губерніяхъ. Въ тоже время изъявили желаніе вступить въ подданство Россіи и поселиться въ предѣлахъ нашихъ еще 3600 семействъ Туркменовъ другихъ поколѣній. По сношеніи о томъ генерала Ртищева съ Государственнымъ Канцлеромъ оказалось, что удовлетворить просьбу депутатовъ нельзя, вслѣдствіе неудобства переселить ихъ водянымъ путемъ и невозможности, въ виду нападеній Киргизовъ при движеніи ихъ—сухимъ, а потому депутатовъ отправили обратно ни съ чѣмъ. Но послѣ этихъ пріѣхали въ Астрахань 8 другихъ депутатовъ, которые, повторивъ просьбу о принятіи ихъ въ подданство Россіи, присовокупили, что они и всѣ вышеозначенные 5900 семействъ не желаютъ оставить занимаемыхъ ими мѣстъ; а просятъ только покровительства Россіи и позволенія, чтобы изъ Астрахани доставлялся имъ хлѣбъ для продовольствія («Статист. описаніе Персіи»; стр. 99—100).

[2]) «Путеш. въ Хиву»; ч. II, стр. 7, 51—52.

скаго, который, взявъ Мервъ, жителей его переселилъ въ Бухару. Мухаммедъ-Рахимъ отнялъ у него Мервъ и населилъ своими Хивинцами [1]).

У Мейендорфа находимъ слѣдующія подробности о завоеваніи Мерва Бухарскими ханами: «Мервъ принадлежалъ первоначально Персіянамъ; городъ этотъ находился въ полной красѣ; Мурадъ-бекъ, отецъ теперешняго хана бухарскаго, овладѣлъ имъ; то былъ самый блестящій результатъ его многочисленныхъ вторженій въ Хорасанъ. Сынъ его, Миръ-Хайдеръ, основательно опасаясь вліянія, какимъ пользовался въ Мервѣ братъ его, Насиръ-бекъ [2]), губернаторъ этого города, повелѣлъ переселить жителей его, въ числѣ 25 тысячъ, въ Бухару. Насиръ-бекъ удалился тогда въ Мешхедъ, въ Персію; а Мервъ обратился въ развалины [3]). О завоеваніи Мерва «Миръ-Мансумомъ» [4]), говоритъ и неизвѣстный авторъ статьи «Нѣкоторыя свѣдѣнія о Бухарѣ» [5]). Это по части бухарскихъ извѣстій.

Но иначе передаютъ въ самомъ Мервѣ о переселеніи его жителей въ Бухару. Когда въ 1832 году проѣзжалъ этимъ городомъ лейтенантъ Борнсъ, сказывали ему, что лѣтъ 50 тому назадъ [6]), Шахъ-Мурадъ, эмиръ бухарскій, одолѣлъ Мервскаго Байрамъ-Хана [7]), взялъ городъ, а жителей увелъ въ Бухару, гдѣ они и теперь составляютъ са-

---

[1]) «Записки Мирзы Шемса Бухари», примѣчаніе В. В. Григорьева, № 23, стр. 101.

[2]) Шахъ-Мурадъ по сказанію Мирзы Шемса (стр. 10 — 11), покоривъ Мервъ, посадилъ въ немъ губернаторомъ сына Динъ Насира, которому оставилъ до 10 тысячъ войска.

[3]) *Meyendorff*, «Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820»; p. 155. «Записки» Мирзы Шемса, стр. 11.

[4]) Т. е. эмиромъ Маасумомъ: такъ назывался Шахъ-Мурадъ.

[5]) Въ «Отечествен. Запискахъ» 1821 г., ч. 6, стр. 312.

[6]) По свидѣтельству Мирзы Шемса это случилось въ 1200 (1785, 6) году. Этотъ же годъ приводится и *Габайдуллой Амировымъ* (См. «Странствованіе Габай-дуллы Амирова по Азіи», въ Азіатскомъ Вѣстн. 1825 г.).

[7]) О ханѣ Байрамъ-Али см. у *Malcolm*'а въ Histoire de la Perse.

мую трудолюбивую часть населенія ея [1]). У Риттера, затѣмъ, читаемъ, что оставшіеся жители Мерва были переселены въ Персію, и оазисъ превратился въ пустыню, на которой кочуютъ туркменскія орды [2]).

Такимъ образомъ Мервъ подвергался нападенію и Шахъ-Мурада и Миръ-Хайдера. Какъ видно оба они переселяли жителей его въ Бухару; странно только то, что Борнсъ ничего не говоритъ о походахъ на Мервъ Миръ-Хайдера, которые должны бы быть ему болѣе извѣстными, чѣмъ походы Шахъ-Мурада. Когда М.-Рахимъ захватилъ Мервъ, точнаго указанія не имѣемъ. Но что онъ владѣлъ имъ, это передаетъ и Мейндорфъ (бывшій въ Бухарѣ при посольствѣ Негри въ 1820 году и сообщавшій, слѣдовательно, по бухарскимъ извѣстіямъ). Онъ говоритъ: «М.-Рахимъ, завоевалъ Мервъ, овладѣлъ и Серахсомъ; но, не будучи въ силахъ защитить этотъ городъ, ввѣрилъ охрану его Туркменамъ, думая тѣмъ удержать Персіянъ отъ вторженій въ его владѣнія» [3]).

Ковырзинъ, описывая города хивинскаго ханства, въ числѣ таковыхъ упоминаетъ городъ Теке въ 500 домовъ, населенныхъ Туркменами Теке, уведенными изъ Мерва [4]). Значитъ, походъ М.-Рахима на Мервъ былъ удаченъ, и онъ овладѣлъ этимъ городомъ. Но владѣлъ онъ имъ, какъ видно, только въ началѣ ханствованія. Потому это, во-первыхъ, что Муравьевъ ни слова не говоритъ о подчиненіи этого города Мухаммедъ-Рахиму; потому, во-вторыхъ, что Мейендорфъ, описывая положеніе Мерва въ 1820 году, го-

---

[1]) *Борнсъ*, «Путеш. въ Бахару»; ч. II, стр. 487, ч. III, 53—54.

[2]) *К. Риттеръ*, «Иранъ», перев. Ханыкова, стр. 453.

[3]) *Meyendorff*, «Voyage d'Orenburg à Boukhara»; p. 109. Не мѣшаетъ замѣтить, что Персіяне не дѣлали набѣговъ на Хиву; а на оборотъ, Хивинцы постоянно опустошали сѣверныя Персидскія провинціи. Поэтому Мейендорфъ совершенно напрасно вставилъ слова: «pour garantir par là ses états des incursions des Persans».

[4]) Beiträge u s. w. II, 16—17.

воритъ о немъ, какъ о городѣ принадлежащемъ уже бухарскому хану. У него читаемъ: «Миръ-Хайдеръ-ханъ содержитъ въ Мервѣ гарнизонъ отъ 400 до 500 человѣкъ, которые смѣняются три раза въ годъ. Мервъ служитъ мѣстомъ ссылки, такъ какъ туда отправляютъ преступниковъ, которыхъ не желаютъ лишить жизни; въ городѣ этомъ 500 жителей, не считая гарнизона; окрестности начинаютъ оживляться. Къ городу идетъ небольшое число оросительныхъ каналовъ изъ рѣки Мургаба, протекающей въ 20 верстахъ отъ Мерва и, вѣроятно, теряющейся въ пескахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ него. Не желая допустить Мервъ къ новому заселенію, такъ какъ жители его, пользуясь изолированнымъ положеніемъ, могли бы вернуть свою независимость, ханъ бухарскій не позволяетъ проводить много каналовъ изъ этой рѣки» [1]).

Такова судьба этого города, бывшей столицы Сельджукидовъ. Въ концѣ ханствованія Мухаммедъ-Рахима Мервъ опять очутился во власти Хивинцевъ. Впослѣдствіи Насръ-Уллахъ овладѣлъ имъ; но не надолго: Хивинцы снова заняли этотъ городъ [2]). Такъ переходилъ Мервъ изъ рукъ въ руки.

Въ 1819 году, въ бытность Муравьева въ Хивѣ, пріѣзжали къ Мухаммедъ-Рахиму посланцы отъ *Курдовъ* [3]); они просили покровительства его и помощи противъ Персіи, подданными которой они состояли [4]).

Продолжительны были войны Мухаммедъ-Рахима съ владѣтелемъ Кунградскимъ Тюря-Суфи. Раньше [5]) мы видѣли, что Кунградскою областью управляли братья: Ходжамратъ и Тюрсмратъ. Этотъ послѣдній есть безъ сомнѣнія Тюря-Суфи, такъ какъ имя Тюрсмратъ заключаетъ въ себѣ нѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 155—156.

[2]) Зап. Мирзы Шемса, прим. В. В. Григорьева № 23, стр. 102.

[3]) О Курдахъ, населявшихъ сѣверную границу Хорасана, см. дальше, ханств. Алла-Кула.

[4]) «Путеш. въ Хиву»; ч. II, стр. 52.

[5]) Стр. 256.

сколько словъ сокращенныхъ (и сокращенныхъ неудачно), а именно: Тюря, Суфи, Мурадъ. Такъ, кажется мнѣ, слѣдуетъ разложить это имя. Легко удалось Мухаммедъ-Рахиму одолѣть многочисленныхъ владѣтелей хивинскихъ городовъ; но не вдругъ сладилъ онъ съ Кунградскимъ Узбекомъ. Тюря-Суфи 17 лѣтъ управлялъ Кунградомъ и успѣшно отстаивалъ свою независимость, да и не сладилъ-бы Мухаммедъ-Рахимъ съ Тюрею-Суфи, какъ не сладилъ съ нимъ его братъ, Ильтезеръ, если бы не явилась на помощь Хивинскому хану измѣна. Тюря-Суфи былъ уже старъ, и подъ конецъ жизни ослѣпъ. Однажды, когда Мухаммедъ-Рахимъ осаждалъ Кунградъ, два сына слѣпаго Кунградскаго владѣтеля сдѣлали вылазку. Въ это время мехтеръ его Менды-Каска, подкупленный ханомъ хивинскимъ, убилъ старика и поднесъ голову его Мухаммедъ-Рахиму. Кунградъ сдался. Въ награду за эту услугу Мухаммедъ-Рахимъ оставилъ Менды-Каску правителемъ города [1]). Случилось это въ 1814 году [2]). Это подтверждаетъ и плѣнный Грушинъ.

Описывая Кунградъ, Грушинъ говоритъ: «городъ нынѣ опустѣлъ вовсе..... послѣ раззоренія Кунграда, году никакъ въ 1815, Узбеки, жители города, выселены всѣ на Хивинскую землю». Въ такомъ случаѣ не могъ Мухаммедъ-Рахимъ воевать съ Тюрею-Суфи 18 лѣтъ, какъ имѣются извѣстія объ этой борьбѣ [3]).

---

[1]) *В. В. Григорьевъ*: «Неизданныя Бухарскія и Хивинскія монеты» (въ Извѣст. Археолог. Общ. 1860 г.). *А. И. Бутаковъ*: «Нѣсколько страницъ изъ исторіи Хивы» (въ Туркест. Вѣд. 1871 г. № 28).

[2]) «Нѣсколько страницъ изъ исторіи Хивы».

[3]) См. «Неизданныя монеты Бухарскія и Хивинскія». *Вамбери*, «Очерки Средней Азіи», М. 1874, стр. 307—308. Замѣчательно, что Муравьевъ ни слова не говоритъ о войнѣ Мухаммедъ-Рахима съ Кунградомъ. А между тѣмъ если бы эти войны длились 18 лѣтъ, то онѣ во время пребыванія въ Хивѣ Муравьева должны бы были еще продолжаться, а въ такомъ случаѣ его молчаніе объ этомъ предметѣ было бы непонятно. Да войны эти Мухаммедъ-Рахима съ Тюрею-Суфи и не тянулись такъ долго, доказательствомъ чему можетъ служить свидѣтельство Грушина, который сказываетъ, что въ 1819

Результатомъ взятія Кунграда хивинцами, было выселеніе нѣсколькихъ семействъ Кунградскихъ узбековъ въ Хорасанъ. Такъ, напримѣръ, Н. В. Ханыковъ въ 1858 г., на пути изъ Гундабада къ Сирвану, прибылъ въ деревню Дихидиразъ, населенную Узбеками, пришедшими сюда въ числѣ 100 семействъ изъ Кунграда въ ханствованіе Мухаммедъ-Рахима [1]).

Прочная дружба установилась между Хивою и Афганистаномъ по слѣдующему случаю. Шахъ-Махмудъ, принужденный бѣжать изъ Кабула, вслѣдствіе вспыхнувшаго тамъ возмущенія, явился ко двору Миръ Хайдера; но узнавъ, что Эмиръ-Бухарскій намѣревается выдать его брату, похитителю престола, обратился за покровительствомъ къ Мухаммедъ-Рахиму, который оказалъ ему гостепріимство и необыкновенный почетъ. Между тѣмъ обстоятельства въ Кабулѣ перемѣнились; народъ снова пожелалъ имѣть шахомъ Махмуда. Мухаммедъ-Рахимъ отпустилъ его и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ надежнаго союзника на случай войны съ Персіей. Купцы хивинскіе стали свободно ѣздить въ Кабулъ, и Шахъ принималъ ихъ съ особеннымъ гостепріимствомъ.

Перейдемъ теперь къ наиболѣе интересному для насъ отношенію Мухаммедъ-Рахима къ Россіи. Богатыя свѣдѣнія по этому предмету мы находимъ у Муравьева, бывшаго посланникомъ въ Хивѣ въ 1819 и 1820 годахъ. Посольство это послано было вотъ по какому случаю. Въ 1813 году главнокомандующій въ Грузіи генералъ отъ инфантеріи Николай Ѳедоровичъ Ртищевъ, посылалъ въ Туркменію Дербентскаго купца армянина Иванова Муратова, за-

---

году Мухаммедъ-Рахимъ былъ на охотѣ въ Кунградѣ, чего не могло бы быть если бы Кунградъ отстаивалъ еще свою независимость. Подробно описываетъ паденіе Кунградскаго ханства Абдуль-Керимъ. Онъ говоритъ, между прочимъ, что М. Рахимъ женился на дочери Тюря-Суфи (Hist. de l'Asie Cent. p. 198—9); но въ которомъ году имѣли мѣсто эти событія онъ не говоритъ.

[1]) «Иранъ» К. Риттера, перев. *Н. В. Ханыкова*; стр. 308.

нимавшагося прежде торговлею съ Астрабадомъ. Муратову поручено было передать нѣкоторыя предложенія и сообщить о покровительствѣ главнокомандующаго нѣкоему Султанъ-Хану, который, предводительствуя племенами Туркменскими, наносилъ значительный вредъ Персіи. По объясненію Муравьева этотъ Султанъ-Ханъ не имѣлъ никакихъ особенныхъ правъ на управленіе, а начальствовалъ потому только, что былъ умнѣе прочихъ [1]), Султанъ-Ханъ, въ надеждѣ сдѣлаться со временемъ законнымъ повелителемъ Туркменъ, былъ радъ этому покровительству и послалъ къ главнокомандующему почетныхъ людей и старшинъ, прося только на первый разъ милостиваго воззрѣнія нашего правительства на положеніе Туркменъ. Послы эти застали главнокомандующаго въ Карабагѣ, въ то время, когда онъ заключалъ мирный договоръ съ полномочнымъ довѣреннымъ чиновникомъ отъ Персидскаго двора, Абуль-Гуссейнъ Ханомъ. Этотъ послѣдній, зная, какъ могутъ быть опасны Персіи Туркмены, поддерживаемые Россіей, требовалъ, чтобы правительство наше не входило съ ними ни въ какія сношенія. Ртищевъ согласился на это и отпустилъ пословъ домой, только, щедро одаривъ ихъ. Эта неудача огорчила Туркменъ. Не будучи въ состояніи сопротивляться однѣми своими силами, нѣкоторые изъ нихъ подчинились Персіи, другіе удалились къ Балканскому заливу, въ мѣста неприступныя для Персіянъ, или же бѣжали въ Хиву, гдѣ ихъ приняллъ Мухаммедъ-Рахимъ. Къ нему же удалился и Султанъ-Ханъ [2]). Чтобы снова вступить въ дружескія сношенія съ Туркменами, главнокоман-

---

[1]) Онъ, кажется, говоритъ Муравьевъ, былъ родомъ съ предѣловъ Китая или Индіи, и занимался магіею, почему и называли его Джадукяромъ, т. е. *Вѣщимъ*. См. «Путешествіе въ Хиву»; ч. I, стр. 20 и 27.

[2]) Въ бытность въ Хивѣ Муравьева, Султанъ-Ханъ находился при дворѣ Мухаммедъ-Рахима, но посланнику нашему, не смотря на все стараніе, видѣть его не удалось («Путешествіе въ Хиву»; ч. I, стр. 13).

дующій грузинскимъ отдѣльнымъ корпусомъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ отправилъ къ нимъ маіора Пономарева, Елисаветпольскаго окружнаго начальника; а при этомъ Муравьеву, какъ чиновнику генеральнаго штаба, поручено было обозрѣть съ нимъ вмѣстѣ восточные берега Каспійскаго моря и проникнуть въ Хиву для сношенія съ владѣтелемъ ея и описанія страны [1]). Переводчикомъ назначенъ былъ Армянинъ Муратовъ, ѣздившій къ Туркменамъ еще при Ртищивѣ [2]). Въ іюлѣ 1819 года, посольство от-

---

[1]) Такимъ образомъ цѣль посольства распадалась на 2 части: завести дружественныя сношенія съ Туркменіей и таковыя же съ Хивой. Войти въ дружескія сношенія съ Хивой пыталось наше Правительство и съ другой стороны. Въ 1818 году Оренбургскій военный губернаторъ генералъ отъ инфантеріи Эссенъ посылалъ въ Хиву поручика *Субханкулова*; въ 1819-мъ назначался туда, по Высочайшему повелѣнію, одинъ изъ адъютантовъ генерала, но какъ впослѣдствіи Государь отмѣнилъ отправленіе этого офицера, то по другому Высочайшему повелѣнію посланъ былъ въ Хиву Коллежскій Совѣтникъ *Бекчуринъ*, который возвратился оттуда въ 1820 году и былъ, слѣд., въ Хивѣ тотчасъ же вслѣдъ за Муравьевымъ (См. статью «О сношеніяхъ Россіи съ Хивою» въ *Вѣстникѣ Европы* 1822 г. № 22, стр. 153. Статья эта имѣется и во французскомъ переводѣ; «Coup d'oeil sur les relations qui ont existé entre la Russie et la Khiwa; trad. du russe, de M. Hermann,—въ Journal asiatique 1824, août). Оба эти посольства упоминаются Далемъ, Циммерманомъ и Штукенбергомъ; но Я. В. Ханыковъ сомнѣвается и въ томъ, и въ другомъ, потому что нигдѣ не нашелъ онъ слѣдовъ этой командировки. Первое посольство Субханкулова 1818 года могло быть смѣшано, думаетъ Ханыковъ, съ таковымъ же 1808 года, когда посланъ онъ былъ въ Бухару («Пояснительная Записка», стр. 328). Трудно предположить, мнѣ кажется, чтобы въ 1822 году (упомянуты эти посольства въ Вѣстникѣ Европы 1822 г.) могла явиться такая ошибка: разстояніе-то между годами слишкомъ ужъ близко. Кромѣ того, подтвержденіе о посылкѣ въ Хиву Субханкулова и Бекчурина находимъ у *Н. П. Иванова* въ его «Хивинской Экспедиціи 1839—40 годовъ» Спб. 1873 г. Онъ приводитъ отвѣтъ, данный, по Высочайшему повелѣнію Вуизъ-Ніазу, хивинскому послу (пріѣзжавшему въ Оренбургъ въ 1838 году), гдѣ между прочимъ упоминается, что 19 лѣтъ назадъ былъ посланъ изъ Оренбурга въ Хиву поручикъ Субханкуловъ, а черезъ годъ Коллежскій Совѣтникъ Бекчуринъ. Оба они были задержаны въ Хивѣ и содержались подъ карауломъ (стр. 125). Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этихъ посольствахъ, а равно и о результатахъ ихъ—свѣдѣній не имѣемъ.

[2]) Результатомъ этого посольства явилась книга: *Путешествіе въ Туркменію и Хиву, въ 1818—1820 г., Николая Муравьева*, изданная въ Москвѣ

правилось въ путь. Съ 29 іюля по 19 сентября, Муравьевъ пробылъ въ Туркменіи. Все это время онъ занимался во-первыхъ, съемкой береговъ Каспійскаго моря и опредѣленіемъ положенія различныхъ мѣстъ, во-вторыхъ, старался склонить старшинъ Туркменскихъ принять предложенія Русскаго правительства: завести сношенія съ Россіею и согласиться на построеніе крѣпости на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Переговоры его съ Туркменами были благопріятны.

Предложеніе о построеніи крѣпости было для нихъ очень заманчиво: «Тогда, говорили они, мы Персіянамъ отомстимъ за ихъ грабежи; наши Туркменскія головы глупы, мы хотѣли бы сами построить крѣпость, но не умѣемъ;— по общему зову у насъ войска собирается больше 10,000; тогда мы бьемъ Персіанъ; пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, мы разбили ихъ Сердарей неподалеку отъ сего мѣста (близъ впаденія рѣки Гюргени въ Каспійское море), и много набрали скота» [1]). Для утвержденія взаимныхъ договоровъ Туркмены, по желанію Пономарева, единогласно утвердили

въ 1822 г. Книга эта, составленная, какъ по личнымъ наблюденіямъ автора, такъ и по разепроснымъ свѣдѣніямъ отъ Туркменъ и въ самой Хивѣ отъ русскихъ плѣнныхъ, служитъ главнымъ источникомъ для событій начала XIX столѣтія въ Хивѣ.

[1]) «Путеш. въ Хиву»; ч. I, 24—25.

Что Туркмены говорили на этотъ разъ искренно, мы можемъ убѣдиться изъ другаго источника, лѣтъ на 25 старѣе. Бланкеннагель въ своихъ «Замѣткахъ» говоритъ: «что Мангислатскіе Трухменцы дѣйствительно желаютъ вступить въ россійское подданство и имѣть на своемъ берегу городъ и крѣпость, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, потому что подъ покровительствомъ Россіи избавятся они отъ безпрестанныхъ угнетеній и страха, причиняемыхъ имъ Киргизами, предъ коими они весьма безсильны; а въ построенномъ въ ихъ землѣ городѣ удобнѣе имъ будетъ доставать для себя хлѣбъ, который они получаютъ нынѣ изъ Астрахани, съ великими затрудненіями» (стр. 92). Мы видѣли уже и увидимъ еще, какъ приводилась въ исполненіе эта старинная мысль о постройкѣ города на восточномъ берегу Каспійскаго моря для развитія нашей торговли съ Туркменами, которые ничего не имѣютъ, и съ Хивою, которая ничего не производитъ.

посломъ къ нашему правительству Кіатъ-Агу, одного изъ наиболѣе вліятельныхъ старшинъ (того самаго, что пріѣзжалъ въ 1813 году посломъ къ Ртищеву по заключеніи гюлистанскаго договора).

19 сентября, Муравьевъ отправился въ Хиву [1]), куда и прибылъ 5 октября. Его помѣстили въ *Иль-Гельди*, селеніи Атъ-Чапара Алла-Верди, гдѣ посланникъ находился въ заключеніи 48 дней. Все это время онъ былъ окруженъ шпіонами; никому изъ русскихъ плѣнныхъ, подъ страхомъ смертной казни, не позволялось видѣться съ Муравьевымъ. Самаго его старались стѣснять какъ только было возможно. Ему не только не отпускали никакого содержанія, но даже запрещали покупать провизію на базарѣ.

Между тѣмъ, ханъ не принималъ посланника. На совѣтѣ, собранномъ Мухаммедъ-Рахимомъ, по случаю прибытія Муравьева, главное духовное лицо, Кази, высказалъ мнѣніе, что посла надо отвести въ поле и зарыть живаго. Мухаммедъ-Рахимъ и самъ желалъ бы этого, только бы самому остаться въ сторонѣ, если бы, напримѣръ, Туркмены убили посла дорогой; а теперь, когда онъ уже прибылъ, надо было принять его. Пріемъ этотъ былъ назначенъ не скоро. Только 17 ноября дозволено было въѣхать Муравьеву въ Хиву. Въ тотъ же день Муравьевъ передалъ письма Ходжашъ-Мехрему и въ тотъ же день вечеромъ были вытребованы отъ него и подарки Хану [2]); а самая аудіенція происходила 20 ноября. Пробравшись съ трудомъ

[1]) Отправился Муравьевъ въ сопровожденіи переводчика Армянина Петровича и деньщика, съ проводникомъ Туркменомъ Саидомъ. Первое селеніе въ которое прибылъ Муравьевъ, было *Суджи-Кабили* (гдѣ жилъ проводникъ его Саидъ). 21 сентября вечеромъ привалъ сдѣланъ былъ недалеко отъ колодцевъ *Сюлъмень*, 22-го (на разсвѣтѣ) прибыли къ колодцамъ *Сюйли*, 23-го (предъ восходомъ солнца) къ колодцамъ *Демурджемъ* и въ тотъ же день прошли колодецъ *Геройданъ*; 25-го (къ 3 часамъ утра) остановились у колодцевъ *Туэръ*; 26-го достигли колодцевъ *Дгринъ*, а 29-го ночевали при колодцахъ *Бешъ-Дишикъ*. Далѣе дорога шла на нѣсколько дней пути мѣстами лишенными воды, пока не встрѣтились водопроводы.

[2]) Подарки состояли въ кускахъ сукна, парчи, 10 ф. свинца, столько же

узкими улицами, сквозь густую толпу любопытныхъ, Муравьевъ былъ введенъ во дворецъ хана. Пройдя три двора въ этомъ дворцѣ, его ввели въ кибитку, гдѣ сидѣлъ ханъ въ красномъ халатѣ, сшитомъ изъ сукна, привезеннаго Муравьевымъ; небольшая серебряная петлица застегивала его на груди; на головѣ была чалма съ бѣлой повязкой; онъ сидѣлъ неподвижно на хорасанскомъ коврѣ. У входа въ кибитку, съ одной стороны стоялъ Ходжашъ-Мехремъ, а съ другой Юсуфъ-Мехтеръ-Ага.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Муравьевъ изложилъ возложенныя на него порученія. Онъ предлагалъ хану отъ имени главнокомандующаго, вступить въ тѣсную дружбу съ Россіей и просилъ направить путь каравановъ не на Мангышлакъ, какъ это дѣлалось раньше, а на Красноводскую пристань. Первый путь требуетъ, говорилъ онъ, 30 дней труднаго пути почти безводною степью; по второму пути надо всего только 17 дней; при этомъ купцы хивинскіе всегда найдутъ въ этой пристани нѣсколько судовъ изъ Астрахани, съ тѣми товарами и издѣліями, за которыми они туда ѣздятъ. Принимая первое предложеніе, Мухаммедъ-Рахимъ обѣщалъ отправить вмѣстѣ съ нимъ къ главнокомандующему довѣренныхъ людей; но второе предложеніе рѣшительно отклонилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что народъ на Мангышлакѣ ему преданъ и находится въ его подданствѣ; а на новомъ пути прибрежные Юмуды по большей части служатъ Каджарамъ[1]); а потому караваны хи-

---

пороху и 10 кремней, стеклянномъ кальянѣ, двухъ головъ сахару и другихъ вещей. На другой день послѣ этого Муравьевъ послалъ еще хану 9 стеклянныхъ стакановъ. Много приходилось ему дарить приближенныхъ хана и вообще всѣхъ кто былъ нуженъ послу. И не скупился Муравьевъ на подарки. Спустя много лѣтъ потомъ Туркмены поминали его щедрость. Подарки были посланы на подносахъ, которыхъ Муравьевъ обратно не получилъ. «Что разъ попадется Хану, никогда назадъ не воротится», говорилъ Муравьеву Юзъ-Баши (ч. I, стр. 125).

[1]) Царствующая династія въ Персіи.

винскіе будутъ подвергаться опасности отъ разграбленія. Когда, по окончаніи аудіенціи, Муравьева отвели въ Гюрнушъ-ханэ [1]), ему принесли въ подарокъ отъ хана халатъ изъ золотой парчи, который надѣли на пожалованнаго, перепоясали богатымъ кушакомъ изъ индѣйской золотой парчи, дали за поясъ кинжалъ въ серебряныхъ ножнахъ и сверхъ того, накинули на него родъ ризы, съ короткими по локоть рукавами, сшитой изъ русской парчи; перемѣнили шапку на другую, похуже, которую дарилъ ханъ, и повели опять въ ханскую кибитку. Ханъ заставилъ Муравьева повторить все предъ тѣмъ сказанное и самъ отвѣчалъ тоже самое. Затѣмъ аудіенція кончилась, и Муравьевъ вернулся домой. Тутъ ему объявили, что онъ свободенъ и можетъ ѣхать назадъ.

27-го ноября выѣхалъ Муравьевъ изъ Иль-Гельды, а съ нимъ и послы назначенные Мухаммедъ-Рахимомъ: Юзъ-Баши [2]), Ишъ-Назаръ и Якубъ-Бай, родомъ сартъ. Слѣдомъ за ними отправился небольшой караванъ.

Обратный путь Муравьева былъ нѣсколько иной; пролегалъ онъ чрезъ кочевья Туркменъ поколѣнія Теке, которыхъ нечего было теперь опасаться, пользуясь присутствіемъ хивинскихъ чиновниковъ [3]). Такимъ образомъ, по-

---

[1]) Гюрнушъ-ханэ, т. е. «Домъ бесѣды», помѣщался на третьемъ дворикѣ дворца. Въ этомъ зданіи собирался совѣтъ. Ч. I, стр. 131.

[2]) Оказавшій большія услуги Муравьеву.

[3]) 28-го ноября вечеромъ прибылъ Муравьевъ къ послѣднему водопроводу въ ханствѣ, *Бузъ-Гёменъ*; 2-го декабря на разсвѣтѣ достигъ раззоренной крѣпости *Шахъ-сенемъ*, 4-го былъ у колодцевъ *Акъ-Набатъ*, 6-го (на разсвѣтѣ) у урочища *Тюнюкли*; 8-го вечеромъ остановился у колодца *Дели*; 10-го мѣстомъ остановки былъ колодецъ *Туэръ*; 11-го миссія прибыла къ колодцу *Демуръ-Джемъ*, и вечеромъ сдѣлана привалъ у колодцевъ *Сюйли*, а 12-го на разсвѣтѣ прибыла къ колодцамъ *Сюльменъ*. 17-го декабря Муравьевъ, вмѣстѣ съ хивинскими посланниками и туркменскими (которыхъ было двое), перебрался на корветъ, стоявшій въ Красноводскомъ заливѣ; а 18-го корветъ снялся съ якоря и поплылъ обратно въ Россію. 24-го февраля послы представлялись въ Тифлисѣ главнокомандующему Ермолову, а 22-го апрѣля отпущены были въ Хиву.

сольство это не принесло никакихъ очевидныхъ выгодъ, кромѣ взаимныхъ увѣреній въ дружбѣ. Но за то оно обогатило насъ новыми свѣдѣніями, какъ о самомъ ханствѣ, его политической жизни, его администраціи, военномъ состояніи, нравахъ, вѣроисповѣданіи, обычаяхъ и просвѣщеніи узбековъ [1]), такъ и описаніемъ пути, который до него не былъ описанъ еще ни однимъ русскимъ путешественникомъ [2]). Кромѣ того, для насъ Русскихъ, путешествіе Муравьева имѣло огромное значеніе въ томъ отношеніи, что разъяснило дѣйствительное положеніе нашихъ плѣнныхъ въ Хивѣ. Всѣ, затѣмъ, посольства наши въ Хиву, имѣли главною цѣлью добиться освобожденія этихъ плѣнныхъ. Самъ Муравьевъ не возбуждалъ въ Хивѣ этого вопроса; да и не входилъ онъ, какъ видно, въ программу, начерченную ему Ермоловымъ. Пробѣлъ этотъ былъ, вѣроятно потому, что мы и сами тогда не знали ни о числѣ [3]), ни о страданіяхъ этихъ несчастныхъ; а можетъ быть, не надѣялись на благопріятный исходъ требованія объ освобожденіи ихъ. Какъ бы то ни было, но только послѣ Муравьева, вопросъ о нашихъ плѣнныхъ въ Хивѣ сталъ играть первую роль въ нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Хивою.

Неудачное столкновеніе Мухаммедъ-Рахима съ Бухарой,

---

[1]) Все это составляетъ содержаніе 2-й части «Путеш. въ Хиву».

[2]) Проѣзжали тѣмъ же путемъ и Ф. Беневени и Бланкеннагель, но описанія этого пути они не оставили.

[3]) Русскихъ плѣнныхъ въ Хивѣ, какъ передавали Муравьеву русскіе же плѣнные,—было до 3 тысячъ (ч. I, стр. 109). Тихонъ Рязановъ (Альманахъ «Заря» 1839 года, стр. 84) сказывалъ, что въ Хивѣ (въ городѣ или цѣломъ ханствѣ?) плѣнныхъ русскихъ будетъ болѣе тысячи человѣкъ; у хана ихъ 80 человѣкъ. Другой плѣнный (родившійся въ Хивѣ), Андрей Никитинъ, говоритъ, что у хана (Алла-Кула) болѣе 100 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ; всего же ихъ будетъ до двухъ тысячъ; а многіе прибавляетъ онъ, считаютъ и болѣе (Альманахъ «Заря» 1838 г. стр. 193 и 205). Такимъ образомъ точное число плѣнныхъ намъ неизвѣстно; но едва ли доходило оно тогда до трехъ тысячъ.

не остановило его отъ дальнѣйшихъ попытокъ поживиться на счетъ Бухары.

Осенью 1820 года, собралъ онъ значительное войско и пошелъ на Чарджуй, который осаждалъ цѣлый мѣсяцъ. Тяжелый обозъ и провіантъ доставлялся изъ Хивы водою. Бухарскими войсками начальствовалъ сынъ Миръ-Хайдера, и хотя перевѣсъ, благодаря артиллеріи, былъ на сторонѣ Хивинцевъ, но рѣшительнаго сраженія не воспослѣдовало, и оба войска разошлись каждое въ свою сторону. На слѣдующій годъ ханъ повторилъ свой набѣгъ на Чарджуй. На этотъ разъ войска бухарскія были подъ личнымъ предводительствомъ Миръ-Хайдера. Бухарцы выстрѣлами изъ пушекъ стали жечь хивинскія лодки; тогда Мухаммедъ-Рахимъ поручилъ брату своему Кутлу-Мураду-инаку перебраться на бравый берегъ (гдѣ стоялъ Миръ-Хайдеръ) Аму-Дарьи и прогнать Бухарцевъ; но Кутлу-Мурадъ былъ разбитъ, потерялъ 10 лодокъ и поспѣшилъ назадъ. Тогда Хивинцы сочли за благо отступить [1]). Лѣтомъ, слѣдующаго 1822 года, Мухаммедъ-Рахимъ, узнавъ, что Миръ-Хайдеръ отправился въ походъ на Кипчаковъ (въ Коканъ), собралъ свое войско, переправился при Гезараспѣ черезъ рѣку и взялъ городъ Варданзи, разрушилъ его; а жителей забралъ въ плѣнъ. Оттуда пошелъ онъ на *Джайдиръ*, который былъ населенъ эмигрировавшими хивинскими узбеками, и поступилъ здѣсь точно также. Сжигая на пути города и избивая жителей, дошелъ онъ до Каракуля и, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, съ богатой добычей повернулъ назадъ. *Храбрые* воины хивинскіе, особенно старались забирать какъ можно больше женщинъ и дѣтей, въ

---

[1]) Beiträge; т. II, стр. 60 (Разсказъ плѣннаго Ковырзина). Объ этомъ походѣ говоритъ и Мирза Шемсъ-Бухари, только приписываетъ его не Мухаммедъ-Рахиму; а Ильтезеръ-хану (См. «Ученыя записки Казанскаго Университета за 1861 г.); это показываетъ, какъ перепутались событія у Мирзы-Шемса.

полной увѣренности, что вернувшіеся изъ похода мужья и отцы придутъ въ Хиву выкупать ихъ [1]). Въ самомъ концѣ ханствованія Мухаммедъ-Рахима произошло столкновеніе Хивы съ Россіей.

Наша торговля съ Хивой и Бухарой особенно много стала терпѣть въ это время отъ хивинскихъ и киргизскихъ шаекъ, грабившихъ наши караваны; а между тѣмъ торговля съ среднеазіатскими ханствами считалась у насъ (да едва ли не считается еще и теперь) такъ важною, что поддержать ее мы старались всѣми способами. Явилась мысль отправлять караваны подъ военнымъ прикрытіемъ: отсюда получили начало, такъ называемые *вооруженные* караваны. Первый такой караванъ снараженъ былъ въ 1803 году въ Бухару, подъ начальствомъ поручика Гавердовскаго. Этотъ первый опытъ не увѣнчался успѣхомъ, такъ какъ Майлибашскій перевозъ на Сыръ-Дарьѣ оказался занятымъ Хивинцами и Киргизами; а потому караванъ вернулся назадъ [2]). Вторая попытка, только въ бо́льшихъ размѣрахъ, произведена была въ 1824 году, снаряженіемъ каравана въ Хиву. Начальникомъ этого каравана [3]) назначенъ былъ полковникъ Ціалковскій. Караванъ выступилъ изъ Оренбурга 2 ноября; въ январѣ 1825 г. переправился черезъ Яны-Дарью; но дошелъ только до возвышенности Бешъ-тюбя въ Кызылъ-Кумахъ, потому что здѣсь произведено было хивинскимъ отрядомъ нападеніе на караванъ. Прикрытіе каравана состояло изъ 625 человѣкъ при двухъ орудіяхъ [4]); хивинцевъ же, какъ сказывали было 12,000. Небольшой нашъ отрядъ защищался здѣсь двѣ недѣли, наконецъ долженъ былъ отступить, покинувъ всѣ товары, за исклю-

---

[1]) Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. II, 60—61.

[2]) «Пояснительная Записка»; стр. 327.

[3]) При немъ находился офицеръ генеральнаго штаба Капитанъ Жемчужниковъ.

[4]) *Мейеръ*, «Киргизская степь Оренб. вѣдомства»; стр. 43.

ченіемъ самыхъ цѣнныхъ. Убытокъ нашихъ купцовъ составлялъ 547,600 рублей, изъ которыхъ часть, казна приняла на себя, остальную же положено требовать съ Хивинскаго хана [1]). Съ войскомъ Хивинскимъ ходилъ, какъ сказываетъ Грушинъ, русскій плѣнный Петръ Гавриловъ Жолобовъ, Сызранскій мѣщанинъ, откупившійся въ Хивѣ на волю [2]).

Въ хивинскомъ войскѣ, захватившемъ товары, произошла ссора. Туркмены отняли у Хивинцевъ и Каракалпаковъ всѣ захваченные товары, причемъ въ спорѣ обругали они Мухаммедъ-Рахима. Когда онъ узналъ объ этомъ, то приказалъ повѣсить 10 туркменскихъ аксакаловъ, вслѣдствіе чего 200 кибитокъ Туркменъ откочевали къ Каспійскому морю, разграбивъ и разрушивъ дорогою близъ Ташгауса два базара и угнавъ скотъ [3]). Полная неудача постигла, такимъ образомъ, и вторую попытку, провести вооруженный караванъ. Тогда мысль эта была наконецъ оставлена.

Важныя преобразованія произведены были въ это ханствованіе во внутреннемъ управленіи. Прежде всего Мухаммедъ-Рахимъ учредилъ Верховный Совѣтъ, который долженъ собираться для разрѣшенія разныхъ тяжебныхъ дѣлъ и наказанія преступленій. Совѣтъ этотъ находился подъ предсѣдательствомъ самаго хана, члены въ немъ — всѣ его любимцы; а потому число ихъ и не ограничено. Верховный Совѣтъ въ сущности ничего не значитъ, такъ какъ въ рѣшеніяхъ своихъ онъ долженъ руководствоваться во-

---

[1]) Тамъ же, стр. 43—44.

[2]) Литер. Прибавл. къ Русскому Инвалиду; 1838 г. № 5.

[3]) «Хива въ нынѣшнемъ состояніи». Ст. г. Гельмерсена (Отеч. Зап. 1840 г. т. VIII, стр. 103).

лею хана; а въ случаѣ противорѣчія члены его, говоритъ Муравьевъ, разгоняются со стыдомъ [1]).

Во время пребыванія въ Хивѣ Муравьева членами Верховнаго Совѣта были: первый визирь Юсуфъ-Мехтеръ-Ага; онъ болѣе другихъ пользовался довѣренностью и любовью хана; родомъ сартъ. Второй визирь, изъ узбековъ, Медра-Кушъ-Беги [2]); третій изъ главныхъ чиновниковъ въ ханствѣ—Ходжашъ-Мехремъ, сынъ плѣннаго персіянина: они также члены Совѣта. Въ Совѣтѣ засѣдаютъ кромѣ того старшій братъ хана, Кутлу-Мурадъ-инакъ, и Кази, какъ высшее духовное лицо. Не пренебрегъ Мухаммедъ-Рахимъ и древнимъ обычаемъ совѣтоваться со старшинами четырехъ поколѣній Узбековъ, и они, для виду, засѣдаютъ въ этомъ Совѣтѣ, но не принимаютъ никакого участія въ дѣлахъ. Совѣтъ собирается каждую пятницу въ зданіи, называемомъ *Гюрнушъ-ханэ*. Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію дѣлъ, присутствующимъ подносятъ большія блюда съ пловомъ и, когда они насытятся, приступаютъ къ пре-

---

[1]) Учрежденіе этого совѣта Муравьевъ объясняетъ хитростію Мухаммедъ Рахима, именно: въ случаѣ ропота или неудовольствія народа на какое-либо рѣшеніе, Ханъ всегда можетъ свалить вину на членовъ Совѣта; а самъ такимъ образомъ останется въ сторонѣ. Но надо замѣтить, что Муравьевъ смотритъ на многое съ предубѣжденіемъ. Результатъ не причина. Учрежденіе Совѣта могло быть дѣйствительно полезнымъ нововведеніемъ, и не вина Ханъ если члены совѣта не годились для этой должности и ихъ приходилось выгонять вонъ. Выгонялъ ихъ Мухаммедъ-Рахимъ вонъ потому, что самъ онъ стоялъ неизмѣримо выше окружающей его толпы и по уму и по пониманію дѣла. И сами Хивинцы смотрѣли на хана своего, какъ на ученаго и образованнаго человѣка:«О! нашъ ханъ мулла человѣкъ!онъ подобенъ знаніями ахунду, онъ прямой ахундъ!» говорили они. Мухаммедъ-Рахимъ кромѣ природнаго языка говорилъ и писалъ по арабски и персидски, имѣлъ нѣкоторыя понятія объ астрологіи и врачебномъ искуствѣ («Путешествіе въ Хиву», ч. II, стр. 54).

[2]) Должность его во всѣхъ отношеніяхъ одинакова съ должностью перваго визиря. Разница состоитъ только въ томъ, что ханъ на время своего отсутствія, поручаетъ управленіе ханствомъ Юсуфу-Мехтеръ-Агѣ иногда) инаку, старшему брату своему) и никогда не поручаетъ этого Медра-Кушъ-Беги. «Путеш. въ Хиву»; ч. II, стр. 60—61.

ніямъ. Ханъ со вниманіемъ выслушиваетъ каждаго, но если онъ противнаго мнѣнія, то ругаетъ совѣтника, а иногда и выгоняетъ его изъ засѣданія. Члены совѣта, какъ и всѣ ханскіе чиновники постояннаго жалованья не получаютъ, а въ награду и по расположенію Хана позволяется имъ или вырыть водопроводъ, или отводится имъ необработанная земля.

Этотъ Верховній Совѣтъ есть единственное гражданское и уголовное судилище въ Хивѣ. Кромѣ того во всякомъ городѣ есть духовное лице — Кази, обязанность котораго блюсти гражданскіе и духовые законы. Но кази эти не имѣютъ права сами вступать въ разбирательство (развѣ только тогда, когда сами жители отнесутся къ нимъ и то въ маловажныхъ распряхъ), а должны о всякомъ преступленіи и нарушеніи закона доносить хану. Подчинены они главному доховному лицу [1]).

До Мухаммедъ-Рахима въ Хивѣ чеканились, мы видѣли, только мѣдныя деньги и то съ именемъ бухарскихъ хановъ. Но Мухаммедъ-Рахимъ устроилъ монетный дворъ и сталъ чеканить монету отъ своего имени [2]).

Доходы хана составляютъ: подать *съ котла*, подарки, подносимые хану разными сословіями, продажа хлѣба изъ помѣстьевъ хана, откупа, таможные сборы, дѣлежъ добычи, налогъ на приходящіе караваны, и временные налоги въ случаѣ войны [3]). Узбеки и Туркмены, живущіе въ ханствѣ, податей не платятъ.

Подать съ котла соотвѣтствуетъ подушной подати, разложена она сообразно состоянію каждаго. Человѣкъ, нанимающійся въ работу и не имѣющій своего котла, этой

---

[1]) Во время инаковъ главный Кази пользовался большимъ вліяніемъ и властію. Онъ былъ и главнѣйшимъ судьей, рѣшалъ всѣ распри и междоусобія семействъ и налагалъ наказанія. Ч. II, стр. 65.

[2]) См. раньше, стр. 265. О чеканкѣ монетъ см. разсказъ Рязанова стр. 88.

[3]) «Путешествіе въ Хиву», ч. II, стр. 78.

подати не платитъ. Подать эта разлагается по родамъ и сборъ ея лежитъ на обязанности старшинъ. Самый большой годовой сборъ съ котла равняется 11 серебрянымъ рублямъ на наши деньги. Для сбора этой подати произведена была перепись жителей. Раньше подать состояла изъ «десятины» *ушра* (правильнѣе *ушри*); она была отмѣнена Мухаммедъ-Рахимомъ и замѣнена «денежною» *салгутъ* [1]).

Доходъ отъ продажи хлѣба съ ханскихъ земель также не малъ. Онъ получается отъ продажи пріѣзжающимъ въ Хиву Туркменамъ пшеницы, сарачинскаго пшена, кунжута, джугары и т. п. Прежде чѣмъ ханъ продастъ свои запасы, никто изъ продавцевъ не имѣетъ права сбывать свой хлѣбъ.

Главный доходъ съ откуповъ доставляетъ отдача на откупъ воды въ каналахъ. Дѣло въ томъ, что хану принадлежатъ нѣсколько водопроводовъ, которыми онъ позволяетъ пользоваться за извѣстную плату. Мухаммедъ-Рахимъ вырылъ нѣсколько новыхъ каналовъ [2]).

Таможенныя пошлины сбираются на таможныхъ заставахъ, устроенныхъ во многихъ мѣстахъ. Берется этотъ налогъ въ размѣрѣ тридцатой части товара или прогоняемаго скота [3]).

Мѣста для торговъ также отдаются на откупъ [4]).

При Мухаммедъ-Рахимѣ установился сборъ съ табачныхъ плантацій. Желая искоренить въ ханствѣ употребленіе табаку [5]), онъ запретилъ и разведеніе его дома, и

---

[1]) *А. Л. Кунъ*: «Замѣтка о Хивинскомъ ханствѣ» (Турк. Вѣдом. 1873 г. 40). См. также предыдущее ханствованіе, стр. 260 и слѣд.

[2]) «Путешествіе въ Хиву»; ч. II, 85.

[3]) О торговлѣ въ Хивѣ, во время ханствованія М.-Рахима, см. «Краткое описаніе Бухаріи и Хивы» въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1823 г., чч. I и II.

[4]) «Путешествіе въ Хиву», ч. II, стр. 78—82.

[5]) Мухаммедъ-Рахимъ прежде самъ курилъ табакъ и пилъ вино запоемъ; но сдѣлавшись ханомъ, пересталъ и курить, и пить. Вмѣсто вина онъ сталъ пить уксусъ. Запретилъ онъ и подданнымъ своимъ куреньe табаку и употре-

привозъ изъ Бухаріи, наложивъ штрафъ въ 10 большихъ тиллей за каждаго верблюда, прибывшаго изъ Бухаріи съ табакомъ. Но это не помогло: ввозъ табаку въ ханство не прекратился; тогда штрафъ обратился въ налогъ. М.-Рахимъ назначилъ брать и за привозный, и за мѣстный табакъ одинаково по 10 тиллей. Впослѣдствіи убѣдившись, что запретительныя мѣры не дѣйствуютъ, ханъ разрѣшилъ куреніе табаку [1]).

Туркмены, занимающіеся грабежемъ и захватомъ невольниковъ, обязаны представлять хану пятую часть добычи: рабовъ, наложницъ, лошадей, верблюдовъ, скота, товаровъ и денегъ [2]).

Въ 1819 году наложилъ Мухаммедъ-Рахимъ подать на Туркменскіе караваны, приходившіе въ Хиву для покупки хлѣба. Со всякаго верблюда взималось полъ-тиллы [3]). Эта подать, по Муравьеву, можетъ дать каждый годъ хану отъ 160 до 200 тысячъ рублей серебромъ. Весь доходъ хана, по вычисленію Муравьева, доходилъ до 4 милліоновъ руб. на ассигнаціи [4]).

Постояннаго войска въ Хивѣ нѣтъ; но Узбеки и Туркмены, представляющіе въ странѣ военное сословіе, обязаны по требованію хана садиться на лошадь и отправляться въ походъ. При этомъ только Туркмены получаютъ жалованье, смотря по званію и по надобности,—отъ 5 до

бленіе крѣпкихъ напитковъ, приказавъ за нарушеніе этого запрещенія разрѣзывать провинившимся ротъ до ушей. Но запрещеніе курить табакъ соблюдалось не строго. Ханъ знаетъ, пишетъ Муравьевъ, что нѣкоторые изъ приближенныхъ его курятъ, но дѣлаетъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ этого (ч. I. стр. 127, ч. II, стр. 54).

[1]) См. статью г. *Куна*: «О податяхъ въ Хивинскомъ ханствѣ» (Туркест. Вѣдом. 1873 г. № 32).

[2]) «Путешествіе въ Хиву», стр. 82, ч. II.

[3]) Около двухъ серебряныхъ рублей.

[4]) «Путешествіе въ Хиву», стр. 84. О доходахъ хана рѣчь будетъ еще впереди (ханств. Алла-Кула).

прочіе находятся на своемъ иждивеніи. Всего войска, такимъ образомъ собираемаго, бываетъ около 12 тысячъ [1]).

Изъ всего этого видимъ, что ханствованіе М.-Рахима имѣло для Хавы важное значеніе: онъ далъ ей правильное устройство и привелъ дѣла въ такой порядокъ, какого тамъ давно не бывало [2]).

Таково было начало этой новой и до нынѣ царствующей въ Хивѣ династіи, которую мы можемъ назвать *Кунградскою*, потому что ханы ея имѣли родоначальниками своими инаковъ *Кунградскаго* поколѣнія Узбековъ [3]).

Умеръ Мухаммедъ-Рахимъ въ 1825 году отъ апоплексическаго удара [4]). По разсказу Борнса, Мухаммедъ-Ра-

---

[1]) Тамъ же, стр. 107—108.

[2]) Мухаммедъ-Рахимъ, исключая отлучекъ на охоту, самъ занимался дѣлами по управленію ханствомъ. Занятія эти происходили ночью. Муравьевъ и тутъ приводитъ свое объясненіе: «спитъ Мухаммедъ-Рахимъ очень мало и то днемъ, ночь же проводитъ въ бдѣніи, что должно приписать или опасенію, свойственному всѣмъ злодѣямъ, или инымъ причинамъ, скрывающимся въ необычайномъ нравѣ его» (ч. II, стр. 56).

[3]) *Сенковскій* (въ Supplément à l'histoire, etc.) ставитъ въ упрекъ Муравьеву то, что онъ во время пребыванія въ Хивѣ не позаботился разузнать, не ведетъ ли нынѣ царствующая въ Хивѣ династія свое происхожденіе отъ Ануши-хана, или это является новая династія, присвоившая себѣ власть? (Прим. 37 на стр. 100—101). Изъ всего предъидущаго изложенія событій видимъ, что эта династія ничего общаго не имѣетъ съ домомъ Абуль-Гази хана. Но все-таки не лишнимъ будетъ высказать здѣсь нѣсколько замѣчаній по этому поводу. *Во-первыхъ*, всѣ источники XVIII столѣтія говорятъ, что хивинцы извели своихъ коренныхъ хановъ и принуждены поэтому были обращаться за таковыми или къ Киргизъ-Кайсакамъ, или къ Бухарцамъ. *Во-вторыхъ*: при той важности, какую имѣетъ въ глазахъ азіатцевъ наслѣдственность правъ, Ильтезеръ или Мухаммедъ-Рахимъ не упустили бы ни въ какомъ случаѣ заявить это родство съ домомъ Чингиза (а такое родство имѣлъ родъ автора «Исторіи Тюрковъ»). *Въ-третьихъ*, мы видѣли, что инаки шли своимъ чередомъ, рядомъ съ ханами; оттого нѣкоторые изслѣдователи (какъ напримѣръ, Я. В. Ханыковъ) ихъ смѣшивали. Наконецъ, и вопросъ-то такой могъ явиться только потому, мнѣ кажется, что въ то время не было еще выяснено ни значеніе инаковъ, ни ихъ роль въ администраціи ханства. Это сдѣлано было 35 лѣтъ спустя, по выходѣ въ свѣтъ сочиненія Сенковскаго.

[4]) «Замѣтка о Хивинскомъ ханствѣ» г. *Куна* (Турк. Вѣд. 1873 г. № 40).

химъ умеръ отъ какой-то «злокачественной болѣзни» [1]). На смертномъ одрѣ завѣщалъ онъ своему семейству жить въ мирѣ съ Бухарою и, передъ своею кончиною, отправилъ къ бухарскому эмиру посольство—испросить прощеніе за прежнія нападенія хана на бухарскія владѣнія и караваны [2]).

Послѣ М.-Рахима осталось, какъ передаетъ Грушинъ, 7 сыновей: Алла-Кулъ [3]), Рахманъ-Кулъ-тюря [4]), Хаджай-Кулъ-тюря (т. е. Хаджи-Кулъ-тюря), Сеидъ-Махмудъ-тюря, Сеидъ-Ахмедъ-Кулъ, Сеидъ-Мохамедъ-тюря [5]), Тенгри-Кулъ-тюря.

Г. Шеферъ, на 205 стр. своего перевода Histoire de l'Asie Centrale, вѣроятно по ошибкѣ выставилъ годъ смерти М. Рахива 1257 гиджры (1841 нашей эры).

[1]) He fell a victim to a malignant disease about eight years since. (*Burnes*, Travels into Bokhara; London 1839; III, 305). Въ статьѣ о Хивѣ, помѣщенной въ Magazin für die Literatur des Auslandes (1840, № 42, стр. 108) говорится, что М. Рахимъ умеръ отъ злокачественной лихорадки, и тутъ же сообщается, что случилось это въ 1824 году. Эти свѣдѣнія взяты, какъ кажется, у Борнса; но Борнсъ указываетъ годъ смерти М. Рахима лишь приблизительно.

[2]) Travels into Bokhara; III, 305—306.

[3]) По Муравьеву—*Алла-Кутуре*, т. е. Алла-Кулъ-тюря (ч. II, 56).

[4]) По Муравьеву—*Романъ-Кулъ*. На этого Рахманъ-Кула М. Рахимъ возлагалъ большія надежды; надежды эти, какъ извѣстно, не оправдались: Рахманъ-Кулъ скоро пристрастился къ спиртнымъ напиткамъ и не обнаружилъ никакихъ особенныхъ способностей.

[5]) Полное собраніе сочиненій В. И. Даля, II, стр. 296 (изд. 1861 г.). Въ разсказѣ Грушина, помѣщенномъ въ «Прибавл. къ Русскому Инвалиду», напечатано *Хохамедъ-тюря:* очевидная типографская опечатка. О Сеидъ-Мухаммедѣ, какъ о сынѣ Мухаммедъ-Рахима упоминаетъ и Тихонъ Рязановъ (Альманахъ «Утренняя Заря» на 1839 г., стр. 76, 77, 79); но онъ смѣшиваетъ его съ Сеидъ-Махмудомъ.

Алла-Кулъ [1]).

(1825—1842).

Весь тотъ зародышъ могущества, который мы замѣчаемъ въ Хивѣ при Мухаммедъ-Рахимѣ, совершенно заглохъ при его неспособномъ сынѣ, Алла-Кулѣ. Алла-Кули-Мухаммедъ-Бегадуръ-ханъ возсѣлъ на престолъ, «по волѣ и избранію народа», въ 1240 г. гиджры, въ годъ *курицы*, въ мѣсяцѣ рамазанѣ «благословенномъ», 19-го числа,—пишетъ мунши *(секретарь)* при Алла-Кулѣ, Хуббъ-Кули-Ходжа [2]).

---

[1]) *Источники*: Разсказъ плѣнника *Ѳедора Грушина* (въ «Литерат. прибавл. къ Русск. Инвалиду» за 1838 г. № 5). Разсказъ *Тихона Рязанова* (въ Альманахѣ «Утренняя Заря» на 1839 г. изд. Владиславдевымъ). Разсказъ *Андрея Никитина* (въ томъ же «Альманахѣ» за 1838 годъ). Разсказъ *Портупей-прапорщика Мѣдяника* (въ «Литературной газетѣ» за 1840 г. № 14). Разсказъ *Якова Зиновьева* (въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ» 1839 г. №№ 22, 23 и 24). Разсказъ *Урядника Попова* (тамъ же), и нѣкоторые другіе разсказы нашихъ плѣнныхъ, вышедшихъ изъ Хивы. Статья *В. И. Даля* «Новѣйшія извѣстія о Хивѣ» (въ «Сынѣ Отечества» 1839 г. кн. XII). Затѣмъ, «Военная Экспедиція противъ Хивы въ 1839 г.» (въ Библіот. для чтенія 1859 г. № 10). *В. И. Даля*, «Военное предпріятіе противъ Хивы» (въ Чтеніяхъ И. Москов. Общества исторіи и древностей 1860, т. I); *С. Н. Зыкова*, «Хивинскія дѣла съ 1839 по 42 годъ» (Русское слово 1862, № 3). Посольство въ Хиву капитана Никифорова въ 1841 г. статья г. *Залѣсова* (въ «Военномъ Сборникѣ» 1861 г. т. XXII). «Описаніе Хивинскаго ханства» *Г. И. Данилевскаго* (въ Запискахъ Имп. Геогр. Общества кн. V). «Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa» von *Th. Basiner* (въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, von K. E. Baer und Gr. v. Helmersen, t. XV). Описаніе *Шекспирова* пути въ «Blockwood Magazine» (1842 г. іюнь м.). Описаніе *Абботова* пути въ его «Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moskow and St.-Petersburg by Capt. J. Abbot». London, 1843; 2. И т. д.

[2]) Этотъ Хуббъ-Кули-Ходжа сдѣлалъ переводъ сочиненія *Бедаи-ль-векаи* «Чудеса происшествій» на тюркскій языкъ, а въ началѣ своей рукописи приложилъ разсказъ о вступленіи на ханство Алла-Кула и о событіяхъ при немъ въ теченіи первыхъ трехъ съ половиной мѣсяцевъ, съ 19 рамазана 1240 г. по 5 мухаррема 1241 г. (съ 25 апрѣля по 8 августа 1825 г.). Рукопись Аз-

Т. е. Алла-Кулъ вступилъ на ханство 25-го апрѣля 1825 года по нашему лѣтосчисленію [1]).

Интересно было бы узнать, сколько лѣтъ было въ то время Алла-Кулу; иными словами: когда онъ родился? Интересно потому, что данныя наши на этотъ счетъ однѣ другимъ противорѣчатъ. Муравьевъ, бывшій въ Хивѣ въ концѣ 1819 и въ началѣ 1820 г., говоритъ, что Алла-Кулу было въ то время 17 лѣтъ [2]); слѣдовательно, онъ долженъ былъ получить ханское достоинство 22 — 23 лѣтъ, а родиться—около 1803 г.; между тѣмъ, по свидѣтельству Грушина, Алла-Кулъ въ 1828 году имѣлъ уже 15-ти-лѣтняго сына, Рахимъ-Кула. Базинеръ тоже говоритъ, что въ 1842 году Рахимъ-Кулу было 29 лѣтъ [3]). Такъ какъ ошибиться легче было Муравьеву, чѣмъ другому кому-нибудь (Грушину особенно), то и слѣдуетъ заключать, что не 17 лѣтъ было Алла-Кулу въ 1819 году, а нѣсколько болѣе. Далѣе, Никифоровъ, бывшій въ Хивѣ въ 1841 г., говоритъ, что Алла-Кулу было въ то время около 50-ти лѣтъ. Изъ всего этого мы должны придти къ заключенію, что Алла-Кулъ родился еще въ концѣ прошлаго столѣтія.

Не любилъ Алла-Кула Мухаммедъ-Рахимъ, предвидя въ немъ неспособнаго преемника и, передъ смертію, хотѣлъ даже лишить его наслѣдства, а ханство передать второму сыну, Рахманъ-Кулу, куда-далеко превосходившему брата своего умственными способностями; но, по совѣту Ширъ-Ніяза-аталыка, намѣренія своего не исполнилъ [4]). Всѣ

атскаго музея Имп. Академіи Наукъ (Объ этой рукописи см. у П. И. Лерха, въ его «Археологической поѣздкѣ въ Туркестанскій край въ 1867 году»).

[1]) Значитъ Даль ошибся, обозначивъ годъ вступленія Алла-Кула на ханство 1826-й г. «Новѣйшія извѣстія о Хивѣ» (Сынъ Отечества 1839, кн. XII, стр. 11).

[2]) «Путеш. въ Хиву»; II, стр. 56.

[3]) «Naturwis. Reise» u. s. w. 142.

[4]) «Beiträge zur Kenntniss» и т. д., т. II, стр. 62. Рахманъ-Кулъ не ханствовалъ во-все; а между тѣмъ у С. Мартена въ Nouveau Journal asiatique

плѣнные наши отзываются объ Алла-Кулѣ съ самой невыгодной стороны. Грушинъ говоритъ, что онъ «плохъ» и поддается вліянію своей старшей жены [1]). Рязановъ сказываетъ: «при старомъ ханѣ, Мухаммедъ-Рахимѣ, Кушъ-Беги не значилъ ничего; а нынѣ, при Алла-Кулѣ, онъ силенъ и могучъ». «Хивинскаго хана Алла-Кула эмиръ Бухарскій ставитъ ни во что», замѣчаетъ Яковъ Зиновьевъ. Братъ его, Рахманъ-Кулъ, получивъ вмѣстѣ съ достоинствомъ инака [2]) городъ Гезараспъ, «собираетъ подати въ окрестности, брату своему не оказываетъ ни малѣйшаго уваженія» [3]). Выборъ приближенныхъ также говоритъ не въ пользу Алла-Кула. Кушъ-беги, напримѣръ, выдвинулся до этого званія, благодаря тому только, что въ молодости былъ красивъ собою, находился въ мужскомъ отдѣленіи ханскаго гарема и отличался изобрѣтательностію на скандалезные разсказы, до которыхъ Алла-Кулъ былъ большой охотникъ. Величайшимъ для него удовольствіемъ было слушать разсказы о гаремныхъ событіяхъ, и тотъ, кто умѣлъ разсказывать ихъ забавно и пикантно, дѣлался приближеннымъ его лицомъ [4]). Не любили Алла-Кула и Хивинцы за то, что онъ, не довѣряя своимъ подданнымъ, окружалъ

(1828, I) въ статьѣ: «Notice historique, chronologique et généalogique des principaux souverains de l'Asie et de l'Afrique septentrionale, pour l'année 1828», читаемъ: «Rahman-Kouli-khan succéde à son père Mohammed-Rahime khan en 1826, le titre de ces princes d'origine ouzbeke, est *Taksir-khan*; ils résident à Khiwa» (p. 7). Эта статья появилась десять лѣтъ спустя (не поздно!) въ русскомъ переводѣ въ журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія за 1837 г., какъ вещь вполнѣ современная (августъ. кн. стр. 273), и въ томъ же году Френъ указалъ ошибку С. Мартена (Bulletin scientifique, t. III, № 4; p. 59—60).

[1]) Она была дочь Ильтезеръ-хана, слѣдовательно, приходилась Алла-Кулу двоюродной сестрой (Грушинъ).

[2]) Андрей Никитинъ совершенно неправильно называетъ его *аталыкомъ* (Альм. «Утр. Заря» 1838 г. стр. 194).

[3]) «Beiträge zur Kenntniss». II.

[4]) «Путешествіе Никифорова въ Хиву», стр. 64—65.

себя Русскими плѣнными и Персіянами [1]). Вообще слѣдуетъ замѣтить, что плѣнные наши имѣли на хановъ хивинскихъ большое вліяніе; одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ (Тихонъ Рязановъ) былъ даже воспитателемъ сына у Мухаммедъ-Рахима. Вліяніе это было, правда, болѣе вредное чѣмъ полезное; такъ, напримѣръ, отъ плѣнныхъ научились ханы пить водку: пилъ ее Мухаммедъ-Рахимъ, пили Алла-Кулъ и Рахманъ-Кулъ. Но ни къ кому изъ хановъ русскіе плѣнные не стояли такъ близко, какъ къ Алла-Кулу; онъ дѣлалъ ихъ своими довѣренными, толковалъ съ ними о всякой всячинѣ [2]), умѣлъ читать и писать по-русски [3]).

Изъ событій начала ханствованія Алла-Кула узнаемъ отъ Хуббъ-Кули-Ходжи, что братъ хана, Рахманъ-Кули, получилъ въ управленіе Гезараспъ; но не съ званіемъ инака, а губернатора *(хакима)*; инакомъ же былъ въ это время Яръ-Мухаммедъ-Назаръ-бій, родной дядя Алла-Кула [4]). Затѣмъ, послѣ извѣстительныхъ грамотъ, посланныхъ въ сосѣднія области, въ томъ числѣ въ Гератъ, Мервъ и Серахсъ (значитъ оба послѣдніе города не принадлежали въ то время ни Хивѣ, ни Бухарѣ) и, послѣ полученія поздравительныхъ отвѣтовъ на эти грамоты, прибыло посольство изъ Бухары отъ Миръ-Хайдера, съ изъявленіемъ желанія эмира заключить прочный миръ съ хивинскимъ ханомъ.

---

[1]) Разсказъ Андрея Никитина (стр. 193). При Алла-Кулѣ русскіе плѣнные служили въ артиллеріи, чего при Мухаммедъ-Рахимѣ не было, такъ какъ онъ русскимъ не довѣрялъ (Beiträge и т. д. II. 59).

[2]) Такимъ довѣріемъ пользовался, напримѣръ, Ѳ. Грушинъ, что подтвердили не только другіе наши плѣнные, вернувшіеся изъ Хивы; но и хивинскіе купцы, приходившіе въ Оренбургъ (См. Beiträge и т. д. т. II, стр. 121).

[3]) Читать и писать по-русски научилъ хана какой-то астраханскій мѣщанинъ Фома, попавшій въ плѣнъ въ Хиву (Тамъ же, стр. 62).

[4]) Рукопись Азіат. Музея подъ № 2 (изъ числа привезенныхъ П. И. Лерхомъ въ 1859 году) стр. 11, 2. Этотъ Яръ Мухаммедъ Назаръ-бій былъ, какъ видѣли, пощаженъ М. Рахимомъ, вмѣстѣ съ другимъ его братомъ Кутлу-Мурадомъ (См. раньше, стр. 267). Значитъ, въ это время Кутлу-Мурада уже не было на свѣтѣ.

Посольство это принято было очень радушно и, по утвержденіи мирнаго договора, отпущено обратно въ Бухару 18-го шевваля 1240 г. (24-го мая 1825 г.) [1]).

Въ самомъ началѣ ханствованія своего Алла-Кулъ былъ не на шутку встревоженъ извѣстіемъ о движеніи на Хиву русскаго отряда: Хивинцы прослышали о предпринимавшейся тогда экспедиціи Берга къ Аральскому морю; въ экспедиціи находилось 2,303 человѣка, при 6 орудіяхъ [2]). Алла-Кулъ собралъ по этому случаю совѣтъ, на которомъ порѣшили встрѣтить русскихъ съ хлѣбомъ-солью, вручить имъ ключи отъ города (ключи предполагалось отлить изъ золота) и отпустить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Хивѣ [3]). Вслѣдствіе этой экспедиціи и являлся въ Оренбургъ посолъ хивинскій Ваисъ-Ніязъ. Онъ привелъ въ подарокъ Государю слона и просилъ позволенія представиться ко двору; но въ Петербургъ его не только не пропустили, но еще было заявлено, что до тѣхъ поръ, пока ханъ не освободитъ нашихъ плѣнныхъ и не вознаградитъ убытки, причиненные разграбленіемъ вооруженнаго кара-

---

[1]) Тамъ же, стр. 43—46.

[2]) Экспедиція подъ начальствомъ Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части полковника Берга снаряжена была для изслѣдованія Усть-урта и пространства между Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Въ ней участвовали, между прочимъ, Леммъ—чиновникъ Военно-топографическаго депо, и докторъ Эверсманъ. Обогнувъ сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго моря, Бергъ направился къ Аральскому морю и, дойдя до изгиба западнаго берега Арала на сѣверо-востокъ, спустился по Усть-урту черезъ оврагъ Карасай, и въ мартѣ 1826 года прибылъ въ Сарайчиковскую крѣпость. (Записки Военно-топографическаго депо 1837 г. ч. I, стр. 137—139, 170). *Макшеевъ*, «Описаніе Аральскаго моря» (въ Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. кн. V, стр. 36 и слѣд.). Опасенія хивинцевъ были, такимъ образомъ, совершенно напрасны; тѣмъ не менѣе эта экспедиція и предшествовавшій ей вооруженный караванъ (1824 г.), по убѣжденію хивинцевъ, были неудачными попытками съ нашей стороны овладѣть вооруженною силою Хивинскимъ ханствомъ (См. примѣч. Даля къ разсказу А. Никитина. «Утрен. Заря» 1838, 209).

[3]) Разсказъ Ѳ. Грушина.

вана въ 1824 году,—никакіе переговоры не могутъ имѣть мѣста [1]).

Отъ нашихъ плѣнныхъ узнаемъ мы много важныхъ свѣдѣній о ханствованіи Алла-Кула [2]). Грушинъ передаетъ намъ слѣдующій фактъ: «Ханъ», говоритъ онъ, «который не ходилъ еще воевать, не смѣетъ чеканить своихъ денегъ, да и не молятся за него въ мечетяхъ [3]). Ханъ Алла-Кулъ, на другой годъ послѣ того, что сѣлъ ханствовать, ходилъ воевать на персидскую границу, да съ той поры и правъ и святъ». Въ 1829 г. Алла-Кулъ снова ходилъ на грабежъ въ Персію. Послѣдствія этого набѣга были для Хивинцевъ крайне печальны: въ Персіи къ нимъ пристала холера и, на возвратномъ пути, вырвала много жертвъ изъ хивинскаго войска. Андрею Никитину (бывшему въ то время въ Бухарѣ) сказывали, что изъ 40-тысячнаго войска ханъ привелъ домой только 300 человѣкъ [4]). Мало того, занесли они заразу и въ Хиву; но она свирѣпствовала тамъ недолго и послѣ не возобновлялась [5]). На слѣдующій годъ Алла-Кулъ опять ходилъ на Персіянъ, и на этотъ разъ удачно: онъ захватилъ въ плѣнъ 1,000 семействъ Персіянъ [6]).

---

[1]) «Походъ въ Хиву въ 1839 г.» (Воен. Сборн. 1863 г. кн. янв. стр. 43).

[2]) Многіе изъ плѣнныхъ прожили въ Хивѣ десятки лѣтъ; а по этому хотя свѣдѣнія ихъ и не отличаются полнотой; но представляютъ матеріалъ болѣе цѣнный (для этнографіи края, особенно), чѣмъ ученые путешественники, прожившіе тамъ только нѣсколько мѣсяцевъ и при томъ часто въ-заперти; а если иные и пользовались свободой, то не были подготовлены къ тому, чтобы оцѣнить и понять видѣнное.

[3]) Фактъ этотъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ по какимъ причинамъ, иногда, данныя на монетахъ не могутъ имѣть предпочтенія предъ другими источниками, такъ какъ существуютъ монеты, битыя отъ имени хана, нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ уже умершаго.

[4]) Число войска безъ сомнѣнія преувеличено: ханъ не только не могъ выставить такого числа, но для набѣга на Персію и не было надобности въ такой арміи.

[5]) *Иванинъ*, «Свѣдѣнія о Хивин. ханствѣ» (журн. Торговли и Мануфакт. 1843 г. апрѣл. кн.).

[6]) Разсказъ Андрея Никитина («Утр. Заря» 1838 г. 200).

Въ «Замѣткѣ о Хивинскомъ ханствѣ», составленной по мѣстной исторіи А. Л. Куномъ, войны, веденныя Алла-Куломъ, изложены слѣдующимъ образомъ. Горные народы на границахъ Хивы съ Персіею возстали противъ своихъ правителей, назначенныхъ къ нимъ хивинскимъ ханомъ [1]). Алла-Кулъ тотчасъ же двинулъ на нихъ свое войско. Но такъ какъ онъ узналъ, что Курдамъ помогали Текинцы, то Алла-Кулъ напалъ сперва на нихъ и взялъ Мервъ [2]).

---

[1]) Когда горный народъ, Курды, былъ настолько подчиненъ ханамъ хивинскимъ, что тѣ сажали у нихъ своихъ правителей—я не знаю. Объ отношеніяхъ Курдовъ къ Хивѣ свѣдѣнія почерпаемъ мы у И. Ф. Бларамберга въ статьѣ его «Статистическое обозрѣніе Персіи» (въ Зап. Геогр. Общ. кн. VII). Разсказывается тамъ слѣдующее: Шахъ Аббасъ, желая оградить Персію отъ набѣговъ туркменъ и Узбековъ, задумалъ переселить 40 тысячъ семействъ воинственныхъ Курдовъ на сѣверную границу Хорасана, гдѣ раньше этого населеніе было слабо. Ему удалось переселить уже 15 тысячъ курдскихъ племенъ, но тутъ Курды догадались, что это переселеніе служитъ въ тоже время и къ ослабленію ихъ, а потому стали сопротивляться такъ рѣшительно, что Шахъ Аббасъ оставилъ дальнѣйшія попытки заселить Курдами хорасанскую границу. Надъ переселенными Курдами поставленъ былъ начальникъ Иль-ханъ, который долженъ былъ отвѣчать за прочихъ хановъ. Но результатъ эта мѣры, сверхъ ожиданія, какъ это часто бываетъ, оказался совершенно другой. Курды стали разбойничать и не повиновались уже шахамъ такъ, какъ въ своемъ прежнемъ мѣстѣ жительства. Даже Шахъ Надиръ не могъ сладить съ ними (стр. 203—204). Курды всегда были непримиримые враги съ Туркменами; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они дѣйствовали единодушно: жутко приходится Туркменамъ отъ хивинскихъ хановъ—они обращаются за помощью къ Курдамъ; грозитъ Курдамъ Шахъ персидскій, они спѣшатъ заключить союзъ съ Туркменами, и т. д. (стр. 324).

[2]) В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, въ статьѣ «Монеты Бухар. и Хив.» говоритъ, что всѣ владѣльцы хивинскіе добивались власти надъ Мервомъ, и только одному Алла-Кулу удалось завоевать его. Могло быть при этомъ, замѣчаетъ онъ, что Алла-Кулъ въ память такого важнаго событія и велѣлъ выбить монету въ *Мервѣ Шахджеганѣ*. Каковая монета (мѣдная), къ сожалѣнію, неизвѣстнаго года, и описана въ этомъ сочиненіи (стр. 447). Согласиться съ этимъ заключеніемъ едвали можно: не Алла-Кулу, исключительно, принадлежитъ завоеваніе Мерва, онъ былъ взятъ еще отцомъ его, М. Рахимомъ, и монета, поэтому, можетъ принадлежать какъ тому, такъ и другому. Мало того: она можетъ быть бита и другимъ кѣмъ либо, такъ какъ Мервъ никогда прочно присоединенъ не былъ ни къ Хивѣ, ни къ Бухарѣ и отлагался отъ подобной зависимости при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ было это и при Алла-Кулѣ, и послѣ него.

Тогда устрашенный предводитель Курдовъ явился съ повинною; а ханъ, отрядивъ своего брата Рахманъ-Кулаинака въ Хорасанъ и Мешхедъ, для покоренія Кызылбашей, грабившихъ пограничныхъ подданныхъ хана, вернулся въ Хиву. Войска подъ начальствомъ Рахманъ-Кула дѣйствовали очень успѣшно: они заняли Джамъ и Имганъ. Такія побѣды Хивинцевъ представляли удобный случай Алла-Кулу наказать Туркменъ, жившихъ около Гюргени. Въ нѣсколько удачныхъ походовъ захватилъ онъ много плѣнныхъ изъ поколѣнія Гоклёнъ, которыхъ и поселилъ близъ Куня-Ургенча. Двумя большими праздниками, на которые созвалъ всѣхъ жителей ханства и наиболѣе почетныхъ изъ сосѣднихъ ханствъ, отпраздновалъ Алла-Кулъ свои побѣды.

Въ которомъ году имѣли мѣсто эти событія—изъ «Замѣтки» не видно. Между тѣмъ Борнсъ, въ своемъ «Путешествіи», описываетъ походъ Алла-Кула на Мервъ подъ 1832 г., и лѣтомъ именно. Племя Теке заплатило контрибуцію, а въ Мервѣ и Сарахсѣ (городъ этотъ принадлежалъ тогда Туркменамъ племени Салоръ) учреждены были таможни для сбора пошлины съ каравановъ, проходившихъ чрезъ эти города (Борнсъ былъ свидѣтелемъ въ Мервѣ сбора пошлинъ, отъ имени Алла-Кула, съ каравана, въ которомъ онъ находился). Какъ во всякихъ степныхъ походахъ, главное затрудненіе состоитъ въ недостаткѣ воды, такъ и тутъ, на всемъ почти разстояніи отъ Хивы до Мерва [1]), Хивинцы принуждены были рыть колодцы на каждомъ привалѣ; 2,000 верблюдовъ пало въ степи отъ жажды. Походомъ этимъ предводительствовалъ самъ Алла-Кулъ [2]). Очень возможно, что походъ по «Замѣткѣ» и походъ по Борнсу былъ одинъ и тотъ же. Но слѣдуетъ замѣтить, что Туркмены, а Теке особенно, возмущались противъ Хивы очень часто.

---

[1]) Разстояніе это равно 15 переходамъ (Борнсъ).

[2]) «Путеш. въ Бухару» Борнса; ч. III, кн. 2, гл. IX.

Такъ въ 1839 г. Алла-Кулъ тоже предпринималъ походъ на нихъ, чтобы наказать за неповиновеніе [1]).

Войны эти велись Алла-Куломъ или съ цѣлію грабежа, или въ видахъ захвата здоровыхъ работниковъ для своего хотя и обширнаго [2]), но слабо населеннаго ханства. Такъ, напримѣръ, кочевавшее въ предѣлахъ Герата, въ числѣ 12,000 кибитокъ, племя Ямшидовъ (или Джемшидовъ) было до 7,000 кибитокъ уведено въ Хиву и поселено между Куня-Ургенчемъ и Манкытомъ. Походъ этотъ имѣлъ мѣсто въ концѣ 1839 г. и происходилъ подъ начальствомъ сына Алла-Кулова, Рахимъ-Кула, которому Данилевскій, совершенно неосновательно, приписываетъ титулъ инака [3]). Этого быть не могло потому, что инакомъ даже въ 1841 г. былъ братъ хана, Рахманъ-Кулъ [4]). Данилевскій называетъ Джемшидовъ родомъ Афганцевъ; но по описанію ихъ Ханыковымъ мы находимъ между ними нѣкоторое отличіе. Объ нихъ онъ сообщаетъ: «Палатки (Джемшидовъ) отличаются отъ палатокъ Афганъ и Белуджей тѣмъ, что они, какъ палатки Курдовъ, обтягиваются не грубой шерстяной тканью, называемою паласомъ, а тростниковыми покровами, перевитыми шерстью. Джемшиды говорятъ чисто по персидски, но чертами лица они невыгодно отличаются отъ западныхъ Иранцевъ. Большею частію носы ихъ вздернуты, ротъ великъ, губы толсты и некрасивы... Таджиковъ Джемшиды считаютъ первыми обладателями этихъ мѣстъ и хвалятся тѣмъ, что они завоевали у нихъ свои кочевья» [5]). Тамъ же говорится и о нападеніи на нихъ Хивинцевъ; только

---

[1]) «Статистич. обозрѣніе Персіи», стр. 324.

[2]) Вспомнимъ, что М. Рахимъ подчинилъ Хивѣ Мервъ, Серахсъ, Кунградъ и многіе Туркменскіе и Киргизскіе роды; а потому предѣлы ханства приняли такіе размѣры, какихъ Хива давно уже не имѣла.

[3]) «Описаніе Хивин. ханства», стр. 97.

[4]) «Посольство въ Хиву капит. Никифорова». См. дальше, стр. 329.

[5]) «Иранъ» К. Риттера, пер. *Н. В. Ханыкова*. Спб. 1874 г. стр. 310. Килевейнъ называетъ Джемшидовъ Тюркскимъ племенемъ (Этногра». Сборн. 1862 г. вып. 5. «Отрывокъ изъ Путеш. въ Хиву»).

походъ этотъ приписывается самому Алла-Кулу и отнесенъ, при этомъ, къ 1845—46 г., когда Алла-Кула не было уже въ живыхъ [1]).

Понятно, такимъ образомъ, что войны, съ подобною цѣлію предпринятыя, не могли быть ни упорны, ни кровопролитны и, при малѣйшемъ отпорѣ, хивинское войско обращалось вспять. И, дѣйствительно, по разсказу одного нашего плѣннаго, Якова Зиновьева [2]), мы можемъ судить о характерѣ такихъ войнъ. Онъ сообщаетъ намъ, что пушками у хана управлялъ астраханскій рыбакъ Василій Лаврентьевъ, получившій имя Биль-биль [3]). «Онъ зналъ немного плотничать; его и заставили сдѣлать на пушку колеса; а когда онъ сдѣлалъ колеса на пушку, такъ пожаловали его за это и въ пушкари, да велѣли учить другихъ; а онъ сроду у насъ чай и не видалъ пушки. А когда сходили въ походъ подъ Персіянъ, такъ ханъ его сдѣлалъ главнымъ начальникомъ артиллеріи. Подъ Персіянъ они ходили вотъ какимъ образомъ: ханъ набралъ тысячъ, какъ сказывали, съ 20 и подошли подъ городокъ Мавры; Биль-билю приказано было стрѣлять; онъ поставилъ четыре пушки свои на пригорокъ и началъ. Въ городѣ, въ глиняной стѣнѣ, вмазана была какая то пушка; Персіяне выстрѣлили изъ нея—никто и не видалъ куда ядро прошло,

---

[1]) Этотъ же годъ приведенъ Н. В. Ханыковымъ еще раньше, въ статьѣ его «Memiore sur la partie méridionale de l'Asie Centrale par Nicolas de Khanikoff; Paris 1862; p. 140.

[2]) Як. Зиновьевъ взятъ былъ въ плѣнъ въ 1831 году.

[3]) Упоминаетъ о немъ, между прочимъ, и Ан. Никитинъ: «прошедшую зиму (1829 г.) одинъ изъ плѣнниковъ русскихъ, по чину Биль-Булы, то есть, большой надъ пушками, вылилъ мѣдную пушку, которая, сказываютъ, стала хану въ три тысячи рублей; ее при первой стрѣльбѣ разорвало» (стр. 207). Въ 1840 году онъ, вмѣстѣ съ другими плѣнными, былъ отпущенъ въ Россію. Въ 1846 г. Василій Лаврентьевъ находился при постройкѣ Ново-Петровскаго укрѣпленія, гдѣ и умеръ: это была первая могила на Ново-Петровскомъ кладбищѣ. Въ плѣну пробылъ онъ около 22 лѣтъ (См. въ «Воен. Сборн.» 1863 г. кн. апрѣльскую, «Извлеченіе изъ отчета по устройству Ново-Петр. укрѣпл. въ 1846 г. *Иванина*, стр. 501, примѣч.).

да еще полно было ли оно, а хивинская армія наша разбѣжалась вся до одного человѣка. Биль-биль хватился лошадей, а уже ихъ распустили на подножный кормъ; Персіяне сдѣлали вылазку... на пушки кинуться не посмѣли и Биль-биль нашъ успѣлъ заложить лошадей и уѣхать. Вотъ нашъ ханъ какъ воюетъ»!

Тѣмъ не менѣе Алла-Кулъ счелъ себя въ правѣ увеличить и безъ того пышные свои титулы новымъ, именно титуломъ падшаха. Съ такимъ титуломъ мы и имѣемъ монету его уже 1247 (1831—2) г. [1]).

Въ ханствованіе Алла-Кула наши отношенія къ Хивѣ сдѣлались крайне натянутыми. Его вмѣшательство въ дѣла Киргизовъ и захватъ нашихъ плѣнныхъ вызвали съ нашей стороны мѣры самыя энергичныя. Вмѣшиваться въ дѣла Киргизовъ Алла-Кулъ началъ вскорѣ же по вступленіи на ханство. Въ 1827 г. ханъ Ширгазы Айчуваковъ, послѣ того какъ не успѣлъ взволновать степь, удалился въ Хиву, выдалъ тамъ дочь свою замужъ за Алла-Кула и просилъ помощи, чтобы привесть Киргизовъ къ повиновенію. Алла-Кулъ послалъ въ степь сборщиковъ податей и писалъ къ Киргизамъ, чтобы они повиновались Ширгазы-хану, въ противномъ случаѣ грозилъ придти съ войскомъ и разсорить ихъ [2]). Угрозы эти не имѣли успѣха потому, можетъ быть, что Алла-Кулъ вступился за ненавистнаго Киргизамъ хана. Ширгазы оставался въ Хивѣ до 1830 г., когда, не поладивъ съ Алла-Кулом, вернулся въ степь. Успѣшнѣе для Алла-Кула была попытка, въ началѣ 30-хъ годовъ, подчинить себѣ Киргизовъ Адаевцевъ при посредствѣ Туркменъ. Адаевцы не въ силахъ были бороться съ этимъ непріятелемъ, и большая часть изъ нихъ поддалась Хивѣ [3]). Особенно плохо приходилось тѣмъ Киргизамъ, которые коче-

---

[1]) «Монеты Бух. и Хив.», стр. 444.
[2]) *Мейеръ*, «Киргизская степь», 44.
[3]) Тамъ же, 47.

вали вблизи хивинскихъ предѣловъ; устранить или ослабить вліяніе на нихъ Хивы не представлялось никакой возможности. Другой вопросъ, вопросъ о плѣнныхъ, еще болѣе долженъ былъ вызвать насъ на самыя крутыя мѣры. На наше требованіе освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ Хивѣ, они не только не освобождались, но захватъ ихъ еще усилился. Этихъ плѣнныхъ доставляли въ Хиву Туркмены, которые, пользуясь безпечностію нашихъ рыбаковъ на Каспійскомъ морѣ, захватывали ихъ по нѣскольку десятковъ ежегодно. Чтобы обезпечить себя съ этой стороны, Россія давно добивалась построить укрѣпленіе на восточномъ берегу Каспійскаго моря [1]). Такое укрѣп-

---

[1]) Мы видѣли, что попытка укрѣпиться на восточ. берегу Каспійскаго моря, начавшаяся при Петрѣ Великомъ, кончилась неудачей: по нездоровости климата и недостатку припасовъ пришлось оставить построенныя уже крѣпости. Съ половины прошлаго столѣтія (именно въ 1745 г.) Туркмены сами начали просить о построеніи крѣпости на берегу моря. Депутаты ихъ отпущены были безъ всякаго рѣшенія, хотя правительство наше еще съ 1744 г. пріискивало удобное мѣсто для постройки крѣпости. Главное затрудненіе къ приведенію въ исполненіе этой мѣры заключалось въ недостаткѣ прѣсной воды по всему восточному берегу Каспійскаго моря. Далѣе, Бланкеннагелю поручалось добиться согласія хивинскаго правительства на построеніе крѣпости на Мангышлакѣ; но онъ, по извѣстнымъ намъ причинамъ, вопроса этого не поднималъ. Затѣмъ въ 1798 году Мангышлакскіе Туркмены присылали въ Астрахань депутацію просить о построеніи крѣпости на Тюпъ-Караганскомъ мысу; но опять безъ всякихъ послѣдствій. Таже просьба возобновилась въ 1802 г. Въ 1819 году Ермоловъ (главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ), отправляя для осмотра вост. бер. Касп. моря маіора Пономарева и капитана Муравьева, поручилъ имъ пріискать мѣсто для устройства пристани. Выборъ ихъ остановился на двухъ пунктахъ: на Серебряномъ Бугрѣ, близъ устья р. Гюргени, и на Балханскомъ заливѣ у Красноводска. Вслѣдствіе этого, въ 1821 г., и была отправлена экспедиція подъ начальствомъ того же Муравьева для обозрѣнія Балханскаго залива. Но выбранное имъ на Красноводской косѣ мѣсто признано было для построенія крѣпости неудобнымъ. Въ 1832 г. Оренбург. ген.-губ. графъ Сухтеленъ поручилъ Карелину обозрѣть сѣверо-восточ. берегъ Касп. моря для выбора мѣста для крѣпости. Это мѣсто и было выбрано имъ при заливѣ Мертвомъ Култукѣ, гдѣ въ 1834 году и возведено было Ново-Александровское укрѣпленіе. Но скоро оказалось, что выборъ мѣста былъ неудаченъ, а потому въ 1845 году возведено было на мысѣ Тюпъ-Караганѣ другое, Ново-Петровское укрѣпленіе; а Ново-

леніе и было заложено въ 1834 г. при заливѣ Мертвомъ Култукѣ; это было *Ново-Александровское* укрѣпленіе [1]). Но скоро оказалось, что мѣсто выбрано было неудобное и укрѣпленіе не имѣло никакого вліянія на Туркменъ. Другая мѣра, ассигнованіе постоянной суммы для выкупа плѣнныхъ нашихъ изъ неволи,—имѣть успѣха не могла. Помимо того, что такая мѣра давала поводъ ханамъ хивинскимъ считать себя недоступными для вооруженной силы и развивала бы алчность хивинцевъ, она была и несовмѣстна съ достоинствомъ Россіи; а потому скоро оставлена; но все-таки сумма была ассигнована въ размѣрѣ 3,000 р. въ годъ [2]) и, въ 1826 г., въ коммисіи такихъ денегъ находилось 21,289 р. [3]). Но суммы этой было, конечно, недостаточно. Вслѣдъ затѣмъ пущены были въ ходъ переговоры; а когда переговоры, какъ и слѣдовало ожидать, не повели ни къ чему,—предприняты были другія уже мѣры [4]). Въ 1836 г., по Высочайшему повелѣнію,

---

Александровское, въ октябрѣ 1845 г., было упразднено. Какъ мало значила эта крѣпость, можно судить потому, что въ 1836 г., напримѣръ, понадобилось, для наказанія Адаевцевъ за грабежи, предпринять смѣлую и опасную экспедицію по льду. (См. *Е. П. Ковалевскаго* «Странствователь по сушѣ и морямъ». Спб. 1871 г. стр. 102—114. «Топограф. и Статист. описаніе Каспійск. моря» *И. Ф. Блярамберга*, въ Зап. Геогр. Общ. кн. IV, стр. 96—105). Но и это укрѣпленіе никакого вліянія на Туркменъ, по отдаленности отъ ихъ кочевокъ, не имѣло («Путевыя Замѣтки Бланкеннагеля»; примѣчаніе 9).

[1]) Когда построено было Ново-Александровское укрѣпленіе, Алла-Кулъ, по увѣренію плѣнныхъ, рѣшился тоже возвести укрѣпленіе на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Ташъ-Гаусъ (*Иванинъ*, «Хива и рѣка Аму-Дарья». Спб. 1873 г. стр. 36). И дѣйствительно, посольство Данилевскаго проѣзжало мимо этой крѣпости, заложенной въ 1835 году (См. *Базинера* «Путеш. въ Хиву», стр. 106).

[2]) «Воен. Сборн.» 1863 г. кн. I, «Походъ въ Хиву въ 1839 г. подъ нач. Перовскаго».

[3]) *Мейеръ*, «Киргизская степь», 45.

[4]) Подробности, какъ о переговорахъ за это время, такъ и о походѣ 1839—40 годовъ находятся у *г. Залѣсова*, въ статьѣ его «Посольство въ Хиву капитана Никифорова» («Воен. Сборн.» 1861 г. XXII т.), и въ статьѣ составленной *Иваниным*ъ «Походъ въ Хиву 1839 г. подъ нач. Перовскаго» и помѣщенной *Д. Голосовым*ъ въ «Воен. Сборн.» 1863 г. №№ 29 и 30. Самимъ Иваниным*ъ* издана книга «Описаніе зимняго похода въ Хиву 1839—1840 г.» Спб. 1874 г. Кромѣ того, свѣдѣнія о походѣ имѣются въ «Письмахъ» Даля изъ

всѣ хивинскіе подданные, находившіеся въ Россіи, были арестованы, ихъ имущества и товары секвестрованы, а хану, отъ имени Государя, ген.-ад. Перовскій отправилъ письмо [1]), въ которомъ требовалъ: немедленно выслать всѣхъ русскихъ подданныхъ, находящихся въ его ханствѣ, не поощрять грабежей и разбоевъ, не вмѣшиваться въ управленіе киргизскаго народа и дать Русскимъ подданнымъ тѣ же права, какими Хивинцы пользуются въ Россіи. Въ заключеніе доводилось до свѣдѣнія хана, что до исполненія всѣхъ этихъ требованій никакое хивинское посольство не будетъ принято и никакіе переговоры не будутъ имѣть мѣста. Результатомъ этой мѣры для Хивы было страшное вздорожаніе тамъ привозныхъ товаровъ, которые поднялись въ цѣнѣ въ-двое, въ-трое; а мѣстные продукты во столько же разъ подешевѣли; напримѣръ, хлопчатая бумага [2]). Ханъ отвѣчалъ уклончиво, тянулъ время, и только въ 1837 году прислалъ 25 человѣкъ плѣнныхъ и значительные подарки. Но подарки приняты не были, купцы изъ-подъ ареста не освобождены и прежнія требованія повторены были съ большей настойчивостью. Прошло еще два года, и ханъ прислалъ, 18-го сентября 1839 г., 80 человѣкъ плѣнныхъ и нѣсколько писемъ, полныхъ раскаянія; но, въ то же время, грабежи на Каспійскомъ морѣ усилились [3]). Этимъ усиленнымъ захватомъ плѣнныхъ хивинцы имѣли въ виду обмѣнять на своихъ соотечественниковъ, задержанныхъ въ Оренбургѣ.

похода (въ Русскомъ Архивѣ 1867 г.); у *М. Н. Галкина* въ статьѣ: «Этнографическіе и Историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю»; въ «Приложеніяхъ» къ III выпуску сборника «Русскій Туркестанъ», 1872 г., въ статьѣ «Хивинская экспедиція 1839 года» (въ «Русской Старинѣ» 1873 г. т. VII).

[1]) Письмо отъ 18 сентября 1836 г. («Посольство въ Хиву Никифорова»).

[2]) Отрывокъ изъ письма С. П. изъ Оренбурга, отъ 30 сентября 1840 г. («С.-Петерб. Вѣдомости» 1840 г. № 237).

[3]) *Зыковъ*, «Хивинскія дѣла»; *Зальцовъ*, «Посольство кап. Никифорова».

Такимъ образомъ необходимость требовала предпринять походъ въ Хиву. Предпринимая его, правительство хорошо знало всю трудность подобнаго похода. Ничего не было легче взять Хиву и наказать Хивинцевъ; но добраться-то до нея, по безводнымъ и знойнымъ степямъ, представлялось подвигомъ великимъ. Отряду предстояло выдержать борьбу сперва съ природой, испытать всѣ лишенія отъ недостатка воды и потомъ уже встрѣтиться съ непріятелемъ. Это-то обстоятельство и подало поводъ нашему правительству воспользоваться мыслью лорда Веллингтона—предпринять походъ въ Хиву зимою, когда, казалось, воду съ удобствомъ можно будетъ замѣнить снѣгомъ; но вопросъ о дровахъ разсуждался, какъ видно, очень поверхностно [1]).

И вотъ, осенью 1839 г., обнародована была въ Оренбургѣ декларація о причинахъ и цѣли военныхъ дѣйствій противъ Хивы [2]), а вслѣдъ затѣмъ, 19-го ноября того же года, выступили изъ Оренбурга передовыя колонны отряда, отправлявшагося въ Хиву подъ начальствомъ ген.-ад. Перовскаго. Весь отрядъ состоялъ изъ 5,217 человѣкъ, при 22-хъ орудіяхъ и 4-хъ ракетныхъ станкахъ.

Какъ бы на зло предпріятію, зима съ 1839 на 40 годъ была необыкновенно холодная; морозы доходили до 40 градусовъ. И люди, и скотъ, барахтаясь по колѣно въ снѣгу, выбивались изъ силъ и впередъ подвигались очень медленно. Скоро началась въ отрядѣ страшная смертность. Тогда стало ясно, что если съ принесеніемъ большихъ жертвъ и при удивительной выносливости русскаго солдата и можно было бы добраться до Хивы, то при страшномъ

---

[1]) Едва ли не напрасно приписываемъ мы мысль о зимнемъ походѣ лорду Веллингтону. Эта мысль высказана была раньше и высказана у насъ митрополитомъ Хрисанѳомъ въ его «Объясненіи». Вотъ что онъ писалъ: зимою удобнѣе идти въ Хиву «для того, что зимою удобно доставать воду отъ падающихъ снѣговъ, лѣтомъ же земля сія вся почти безводна».

[2]) «Посольство въ Хиву Никифорова», и «Походъ въ Хиву въ 1839 году» (кн. февр. «Воен. Сбор.» 1863 г.).

падежѣ верблюдовъ (иногда до 100 въ день) отрядъ будетъ лишенъ продовольствія, котораго не кѣмъ будетъ поднять [1]). Тогда-то Перовскій отдалъ на Акъ-булакскомъ укрѣпленіи приказъ (отъ 1-го февраля 1840 г.) собираться въ обратный путь [2]).

Замѣтимъ здѣсь, что М. И. Иванинъ, участвовавшій въ этомъ походѣ, неудачу его приписываетъ не столько зимнимъ морозамъ, сколько дурной распорядительности, интригамъ нѣкоторыхъ честолюбцевъ (Никифорова въ особенности) и воровству завѣдывавшихъ хозяйственною частью лицъ [3]). Эти причины, конечно, должны были дурно отозваться на предпріятіи; но не надо забывать, что зимніе походы и по населеннымъ-то мѣстностямъ требуютъ большихъ жертвъ; а что же слѣдуетъ сказать про зимніе *степные* походы? А то, что едва ли они возможны.

Такимъ образомъ и на этотъ разъ Хива была спасена отъ опасности ей грозившей. Въ память избавленія своего ханства Алла-Кулъ построилъ въ городѣ медресе [4]).

Неудача этого похода не заставила однако русское правительство отказаться отъ новой попытки, освободить плѣнныхъ, страдавшихъ въ Хивѣ. Между тѣмъ, въ самой Хивѣ застой въ дѣлахъ отзывался самымъ неблагопріятнымъ образомъ на народномъ благосостояніи; въ то же время до Хивы стали доходить слухи о новыхъ приготовленіяхъ съ нашей стороны къ вторичному походу. Тогда устрашенный Алла-Кулъ рѣшился выслать въ Россію всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, находившихся въ Хивѣ. Лѣтомъ, 1840 года, при-

---

[1]) Изъ 10,400 верблюдовъ дошло до Акбулакскаго укрѣпленія (недалеко отъ подножій Усть-урта) только 5188. А изъ отряда къ 1 февралл убавилось 758 человѣкъ («Воен. Сбор.» 1863. март. кн. стр. 48—49). Во весь походъ умерло 1054 челов. (тамъ же, стр. 62).

[2]) Тамъ же, стр. 48—49. При Акъ-булакскомъ укр. шайка хивинцевъ произведа нападеніе на отрядъ; но была отбита (Тамъ же; см. еще *Е. П. Ковалевскаго* «Странствователь по сушѣ и морямъ»).

[3]) Воен. Сбор. 1863 г. март. книжка, «Замѣтка» Иванина.

[4]) *Вамбери*, «Очерки Средней Азіи», стр. 307.

былъ въ Оренбургъ изъ Хивы посланецъ Ата-Ніязъ-Ходжа, а съ нимъ 418 человѣкъ плѣнныхъ и содержавшійся тамъ офицеръ Аитовъ [1]); а вслѣдъ за тѣмъ при особомъ караванѣ присланы были съ особымъ посланцемъ еще 5 человѣкъ русскихъ и 2 калмыка, пожелавшихъ вернуться на родину [2]). На этотъ разъ ханъ дѣйствовалъ, значитъ, искренно. Вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ издалъ (18 іюля) фирманъ, которымъ Хивинцамъ запрещалось производить набѣги на русскія владѣнія и покупать русскихъ плѣнныхъ [3]).

[1]) Аитовъ взятъ былъ въ плѣнъ во время похода 1839 г. Въ декабрѣ этого года онъ былъ отправленъ къ Киргизамъ кочующимъ вдоль сѣверо-восточ. берега Касп. моря, для найма и доставки верблюдовъ въ Эмбенское укрѣпленіе, подъ экспедиціонный отрядъ Перовскаго. 12 января 1840 г. былъ захваченъ шайкою враждебныхъ Киргизовъ, а въ февралѣ отведенъ чрезъ Ибрагимъ-Ата и Старый Ургенчъ въ Хиву, куда и прибылъ 4 марта 1840 г. Пребываніе его въ Хивѣ продолжалось до конца іюля, когда онъ вмѣстѣ съ другими русскими плѣнными отпущенъ былъ въ Россію. По возвращеніи онъ представилъ Перовскому свои замѣтки о Хивин. ханствѣ. Отзывъ о нихъ Оренбургскаго ген.-губернатора очень нелестный. См. «Посольство Никифорова въ Хиву»; а также географич. «Извѣстія» 1849 г. стр. 240—242.

[2]) *Зыковъ*, «Хивинскія дѣла».

[3]) Замѣчательно, что эмиръ Бухарскій былъ тогда въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіей и не оказалъ хану хивинскому просимой помощи: «сами наварили, сами и расхлебывайте; а я изъ за васъ ссориться съ бѣлымъ царемъ не стану»—такъ характерно передаетъ отвѣтъ эмира Яковъ Зиновьевъ. Но за то услуги явились съ другой стороны: со стороны Англіи. Наши приготовленія къ войнѣ съ Хивою показались въ Европѣ желаніемъ съ нашей стороны овладѣть Индіею. Англія забила тревогу и сейчасъ же поспѣшила выставить войска свои въ отпоръ могущему произойти нападенію: 18,000 человѣкъ двинула она черезъ Гайдерабатъ и Кандагаръ въ Кабулъ. Отвѣтомъ ей была кабульская рѣзня (жертвою которой палъ, между прочимъ, и Борнсъ). Въ тоже время англійское правительство отправило въ Хиву сперва капитана Аббота (1839 г.), а вслѣдъ за нимъ капитана Шекспира (1840). Въ Хиву явились они какъ непрошенные примирители Россіи съ Хивой и въ качествѣ таковыхъ, за ненадобностію, были высланы оттуда. Результатомъ этихъ путешествій явилось «описаніе» Аббота пути отъ Герата до Хивы, а оттуда въ Москву и Петербургъ (Narrative of a journey, etc. London 1843) и пустой «журналъ» Шекспира (въ «Blockwood Magazine, 1842). Этимъ агентамъ поручено было уговорить хана освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, и усердіе Аббота въ этомъ дѣлѣ дошло до того, что онъ предлагалъ Алла-Кулу выкупить всѣхъ нашихъ плѣнныхъ; но такъ какъ денегъ онъ не имѣлъ, то ханъ вытолкалъ его пинками вонъ изъ своей кибитки. Равнымъ образомъ и не

Такимъ образомъ, Россіи не было уже надобности прибѣгать къ силѣ оружія. Государь велѣлъ допустить въ Петербургъ хивинскаго посланца, освободить хивинскихъ купцовъ, возвратить имъ товары и отпустить на родину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣно было возобновить съ Хивою торговыя сношенія, а на счетъ другихъ условій, войти съ хивинскимъ правительствомъ въ переговоры [1]). Все это и послужило удобнымъ предлогомъ къ отправленію въ Хиву посольства, какъ для изъявленія Алла-Кулу удовольствія Государя за отпускъ плѣнныхъ, такъ и для составленія акта, которымъ установились бы наши отношенія къ Хивѣ. Посольство рѣшено было послать разомъ и въ Хиву, и въ Бухару, и въ Коканъ. Въ Бухару отправленъ былъ горный инженеръ маіоръ Бутеневъ, а въ Хиву—генеральнаго штаба капитанъ Никифоровъ [2]).

На Никифорова возложено было: принять мѣры къ предупрежденію на будущее время возобновленія несогласій Хивы съ Россіею и къ обезпеченію безопасности россійскихъ

вслѣдствіе настоящій Шекспира плѣнные были освобождены. Странно поэтому читать въ русскихъ книгахъ будто хивинскій ханъ, *убѣжденный доводами* англійскихъ агентовъ, исполнилъ наше требованіе *(Мейеръ*, «Киргизская степь», 56). Мало ли что могъ нахвастать англійскій офицеръ; а намъ, какъ близко знакомымъ съ дѣломъ, не-слѣдъ повторять это хвастовство. Да и едва ли бы ханъ сталъ защищаться противъ нашего отряда. Изъ разсказовъ плѣнныхъ нашихъ мы знаемъ, что, отправивъ войско противъ отряда, самъ онъ слегъ отъ страха въ постель и денно и нощно молился о своемъ спасеніи. (Чтенія И. Моск. Общ. Исторіи и Древн. 1860, кн. I., стр. 157). Во всякомъ случаѣ убѣжденіе въ недосягаемости Хивы для русскаго оружія было очень и очень поколеблено. Это можетъ быть и было причиною что Алла-Кулъ въ 1842 г. построилъ вокругъ Хивы вторую стѣну, наружную («Опис. Хив. ханства», стр. 112).

[1]) Печатное объявленіе по Оренб. краю г.-а Перовскаго отъ 30 сентября 1840 г. («Посол. въ Хиву Никифорова»).

[2]) Никифоровъ участвовалъ въ походѣ 1839—40 годовъ. Біографическія о немъ подробности помѣщены г. Залѣсовымъ въ статьѣ «Посол. въ Хиву Никифорова» стр. 55. Посольство это описано имъ по документамъ архива генеральнаго штаба Оренбургскаго Корпуса, частію по письмамъ самого Никифорова къ разнымъ лицамъ.

торговцевъ. Эта общая мысль заключала въ себѣ слѣдующія частности: 1) уничтоженіе рабства и плѣненія Русскихъ и обезпеченіе ихъ личности и имуществъ въ Хивинскомъ ханствѣ; 2) ограниченіе незаконнаго вліянія Хивы на кочевыя племена, издревле поступившія въ подданство Россіи, и 3) обезпеченіе торговли нашей, какъ съ Хивою, такъ и съ сосѣдственными владѣніями. Въ тоже время Перовскій возлагалъ на посла собрать топографическія и стратегическія свѣдѣнія о ханствѣ [1]), и добиться признанія восточнаго берега Каспійскаго моря до устья р. Гюргени принадлежащимъ Россіи [2]). Въ заключеніе Перовскій настаивалъ на составленіе письменнаго акта.

Обѣ миссіи (въ Хиву и въ Бухару), выступили 3 мая 1841 года, а 9 августа Никифоровъ прибылъ въ Хиву [3]).

Но переговоры имъ веденные не имѣли никакого благопріятнаго исхода. Ханъ не соглашался ни уравнять пошлины, взимаемыя съ нашихъ купцовъ со своими купцами, ни уступить восточное побережье Каспійскаго моря Россіи, ни отказаться отъ вмѣшательства въ дѣла Киргизовъ Меньшой и Средней Орды. Самый способъ Алла-Кула вести переговоры не могъ не раздражать Никифорова: каждая аудіенція кончалась тѣмъ, что ханъ убѣждаясь, казалось, доводами Никифорова, соглашался принять его предложенія;

---

[1]) Неудача зимняго похода заставляла дѣйствовать впередъ осмотрительнѣе. А мысль о новомъ походѣ занимала въ то время многихъ лицъ, окружавшихъ Перовскаго.

[2]) Для прекращенія захвата Туркменами нашихъ рыбопромышленниковъ предполагалось образовать на Каспійскомъ морѣ гребную флотилію для осмотра береговъ и истребленія лодокъ Туркменъ. Такое дѣйствіе Хива могла принять за непріязненныя нападенія, а потому Русское правительство и требовало со стороны Хивы признанія восточнаго берега на 15 или 20 верстъ въ глубину степи принадлежащимъ Россіи. (Воен. Сбор. 1861 г. XXII, 75).

[3]) Его сопровождали: Аитовъ (котораго Перовскій хотѣлъ сдѣлать русскимъ торговымъ агентомъ въ Хивѣ), два топографа, 12 уральскихъ казаковъ и 10 человѣкъ киргизовъ. Съ миссіей возвращался на родину и посланецъ хивинскій Атаніязъ-Ходжа, со свитою. Для покрытія расходовъ выдано было примѣрно на 6 мѣсяцевъ 2650 червонцевъ.

но на слѣдующей аудіенціи показывалъ видъ, будто все забылъ, и дѣло приходилось начинать опять снова. Наконецъ, Никифоровъ, выведенный изъ себя, произнесъ на аудіенціи, у хана (11 сентября), грозную рѣчь и вручилъ ему декларацію Оренбургскаго генералъ-губернатора [1]). Рѣчь произвела неожиданное дѣйствіе; ханъ обѣщался исполнить требованія Никифорова; но просилъ пробыть въ ханствѣ еще 25 дней, когда онъ вернется съ охоты, на которую намѣревался отправиться [2]), и приглашалъ даже и посла съ собою. Но тотъ по болѣзни [3]) воспользоваться этимъ

---

[1]) Содержаніе ея слѣдующее: 1) «Всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей между Киргизами, кочующими по сѣверную сторону рѣки Сыра, будетъ преданъ смерти, какъ нарушитель мира». 2) «Всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей съ Киргизовъ, кочующихъ въ Барсукахъ на р. Эмбѣ, на берегахъ моря въ урочищѣ Кай-Кунакты и по берегамъ залива Карасу и на сѣверныхъ частяхъ Чинка, будетъ преданъ смерти, какъ нарушитель мира». 3) «Всякій хивинскій подданный, являющійся въ аулы Киргизовъ, принадлежащихъ Россійской Имперіи, съ намѣреніемъ нарушить спокойствіе оныхъ, будетъ схваченъ и преданъ смерти». (стр. 74). Этотъ послѣдній пунктъ былъ особенно важенъ, такъ какъ вскорѣ по выѣздѣ Никифорова изъ Оренбурга, появился между Киргизами, кочующими по сѣверной окраинѣ Усть-урта и по р. Уилу, хивинскій чиновникъ Карали-мяхремъ. Онъ былъ посланъ ханомъ для разбора разныхъ ссоръ между родами алимулинскимъ, байулинскимъ и табынскимъ, и привезъ къ нимъ грамоту отъ хана. Чиновникъ этотъ былъ схваченъ и потомъ переданъ Никифорову для доставленія въ Хиву. (Стр. 54).

[2]) Охота въ тоже время и объѣздъ ханства.

[3]) Никифоровъ страдалъ аневризмомъ, отъ котораго и умеръ 27 января 1842 г., въ селѣ Новоспаскомъ, Симбир. губ., на пути въ Петербургъ, куда онъ ѣхалъ для личнаго доклада Перовскому, не заставъ его въ Оренбургѣ. Этимъ болѣзненнымъ состояніемъ объясняется поведеніе въ Хивѣ Никифорова. Его обращеніе съ хивинскими чиновниками довольно поучительно. Самые важные изъ нихъ тряслись со страха, подходя къ кибиткѣ посла, и ни одинъ не смѣлъ войти къ нему безъ доклада. Нарушившій такое правило выталкивался вонъ съ посольскаго двора. Во время посольства въ Хиву Игнатьева (въ 1858 г.) память о Никифоровѣ сохранялась еще у Хивинцевъ. Нашимъ чиновникамъ этой миссіи сказывали, что хивинцы пугали имъ дѣтей, когда они плакали и тѣ переставали плакать. («Очеръ дипломат. сношеній Россіи съ Бухарой» *Зальсова*. Воен. Сборн. 1862 г. № 10). Къ сожалѣнію, у насъ въ Туркестанскомъ краѣ принятъ нынѣ совсѣмъ другой способъ въ

не могъ и остался дожидаться возвращенія хана. Между тѣмъ, впечатлѣніе, произведенное рѣчью Никифорова, уже разсѣялось, и ханъ, вернувшійся (9 октября) съ охоты, отказался исполнить требованія посла. Тогда Никифоровъ рѣшился возвратиться въ Россію. Ханъ согласился исполнить одну только просьбу: оставить въ Хивѣ русскаго агента, каковымъ и былъ признанъ Аитовъ. Но какъ только Никифоровъ удалился изъ Хивы (27 октября), Аитову было объявлено, что ханъ не согласенъ на его въ Хивѣ пребываніе. Его не пустили ни въ какое другое ханство [1]), а попросили отправиться обратно въ Россію. Аитовъ догналъ миссію на Айбугирѣ.

Такимъ образомъ, посольство это не достигло никакихъ благопріятныхъ результатовъ; обогатились только свѣдѣнія наши о пути въ Хиву, да о самомъ ханствѣ. Работы топографовъ доставили маршруты, планы и путевые журналы. Снято было около 3,000 верстъ протяженія [2]). Эти маршруты послужили основаніемъ для карты Хивы изданной въ Берлинѣ въ 1845 г. Циммерманомъ, подъ именемъ Базинеровской, а потомъ приложенной Базинеромъ къ его путешествію [3]).

Едва ли когда либо наши отношенія къ Хивѣ были такъ хороши, какъ въ началѣ 40-хъ годовъ. Ѳедоръ Пичугинъ, въ письмѣ изъ Оренбурга, отъ 15 іюля 1841 г., говоритъ, что Хивинцы оказали нашему каравану радушія

обращеніи съ туземцами, и едва ли не придется намъ въ этомъ со временемъ раскаяться. Только страхомъ можно дѣйствовать на Азіатцевъ: это печально, да и не въ нашемъ характерѣ, но это необходимо. Тѣ, кого мы ласкаемъ, благодѣтельствуемъ, кому оказываемъ почести — тѣ-то и будутъ наши первые враги, представься только случай.

[2]) При отъѣздѣ миссіи, Аитову поручено было отправиться въ Бухару и оттуда, если удастся, съѣздить въ Коканъ и потомъ возвратиться къ своему посту (стр. 79).

[2]) Тамъ же. См. кромѣ того «Пояснит. Записку» *Я. В. Ханыкова* (стр. 337), гдѣ перечислены маршруты, приведенные въ извѣстность Никифоровымъ.

[3]) «Пояснит. Записка», стр. 337.

больше всѣхъ, что товаръ распроданъ въ Хивѣ выгоднѣе, чѣмъ въ другихъ владѣніяхъ, «только большой торговли имѣть нѣтъ способовъ» — прибавляетъ Пичугинъ. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ, что ходъ въ Хиву еще безопаснѣе чѣмъ въ Бухару, «кто какъ успѣлъ, такъ туда и ѣдетъ, безъ всякой опасности» [1]).

Переговоры, начатые Никифоровымъ, не могли быть оставлены. Хотя Никифоровъ и писалъ, что ханъ и его сановники чужды всякаго понятія о политическихъ переговорахъ и даже не могутъ понять слова: «уполномоченный»; тѣмъ не менѣе, осенью 1842 г., отправлена была другая миссія, подъ начальствомъ подполковника Г. И. Данилевскаго [2]). Миссія эта отправилась изъ Оренбурга въ началѣ августа 1842 г., и въ сентябрѣ вступила въ область Хивинскаго ханства. Въ Ташгаузѣ пришлось ей ждать цѣлый мѣсяцъ, пока вернется ханъ изъ похода, предпринятаго имъ на Бухару [3]).

Дорогой (вскорѣ за городомъ Амбаромъ), присоединился къ миссіи караванъ военноплѣнныхъ, захваченныхъ въ бухарскихъ городахъ. Это были большею частію старики, женщины и дѣти; нѣкоторые ѣхали на верблюдахъ, другіе на лошадяхъ и ослахъ, а больше шли пѣшкомъ. Къ этимъ послѣднимъ принадлежали полунагіе мальчики отъ 8 до 12 лѣтъ и многочисленныя женщины, несшія на рукахъ грудныхъ дѣтей своихъ [4]).

---

[1]) С.-Петерб. Вѣдом. 1841 г. № 185, 248.

[2]) Къ этому посольству присоединился, въ качествѣ естествоиспытателя, натуралистъ Базинеръ. Посольство Данилевскаго описано г. Залѣсовымъ (въ Воен. Сборникѣ на 1866 г. № 5) и Базинеромъ въ его «Путешествіи въ Хиву».

[3]) Въ началѣ своего ханствованія Алла-Кулъ, какъ видно, не предпринималъ походовъ въ Бухару, и не мудрено: шутить съ Насръ-Уллою было опасно. По крайней мѣрѣ Борнсъ, посѣтившій Бухару въ 1832 году, говоритъ, что по смерти Мухаммедъ-Рахима между Хивою и Бухарою наступили миръ и согласіе. («Путешествіе въ Бухару» ч. III, кн. 2, гл. IX).

[4]) Женщины и дѣти берутся въ плѣнъ въ надеждѣ получить выкупъ съ мужей и отцовъ ихъ.

Въ этомъ походѣ участвовалъ, въ качествѣ начальника артиллеріи, русскій плѣнный Сергѣй. Онъ сказывалъ потомъ Базинеру, что поводомъ къ этому походу послужила просьба Коканцевъ у Алла-Кула помощи противъ Насръ-Уллы, въ то время, когда онъ пошелъ войною въ Коканъ. Алла-Кулъ и не упустилъ такого удобнаго случая къ грабежу. Собралъ онъ войско отъ 15 до 20 тысячъ и, въ началѣ сентября, вторгнулся въ предѣлы Бухары. Небольшая крѣпость Ильджикъ была взята Хивинцами; но осада Чарджуя, подъ начальствомъ сына ханова Рахимъ-Кула, длилась безуспѣшно цѣлый мѣсяцъ. Когда эмиръ узналъ, что дома дѣла обстоятъ не совсѣмъ благополучно, онъ отрядилъ противъ Хивинцевъ часть войска. Хивинцы непріятеля не ожидали и, увидавъ его, поспѣшно отступили назадъ, за Аму-Дарью. Полъ-дня и цѣлую ночь простояли оба войска одно противъ другаго. Ханъ время отъ времени приказывалъ стрѣлять изъ пушекъ въ непріятеля; но ядра не хватали на противоположный берегъ. На утро Хивинцы снялись съ позиціи и потянулись къ Хивѣ довольные своей добычей. Такъ передаетъ дѣло Базинеръ [1]).

Изъ другаго источника, именно, изъ распросныхъ свѣдѣній о Коканскомъ ханствѣ, собранныхъ В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ, причина похода Хивинцевъ приводится та же самая: просьба Коканцевъ о помощи противъ Насръ-Уллы. Бухара лишилась въ этотъ походъ нѣсколько тысячъ семействъ. Семейства эти были поселены около Ургенча и имъ дана была десятилѣтняя льгота относительно податей. Въ первый разъ зекятъ собранъ былъ съ нихъ въ 1853 году [2]).

Русскіе плѣнные, (освобожденные изъ Бухары въ 1858 году) разсказываютъ и о набѣгахъ на бухарскія владѣнія

---

[1]) Naturwissenschaftliche Reise nach Chiwa. S. 115—116.

[2]) «Историческія извѣстія о Коканскомъ ханствѣ.» Спб. 1856 г. (А также Труды Вост. отд. Арх. Общ. II, 342 — 3).

Алла-Кула и о походахъ Насръ-Уллы въ Хиву. Иванъ Ненилинъ сказывалъ, что онъ сдѣлалъ два похода противъ Хивинцевъ; въ тѣхъ же походахъ участвовали Корнило Суворовъ и Ѳедоръ Федотовъ. Первый походъ эмира противъ Хивы, происходилъ осенью 1841 г.; а второй въ 1842 г., въ такое же время. Въ первый разъ Насръ-Улла простоялъ у Аму-Дарьи 4 дня, производя въ это время перестрѣлку съ Хивинцами, расположенными на противоположномъ берегу, и послѣ того вернулся въ Бухару. Во второй разъ эмиръ простоялъ при Аму-Дарьѣ всего два дня.

О набѣгѣ Хивинскаго хана разсказываютъ они, что въ 1840 году (невѣрно: въ 1842 году), Алла-Кулъ перешелъ черезъ Аму, когда эмиръ ходилъ на Коканъ, и страшно опустошилъ многія бухарскія селенія. Захваченные плѣнные поселены были въ окрестностяхъ Куня-Ургенча. Въ этотъ же походъ Алла-Кулъ разорилъ городъ Каракуль и только на 32 версты не дошелъ до Бухары. Кромѣ того, тѣ же плѣнные сообщаютъ, что Бухарскій эмиръ, весною 1841 г., ходилъ осаждать Гезараспъ; изъ русскихъ въ походѣ этомъ никто не участвовалъ [1]); но по разсказамъ самихъ Бухарцевъ, походъ кончился неудачно. Эмиръ переправился ниже Чарджуя. Его конница, отправленная опустошать Хиву, была разбита; самъ онъ, не взявъ крѣпости, послѣ 10-дневной осады, пошелъ обратно за рѣку и при томъ съ такою поспѣшностію, что кавалерія не успѣла присоединиться къ нему и была уничтожена Хивинцами [2]). Мы утвердительно можемъ сказать, что ни въ 1841 году, ни въ 1842-мъ, Насръ-Улла не подступалъ къ Гезараспу; а потому слѣдуетъ предположить что наши разскащики ошиблись, тѣмъ болѣе, что сами въ походѣ не уча-

---

[1]) Въ то время Насръ-Улла разсердился на Русскихъ за то, что посолъ его, отправленный въ Россію, не былъ принятъ; поэтому онъ распродалъ всѣхъ русскихъ невольниковъ, находившихся у него.

[2]) «Бухара по разсказамъ русскихъ плѣнныхъ», статья *З. С.* (Въ Русскомъ Инвалидѣ за 1862 г. № 70).

ствовали. Но неосновательнѣе ли отнести этотъ походъ Насръ-Уллы, не къ 1841 году, а къ 1843, т. е. къ ханствованію преемника Алла-Кула. Относительно года, ошибиться легче, чѣмъ сочинить разсказъ о походѣ; а подобную ошибку (1840-й годъ вмѣсто 1842 года), мы сейчасъ указали.

30-го октября, Данилевскій со свитою имѣлъ аудіенцію у хана. Вскорѣ затѣмъ, Алла-Кулъ захворалъ. Базинеръ, между тѣмъ, отправился въ Гезараспъ къ *инаку*, Рахимъ-Кулу, старшему сыну хана, и представилъ посланные ему подарки [1]). Рахимъ-Кулу было тогда 29 лѣтъ.

Во время пребыванія въ Хивѣ нашей миссіи умеръ Алла-Кулъ, ночью на 23 ноября 1842 года [2]); а 31-го декабря, уже при новомъ ханѣ, посольство отправилось обратно въ Россію. Наша дружба съ Хивою, дружба такъ сильно и такъ давно нами желанная, казалось, должна была наконецъ наступить къ обоюдной выгодѣ и Россіи, и Хивы.

Результатомъ посольства Данилевскаго явились два сочиненія: «Описаніе Хивинскаго ханства» самого Г. И. Данилевскаго [3]), и Базинера — «Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa» [4]). Кромѣ того, составлены были карты: генеральная карта Хивинскаго хан-

---

[1]) Подарки были слѣдующіе: вызолоченные столовые часы съ стекляннымъ колпакомъ въ футлярѣ обитомъ краснымъ бархатомъ; англійское двуствольное ружье съ полнымъ приборомъ, пара двуствольныхъ пистолетовъ. Отъ Данилевскаго были, сверхъ того, слѣдующіе подарки: кусокъ чернаго сукна, 2 куска небесно-голубаго цвѣта мериносовой матеріи, зрительная трубка и компасъ. (Naturw. Reise nach Chiwa s. 140—142).

[2]) Вамбери, неизвѣстно мнѣ по какимъ источникамъ, годы ханствованія Алла-Кула приводитъ съ 1826 по 1841 г. («Очерки Ср. Азіи».). Мы изъ несомнѣннаго источника видимъ, что Алла-Кулъ ханствовалъ до конца 1842 г.

[3]) Помѣщено въ «Запискахъ» Им. Рус. Геогр. Общ. кн. V.

[4]) Помѣщено въ «Сборникѣ» Бэра и Гельмерсена: Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens», въ XV томѣ.

ства, спеціальная карта населенной части западной долины Аму-Дарьи, орогидрографическая карта населенной части Хивинскаго ханства, и глазомѣрная съемка пройденныхъ путей въ ханствѣ.

Обращаясь къ этимъ сочиненіямъ, какъ къ источникамъ, для знакомства съ тогдашнимъ состояніемъ ханства, мы узнаемъ слѣдующее.

Границы ханства въ то время, если принять въ расчетъ всѣ кочующія племена, платившія дань хотя и по принужденію, простирались: *на сѣверъ* до сѣверныхъ скатовъ Усть-урта и до Сыръ-Дарьи; *на востокъ* до песчаной степи Кызылъ-Кумъ; *на югъ* до городовъ Мерва и Серахса, гдѣ находились чиновники хивинскаго хана для сбора податей съ окрестныхъ кочевниковъ; *на западъ* до восточнаго берега Каспійскаго моря [1]).

Оставляя затѣмъ географическія свѣдѣнія, воспользуемся тѣми данными какія находимъ у Данилевскаго и Базинера о финансовомъ состояніи ханства. У перваго приводятся почти тѣ же статьи дохода, какія приводилъ и Муравьевъ при Мухаммедъ-Рахимѣ. Это и понятно: въ такое короткое время особенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи произойти и не могло. Цифры, приводимыя Данилевскимъ, показываютъ слѣдующій сборъ: *зекятъ съ кочевыхъ племенъ* даетъ сборъ до 1 милліона руб. асс., *сборъ хлѣба съ ханскихъ земель* простирается до 150,000 батмановъ, что въ среднемъ выводѣ составляетъ 150,000 р. ас. въ годъ; *пошлина съ товаровъ* [2]) доходитъ до 35,000 р. ас.; *пошлина съ лавокъ*— около 50,000 р. ас.; *пошлина съ продаваемаго на базарахъ скота* взимается: съ барана 25 к., съ лошади и рогатаго скота 2 р., съ верблюда — 4 р. ас. [3]); *отдача ханскихъ*

---

[1]) «Путешествіе» Базинера, стр. 169.

[2]) О пошлинѣ съ проходящихъ каравановъ см. статью «Свѣдѣнія о торговлѣ Бухаріи» (въ Журн. Торговли и Мануф. за 1843 г. мѣс. февраль.)

[3]) У *Генса* въ статьѣ его (Извѣстія о Хивѣ, Бухарѣ, Коканѣ и с. з. части Кит. владѣній), составленной (относительно Хивы) по разсказамъ *Ко-*

садовъ на откупъ приноситъ ежегодно до 50,000 р. ас. [1]). Прибавляя къ этому доходъ съ перевоза, акцизъ на табакъ (по 8 тиллей съ танапа), ежегодный подарокъ, представляемый ежегодно Каракалпаками (1000 тиллей), пошлину съ продаваемаго на базарѣ скота, обязательные подарки отъ чиновниковъ, Данилевскій полагаетъ весь доходъ хана до 3 милліоновъ р. ас. [2]).

У Базинера находятся по этому поводу такія подробности: каждый подданный, исключая духовныхъ и рабовъ, обложенъ извѣстною податью. Осѣдлые съ каждаго семейства платятъ по состоянію отъ $^1/_2$ до 3 тиллей въ годъ; наложеніе этой подати зависитъ или отъ мехтера, или отъ кушъ-беги [3]).

вырзина (Астрахан. мѣщанина, бѣжавшаго изъ Хивы въ 1826 г.) и по другимъ извѣстіямъ, читаемъ: «если Туркмены пригоняютъ на продажу въ Хиву верблюдовъ, лошадей и скотъ, то должны платить за верблюда отъ 3 до 10 теногъ, за лошадь, по добротѣ ея—отъ 6 до 30, за корову 5 и за овцу 1 теньгу». (Beiträge и т. д. т. II, стр. 43.)

[1]) На правомъ берегу Аму ханъ владѣетъ лѣсами, въ которыхъ онъ ежегодно позволяетъ рубить лѣсъ съ платою по одной теньгѣ за возъ. (Тамъ-же).

[2]) «Описаніе Хив. ханства», стр. 135—137.

[3]) Кушъ-беги, Ходжашъ-мехремъ, чиновники и даже братья хана должны платить эту подать. Освобождены отъ нея только духовные и тѣ, которые поддерживаютъ въ исправности плотины, или во время похода состоятъ при ханѣ курьерами. Туркмены, поселенные въ ханствѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ ни какой подати не платятъ. Тотъ-же законъ существуетъ для всѣхъ иностранцевъ и даже рабовъ, откупившихся на волю». (Тамъ-же).

«Кушъ-беги взимаетъ подати въ южной части ханства, отъ Ургенча до Питняка; Ходжашъ-мехремъ—въ сѣверной: отъ Ургенча до Кунграда»—читаемъ у Генса. «Подати южнѣе Хивы и Н. Ургенча до г. Питняка собираются особымъ чиновникомъ въ пользу инака»,—говоритъ Иванинъ (журн. Торговли и Мануф. 1843 г. кн. апрѣл. стр. 157—158). Во время пребыванія въ Хивѣ Никифорова, сѣверною частью ханства управлялъ Кушъ-беги; а мехтеръ—южною («Посольство», 64—65). Такое разногласіе источниковъ, изъ которыхъ первый относится къ началу ханствованія Алла-Кула (*Ковырзинъ*), второй (отъ 34 года до 42) и третій—къ концу, могло произойти или вслѣдствіе дѣйствительныхъ перемѣнъ описанныхъ должностей, или отъ неточности свѣдѣній, сообщаемыхъ источниками. Второе предположеніе, кажется мнѣ основательнѣе, потому, между прочимъ, что у Иванина доходы инака черезъ-чуръ

Съ кочевыхъ взимается сообразно количеству скота: съ 40 овецъ берется 10 аббасовъ [1]); съ 40 головъ рогатаго скота, съ 40 лошадей и верблюдовъ — 5 тиллей. Купцы платятъ не только при ввозѣ и вывозѣ товара, но еще и за лавку, смотря по цѣнности товара: отъ 1 до 6 тиллей въ годъ [2])

И тотъ и другой полагаютъ расходы, даже и въ военное время [3]), не свыше половины всей суммы доходовъ. Отсюда мы должны заключать, что въ ханской казнѣ остается ежегодно около $1^1/_2$ милліона рублей ассигнаціями. Такимъ образомъ, финансы хана находятся въ прекрасномъ положеніи. Но въ другомъ видѣ представится оно, если обратимся по этому поводу къ разсказамъ плѣнныхъ, вы-

---

ужъ преувеличены: онъ пользовался только доходами Гезараспа и его окрестностей (на что и имѣли указанія), а сборъ его никогда не простирался на южную половину ханства.

[1]) *Аббасъ* монета въ дѣйствительности не существующая; но представляющая единицу въ счетѣ денегъ. Равняется аббасъ 50 коп. и содержитъ двѣ теньги (*Муравьевъ*, «Путеш. въ Хиву», ч. II, стр. 75).

[2]) *Базинеръ*, «Путеш. въ Хиву», ч. II, стр. 249—250.

[3]) О содержаніи войска находимъ у Генса слѣдующія подробности: кто, состоя на службѣ въ войскѣ имѣетъ собственную лошадь, тотъ получаетъ ежегодно 25 дукатовъ (т. е. тиллей) жалованья, изъ нихъ половина выплачивается золотомъ, другая половина—хлѣбомъ. Во время похода изъ казны выдается фуражъ для лошади, а для всадника порція крупы, которой, впрочемъ, недостаточно, такъ что каждый долженъ брать съѣстные припасы съ собою, для чего воины по двое держатъ одного верблюда. Ханъ же выдаетъ и мѣхъ для воды. Офицеры получаютъ содержаніе отъ 40 до 70 дукатовъ; а въ походѣ, сверхъ того, хлѣбъ, рыбу, мясо, и для лошади—фуражъ. У кого лошади нѣтъ, тотъ получаетъ отъ хана аргамака и 15 дукатовъ содержанія... У кого падетъ лошадь, тому даютъ другую, только въ удостовѣреніе должно представить мехтеру хвостъ лошади павшей въ битвѣ... Въ походѣ бываютъ и охотники; но жалованья не получаютъ. Поступаютъ они въ надеждѣ на добычу и на пріобрѣтеніе непріятельскихъ головъ и ушей. За уши платится имъ изъ казны по 5 тенегъ за штуку, а за голову вдвое больше. Офицеры въ войскѣ раздѣляются на два класса: *юзбаши* (сотники) начальствуютъ надъ *сотнею* человѣкъ (носятъ кинжалъ съ черною ручкой), и *мехремы*, которымъ подчинены отъ 10 до 15 юзбашей; при нихъ находится знамя (сами они носятъ кинжалъ съ ручкой изъ слоновой кости); нерѣдко наказываютъ юзбашей палками (Beiträge и т. д. т. II, стр. 57—60).

шедшихъ изъ Хивы. Картина домашняго благосостоянія хана, рисуемая однимъ изъ нихъ, Грушинымъ, является далеко незавидною: скудость предметовъ первой необходимости отзывалась не только на всемъ дворѣ его, на его женахъ; но и на самомъ ханѣ. Ханскіе аргамаки часто по цѣлымъ суткамъ остаются безъ корма (потому что Хива вообще бѣдна кормомъ для скота), да чего аргамаки, говоритъ Грушинъ, коли и женамъ своимъ ханъ отпускаетъ хлѣба на вѣсъ: «на весь домъ ханскій выходитъ въ день три пуда пшеничной муки, два пуда сарацинскаго пшена, одинъ пудъ мяса, да полтора кунжутнаго масла. Многія изъ ханскихъ женъ посылаютъ остатки отъ плова своего на базаръ и покупаютъ на вырученную копѣйку шелкъ и другія мелочи. Хану идетъ самая большая доля, большое блюдо горой, такъ-что онъ никогда его не поѣдаетъ, а остатки ѣдятъ кушбеги, мехтеръ, всѣ первые министры и сановники двора, которые и ждутъ каждый обѣдъ, чтобъ вынесли имъ остатки. Чай пьетъ въ цѣломъ дворцѣ одинъ только ханъ, да и то калмыцкій, кирпичный, и изрѣдка только другой, раза два въ недѣлю пьетъ онъ чай съ сахаромъ. Ханскимъ женамъ и дѣтямъ чаю не даютъ никогда». Другой плѣнный, Рязановъ, разсказываетъ въ томъ же тонѣ: «старая ханша [1]) (вдова Мухаммедъ-Рахима), должно быть-больно богата; она отдаетъ кашу сорочинскую, которая идетъ ей изъ большой кухни, отъ Анны Васильевны (русской плѣнной и главной поварихи на большой кухнѣ), служанкамъ своимъ, а сама готовитъ обѣдъ дома въ своемъ покойчикѣ (у каждой ханьши свой отдѣльный покойчикъ) и кормитъ этимъ и дѣтей своихъ. Прочія ханши объ этомъ и не подумаютъ; онѣ перебиваются кой-какъ, да сами вя-

[1]) Изъ женъ Мухаммедъ-Рахима мы знаемъ трехъ: одна изъ нихъ была дочь Киргизскаго Султана Ширгазы-Каипова; другая дочь одного Хаджи (тамъ же, стр. 63). И наконецъ жена Ильтезера, по смерти котораго М. Рахимъ женился на ней. Она происходила изъ рода Сеидовъ (Муравьевъ, «Путешествіе въ Хиву», II, 42).

жутъ шелковые колпаки и посылаютъ ихъ на базаръ. Для самаго хана готовятъ ѣсть въ особой кухонькѣ; ему стряпаетъ Персіянка; ханскія жены получаютъ пловъ изъ большаго котла, гдѣ готовитъ Русская; но иногда онѣ даже посылаютъ долю свою на базаръ, надѣясь на остатки отъ ханскаго стола, за которые воюетъ съ ними Персіянка (повариха ханской кухни) день за день... рыбу ѣстъ и ханъ, если кто принесетъ въ гостинецъ» [1]). Какъ образчикъ роскоши приводитъ Рязановъ 80-ти рублевую шаль, которою владѣла старая ханьша [2]).

Пожалуй скажутъ, что такое положеніе вещей происходило не вслѣдствіе бѣдности ханской казны, а просто по отсутствію потребностей; но и противъ такого мнѣнія мы можемъ привести свидѣтельство того-же Рязанова, который сказываетъ, что по смерти Мухаммедъ-Рахима Алла-Кулъ раздѣлилъ отцовское наслѣдство, при чемъ на долю брата его, Сеидъ-Мухаммеда, досталось 8000 тиллей [3]) (32,000 р. с.). А между тѣмъ, про Мухаммедъ-Рахима говорятъ, что онъ былъ скупъ, копилъ деньги и оставилъ послѣ себя богатую казну [4]).

Ясно поэтому, что или доходы хана были меньше тѣхъ, что приводятъ Данилевскій и Базинеръ (а это очень возможно при утаиваніи ихъ сборщиками податей), или расходы по администраціи, по содержанію войска и двора были больше приводимыхъ нашими путешественниками.

---

[1]) Альманахъ «Утренняя Заря» 1839 г. стр. 78—79, 85.
[2]) Тамъ-же стр. 84.
[3]) Тамъ-же, стр. 77.
[4]) Такъ говоритъ, напримѣръ Вамбери, въ своихъ «Очеркахъ Сред. Азіи».

Рахимъ-Кулъ.

(1842—1845).

Избраніе Рахимъ-Кула, сына Алла-Кулова, на ханство совершилось на глазахъ нашей миссіи. Въ слѣдующую же ночь по смерти Алла-Кула, т. е. съ 23-го на 24-е ноября, старѣйшины и наиболѣе знатныя лица страны собрались вечеромъ въ ханскій дворецъ для избранія хана между членами ханскаго семейства. Вся церемонія состояла въ томъ, что избраннаго мыли, одѣвали съ ногъ до головы въ новое платье, приводили, затѣмъ, въ ханскую кибитку и тамъ, посадивъ на *войлокъ*, трижды приподнимали его, провозглашая: «ханъ! ханъ! ханъ!» [1]). Въ такой формѣ сохранился у Узбековъ до самаго послѣдняго времени монгольскій обычай избранія хана.

При этомъ избраніи, пишетъ Базинеръ, Рахимъ-Кулъ не имѣлъ соперниковъ, а потому и произошло оно мирно, безъ кровопролитія. Безъ соперниковъ значитъ то, что сынъ Алла-Кула, по лѣтамъ, былъ старшій въ ханскомъ родѣ. И дѣйствительно: Рахманъ-Кула, брата Алла-Кулова въ то время не было уже въ живыхъ. Раньше мы видѣли, что этотъ Рахманъ-Кулъ въ качествѣ инака сидѣлъ въ Гезараспѣ. Такъ это было и во время посольства Никифорова, который описываетъ Рахманъ-Кула человѣкомъ пожилымъ и преданнымъ крѣпкимъ напиткамъ [2]). Во время же пребыванія въ Хивѣ Данилевскаго инакомъ былъ уже сынъ Алла-Кула, Рахимъ-Кулъ, и имѣлъ свое пребываніе въ томъ-же Гезараспѣ. О Рахманъ-Кулѣ же ни Данилевскій, ни Базинеръ не говорятъ ни слова: ясно поэтому, что Рахманъ-

[1]) *Базинеръ.* «Путеш. въ Хиву» 149.

[2]) «Посольство въ Хиву Никифорова»; стр. 65 и слѣд.

Кулъ умеръ въ промежутокъ времени отъ посольства Никифорова до посольства Данилевскаго, т. е. въ 1842 году. Но кромѣ Рахманъ-Кула, были у Алла-Кула еще другіе братья, изъ которыхъ нѣкоторые были живы еще въ то время, это знаемъ мы положительно. Да: у Рахимъ-Кула, при избраніи его на ханство, было нѣсколько дядей; но они были моложе племянника. Такъ, Сеидъ-Мухаммеду, сыну Мухаммедъ-Рахима, было въ то время не болѣе 17—18 лѣтъ [1]), тогда какъ Рахимъ-Кулу было 29. Такимъ образомъ дяди, будучи моложе племянника, eo ipso, не могли быть ему соперниками.

Далѣе, Данилевскій, описывая хивинскіе города, говоритъ, что въ Гезараспѣ имѣетъ пребываніе инакъ Мухаммедъ-Эминъ, братъ хана Рахимъ-Кула [2]). Это такъ и должно было быть, потому что званіе инака переходило къ слѣдующему, по старшинству за ханомъ, родственнику, каковымъ и оказался братъ хана, М.-Эминъ, который и получилъ упомянутое званіе помимо дядей своихъ. Такимъ образомъ, съ званіемъ инака стало соединяться понятіе наслѣдника престола, чего раньше не было. Данилевскій не успѣлъ заключить договоръ съ Алла-Куломъ; договоръ этотъ былъ утвержденъ уже новымъ ханомъ Рахимъ-Куломъ, 27-го декабря 1842 года. Главныя статьи этого договора слѣдующія: Не враждовать противъ Россіи. Не производить грабежей и захватовъ ни въ степяхъ, ни на Каспійскомъ морѣ; виновныхъ предавать немедленно наказанію. Не держать плѣнныхъ. Не допускать пристанища бѣглымъ, а выдавать ихъ пограничному начальству. Пошлину съ товаровъ взимать не свыше 5 процентовъ. Съ товаровъ, идущихъ въ Бухару или въ другія владѣнія, или съ привозимыхъ этимъ путемъ обратно, никакихъ пошлинъ не брать. За это предавались совершенному забвенію всѣ прежнія непріязненныя

---

[1]) См. о немъ дальше, стр. 342, 344.

[2]) См. его «Описаніе Хив. ханства», стр. 111.

дѣйствія хивинскихъ владѣтелей, и Россія отказывалась отъ требованія уплаты за разграбленные караваны; обѣщала полную у себя безопасность хивинцамъ и уравнивала ихъ права и преимущества съ другими азіатскими торговцами [1]). Какое имѣлъ значеніе для Хивы этотъ договоръ и какъ онъ соблюдался Хивинцами, въ свое время увидимъ.

Вступленіе свое на ханство Рахимъ-Кулъ ознаменовалъ прежде всего тѣмъ, что велѣлъ, въ острастку другимъ, посадить на-колъ трехъ Персіянъ, вздумавшихъ было убѣжать изъ рабства на родину, но пойманныхъ Туркменами и доставленныхъ по принадлежности [2]).

Первымъ долгомъ Рахимъ-Кулъ счелъ предпринять походъ въ Бухару. Взялъ онъ нѣсколько бухарскихъ крѣпостей; но отъ Чарджуя былъ отбитъ и ни съ чѣмъ вернулся домой. Между тѣмъ возмутились Туркмены, жившіе около Мерва. Рахимъ-Кулъ пошелъ на нихъ; но, не дойдя до Мерва принужденъ, былъ вернуться назадъ [3]).

При Рахимъ-Кулѣ, именно въ 1844 году, нашъ купецъ, торговавшій въ Хивѣ, А. П. Куриловъ задумалъ было примѣнить водяной путь для торговли въ Хивѣ и намѣревался совершить плаваніе внизъ по Аму-Дарьѣ; но вслѣдствіе нежеланія этого со стороны хана, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія [4]).

Рахимъ-Кулъ ханствовалъ всего съ небольшимъ два года и умеръ въ 1845 году [5]). Но, по Вамбери, онъ умираетъ въ 1843 году, за то и ханствуетъ съ 1841 года [6]).

---

[1]) «Посольство Данилевскаго» (Военный Сборникъ 1866 г. кн. 5, 53), *Зыковъ*, «Хивинскія дѣла» (Русское Слово 1862 г. кн. 4, стр. 9).

[2]) *Базинеръ*, «Путеш. въ Хиву,» стр. 149.

[3]) *А. Л. Кунъ*. «Замѣтка о Хивинскомъ ханствѣ» (Турк. Вѣд. 1873 г. № 40).

[4]) *П. И. Небольсинъ*. «Очерки торговли Россіи съ Средней Азіей» (Зап. Геогр. Общ. кн. X. стр. 42).

[5]) *В. В. Вельяминовъ-Зерновъ*. «Монеты Бухар. и Хивин.» (Распросныя свѣдѣнія).

[6]) «Очерки Средней Азіи». Вамбери или перепуталъ года, сообщенные ему въ Хивѣ, или пользовался источниками намъ неизвѣстными.

Замѣтимъ еще, что тотъ же ученый заставляетъ Рахимъ-Кула обращать оружіе противъ Джемшидовъ—«персидскихъ кочевниковъ» въ восточныхъ прибрежьяхъ Мургаба [1]). Между тѣмъ мы знаемъ, что Рахимъ-Кулъ, еще не будучи ханомъ, въ 1839 году обратилъ оружіе свое противъ Джемшидовъ и увелъ въ плѣнъ въ Хиву больше половины ихъ [2]). Далѣе Вамбери повѣствуетъ, что племя Сарикъ, владѣвшее тогда Мервомъ [3]), начало съ узбеками войну. Противъ нихъ выступилъ братъ хана, инакъ Мухаммедъ-Эминъ съ 15-тысячнымъ войскомъ. На обратномъ пути (а чѣмъ кончился походъ, онъ не упоминаетъ) много солдатъ заболѣло; а на бѣду еще бухарскій эмиръ осадилъ Гезараспъ. Но инакъ напалъ на эмира, побѣдилъ его и заключилъ съ нимъ миръ [4]). Въ это время умеръ Рахимъ-Кулъ [5]). На сколько тутъ правды—сказать не можемъ, потому что не имѣемъ другихъ указаній объ этихъ походахъ М.-Эмина; тѣмъ-не-менѣе, убѣдившись, что гдѣ Вамбери пускается въ исторію, тамъ у него что ни шагъ, то непроходимая чепуха,—смѣло можемъ оставить это извѣстіе подъ большимъ сомнѣніемъ. О Ямшидахъ мы знаемъ, что они при Рахимъ-Кулѣ, по договору его съ Достъ-Мухаммедомъ, возвратились на родину [6]).

Рахимъ-Кулу наслѣдовалъ братъ его, Мухаммедъ-Эминъ.

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) См. раньше, стр. 307.

[3]) Мервомъ, мы знаемъ, владѣли Туркмены Тёке; а Сарикъ кочевали по близости.

[4]) Не объ этомъ ли походѣ Эмира сообщали наши плѣнные подъ 1841 годомъ? См. раньше, стр. 323.

[5]) «Очерки Средней Азіи».

[6]) *Келевейнъ* — «Отрывокъ изъ путешествія въ Хиву» (Этнографическій Сборникъ 1862 г. вып. 5).

Мухаммедъ-Эминъ.

1261—1271 (1845—1855) [1]).

Все свое ханствованіе Мухаммедъ-Эминъ провелъ въ войнахъ. Восемь разъ ходилъ онъ войною на Хорасанъ [2]) и бился съ Туркменами.

По свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ Оренбургѣ, оказывается, что Бухарцы, желая выжить Хивинцевъ изъ Мерва, подстрекнули Туркменъ, кочевавшихъ близъ этого города, къ возмущенію противъ Хивинцевъ. Тѣ напали врасплохъ на городъ, вырѣзали большую часть жителей его и овладѣли Мервомъ. Случилось это въ 1846 году. Съ этого времени начались ежегодные походы М.-Эмина противъ Туркменъ. Дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что Туркмены удалялись съ своими стадами подальше отъ города; а ханъ травилъ ихъ луга и выжигалъ посѣянный хлѣбъ. Разъ только, въ 1850 году, когда Хивинцы, въ числѣ 6,000 человѣкъ, захватили табунъ туркменскихъ лошадей, Туркмены неожиданно напали на хивинскій отрядъ и весь его перерѣзали [3]).

---

[1]) У Вамбери (Очерки Средней Азіи, стр. 311) Мухаммедъ-Эминъ ханствуетъ съ 1843 по 1855 годъ. Перваго же года ханствованія М.-Эмина мы имѣемъ монету—1262 г. гиджры (1845—6 г.). См. статью В. В. Вельяминова-Зернова: «Descriptions de quelques monnaies de l'oulous de Djaghataï de Khiva et de Khokand, въ Bulletin de l'académie impr. de sciénces de St. Petersb. II, 1860; p. 214.

[2]) Главными источниками, какъ для ханствованія М.-Эмина, такъ и для слѣдующихъ за нимъ ханомъ служатъ: а) изложенныя В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ распросныя отъ надежныхъ Хивинцевъ свѣдѣнія объ этомъ времени (помѣщенныя въ статьѣ его — «Монеты Бухарскія и Хивинскія», стр. 437 — 440), и б) «Краткая Замѣтка о Хивинскомъ ханствѣ», составленная г. Куномъ по мѣстной исторіи. Оба эти источника замѣчательно сходны между собой и отличаются только нѣкоторыми подробностями.

[3]) См. «Записки Мирзы-Шемса Бухари», изд. В. В. Григорьевымъ. Казань 1861 г. примѣч. 23, стр. 101 — 102.

Въ ханствованіе Мухаммедъ-Эмина, вліяніе Хивинцевъ на нашихъ Киргизовъ было ослаблено до такой степени, что серьезныхъ столкновеній по этому поводу ожидать было нечего. Правительство наше давно добивалось устранить это вліяніе Хивы на Киргизовъ; но до сихъ поръ безуспѣшно, потому что дипломатическіе переговоры (Никифорова, напримѣръ) не вели ни къ чему. Ханы хивинскіе по прежнему продолжали посылать своихъ чиновниковъ къ урочищу Майлибашу, гдѣ находился постоянный перевозъ черезъ Сыръ-Дарью, для сбора пошлины съ проходившихъ каравановъ русскихъ и бухарскихъ [1]). Наконецъ, генералъ Обручевъ рѣшился построить укрѣпленіе въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, въ 1847 г. возведено было укрѣпленіе *Раимъ*, впослѣдствіи (въ 1851 г.) названное *Аральскимъ* [2]); а съ 1848 г., казаки этого укрѣпленія, приняли въ свое вѣдѣніе перевозы каравановъ по рѣкѣ Сыру [3]).

Вліяніе Хивы на Киргизовъ было такимъ образомъ ослаблено; но не вовсе уничтожено. Хивинцы старались мѣшать возведенію Раимскаго укрѣпленія; въ 1848 г. они страшно опустошили всю окрестность его и производили грабежъ подъ самыми стѣнами Раима [4]). Не отказались Хивинцы и отъ вмѣшательства въ дѣла Киргизовъ; такъ, Султанъ Иръ-Мухаммедъ-Касимовъ назначенъ былъ Мухаммедъ-Эминомъ управлять Киргизами на Сырѣ; а такъ какъ онъ оказался плохимъ правителемъ даже въ глазахъ Хивинцевъ,

---

[1]) «Очерки торговли Россіи съ Средней Азіей» (Зап. Геогр. Общ. кн. X, стр. 63).

[2]) «Очеркъ исторіи Киргизскаго народа» (Турк. Вѣдом. 1871 г. № 3). *Мейеръ*, «Киргизская степь», 72. Это укрѣпленіе впослѣдствіи было упразднено, когда построено было укрѣпленіе *Казала* (фортъ № 1.)

[3]) «Очерки торг. Россіи съ Ср. Азіей» стр. 70. Послѣ построенія этого укрѣпленія Хивинцы стали высылать своихъ сборщиковъ только на Куванъ-Дарью (Тамъ же, стр. 64)

[4]) *Мейеръ*, «Кирг. степь», 68.

то былъ вызванъ въ Хиву, гдѣ и содержался нѣкоторое время въ почетномъ плѣну [1]).

Забравшись на Сыръ-Дарью, Хивинцы столкнулись съ Коканцами, которые точно также хотѣли забрать въ свои руки Киргизовъ. Хуже всего отъ этого соперничества приходилось, конечно, Киргизамъ. И вотъ, когда у насъ сознали необходимость укрѣпиться на Сыръ-Дарьѣ, не забыли при этомъ и Хиву. Когда генералъ Обручевъ подалъ записку, отъ 27 марта 1851 г., о мѣрахъ къ обезпеченію Киргизовъ отъ Коканцевъ, то онъ, вмѣстѣ съ занятіемъ Акъ-мечети, предлагалъ занять и Хиву. Но эта мысль не была одобрена ни высшимъ правительствомъ, ни Перовскимъ, смѣнившимъ Обручева [2]).

Въ началѣ ханствованія М.-Эмина, возведено было укрѣпленіе и на Мангышлакѣ: *Ново-Петровское* укрѣпленіе [3]), (а въ 1857 г. вновь переименованное въ *Александровское*), и учреждены въ немъ двѣ ярмарки [4]).

Въ 1848—9 годахъ произведена была А. И. Бутаковымъ опись Аральскаго моря [5]).

Изъ внутренней дѣятельности Мухаммедъ-Эмина знаемъ

---

[1]) Тамъ же, 72.

[2]) *Костенко*, «Средняя Азія», Спб. 1870; стр. 140. Какъ разъ совсѣмъ противоположныя свѣдѣнія находятся у одного иностраннаго путешественника *Карла Андрэ*, который сообщаетъ, что Перовскій, весною 1854 г. предпринялъ *второй* походъ противъ Хивы. Съ 17,000 отрядомъ войска благополучно добрался онъ отъ Оренбурга къ Аральскому морю; а потомъ по Аму-Дарьѣ проникъ и въ самую средину Хивы. Тамъ заключилъ онъ договоръ. Какъ ни фантастиченъ, какъ ни невозможенъ приводимый при семъ договоръ; но Андрэ сообщаетъ его цѣликомъ. (См. статью «Направленіе торговыхъ путей въ Средней Азіи»—въ Вѣстникѣ Геогр. Общ. 1859 г. № 12). Сочинять такія вещи по меньшей мѣрѣ предосудительно.

[3]) «Поѣздка на Мангышлакъ» Иванина (Зап. Геогр. Общ. кн. I), и его «Отчетъ о постройкѣ Н. Перовскаго укрѣпл. (Воен. Сбор. 1863, т. 30).

[4]) «О началѣ развитія Азіатской торговли чрезъ Мангышлакъ съ Россіею» (въ Астрах. Губ. Вѣд. 1840 г. №№ 11, 16).

[5]) «Свѣдѣнія объ Экспедиціи, снаряженной для описи Аральскаго моря въ 1848 г.» *А. Бутакова*. (Вѣстникъ И. Р. Геогр. Общ. 1853, кн. I).

мы очень немного. Извѣстно, что онъ старался заселить мѣстности на западъ отъ Хивы для чего продолжилъ нѣсколько каналовъ отъ Хивы на Газаватъ [1]). и успѣлъ уже завести тамъ селенія, но все это рушилось съ его смертію, и мѣстность опустѣла по прежнему [2]).

Въ 1853 и 1854 гг. пріѣзжали въ Хиву посланцы изъ Турціи и, вѣроятно, разжигали ее противъ Россіи [3]).

Въ началѣ 1855 года, предпринялъ Мухаммедъ-Эминъ походъ въ Серахсъ [4]). Жители этого города обратились съ просьбою о помощи къ Феридуну-Мирзѣ, Мешгедскому правителю. Феридунъ радъ былъ наказать своего злѣйшаго врага и потому тотчасъ же выступилъ на Акъ-Дербендъ (отстоящій отъ Серахса на 10 фарсаховъ = 70 верстъ), съ 10 тысячнымъ войскомъ и 10 пушками. Дорогой Феридунъ-Мирза узналъ, что Мухаммедъ-Эминъ подступилъ уже къ городу. Тотчасъ же отрядилъ онъ впередъ себзеварскаго хана Мухаммедъ-Хасана съ 500 всадниками, а вслѣдъ за ними послалъ еще 2,000 на подмогу. Передовой отрядъ напалъ на хивинскій авангардъ, разбилъ его и отнялъ 6 пушекъ. М.-Эминъ отступилъ на Фарсахъ. Тогда нѣкто Курбанъ-Кули-Кулъ изъ Мерва провелъ Мухаммедъ-Хасана окольнымъ путемъ къ палаткѣ Мухаммедъ-Эмина, стоявшей отдѣльно отъ хивинскаго лагеря. Мешгедцы напали на немногочисленную стражу, состоявшую изъ 200 человѣкъ, частію изрубили ее или заставили бѣжать; а самому хану отсѣкли голову. Дальнѣйшія дѣйствія противъ Хивинцевъ были отложены до другаго дня, такъ какъ посланные къ нимъ 2 тысячи всадниковъ прибыли только къ вечеру. Но

---

[1]) Городъ Газаватъ (на правой сторонѣ канала Газаватъ) лежитъ въ 23½ верстахъ на с. с. з. отъ Хивы. (Данилевскаго, «Опис. Хив. ханства» стр. 105).

[2]) *М. И. Иванинъ.* «О старомъ руслѣ Аму-Дарьи (Турк. Вѣд. 1870 года № 17).

[3]) Сѣверная Пчела, 1861; № 174.

[4]) Городъ этотъ былъ въ то время пограничнымъ персидскимъ городомъ.

Хивинцы не стали дожидаться утра. Устрашенные смертію хана, они ночью же обратились въ бѣгство. Персіяне ихъ преслѣдовали и захватили много плѣнныхъ. Серахсъ былъ освобожденъ. Какъ трофей побѣдителей присланы были въ Тегеранъ 270 головъ убитыхъ Хивинцевъ [1]), въ томъ числѣ и голова хана, 14 тюрей и многихъ знатныхъ особъ. Шахъ велѣлъ похоронить голову хана и его родственниковъ, и построить надъ нимъ мовзолей. Тѣло же хана было похоронено въ Хивѣ. Такъ палъ М.-Эминъ въ борьбѣ съ Туркменами, которые не давали ему покою во все его 10-лѣтнее ханствованіе.

По смерти Мухаммедъ-Эмина, началось смутное время въ Хивѣ, главною причиною котораго были торжествовавшіе Туркмены.

Смутное время въ Хивѣ.

1855—1856.

Абдулла-Ханъ (1855 г.). Войско, бѣжавшее изъ подъ Серахса, провозгласило ханомъ Абдуллу, сына Ибадъ-Уллы-бека, внука Кутлу-Мурада инака (брата Ильтезера и Мухаммедъ-Рахима), троюроднаго брата павшаго хана. Объ этомъ вступленіи на ханство Абдуллы одинаково свидѣтельствуютъ, какъ «Замѣтка» о Хивинскомъ ханствѣ, такъ и «распросныя» свѣдѣнія за это время. Но въ одномъ изъ примѣчаній, составленныхъ В. В. Григорьевымъ къ изданному имъ описанію, путешествія въ Хиву маіора Бланкеннагеля, именно въ 24-мъ, гдѣ перечислены ханы этого

---

[1]) Такое число оказывается по «распроснымъ» свѣдѣніямъ; въ «Замѣткѣ» о Хив. ханствѣ сказано, что въ Тегеранъ отправлено было 400 головъ павшихъ Хивинцевъ.

смутнаго времени, указывается имя хана, неупоминаемаго ни въ которомъ изъ этихъ двухъ источниковъ. Ханъ этотъ называется *Тангри-Куломъ* и приходится Мухаммедъ-Эмину *племянникомъ*. Провозглашеніе же его совершилось тотчасъ же послѣ убіенія М.-Эмина. Но Тангри-Кулъ былъ убитъ Абдулла-бекомъ, который и вступилъ на ханство въ Хивѣ [1]).

Извѣстій объ этомъ ханѣ больше мнѣ не попадалось, а потому и не могу сказать о немъ ничего положительнаго. Но если Тангри-Кулъ дѣйствительно ханствовалъ въ Хивѣ, хотя и очень короткое время, то могло это произойти такимъ только образомъ: какъ только вѣсть о смерти Мухаммедъ-Эмина проникла въ Хиву, Хивинцы *по народному обычаю*, и провозгласили ханомъ Тангри Кула; но когда разбитое войско вернулось въ Хиву, оно избрало своего хана, Абдуллаха, который и поспѣшилъ избавиться отъ своего противника. Если это было такъ,—невѣроятнаго тутъ нѣтъ ничего,—то слѣдуетъ замѣтить, что мы знаемъ одного только Тенгри-Кула, это—послѣдняго сына Мухаммедъ-Рахима; а въ такомъ случаѣ, онъ Мухаммедъ-Эмину приходился не племянникомъ; а наоборотъ,—дядей, только былъ моложе своего племянника, М.-Эмина, права котораго на престолъ заключались въ его старшинствѣ лѣтъ предъ дядями [2]).

Вамбери сообщаетъ намъ одно извѣстіе, слышанное имъ въ Хивѣ, по поводу вступленія на ханство Абдуллы-Хана. Онъ говоритъ, что послѣ провозглашенія Абдуллы, заявилъ свои права на ханство Сеидъ-Махмудъ-Тюря; но былъ усмиренъ и посаженъ въ тюрьму [3]). Этотъ Сеидъ-Махмудъ тоже сынъ М.-Рахима и заявлялъ права свои, основывая ихъ на старшинствѣ лѣтъ, Такъ должны мы смотрѣть на эти

---

[1]) «Вѣстникъ» И. Русскаго Геогр. Общества 1858 г. кн. 3, стр. 112.

[2]) Но относительно Тенгри-Кула были лица съ болѣе законными правами сѣсть на ханство, это—его старшіе родные братья, какъ увидимъ дальше.

[3]) «Очерки Средней Азіи»; глава о Хивѣ.

обѣ попытки сыновей знаменитаго хана, и если домогательства ихъ не осуществились, то это потому, что въ то смутное время старшинство лѣтъ въ разсчетъ не принималось, что сейчасъ и увидимъ.

Новый ханъ, вступившій такъ неожиданно на ханство, вовсе не былъ, кажется, готовъ къ своей роли. Неувѣренный въ преданности къ себѣ народа и сановниковъ ханства, онъ думалъ, что на него смотрятъ какъ на узурпатора, а потому боялся употребить рѣшительныя мѣры тамъ, гдѣ онѣ были необходимы. Вслѣдствіе такой слабости въ управленіи, положеніе хана Абдуллы сдѣлалось болѣе чѣмъ шаткимъ. Первые воспользовались слабостію хана Туркмены. Въ 1272 г. [1]), какъ читаемъ въ «Замѣткѣ», они, въ числѣ 15,000 человѣкъ, вторглись въ предѣлы ханства. Абдулла выступилъ противъ нихъ, но при крѣпостцѣ Кызылъ-Текирѣ войско его потерпѣло пораженіе, а самъ онъ былъ убитъ [2]). Трупъ его найденъ былъ въ ямѣ, вмѣстѣ съ прочими убитыми [3]).

Ханствованіе Абдуллы продолжалось 6 мѣсяцевъ [4]).

На монетахъ, битыхъ Абдулла-ханомъ, онъ называетъ себя *сеидомъ*, чего предшественники его не дѣлали [5]).

---

[1]) 1272-й годъ начался 31 августа 1855 года. Въ статьѣ В. В. Вельяминова-Зернова «Монеты Бух. и Хив.» сказано, что Туркмены собрались для нападенія на Хиву въ августѣ 1855 года, слѣдовательно въ 1271-мъ, а не 1272 году. Этому извѣстію мы должны отдать предпочтеніе передъ первымъ на томъ основаніи, что слѣдующій ханъ, Кутлу-Мурадъ захватилъ еще 1271 годъ, какъ явствуетъ это изъ монеты этого хана, битой имъ въ 1271 году (См. дальше, стр. 341); а этого никоимъ способомъ не могло бы быть, если бы Абдулла-ханъ былъ живъ еще въ 1272 году.

[2]) «Монеты Бух. и Хив.» стр. 438—439.

[3]) *Вамбери*, «Очерки Средней Азіи». Подробности стычки Абдуллы-хана приводятся М. Н. Галкинымъ въ его «Этнографическихъ матеріалахъ» (Записки Геогр. Общ. 1867, т. I, стр. 23).

[4]) Изъ примѣчанія выше приведеннаго слѣдуетъ, что Абдулла-ханъ былъ убитъ въ 1855 году, и 1856 года не захватилъ, какъ того хотѣлось бы Вамбери. («Очерки»).

[5]) См. «Монеты Бух. и Хив.» стр. 454, «Неизданныя Бух. и Хив. монеты» (въ «Извѣстіяхъ» Археол. Общества за 1860 годъ).

Кутлу-Мурадъ (1855 г.) [1]. По смерти Абдуллы-хана начались въ Хивѣ смуты и безпорядки. Тогда Мехтеръ провозгласилъ ханомъ 18-лѣтняго брата убитаго хана, Кутлу-Мурада [2]. Но ни Юмуды, ни Каракалпаки, ни Киргизы [3] не признали Кутлу-Мурада въ ханскомъ достоинствѣ. Туркмены избрали своего хана — *Ата-Мурада*, изъ юмудскаго племени, отдѣла Ашрефи, и съ этимъ своимъ ханомъ начали грабежъ въ ханствѣ и захватили много городовъ. Каракалпаки и подвластные Хивѣ Киргизы избрали себѣ ханомъ *Джарлыкъ-Тюрю* [4]. Въ такомъ критическомъ положеніи Кутлу-Мурадъ обратился къ народу съ воззваніемъ, приглашая всѣхъ жителей вооружиться противъ Туркменъ. Между тѣмъ Туркмены, подъ предводительствомъ Бія-Мухаммедъ-Ніяза [5]), подступили къ Хивѣ. Бій-Ніязъ, подъ предлогомъ отданія хану поклона, проникъ во дворецъ и во время пріема у хана бросился на него со своей свитой и собственноручно убилъ хана и семерыхъ его сановниковъ, при этомъ находившихся [6]). Такимъ измѣнническимъ убійствомъ Мухаммедъ-Ніязъ думалъ достигнуть хан-

---

[1]) Кромѣ предыдущихъ источниковъ, есть нѣкоторыя свѣдѣнія о ханствованіи Кутлу-Мурада у *Е. Я. Килевейна*, сопровождавшаго, въ качествѣ секретаря, миссію Игнатьева въ Хиву и Бухару въ 1858 г. (См. его «Отрывокъ изъ путеш. въ Хиву» въ Зап. Имп. Геогр. Общ. 1861 г. кн. I; а также въ Этнограф. Сборникѣ за 1862 г.).

[2]) 18 лѣтъ было ему по «распроснымъ» свѣдѣніямъ; по «замѣткѣ» же — 14. (См. также «Сѣверную Пчелу» 1861 г. № 211).

[3]) Киргизовъ, подчинявшихся тогда Хивѣ, было около 10,000 душъ. Они кочевали въ сѣверо-восточной части ханства и особенно около озера Даукара (См. статью о Хивин. ханствѣ Килевейна въ Зап. Геогр. Общ. 1861 г.).

[4]) Каракалпаки всегда отличались мирнымъ характеромъ; но иногда, выведенные изъ терпѣнія поборами Хивинцевъ и набѣгами Туркменъ, возставали противъ Хивы. Для удержанія ихъ въ повиновеніи и были построены крѣпости Чимбай и Иръ-назыръ («Дельта Аму-Дарьи». Турк. Вѣд. 1871 г. №№ 31 и 33).

[5]) По «распроснымъ» свѣдѣніямъ, М. Ніязъ приходился Кутлу-Мураду двоюроднымъ *дядей*; по «замѣткѣ» — двоюроднымъ *братомъ*.

[6]) См. статью *Килевейна*, и письмо (4-е) изъ Хивы *Зальсова* (Воен. Сбор. 1859 г. январьскую книжку).

скаго достоинства и, дѣйствительно, былъ уже провозглашенъ Туркменами ханомъ [1]), но приверженцы убитаго хана окружили ханскій дворецъ и убили Мухаммедъ-Ніяза и всѣхъ Туркменъ, съ нимъ ворвавшихся.

Кутлу-Мурадъ ханствовалъ только три мѣсяца. Мы имѣемъ монеты, битыя имъ и въ 1271, и въ 1272 гг. [2]).

Сеидъ-Мухаммедъ.

1272—1281 (1856—1864).

Послѣ небольшаго междуцарствія [3]), въ апрѣлѣ 1856 г. избранъ былъ на ханство *Сеидъ-Мухаммедъ* [4]).

Годъ вступленія на ханство Сеида-Мухаммеда извѣстенъ намъ безъ всякаго сомнѣнія: совершилось это на нашихъ глазахъ. Между тѣмъ въ «Описаніи» печатей хивинскихъ хановъ мы встрѣчаемъ такія изъ нихъ, которыя приписываются Сеидъ-Мухаммеду, съ титуломъ хана, еще въ 1270 (1853) году. Такъ какъ данныя на печати вѣсче всякаго другаго указанія, ибо не могъ же Сеидъ-Мухаммедъ величать себя ханомъ, не достигнувъ еще до этого, то я и счелъ необходимымъ упомянуть о такой несообразности,

---

[1]) См. «Замѣтку» г. Куна.

[2]) «Монеты Бухар. и Хивин.», стр. 454—456.

[3]) 1272-й годъ начался, какъ сказано, 31 августа 1855 г. и основываясь на этомъ, мы можемъ расчитать, приблизительно, долго ли продолжалось междуцарствіе. Абдулла ханъ ханствовалъ 6 мѣсяцевъ, и въ августѣ (полагать надо) былъ убитъ; Кутлу-Мурадъ ханствовалъ августъ, сентябрь и октябрь. Слѣдовательно, междуцарствіе продолжалось около 5 мѣсяцевъ.

[4]) См. статью г. Куна «Описаніе печатей Хивинскихъ хановъ» (Турк. Вѣд. 1873 г. № 40). Этого 1272 (1856) года мы и имѣемъ монету, битую Сеидъ-Мухаммедомъ. См. Bulletin de l'Académie imper. des sciences de St.-Petersburg, 1860; II, 216.

происшедшей, по всей вѣроятности (какъ было это и съ печатью Мухаммедъ-Рахима), отъ невѣрнаго чтенія ея. Это обстоятельство еще болѣе бросается въ глаза потому, что на той же страницѣ «Туркестанскихъ Вѣдомостей», въ статьѣ того же автора, разсказывается о смерти Абдуллы хана подъ 1272 г. [1]).

Попробуемъ, прежде всего, разрѣшить родственное положеніе этого хана въ ханской семьѣ относительно прочихъ хановъ. Пройти молчаніемъ этотъ вопросъ, въ виду разногласія о немъ источниковъ, было бы неудобно. По однимъ, Сеидъ-Мухаммедъ былъ сынъ Рахимъ-Кула [2]); по другимъ — сынъ Мухаммедъ-Рахима [3]). Могъ бы я въ этомъ случаѣ прямо сослаться на печать Сеидъ-Мухаммеда, гдѣ онъ называетъ себя сыномъ Мухаммедъ-Рахима; да, разъ подорвавъ вѣру въ правильность чтенія этой печати, я не воспользуюсь ею; а постараюсь доказать происхожденіе Сеидъ-Мухаммеда другимъ путемъ.

По «распроснымъ» свѣдѣніямъ, собраннымъ В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ, Сеидъ-Мухаммеду въ 1855—56 гг. было отъ роду 33 года. Около того же и—по другимъ указаніямъ (Килевейнъ). А такъ какъ Рахимъ Кулъ родился въ 1813 г. (и для этого понадобилось, какъ раньше видѣли, прибавить нѣсколько лѣтъ Алла-Кулу, его отцу, противъ лѣтъ, даваемыхъ ему Муравьевымъ), то выходитъ, что у Рахимъ-Кула родился сынъ, когда ему было только

---

[1]) Турк. Вѣдом. 1873 г. № 40. Желательно было бы поэтому, для исправленія случившихся промаховъ, имѣть новое описаніе печатей, съ приложеніемъ съ нихъ снимковъ.

[2]) Такъ утверждаютъ: В. В. Вельяминовъ-Зерновъ (въ статьѣ: «Монеты Бухар. и Хивин.» стр. 439); В. В. Григорьевъ (въ статьѣ: «Неизданныя Бухар. и Хивин. монеты»); П. И. Лерхъ (въ статьѣ: «Khiva seine geograph. und histor. Verhältnisse. s. 51).

[3]) *Е. Я. Килевейнъ* (статья: «о Хивин. ханствѣ во время Сеидъ-Мухаммеда» въ Зап. Геогр. Общ. 1861, и въ Этногр. Сборникѣ 1862 г. вып. 5). *А. Л. Кунъ* («Замѣтка о Хивинскомъ ханствѣ»).

8—9 лѣтъ. Вещь невозможная; а потому приходится отдать предпочтеніе второму извѣстію, и принять, что Сеидъ-Мухаммедъ былъ сынъ Мухаммедъ-Рахима. Но, принявъ это извѣстіе, какъ вполнѣ достовѣрное, намъ придется устранить еще нѣкоторыя недоразумѣнія, являющіяся при этомъ. *Во-первыхъ:* былъ ли у Мухаммедъ-Рахима сынъ, называвшійся такимъ именемъ? Имена сыновей этого хана знаемъ мы главнымъ образомъ отъ Грушина, сообщившаго свои свѣдѣнія въ 1829 г., и отъ Базинера, бывшаго въ Хивѣ въ концѣ 1842 г. По первому, у Мухаммедъ-Рахима было 7 сыновей; по второму—5: Алла-Кулъ, инакъ Рахимъ-Кулъ, Сеидъ-Махмудъ-тюря, Сеидъ-Ахмедъ и инакъ Тангри-Кулъ. Здѣсь недостаетъ упоминаемыхъ Грушинымъ: Хаджи-Кулатюри и Сеида-Мухаммеда-тюри. Этотъ-то послѣдній намъ и нуженъ. Слѣдовательно, у Мухаммедъ-Рахима *былъ* сынъ Сеидъ-Мухаммедъ. *Во-вторыхъ:* если Сеидъ-Мухаммедъ былъ сынъ Мухаммедъ-Рахима, то почему же онъ сѣлъ на ханство послѣ своихъ племянниковъ, каковыми приходились ему: Рахимъ-Кулъ, Мухаммедъ Эминъ, Абдулла-ханъ и Кутлу-Мурадъ. О вступленіи на ханство Рахимъ-Кула и Мухаммедъ-Эмина я уже говорилъ: они были старше дядей своихъ. Провозглашеніе же ханомъ Абдуллы-хана и затѣмъ Кутлу-Мурада совершилось не путемъ законности, а произволомъ военнаго пронунсіаменто, противъ чего и протестовалъ, какъ видѣли, Сеидъ-Махмудъ, но неудачно. Во всякомъ случаѣ, въ то смутное время ханы вступали не по старшинству лѣтъ, а вслѣдствіе интригъ различныхъ партій. Кутлу-Мурадъ былъ моложе Сеидъ-Мухаммеда по всѣмъ источникамъ; Мухаммедъ-Ніязъ, приходившійся Рахимъ-Кулу дядей (по «распроснымъ» свѣдѣніямъ), не ханствовалъ вовсе. Наконецъ, Килевейнъ, бывшій въ Хивѣ въ 1858 г., говоритъ, что на хана Сеидъ-Мухаммеда имѣетъ большое вліяніе старшій братъ его, Сеидъ-Махмудъ, человѣкъ умный и весьма богатый. Ханъ спрашивалъ во всемъ его совѣтовъ, только къ несчастію, онъ, отъ сильнаго употребленія

опіума, по временамъ, совершенно терялъ свой разсудокъ [1]). Вотъ явное нарушеніе старшинства лѣтъ. Впрочемъ, Вамбери пишетъ, что С.-Махмудъ самъ отказался отъ вступленія на ханство. *Въ третьихъ:* подходятъ ли года Сеида-Мухаммеда къ тому, чтобы можно было считать его сыномъ Мухаммедъ-Рахима? Килевейнъ говоритъ, что въ 1856 г., когда Сеидъ-Мухаммедъ сѣлъ на ханство, ему было 30 лѣтъ [2]). Мухаммедъ-Рахимъ умеръ, какъ извѣстно, въ 1825 г., слѣдовательно Сеидъ-Мухаммеду, какъ сыну его, должно быть при вступленіи на ханство съ небольшимъ 30 лѣтъ, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ послѣднихъ сыновей Мухаммедъ-Рахима. Можетъ быть даже, что «распросныя» свѣдѣнія въ этомъ случаѣ вѣрнѣе, а по нимъ Сеидъ-Мухаммеду было въ описываемое время 33 года. Г. Залѣсовъ (бывшій въ Хивѣ въ 1858 г.) также говоритъ, что Сеидъ-Мухаммеду въ то время было «не болѣе 35—40 лѣтъ» [3]).

Вамбери, бывшій въ Хивѣ въ 1863 г., разсказываетъ, что послѣ смерти Кутлу-Мурада избранъ былъ на ханство Сеидъ-Махмудъ-тюря; но онъ отказался отъ ханствованія въ пользу своего меньшаго брата, Сеидъ-Мухаммеда [4]). Такъ ли было дѣло или иначе, во всякомъ случаѣ съ 1856 года началъ править Хивою Сеидъ-Мухаммедъ.

Вступивъ на ханство, Сеидъ-Мухаммедъ долженъ былъ прежде всего возстановить порядокъ въ Хивѣ. Особенно расшатались окрайны ханства, гдѣ Туркмены и Каракалпаки хозяйничали по своему произволу, не признавая новаго хана. Ханскія войска разбили выступившія противъ нихъ изъ Куня-Ургенча шайки Туркменъ и Каракалпаковъ. При этомъ былъ убитъ каракалпацкій ханъ Джарлыкъ. Ре-

---

[1]) Этногра®. сборн. вып. 5. «Отрывокъ изъ путешествія въ Хиву», стр. 10.

[2]) Этногр. Сборн. 1862 г. и Зап. Геогр. Общ. 1861 г. кн. I.

[3]) Письмо изъ Хивы г. Залѣсова (Воен. Сборн. 1859 г. кн. янв. 279).

[4]) Это извѣстіе объ отказѣ С. Махмуда вступить на ханство подтверждается, нѣкоторымъ образомъ, приведеннымъ выше разсказомъ Килевейна о совѣтахъ, которыми пользовался С. Мухаммедъ отъ своего старшаго брата.

зультатомъ понесеннаго Каракалпаками пораженія было выселеніе ихъ въ бухарскія владѣнія [1]). Были къ тому правда и другія причины. Положеніе этого смирнаго народа всегда самое жалкое, вслѣдствіе тяжелыхъ податей, платимыхъ имъ хивинскому хану,—въ 1857 году сдѣлалось еще болѣе невыносимымъ, вслѣдствіе безкормицы, грозившей имъ полнымъ раззореніемъ. Въ этомъ году до 700 семействъ Каракалпаковъ переселились къ намъ на берега Сыра [2]).

Желая управлять ханствомъ лично, Сеидъ-Мухаммедъ убилъ мехтера Юсуфа, управлявшаго ханствомъ и при Мухаммедъ-Рахимѣ, и при Алла-Кулѣ. Съ тѣхъ поръ сталъ самъ входить во всѣ мелочи администраціи [3]). Такимъ поступкомъ запугалъ онъ придворныхъ и оградилъ себя отъ ихъ интригъ [4]).

Всѣ предшествовавшія войны и возмущенія страшно отозвались на народномъ хозяйствѣ. Поля за это время засѣвались плохо, и вотъ, въ 1856 г., начался въ странѣ голодъ [5]). Цѣна на хлѣбъ поднялась такъ высоко, что въ 5 разъ превосходила обыкновенную и дошла до 20 тенегъ (4 р. с.) за пудъ. Тогда Сеидъ-Мухаммедъ отправилъ въ Бухару посольство къ эмиру Насръ-Уллѣ, прося у него разрѣшенія закупить хлѣбъ на бухарскихъ рынкахъ. Эмиръ разрѣшилъ [6]). Не смотря на эту мѣру, голодъ вызвалъ все-

---

[1]) См. статью *Килевейна*. Во время С. Мухаммеда Каракалпаковъ было до 15 тысячъ. Кочевали они въ низовьяхъ Аму-Дарьи, близъ Аральскаго моря.

[2]) «Путевыя Замѣтки Бланкеннагеля», прим. В. В. Григорьева (Вѣст. Геогр. Общ. 1858 г. кн. 3, стр. 112).

[3]) См. статью г. Залѣсова,—Посольство въ Хиву и Бухару полковника Игнатьева 1858 г. (Въ Русск. Вѣстн. 1871 г. кн. 3, стр. 42). Залѣсовъ называетъ мехтера не Юсуфомъ; а *Якубомъ*; но это невѣрно. По Муравьеву мы видѣли, что мехтеръ при М. Рахимѣ назывался *Юсуфомъ* (См. раньше, стр. 268). Юсуфъ же имя мехтера и по рукописи Хуббъ-Кули-Ходжи (См. рукопись Имп. С.-Петерб. Унив. стр. 2).

[4]) Воен. Сборн. 1859 г. кн. янв. («Письмо изъ Хивы г. Залѣсова» стр. 281).

[5]) «Монеты Бухар. и Хивин.», стр. 440.

[6]) Статья Килевейна (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. стр. 103).

таки сильную эпидемію, походившую по всѣмъ признакамъ на холеру [1]).

Лѣтомъ 1857 г. приходило въ Россію посольство отъ Сеидъ-Мухаммеда съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ Государя Императора и съ извѣщеніемъ о вступленіи на ханство новаго хана. Въ отвѣтъ на это посольство, лѣтомъ слѣдующаго 1858 г., отправлена была въ Хиву (съ порученіемъ проѣхать изъ Хивы въ Бухару [2])) миссія, подъ начальствомъ полковника (нынѣ генералъ-адъютанта) Н. П. Игнатьева [3]). Для большей безопасности, послу предоставлены были сухопутныя [4]) и морскія силы: многочисленный конвой казаковъ и два парохода («Перовскій» и «Обручевъ»), подъ начальствомъ капитана 1-го ранга А. И. Бутакова, который получилъ приказаніе пройти изъ Аральскаго моря въ Аму-Дарью и оказать поддержку посольству въ случаѣ надобности [5]). Такія военныя силы не могли не казаться властямъ хивинскимъ подозрительными. И это было главною причиною той неудачи, которую испыталъ по-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ одно время съ Хивинскимъ посольствомъ прибыло въ Оренбургъ и посольство изъ Бухары, поэтому миссія и была отправлена для переговоровъ какъ въ то, такъ и въ другое ханство.

[3]) Это посольство описано *г. Замысловымъ*, какъ въ письмахъ его (помѣщен. въ Воен. Сборн. 1858 и 59 гг.) такъ и въ его статьѣ «Посольство въ Хиву и Бухару полковника Игнатьева въ 1858 г.» Русскій Вѣстн. 1871 г. кн. 2 и 3); *Н. Назаровымъ*, «Воспоминаніе о степномъ походѣ въ ханства Хиву и Бухару» (въ Воен. Сборникѣ 1864 г. № 4). Кромѣ того, подробности о слѣдованіи миссіи находятся: въ «Отрывкѣ» изъ дневника, веденнаго *г. Н—ъ* въ 1858 г. въ составѣ почетнаго конвоя Игнатьева (въ Уральск. Войсков. Вѣдом. 1868 г. № 9—11); у *К. Н. Анучина* въ статьѣ: «Вмѣсто писемъ» (Тамъ же, №№ 16—20).

Въ составъ миссіи, кромѣ агента входили: секретарь, 2 переводчика, 2 офицера генер. штаба, 2 офицера корпуса топографовъ, 2 доктора, флотскій офицеръ, астрономъ, фотографъ, чиновникъ отъ генералъ-губернатора и 3 топографа. Кромѣ того находились при миссіи чиновникъ, посланный Академіею Наукъ, и студентъ университета.

[4]) Миссія шла черезъ Усть-уртъ.

[5]) О дѣйствіяхъ этой флотиліи см. статью *В. Ш.* въ Морскомъ Сборникѣ 1861 г. № 5: «Плаваніе Аральской флотиліи въ 1858 и 1859 годахъ».

солъ при веденіи дипломатическихъ переговоровъ. Ханъ позволилъ было пройти двумъ судамъ въ Аму-Дарью, но потомъ сталъ требовать удаленія ихъ [1]). Не смотря на то, пароходы все-таки проникли до Кунграда, но благодаря лишь энергичной настойчивости Бутакова; идти же далѣе онъ не могъ, потому что правитель Кунграда (а правителемъ этого города былъ тогда сынъ Менды-Каски, Кутлу-Мурадъ) не допустилъ дальнѣйшаго движенія вверхъ по рѣкѣ [2]). Дѣйствовать силою было опасно, такъ какъ миссія находилась уже въ то время въ Хивѣ и всякій неосторожный поступокъ могъ ей сильно повредить. По этой причинѣ флотилія отступила по Улькунъ-Дарьѣ до ея развѣтвленія, гдѣ и оставалась до 12-го сентября, когда, по миновании въ ней надобности (посольство находилось тогда въ бухарскихъ предѣлахъ), удалилась на Сыръ-Дарью [3]).

Недовѣріе, выказанное ханомъ при вступленіи миссіи въ его владѣнія, имѣло полное оправданіе съ его стороны. Сеидъ-Мухаммедъ только-что вступилъ на ханство; враждебныхъ ему партій еще не усмирилъ; а одна изъ нихъ (партія Туркменъ, съ своимъ ханомъ во главѣ) вела открытую борьбу съ Сеидъ-Мухаммедомъ. Во время слѣдованія миссіи, Ата-Мурадъ держалъ въ блокадѣ города: Куня-Ургенчъ и Ходжейли. Опасался же Сеидъ-Мухаммедъ того, какъ бы Русскіе не соединились съ Туркменами и не овладѣли бы ханствомъ. Боялся онъ и свиданій съ посломъ, помня недавнюю смерть Кутлу-Мурада во время аудіенціи [4]). Промѣры рѣки, производимые Бутаковымъ, безпокоили хана не менѣе самого посольства, безпокоили его за будущее. Изслѣдовавъ рѣку, Русскіе пріобрѣтали новый,

---

[1]) Мор. Сбор. 1861, № 5, отд. II, стр. 129. Чтобы уломать хана, ему объяснили, что на пароходѣ везутъ подарки ему и бухарскому эмиру. Тогда ханъ, опасаясь потерять подарки отдалъ приказаніе послать за ними лодки (Тамъ же).

[2]) Суда стали на якорѣ противъ Кунграда 3 іюля.

[3]) «Плаваніе Аральской флотиліи», стр. 129.

[4]) Тамъ же. См. раньше, стр. 340.

удобный путь въ Хиву, если бы вздумали предпринять походъ на нее [1]). Все это, вмѣстѣ взятое, отозвалось самымъ неблагопріятнымъ образомъ на попыткѣ посла заключить съ ханомъ письменный договоръ и добиться опредѣленнаго отвѣта на требованія высказанныя нашимъ правительствомъ [2]). Послѣ напраснаго въ Хивѣ пребыванія, длившагося слишкомъ мѣсяцъ [3]), посолъ оставилъ Хиву 31-го августа и направился въ дальнѣйшій путь, въ Бухару.

Съ практической стороны эта миссія доказала неопровержимо, что для Среднеазіатцевъ дипломатическіе переговоры не имѣютъ никакой цѣны; договоры, заключенные однимъ ханомъ, не только для другаго хана необязательны, но они даже и не сохраняются [4]). Такой опытъ долженъ былъ наконецъ произвести совершенный у насъ переворотъ въ способѣ обузданія среднеазіатскихъ хановъ, которыхъ соблюдать законныя наши требованія можно заставить только силою оружія, а не приложеніемъ лишь печати къ договору, который въ глазахъ среднеазіатцевъ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Въ научномъ отношеніи обогатились наши свѣдѣнія изслѣдованіями устьевъ Аму-Дарьи и юго-восточнаго берега Аральскаго моря. На сухомъ пути опредѣлено пространство въ 60 слишкомъ тысячъ квадратныхъ миль.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Требованія наши были слѣдующія: не потворствовать грабежамъ, не притѣснять русскихъ подданныхъ и каравановъ; дозволить судамъ плавать по Аму-Дарьѣ; принять русскаго торговаго агента; пошлину съ русскихъ купцовъ взимать не болѣе $2^1/_2$ процентовъ и брать однажды, при ввозѣ товаровъ (*Залѣсовъ*, «Посольство въ Хиву Игнатьева»).

[3]) Миссія прибыла въ Хиву 26 августа.

[4]) Когда Игнатьевъ сталъ ссылаться на договоры, заключенные въ 1842 г. Данилевскимъ, то оказалось (если только это не было простою уловкой), что Хивинцы и не знаютъ о существованіи ихъ. Въ 1873 г., когда по взятіи Хивы ханскій дворецъ былъ конфискованъ, тамъ, въ числѣ книгъ, рукописей и писемъ, найденъ былъ и трактатъ, заключенный Данилевскимъ (Туркест. Вѣдом. 1873 г. № 50).

Во время пребыванія въ Хивѣ русской миссіи тамъ все было спокойно и тихо. Даже Туркмены не осмѣливались шалить въ ханствѣ. Но по удаленіи миссіи въ Бухару, въ Хивѣ заварилась каша [1]). Туркмены снова подняли голову и, въ довершеніе бѣды, произошло возмущеніе въ Кунградѣ, который отложился отъ Хивы. Правителемъ въ этомъ городѣ былъ, какъ видѣли, сынъ Менды-Каски, Кутлу-Мурадъ. Когда началъ онъ править Кунградомъ—мы не знаемъ, но уже въ 1842 г., во время пребыванія въ Хивѣ Данилевскаго, Кутлу-Мурадъ состоялъ уже губернаторомъ этого города. Данилевскій говоритъ, что званіе кунградскаго правителя наслѣдственно и переходитъ отъ отца къ сыну [2]).

Но Кутлу-Мурадъ не одинъ управлялъ Кунградомъ; за нимъ надзиралъ хивинскій чиновникъ, эссаулъ-баши Мухаммедъ, родомъ Калмыкъ. Жители города одинаково ненавидѣли какъ того, такъ и другого, за ихъ жестокое съ ними обращеніе при сборѣ податей [3]). Въ 1858 г. составился противъ Кутлу-Мурада заговоръ, во главѣ котораго сталъ Мухаммедъ Фенагъ, одинъ изъ потомковъ Тюря-Суфи [4]). Родъ Тюря-Суфи не былъ истребленъ совершенно, у него осталась дочь, которая уведена была въ Хиву и тамъ вышла за-мужъ. Въ числѣ дѣтей ея былъ сынъ, Мухаммедъ-Фенагъ. Лѣтъ за 5 до описываемыхъ событій Мухаммедъ-Фенагъ появляется въ Кунградѣ. Здѣсь онъ жилъ

---

[1]) *Е. Я. Килевейнъ.* «Отрывокъ изъ путешествія въ Хиву», 103—104.

[2]) «Описаніе Хивинскаго ханства», стр. 107.

[3]) *В. В. Григорьевъ*, «Неизданныя монеты Бухар. и Хивин.» (въ Извѣст. Археолог. Общ. за 1860 г.); *А. И. Бутаковъ*, «Нѣсколько страницъ изъ Исторіи Хивы» (въ Турк. Вѣдом. 1871 г. № 28); и *его-же:* «Эпизодъ изъ Современной исторіи Средней Азіи» (въ Отеч. Запискахъ 1865 г. т. CLXIII).

[4]) Вамбери въ «Очеркахъ Средней Азіи» говоритъ, что М. Фенагъ заявилъ права свои на ханство по *внушенію Россіи.* О фантазіяхъ этого ученаго слѣдуетъ упомянуть потому только, что его «Очерки» выдержали у насъ нѣсколько изданій переводовъ.

въ такой нищетѣ, что нанимался въ работники къ мѣстнымъ жителямъ [1]).

Въ заговорѣ противъ Кутлу-Мурада принялъ участіе киргизскій бекъ Азбергень [2]). Мухаммедъ-Фенагъ намѣренъ былъ заключить союзъ съ Ата-Мурадомъ, ханомъ Туркменскимъ [3]), и пригласить на помощь Туркменъ. Противъ этого Азбергень возсталъ. «Кунградцы съ Киргизами всегда обойдутся безъ посторонней помощи», говорилъ онъ, «а призвавъ Туркменъ, послѣ съ ними трудно будетъ развязаться». Тѣмъ не менѣе, Мухаммедъ-Фенагъ заключилъ, тайно отъ Азбергеня, союзъ съ Ата-Мурадомъ [4]).

Заговоръ удался, и Кутлу-Мурадъ былъ убитъ. Убили заговорщики также шестерыхъ хивинскихъ таможенныхъ чиновниковъ и сборщиковъ податей, а затѣмъ провозгласили Мухаммедъ-Фенага бекомъ кунградскимъ.

Нѣкоторые родственники Кутлу-Мурада избѣгли его участи. Въ числѣ ихъ были Юсуфъ-бій и Полванъ бій, дѣятельные помощники бывшаго правителя; они находились въ то время въ Хивѣ; но сыновья ихъ были убиты. Эсаулъ-баши также находился въ Хивѣ.

Послѣ провозглашенія Мухаммедъ-Фенага бекомъ, онъ тотчасъ же далъ знать о совершившемся Ата-Мураду и просилъ обѣщанной помощи. Туркмены-Юмуды не заставили себя долго ждать; 25 ихъ старшинъ и батырей прибыли въ Кунградъ и здѣсь провозгласили Мухаммедъ-Фенага ханомъ. Азбергень, увидавъ, что былъ обманутъ, не надѣясь болѣе на Мухаммедъ Фенага и не желая подчиняться ему, какъ хану, откочевалъ со своими Киргизами

---

[1]) «Нѣсколько страницъ изъ исторіи Хивы».

[2]) Азбергень, киргизскій бій, бѣжалъ изъ русскихъ предѣловъ въ Хиву въ 1856 г., послѣ убійства Султана, правителя Средней части Малой орды, Арслана («Этногр. изъ совр. ист. Средней Азіи»).

[3]) Ата-Мурадъ имѣлъ тогда свое мѣстопребываніе въ Ургенчѣ.

[4]) «Нѣсколько страницъ изъ исторіи Хивы».

внизъ по рѣкѣ Талдыку [1]), на 30 верстъ отъ Кунграда, гдѣ былъ у него садъ, подаренный ему ханомъ хивинскимъ. Мухаммедъ-Фенагъ нѣсколько разъ пробовалъ напасть на него, но всякій разъ безуспѣшно [2]).

Побывалъ, между тѣмъ, въ Кунградѣ и Ата-Мурадъ. Тамъ оставилъ онъ Мухаммедъ-Фенагу, на всякій случай, человѣкъ 500 Туркменъ. Эти Туркмены скоро такъ начали хозяйничать въ ханствѣ, что возбудили противъ себя всеобщее неудовольствіе. Родственники Кутлу-Мурада вздумали этимъ воспользоваться и составили противъ хана заговоръ. Но заговоръ былъ открытъ, виновники его были повѣшены, а Мухаммедъ-Фенагъ, вслѣдствіе того, сдѣлался крайне подозрителенъ и еще болѣе сблизился съ Туркменами. Его жестокость въ наказаніи заговорщиковъ и тѣсное сближеніе съ Туркменами еще болѣе возбудили противъ него населеніе.

Мухаммедъ Фенагъ очень хорошо видѣлъ, что противъ хивинскаго хана не устоитъ, а потому находилъ необходимымъ заручиться покровительствомъ сильнаго сосѣда. Съ этою цѣлію, въ мартѣ 1859 года, прибыло отъ него въ Оренбургъ посольство, съ приглашеніемъ занять Кунградъ и распоряжаться тамъ, какъ у себя дома [3]). Тогдашній

---

[1]) Аму-Дарья, верстъ на 10 ниже Кунграда, раздѣляется на два рукава. Эти рукава называются *руками*: Талдыкъ-Дарья и Улу (Улькунъ)-Дарья. Рукавъ Талдыкъ въ послѣднее время сильно обмелѣлъ.

[2]) «Нѣсколько страницъ изъ исторіи Хивы».

[3]) «Неизданныя Бух. и Хив монеты». Упоминаетъ о посольствѣ въ Россію М Фенага и Вамбери, съ тою лишь разницею, что посольство это отправлено было будто бы «черезъ Мангышлакъ въ Астрахань, чтобы *вымолить* покровительство у русскаго падишаха. Но объ этомъ посольствѣ узнали, и дорогой послы были убиты» (Очерки Ср. Азіи). Тутъ видимъ мы двѣ несообразности: а) если М. Фенагъ добился ханства по внушенію Россіи, какъ сообщаетъ это Вамбери, то не было ему никакой надобности *умолять* о принятіи его въ подданство Россіи. Хоть ради послѣдовательности, Вамбери слѣдовало бы сказать, что М. Фенагъ *предложилъ* Россіи принять его въ подданство въ благодарность за ея содѣйствіе; б) путь посольства (въ Астрахань, черезъ Мангышлакъ) очень сомнителенъ. Сомнителенъ онъ потому, что всѣ сношенія наши съ Средней

генералъ-губернаторъ Оренбурга, Катенинъ, находя этотъ случай какъ нельзя болѣе удобнымъ для изслѣдованія Аму-Дарьи, приказалъ той же флотиліи, что была въ Кунградѣ въ 1858 г., двинуться изъ Сыръ-Дарьи въ рѣку Аму, осмотрѣть и сдѣлать топографическую съемку окрестностей Кунграда и береговъ рѣки, пробраться вверхъ по ней и, если встрѣтится надобность, подать помощь Кунградцамъ. Съ этою послѣднею цѣлію, начальнику флотиліи, тому же А. И. Бутакову, поручался отрядъ въ 125 человѣкъ солдатъ. 11-го іюня флотилія выступила въ море, а 19-го числа того же мѣсяца прибыла къ раздѣленію Улькунъ-Дарьи, гдѣ находилась каракалпацкая крѣпостца. Здѣсь сообщили нашимъ морякамъ, что ханъ хивинскій одиннадцатый уже день осаждаетъ Кунградъ. Здѣсь же стали попадаться флотиліи лодки Каракалпаковъ, удалявшихся подальше отъ поля битвы, чѣмъ слухи объ осадѣ подтвердились [1]). Дѣйствительно, когда флотилія, 21-го іюня, подошла къ Кунграду, то увидала хивинское войско, подъ начальствомъ самого Сеида-Мухаммеда, осаждавшаго этотъ городъ. Но видъ двухъ пароходовъ, подлетѣвшихъ къ Кунграду на всѣхъ парахъ, такъ напугалъ хивинскаго хана и его войско, что онъ тотчасъ же снялъ осаду и поспѣшно отступилъ [2]).

Азіей происходили черезъ Оренбургъ, что началось вскорѣ же послѣ построенія этого города, и М. Фенагъ конечно зналъ это лучше г. Вамбери и едвали бы сталъ отправлять посольство въ Астрахань, гдѣ оно не могло получить никакого отвѣта. Наконецъ, и это главное, депутація являлась (только въ Оренбургъ), а не была избита дорогою.

[1]) «Плаваніе Аральской флотиліи», стр. 139.

[2]) Тамъ же. См. также «Замѣтку» г. Куна. Въ этой послѣдней статьѣ говорится, что также неудачны были и новыя попытки С. Мухаммеда возвратить Кунградъ. Я сомнѣваюсь были ли эти *новыя* попытки со стороны хивинскаго хана. Такъ какъ этотъ походъ былъ первый и такъ какъ по нашимъ источникамъ можно прослѣдить день за день, что дѣлалось послѣ того въ Кунградѣ, то смѣю думать, что авторъ «Замѣтки» ошибся. Кромѣ того, въ августѣ, какъ увидимъ, М. Фенагъ палъ; а это слишкомъ короткій промежутокъ времени отъ приведенной осады, чтобы можно было совершить нѣсколько походовъ.

Такъ спасенъ былъ Кунградъ во-время подоспѣвшими нашими пароходами.

Но положеніе Кунградцевъ оттого не сдѣлалось лучше. Туркмены въ этомъ несчастномъ городѣ дѣлали все, что хотѣли. Безнаказанно отнимали они у жителей скотъ и имущество, даже женъ и дочерей [1]). Платить Туркменамъ жалованье Мухаммедъ-Фенагъ средствъ не имѣлъ, а потому размѣстилъ ихъ по кибиткамъ жителей, обязавъ этихъ послѣднихъ платить своимъ постояльцамъ по двѣ серебряныхъ теньги въ день на всадника и столько же на лошадь. Не легко было Узбекамъ, Киргизамъ и Каракалпакамъ выплачивать этотъ поборъ, но злоупотребленія Туркменъ еще болѣе увеличивали тягость его. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, туркменскій старшина съ 50 — 60 человѣками, а хану объявляетъ 150—200, и проситъ на нихъ жалованье. Ханъ, не смѣя провѣрить это число, назначаетъ требуемое количество кибитокъ и приказываетъ платить положенное жалованье. До какой степени Мухаммедъ-Фенагъ боялся Туркменъ и находился въ ихъ власти, можно судить по тому, что онъ по прибытіи къ Кунграду Бутакова послалъ сказать ему, что если есть у него для хана какіе подарки, то переслалъ бы ихъ ему тайно отъ Туркменъ [2]).

Что бы ни предпринималъ Мухаммедъ-Фенагъ, Туркмены мѣшали ему во всемъ. Сталъ онъ перечеканивать хивинскія деньги по своему, со своимъ именемъ, при чемъ уменьшалъ ихъ вѣсъ [3]), — Туркмены поддѣлали штемпель

---

[1]) Туркмены пришли въ Кунградъ безъ женъ, и уже здѣсь раздобылись ими, поотнявъ ихъ у жителей («Нѣсколько стр. изъ исторіи Хивы»).

[2]) Тамъ же.

[3]) Одна изъ такихъ монетъ описана В. В. Григорьевымъ въ статьѣ: «Неизданныя Бухарскія и Хивинскія монеты». На лицевой сторонѣ этой монеты стоитъ: *Мухаммедъ Фенагъ Бегадуръ ханъ 1275* (1858—9). На оборотной: *чеканена въ обители ислама Хорезмъ* (т. е. въ Хивѣ). Ханомъ въ Хивѣ М. Фенагъ никогда не былъ; но, какъ видно поэтому, притязаній своихъ на нее не скрывалъ. Сеидъ-Мухаммедъ, подъ страхомъ смертной казни, запретилъ обращеніе этихъ денегъ въ Хивѣ.

подъ его имя и перечеканили монеты въ половинный вѣсъ, а на базарѣ силою заставляли принимать ихъ за настоящія. Въ довершеніе всего стали они забирать дѣтей у тѣхъ жителей, которые не въ силахъ уже были содержать своихъ постояльцевъ. Дѣтей этихъ Туркмены отправляли для продажи въ свои аулы.

Да и самъ М.-Фенагъ не мало способствовалъ раздраженію населенія. Такъ, напримѣръ, весною 1859 года, пасынокъ Азбергеня, пойманный на барантѣ, былъ, по повелѣнію хана, преданъ мучительной казни, противъ чего народъ возропталъ.

Что же дѣлала наша флотилія подъ стѣнами Кунграда? По удаленіи хивинскаго войска, М.-Фенагъ послалъ своего министра Шахъ-Ніяза, съ тремя туркменскими старшинами, выразить Бутакову благодарность за освобожденіе отъ врага. Начальникъ флотиліи просилъ у хана дозволенія произвести съемку окрестностей Кунграда и позволить нанять для этой цѣли лошадей. Ханъ изъявилъ на то полное свое согласіе. Но когда экипажъ перебрался на сушу и расположился лагеремъ, то Кунградцы, увидѣвъ его малочисленность, перемѣнили обращеніе со своими избавителями. Ханъ можетъ быть изъ боязни Туркменъ, сталъ отказывать Бутакову во всемъ, на что прежде соглашался. А Туркмены нѣсколько разъ пытались напасть на нашъ лагерь и ждали только прибытія Ата-Мурада, (который, по слухамъ, съ четырьмя тысячами Туркменъ спѣшилъ къ Кунграду), чтобы начать генеральный приступъ. Тогда нашъ отрядъ рѣшилъ перебраться на суда, что и исполнилъ 1 іюля. 21-го флотилія выступили въ море, и 26 іюля вернулась на Сыръ-Дарью [1]).

Не долго послѣ того продержался М.-Фенагъ. Когда та же флотилія, въ августѣ и сентябрѣ того же года, еще разъ

---

[1]) «Плаваніе Аральской флотиліи»; стр. 144—150.

пыталась проникнуть въ Аму-Дарью, то М.-Фенага въ Кунградѣ уже не было, и, какъ сказывали, черезъ полторы недѣли послѣ отплытія флотиліи (въ іюлѣ мѣсяцѣ), слѣдовательно въ началѣ августа, городъ этотъ снова призналъ надъ собою власть хивинскаго хана [1]). Случилось же это слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ главныхъ участниковъ убіенія Кутлу-Мурада, Кульманъ, рѣшился избавить населеніе этого сѣвернаго ханства отъ Туркменъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Азбергенемъ и другими недовольными и составилъ заговоръ противъ М.-Фенага [2]). Въ началѣ августа 1859 года, толпа заговорщиковъ ворвалась въ домъ хана и начала избіеніе его приверженцевъ. Мухаммедъ-Фенагъ, его жены и дѣти, и до 200 приближенныхъ его, были убиты; въ томъ числѣ и Шахъ-Ніязъ [3]).

Одинъ киргизъ-очевидецъ разсказывалъ Бутакову, что ненависть жителей къ М.-Фенагу дошла до такого неистовства, что убійцы не хотѣли допустить кровь его пролиться на землю. Одни за другими припадали они къ трупу хана и съ жадностію пили кровь изъ его ранъ [4]). По другимъ разсказамъ, семейство М.-Фенага было вытребовано Сеидъ-Мухаммедомъ въ Хиву и тамъ предано мучительной казни [5]). Онъ приказывалъ, будто бы, распарывать животы

---

[1]) Тамъ же. Это вторичное посѣщеніе флотиліей Аму-Дарьи такъ встревожило Хивинскаго хана, что онъ каждаго человѣка изъ ея экипажа оцѣнилъ въ 100 тиллей (Тамъ же, стр 153–154). Но охотниковъ получить такую сумму не оказалось.

[2]) «Нѣсколько страницъ изъ исторіи Хивы».

[3]) «Плаваніе Аральской флотиліи», стр. 153.

[4]) «Нѣскол. страницъ изъ ист. Хивы». Объ обыкновеніи Хивинцевъ пить при мщеніи кровь своей жертвы разсказываютъ и плѣнные, вышедшіе изъ Хивы (Турк. Вѣд. 1873 г. № 34). По Вамбери, М. Фенагъ былъ убитъ своими же собственными приверженцами тогда, *когда поистратились русскіе императоры* (!). Главные же зачинщики отложенія Кунграда, упакованные, т. е. съ руками пришитыми къ тѣлу мокрою кожею, посланы въ Хиву, гдѣ ихъ ожидалъ ужасный конецъ (Очерки Средней Азіи).

[5]) «Нѣсколько стр. изъ исторіи Хивы».

беременнымъ женамъ М.-Фенага и убивать зародившихся младенцевъ [1]). Передавали и еще иначе: будто бы С.-Мухаммедъ вытребовалъ въ Хиву Туркменъ, уцѣлѣвшихъ въ Кунградѣ, и семейство павшаго хана. Женъ его взялъ себѣ, сыновей велѣлъ пріурѣзать; а Туркменъ опредѣлилъ на службу; всѣхъ остальныхъ помиловалъ [2]). Кульманъ послалъ Сеиду-Мухаммеду голову М.-Фенага.

Въ подчинившійся городъ посланъ былъ правителемъ калмыкъ Метъ-Мурадъ-бій; затѣмъ прибылъ въ Кунградъ Есаулъ-баши Мухаммедъ, съ которымъ вернулись туда Юсуфъ-бій и Полванъ-бій [3]). Но страна успокоилась еще не скоро. Шайки Туркменъ начали грабить въ окрестностяхъ Кунграда прервали сообщеніе между этимъ городомъ и Хивою, такъ что Хивинцы принуждены были ѣздить туда въ обходъ на лодкахъ черезъ озера, изъ которыхъ вытекаетъ Улькунъ-Дарья [4]).

Въ концѣ ханствованія С.-Мухаммеда въ 1863 году, пробрался въ Хиву подъ видомъ дервиша, венгерскій ученый Ариминій Вамбери. Въ самомъ городѣ Хивѣ пробылъ онъ съ 3-го по 27-е іюля. Владѣя въ совершенствѣ турецкимъ языкомъ и надѣвши дервишскій колпакъ, Вамбери могъ видѣть и слышать многое такое, что было недоступно другимъ путешественникамъ, находившихся при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но за то имѣлъ онъ и важное неудобство: невозможность записывать почерпнутыя свѣдѣнія изъ боязни выдать себя. Этимъ, кажется, и должны мы объяснить, главнымъ образомъ, ту путаницу, которою отличаются историческія сказанія его «Очерковъ». Вотъ почему тамъ, гдѣ нѣтъ у насъ данныхъ для провѣрки сообщаемыхъ имъ фактовъ, не можемъ мы полагаться

---

[1]) «Плаваніе Аральской флотиліи», стр. 153.
[2]) «Эпизодъ изъ соврем. исторіи Средней Азіи».
[3]) «Нѣсколько стр. изъ исторіи Хивы».
[4]) Тамъ же.

на ихъ достовѣрность. Къ числу такихъ фактовъ, встрѣчающихся у Вамбери, я отношу сказаніе его о нападеніи на Хиву Джемшидовъ. Въ началѣ ханствованія Сеида-Мухаммеда, читаемъ въ «Очеркахъ», когда Юмуды и Узбеки душили другъ друга, Джемшиды накинулись на безоружное населеніе, разграбили всю Хиву отъ Кылыджъ-бая до Питняка и вернулись домой на берега Мургаба съ богатой добычей.

Вещь возможная; но объ этомъ набѣгѣ Джемшидовъ нигдѣ указанія болѣе нѣтъ.

Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ-Бегадуръ-Ханъ.

(Съ 1865 (?) года).

По монетамъ, въ 1281 году [1]), ханомъ въ Хивѣ былъ С.-Мухаммедъ; но въ слѣдующемъ, въ 1282 году, сидѣлъ на ханствѣ уже его сынъ, *Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ Бегадуръ-ханъ*. Въ этомъ году онъ и на печати своей называетъ себя ханомъ, чего не дѣлаетъ на печати 1281 года [2]). Но вступить на ханство нынѣшній ханъ Хивы могъ еще и въ 1281 году; а если такъ, то случилось это неиначе, какъ въ концѣ его, что будетъ соотвѣтствовать началу нашего 1865 года. Въ такомъ случаѣ 1864-й годъ, выставленный въ «Замѣткѣ» г. Куна, какъ годъ вступленія на ханство Сеида-Мухаммедъ-Рахима—не вѣренъ. Другихъ указаній мы пока не имѣемъ [3]).

---

[1]) 1281-й годъ начался въ понедѣльникъ 24 мая 1864 года.

[2]) Печать эта читается: «Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ 1281»; вторая—«Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ-Бегадуръ-ханъ сынъ Сеида-Мухаммеда хана. 1282» (Турк. Вѣдом. 1873 г. № 40).

[3]) Ради курьеза приведу указаніе о времени ханствованія С. Мухам. Рахима изъ Календаря г. Гоппе, гдѣ говорится, что ханъ этотъ родился въ 1838 г.

Монетъ съ именемъ С.-М.-Рахима у насъ не оказывается; по крайней мѣрѣ, въ числѣ монетъ, добытыхъ въ Хивѣ во время похода 1873 года, нѣтъ ни одной съ его именемъ; а всѣ монеты его ханствованія биты въ честь отца его, Сеида-Мухаммеда, съ прибавленіемъ эпитета *мерхуми* «покойный» [1]). Самая древняя изъ нихъ, относится къ 1283 (1866) году, а самая поздняя—къ 1288 (1871) [2]). Монетъ за 1282 годъ въ упомянутомъ собраніи не имѣется.

Очень немного событій во время ханствованія Сеидъ-Мухаммедъ-Рахима намъ извѣстно. Только что сѣлъ онъ на ханство, какъ Юмуды, пользуясь перемѣной правительства, произвели возмущеніе. Но Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ разбилъ ихъ и съ тѣхъ поръ они присмирѣли. Эти Туркмены, кромѣ установленнаго зекята, обязаны, въ случаѣ войны, выставлять тысячу *аламановъ* (наѣздниковъ); но никакихъ земскихъ повинностей, которыя лежатъ на Хивинцахъ, они не несутъ. Хивинцы же даютъ имъ воду въ Газаватъ [3]).

Хива всегда обращала вниманіе нашего правительства не только съ торговой стороны (въ этомъ скоро оно разочаровалось), сколько по вопросу о невольничествѣ и по волненіямъ въ киргизскихъ степяхъ, такъ какъ Хива не только сама неоднократно производила эти волненія; но и оказывала дѣятельное участіе, когда волненіе возникало и не по ея винѣ. Такъ она постоянно поддерживала возмущав-

---

и править Хивою съ 1856 года (Календарь на 1875 г., стр. 574). Положимъ, что календари «врутъ» (это давно извѣстно); но вѣдь надо же имѣть какое-нибудь основаніе, чтобы приводить подобныя извѣстія.

[1]) Монеты эти имѣютъ слѣдующую легенду: *на лицевой*—«покойный ханъ Сеидъ-Мухаммедъ, 1283»; *на оборотной*—«битва въ обители ислама Хорезмѣ».

[2]) Въ числѣ монетъ послѣдняго года, на лицевой сторонѣ одной изъ нихъ стоитъ 1288 годъ, а на оборотной 1287-й. Это могло произойти, какъ объяснилъ еще В. В. Вельяминовъ-Зерновъ («Монеты Бух. и Хив.», стр. 415), оттого, что при чеканкѣ монетъ попался одинъ молотокъ прошлаго года. Имъ описаны подобныя же монеты (стр. 441, 444. № 90).

[3]) «Замѣтка» г. *Гуна*.

шихся противъ насъ Киргизскихъ султановъ. Бывали случаи, когда ханъ хивинскій разсылалъ въ степь своихъ эмиссаровъ, чтобы возбуждать Киргизовъ къ неповиновенію нашему начальству. Въ это ханствованіе Хива обратила на себя наше вниманіе преимущественно съ этой послѣдней стороны. Если поведеніе хивинскаго хана не могло быть терпимо тридцать лѣтъ тому назадъ и вызвало походъ, то смотрѣть на повтореніе прежнихъ поступковъ Хивинцевъ, въ виду нашихъ успѣховъ въ Средней Азіи, было бы несовмѣстно съ достоинствомъ Россіи [1]).

Въ серединѣ 60-хъ годовъ, отношенія къ намъ Сеида-Мухаммедъ-Рахима были довольно дружественныя [2]), потому что въ томъ заключалась его прямая выгода: вслѣдствіе военныхъ дѣйствій нашихъ въ Средней Азіи, вся наша торговля съ Бухарою шла черезъ Хиву, слѣдовательно увеличивала таможенный сборъ ханства. Но когда въ 1866 году, со взятіемъ Джизака, явилась возможность направить караваны въ Бухару прямою дорогою, то ханъ Хивинскій тотчасъ же сбросилъ личину дружбы. Оказывая постоянно пріютъ всѣмъ недовольнымъ Россіею Киргизамъ, онъ много вредилъ при введеніи между Киргизами Оренбургскаго Вѣдомства новаго Положенія и не мало способствовалъ волненіямъ, происходившимъ въ степи въ 1869, 70 и 71 годахъ. Его эмиссары, съ воззваніями за печатью хана и его министровъ, разъѣзжали въ Киргизскихъ степяхъ, мутили народъ и явно подстрекали къ возмущенію. Нѣсколько проѣзжихъ и торговцевъ было убито, нѣкоторые уведены въ

---

[1]) Въ ноябрѣ 1869 г. произведена была высадка въ Красноводскомъ заливѣ съ цѣлію заведенія опорнаго пункта на вост. берегу Касп. моря. Высадившійся подъ начальствомъ полковника генеральн. штаба (нынѣ генералъ-маіора) Н. Г. Столѣтова отрядъ, состоялъ изъ 1,500 человѣкъ пѣхоты и 70 казаковъ. Хива обойдена была съ третьей стороны.

[2]) Извѣстно, что эмиръ просилъ въ 1866 г. помощи у Хивинскаго хана противъ Русскихъ; но помощи этой не получилъ. «Завоеваніе Туркестана», *Львова* (Русскій Вѣстн. 1868 г. іюльск. кн. стр. 165—6).

рабство [1]). Послѣ усмиренія Киргизовъ, главные виновники укрылись въ Хивѣ, гдѣ ханъ щедро наградилъ ихъ [2]). Ко всему этому стали ходить слухи о появленіи въ Хивѣ невольниковъ изъ русскихъ [3]).

Сперва правительство наше пыталось образумить хана мирнымъ путемъ. Къ нему отправленъ былъ киргизъ Заиръ Турлубековъ, для переговоровъ объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ. Ханъ отпустилъ съ нимъ нѣсколько человѣкъ и отправилъ своего посла. Посолъ этотъ Аталыкъ Иръ-Назаръ прибылъ въ Оренбургъ 23 апрѣля 1872 г.; но ему было объявлено, что онъ не будетъ пропущенъ въ Петербургъ, пока ханъ не исполнитъ нашихъ требованій [4]). Требованія эти были, во-первыхъ: освободить всѣхъ русскихъ, находящихся въ неволѣ въ Хивѣ; во-вторыхъ: дать удовлетворительныя объясненія Туркестантскому генералъ-губернатору по полученнымъ отъ него ханомъ письмамъ [5]). Условія эти Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимомъ были отклонены.

Тогда объявленъ былъ походъ въ Хиву. Ханъ испугался и думалъ отклонить бѣду освобожденіемъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ. 22 марта въ Казалу прибыло изъ Хивы посольство съ 21 человѣк. освобожденныхъ плѣнныхъ [6]). Но это позднее разскаяніе остановить походъ уже не могло.

Войска выступили въ Хиву изъ трехъ пунктовъ: изъ Оренбурга, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Веревкина; изъ Кавказа, черезъ Красноводскъ, подъ начальствомъ ген.-шт.-полковника Маркозова, и изъ Ташкента

---

[1]) «Хивинскій походъ 1873 года, по официальнымъ источникамъ» Спб. 1873 г. стр. 6—7.

[2]) Тамъ же.

[3]) Что потомъ и подтвердилось.

[4]) «О положеніи дѣлъ въ степи» (Турк. Вѣд. 1872 г. № 22—23). Таже участь постигла и другаго посланца, думавшаго пробраться въ Петербургъ черезъ Кавказъ; но далѣе Темиръ-Ханъ-Шуры его не пустили.

[5]) «Хивин. походъ 1873 года», стр. 8.

[6]) «Биржевыя Вѣдомости» 1873 г. № 114.

(главный отрядъ) подъ начальствомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, главнокомандующаго всѣхъ трехъ отрядовъ.

Послѣ труднаго перехода войскъ по безводнымъ степямъ, такого перехода, который одинаково удивилъ и враговъ, и друзей Россіи, и еще разъ показалъ необыкновенную выносливость русскаго солдата, отряды соединились подъ Хивой, и 29 мая, послѣ непродолжительнаго сопротивленія со стороны Хивинцевъ, заняли Хиву [1]).

Что же происходило въ Хивѣ во время пребыванія тамъ русскихъ войскъ? Ханъ не дождался осады ея русскими войсками, онъ бѣжалъ изъ столицы. А когда начался штурмъ города, Хивинцы освободили средняго брата хана Ата-Джана, содержавшагося 7 мѣсяцевъ подъ арестомъ, и провозгласили его ханомъ подъ регентствомъ дяди [2]). Дядя этотъ, называемый Сеидомъ Эмиръ-эль-Омра, есть, по всей вѣроятности, никто иной какъ сынъ Мухаммедъ-Рахима, братъ покойнаго хана Сеидъ-Мухаммеда — Сеидъ-Мухмудъ. Ему было болѣе 70 лѣтъ, какъ говорятъ очевидцы [3]); но если высказанное нами предположеніе вѣрно, то Сеиду Эмиръ-эль-Омра далеко не было тогда 70 лѣтъ. Онъ былъ представителемъ мирной партіи въ Хивѣ и держалъ сторону русскихъ, за что ханъ и не любилъ его [4]). Инакомъ былъ въ это время двоюродный братъ хана, Иртазали [5]).

По водвореніи на ханствѣ Сеидъ-Мухаммедъ-Рахима, заключенъ мирный договоръ, главныя статьи котораго были слѣдующія:

Сеидъ-М.-Рахимъ-Бегадуръ-Ханъ признаетъ себя покорнымъ слугою Императора Всероссійскаго.

---

[1]) «Хивинск. походъ 1873 года»; стр. 48.
[2]) Хивин. походъ 1873 г. стр. 116.
[3]) Тамъ же; Турк. Вѣдом. 1873 г. № 28.
[4]) Недавно онъ умеръ.
[5]) Хивин. походъ 1873 г. стр. 116.

Границею между русскими землями и хивинскими считается Аму-Дарья.

Весь правый берегъ отходитъ къ Россіи.

Свободный проходъ русскимъ пароходамъ и судамъ по Аму-Дарьѣ.

Право устраивать пристани.

Всѣ города должны быть открыты для русской торговли.

Безпошлинный провозъ товаровъ нашими купцами черезъ Хивинскія владѣнія.

Прекращеніе невольничества на вѣчныя времена [1]).

Уплата (съ разсрочкою) денежной пени, 2.200,000 руб. на покрытіе издержекъ похода [2]).

А затѣмъ русскія войска, въ началѣ сентября мѣсяца, очистили Хиву.

Правый берегъ, отошедшій къ Россіи вмѣстѣ съ дельтой Аму-Дарьи, получилъ названіе Аму-Дарьинскаго округа, для управленія которымъ назначенъ былъ артиллеріи подполковникъ Ивановъ [3]). Временно построено было укрѣпленіе, названное Петро-Александровскомъ, гдѣ и былъ оставленъ отрядъ войскъ [4]). Изъ Закаспійскихъ степей образованъ Закаспійскій военный отдѣлъ, раздѣленный на 2 приставства: Мангышлакское и Красноводское.

Такимъ образомъ то, что не удалось въ 1717 году Бековичу, въ 1839-мъ—Перовскому, было достигнуто самымъ блестящимъ образомъ Константиномъ Петровичемъ фонъ-Кауфманомъ въ 1873 году, и безконечный, длившійся цѣлыя столѣтія Хивинскій вопросъ былъ, наконецъ, разрѣшенъ имъ вполнѣ. Однимъ изъ важныхъ послѣдствій успѣха нашего оружія въ Хивѣ слѣдуетъ отмѣтить уничтоженіе того, вѣками укоренившагося среди Хивинцевъ, обая-

---

[1]) 12 іюня 1873 г. совершился фактъ освобожденія изъ неволи 15 тысячъ рабовъ-персіянъ (Турк. Вѣд. 1873 г. № 26).

[2]) Туркест. Вѣдомости 1873 г. № 40.

[3]) Нынѣ генералъ-маіоръ и губернаторъ Зарафшанскаго округа.

[4]) Туркест. Вѣдом. 1873 г. № 41.

нія, по которому они считали себя недоступными для нашихъ войскъ. Обстоятельство это чрезвычайно важно; важно пототу, что оно избавитъ насъ на будущее время отъ принесенія новыхъ жертвъ.

Чего можно ожидать отъ Хивы впереди, какія имѣются у нея задатки для развитія ея благосостоянія въ будущемъ?

Отвѣтъ на эти вопросы отчасти мною уже высказанъ въ краткомъ «обозрѣніи» Абульгазіевой «Исторіи Монголовъ и Тюрковъ». Что внесли Узбеки въ занятую ими страну, мы уже видѣли: Узбеки могутъ только убивать производительныя силы страны; а потому, при прежнихъ порядкахъ, т. е. при господствѣ Узбековъ, ожидать отъ Хивы чего-либо въ будущемъ—трудно. Кунградская династія, выставившая такихъ выдававшихся изъ ряда посредственностей правителей, каковы были Ильтезеръ и Мухаммедъ-Рахимъ, ничуть не добилась улучшенія жалкаго положенія ханства, ханства бѣднаго населеніемъ [1]), ханства—гдѣ высшій классъ или живетъ паразитомъ на счетъ побѣжденныхъ, или привыкъ пользоваться трудомъ своихъ рабовъ. Нѣкогда Хива играла видную роль въ Средней Азіи; но съ тѣхъ поръ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше идетъ она къ упадку. Послѣдній ударъ нанесенъ ей освобожденіемъ рабовъ. Эта мѣра должна сильно повліять на экономическое состояніе страны. Уменьшеніе рабочихъ рукъ въ ханствѣ не даетъ возможности обработывать прежнее количество полей; а разъ оставленное поле въ Средней Азіи, не всегда можетъ быть снова возвращено культурѣ оно дѣлается до-

---

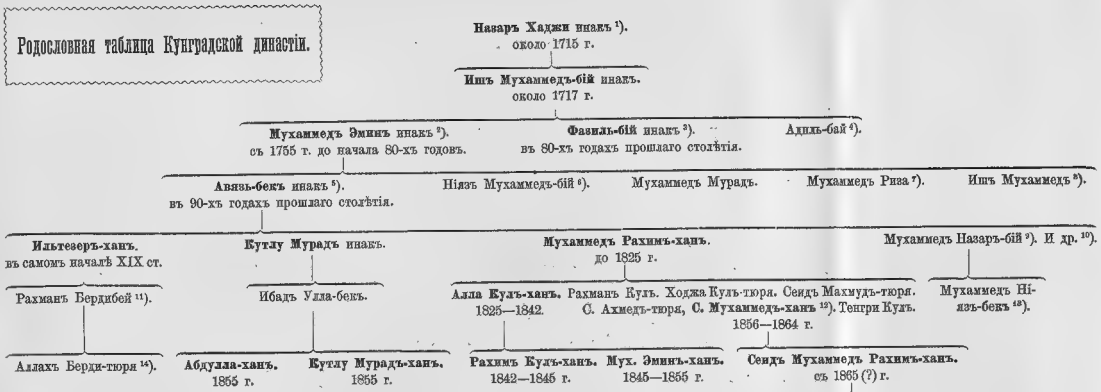
[1]) При занятіи Хивы въ ея архивахъ найдены были списки туземнаго населенія. По этимъ спискамъ осѣдлое населеніе ханства живетъ въ 60,000 домахъ; т. е. простирается до 300,000 душъ; кромѣ того оказывается 12,000 кибитокъ Киргизовъ и до 20,000 кибитокъ Каракалпаковъ, что составитъ еще до 160,000 душъ. Но населеніе ханства въ послѣднее время сильно убавилось. («Извѣстія» Геогр. Общ. 1873 г. т. IX, № 10, 379—380).

стояніемъ степей, которыя все больше и больше завоевываютъ себѣ поверхность Средней Азіи.

Мы убѣждены въ жалкой будущности Хивинскаго ханства при теперешнемъ положеніи вещей, и если оно будетъ существовать самостоятельно, то это не потому, что Англія заботится объ его неприкосновенности, а потому что таково положеніе этого ханства среди степей со всѣхъ сторонъ его окружающихъ. Степи постоянно оказали Хивинцамъ важную услугу въ дѣлѣ отстаиванія своей независимости; также усердно будутъ онѣ, надо полагать, служить имъ и на будущее время и такъ же будутъ отстаивать никому ненужное самостоятельное существованіе Хивы. Недавно хивинскій ханъ заявилъ желаніе, чтобы ханство его *окончательно* поступило въ подданство Россіи. Была ли бы намъ отъ этого какая-либо выгода, т. е. окупились ли бы—по крайней мѣрѣ впослѣдствіи—тѣ затраты, которыя должно потребовать присоединеніе къ намъ Хивы,—сказать теперь трудно; но что польза была бы отъ того для самаго, ханства—сомнѣнія быть не можетъ. Съ другой стороны не заманчиво для насъ занятіе Хивы и въ видахъ стратегіи: въ этомъ отношеніи она далеко уступаетъ Бухарѣ и даже Кашгару.

Такимъ образомъ все говоритъ противъ присоединенія Хивинскаго ханства къ нашимъ владѣніямъ; но если матеріальныя выгоды не ставить на первомъ планѣ, то въ удовлетвореніи просьбы Хивинскаго хана еще бы разъ сказалась великая роль Россіи въ Средней Азіи. Россія и въ Хиву внесла бы миръ, правосудіе, порядокъ, и страна эта оправилась бы подъ Русскимъ владычествомъ, явилось бы въ ней прежнее благосостояніе, и, кто знаетъ, не напомнилъ ли бы намъ теперешній бѣдный населеніемъ и производительностью Хивинскій оазисъ цвѣтущія времена древняго Хорезма. Но это возможно только подъ властію Россіи—conditio sine qua non.

Родословная таблица Кунградской династіи.



1) Такъ по письму Ашуръ-бека; у Базинера онъ назвалъ: Сеидъ Назаръ-бій инакъ.

2) Не могъ быть инакомъ съ 1740 г., какъ показано это на таблицѣ В. В. Вельяминова-Зернова; а достигъ этого званія позже.

3) У Муравьева пропущенъ.

4) Таблица Базинера. Должно быть: Адиль-бій, или Адиль-бекъ.

5) По Абдуль-Кериму умеръ въ 1806 году.

6) Послѣ него у Базинера стоитъ: Мухаммедъ Ніязъ-бай; у Абд. Керима они тоже приводятся оба, только названы сыновьями М. Эмина. Ясно, что А.-Керимъ перепуталъ родословіе. По Муравьеву онъ былъ сынъ не Авяза, т. к. М. Рахима Муравьевъ называетъ двоюроднымъ братомъ Ніязъ Мухаммеда.

7) У Абд. Керима: Джанъ Мурадъ-бекъ и Мух. Риза-бекъ.

8) Базинерова Таблица.

9) Муравьевъ.

10) Турри Мурадъ и Хаджи Мурадъ (по Муравьеву).

11) Таблица Базинера.

12) Сынъ М. Рахима по приведеннымъ въ текстѣ даннымъ.

13) Относительно Мухаммедъ Ніяза источники наши даютъ разныя указанія.

14) Таблица Базинера.

15) По разсказамъ плѣнныхъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
VI	34	de Goege	de-Goeje
16	13	Пезоръ	Перозъ
21	14	Хурзодомъ	Хурзадомъ
23	6	въ Хорезмѣ	въ Хорезмъ
27	9	Хоалифы	Халифы
28	31	Khwarizw	Khwarizm
29	18	Аму);	Аму):
30	35	Khwarizw	Khwarizm
32	21	Ибнъ-Досте, Масъуди; но они	Ибнъ-Досте; но они
»	31—32	Biblioheca	Bibliotheca
»	35	Узовъ	Узовъ,
37	6	ширины	величины
44	15	этого	этою
46	15	гогда	тогда
47	33	Эмини	Емини
48	23	стону	сторону
51	7	напалъ	напалъ
58	25	Мухамеда	Мухаммеда
75	21	осужденія	осужденія,
80	12—13	Кутлу (къ) Тимура	Кутлу(къ) Тимура
83	35	джагатейскаго	джагатайскаго
95	7	Масъ уди	Масъуди
96	23	на наслѣдника	наслѣдника
97	3—4	принима лъчастіе	принималъ участіе
117	28	Beieätrg	Beiträge
140	16—17	оставшихся	остававшихся
141	20	тотчасъ	тотчасъ
142	26	которые	которыя
152	12	имѣемъ	имѣетъ
»	39	Хорасонъ	сѣверный Хорасанъ
166	30	*Вѣотникъ*	*Вѣстникъ*
»	36	гстовиться	готовиться
169	10	1716 г.;	1716 г.,
173	35	запѣчатлѣлъ	запечатлѣлъ
181	14—15	Мухаммедъ-химъ	Мухаммедъ-Рахимъ

Ц 30 р.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
185	8	ва Бухару	въ Бухару
»	24	думаю;	думаю,
211	4	1755	1750
214	23	евоего	своего
221	11	киргизскіе	хивинскіе
246	31	«въ правленіе	въ правленіе
252	24	говорятъ	говоритъ
255	31	при,	при-
260	14—15	упоминается вовсе, и	упоминается, и
265	2	до селѣ	доселѣ
266	15	положенія,	положенія.
285	15	пятьсотъ лѣтъ	пять лѣтъ
287	31	щедрость	щедрость.
297	4	Хавы	Хивы
298	12	М. Рахива	М. Рахима
311	3	неудобное	неудобное,
	34	8	3.
324	26	*потлина*	*пошлина*
333	27	ханомъ	хановъ

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая